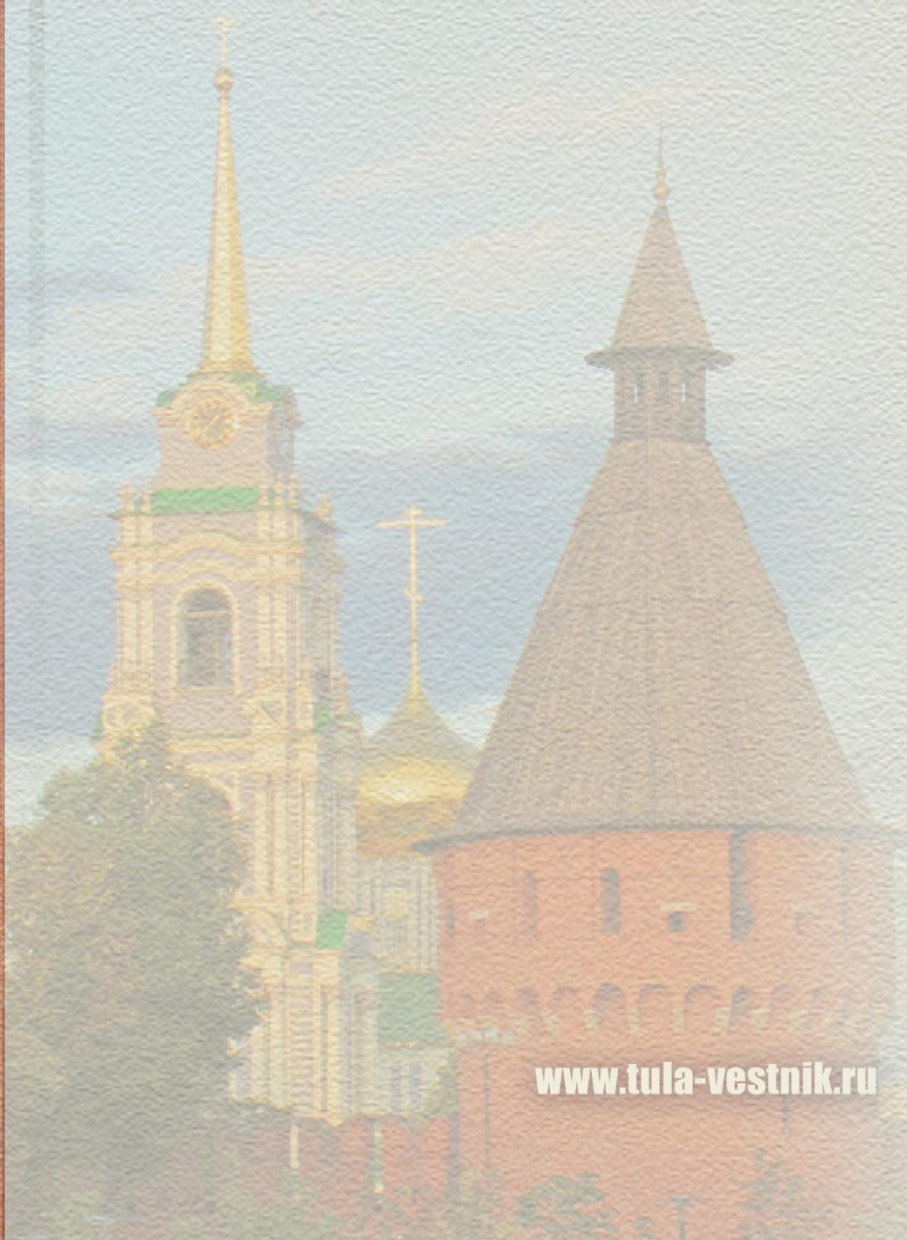
ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 3 (15)

СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Выпуск 3 (15)

Тула
2023

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сетевое издание

Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 3 (15)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-3

Дата выхода в свет: 03.11.2023 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

Заместитель главного редактора –
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано Роскомнадзором 13.11.2020 г.
Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2023
© Авторы статей, 2023

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула, проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

Издатель:
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».
Адрес издателя:
300026, Тульская область, город Тула, проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Мартынова Е. П., Токарев Г. В. От редакторов **8**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Актуальные вопросы российской истории

Евдокимов Р. Н. Казачьи формирования Стрелецкого приказа Российского царства во второй четверти XVII в.: структура, численность и применение **10**

Экономические практики в этнокультурном пространстве России

Рудь А. А. Дарообменные отношения в ритуалах жертвоприношения хантов Сургутского Приобья **31**

Новикова Н. И. Экономические практики и творчество коренных народов Сахалина: эффект уникальности **49**

Ляпкина Т. Ф., Леджинова Н. С. Экономика и культура: новый поворот в поисках национального якутского бренда **60**

Мартынова Е. П. Как выживают в северном поселке: хозяйственно-экономические практики коренных жителей Северного Приобья **70**

Лушникова О. Л. Шорцы Хакасии: хозяйственные практики и социальное самочувствие **83**

Биленко Н. А. Деловая активность предпринимателей Тульской губернии второй половины XIX в. (по данным статистического учета фискально-административной документации) **93**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. Материалы Вторых Зиминских чтений

Токарев Г. В. Тактики идентификации в «Воспоминаниях» В. И. Зимина **101**

Авдеева О. И. Многоуровневая синкретичность как основной принцип построения «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина (на примере словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями») **109**

Чумак-Жунь И. И. Дейксис как отражение наивной картины мира в лексикографическом источнике (на материале объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зимина и А. С. Спирина) **125**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ
Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 3 (15)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-3

Ничипорчик Е. В. Логика развития темы «Розум. Кемлівасць. Дурасць» в электронном словаре белорусских пословиц **135**

Огольцева Е. В. Образное производное слово как структурно-компаративный вариант устойчивого сравнения **149**

Павлова А. В. «Туда не смотри, сюда не ходи...». Синтаксические фразеологизмы-передразнивания **164**

Савенкова Л. Б. Функционал местоименной негации в русской паремике **179**

Юрина Е. А. Лексикографическое моделирование образной системы языка **195**

Языковое мастерство Л. Н. Толстого: к 195-летию со дня рождения писателя

Романов Д. А. Имена собственные (антропонимы) в рассказе Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» **206**

Старцева Н. М. О роли антитезы в повести Л. Н. Толстого «Холстомер» **215**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

TULA SCIENTIFIC BULLETIN. HISTORY. LINGUISTICS

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 3 (15)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-3

Released on November 03, 2023

Chief Editor
Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor
Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor
PhD in History
N. A. Bilenko

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.
Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration number EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2023
© Authors of articles, 2023

Address of the founder and the editorial office:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address: history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.
Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

Martynova E. P., Tokarev G. V. From the Editorial Board **8**

HISTORICAL SCIENCES

Topical Issues of Russian History

Evdokimov R. N. Cossack Formations of the Streltsy Department of the Russian Empire in the second quarter of the 17th Century: Structure, Numbers and Use **10**

Economic Practices in the Ethno-cultural Space of Russia

Rud' A. A. Gift Exchange Relations in Sacrifice Rituals of the Khanty of the Surgut Ob Region **31**

Novikova N. I. Economic Practices and Creativity of the Indigenous Peoples of Sakhalin: The Effect of Uniqueness **49**

Lyapkina T. F., Ledzhinova N. S. Economy and Culture: a New Turn in the Search for a National Yakut Brand **60**

Martynova E. P. How to Survive in a Northern Village: Economic Practices of the Indigenous In-habitants of the Northern Ob Region **70**

Lushnikova O. L. Khakass Shors: Economic Practices and Social Well-being **83**

Bilenko N. A. Business Activity of Entrepreneurs Tula Province of the second half of the XIX Century (According to Statistical Data Fiscal and Administrative Documentation) **93**

LINGUISTICS

General and Russian Phraseology: from the Past to the Future. Materials of the Second Scientific Readings in Memory of V. I. Zimin

Tokarev G. V. Identification Tactics in V. I. Zimin's "Memoirs" **101**

Avdeeva O. I. Multilevel Syncretism as the Main Principle of V. Zimin's "Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions" Construction (on the Example of the Dictionary Entry "Trees Are Supported by Roots, and a Person – by their Friends") **109**

Chumak-Zhun I. I. Deixis as a Reflection of a Naive Worldview in a Lexicographic Source (Based on the Explanatory Dictionary «The Proverbs and Sayings of the Russian People» by V. I. Zimin and A. S. Spirin) **125**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

TULA SCIENTIFIC BULLETIN. HISTORY. LINGUISTICS
Online publication
Founded in 2020

Issue 3 (15)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-3

Nichiporchik E. V. The Logic of the Development of the Theme “Mind. Quick-wittedness. Stupidi-ty” in the Electronic Dictionary of Belarusian Proverbs **135**

Ogoltseva E. V. Figurative Derived Word as a Structural-Comparative Variant of a Stable Comparison **149**

Pavlova A. V. «Don't Look There, Don't Come Here...». Syntactic Phraseologisms-Ironic Imitations **164**

Savenkova L. B. The Range of Functions of Pronominal Negation in Russian Paremics **179**

Yurina E. A. Lexicographic Modeling of the Figurative System of Language **195**

L. N. Tolstoy's Language Skills: on the 195th Anniversary of the Writer's Birth

Romanov D. A. Proper Names (Anthroponyms) in Leo Tolstoy’s Story «The Forged Coupon» **206**

Startseva N. M. The Role of the Antithesis in "Strider: The Story of a Horse" by Leo Tolstoy **215**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора
Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор
Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);
Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);
Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);
Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);
Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);
Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);
Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);
Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);
Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);
Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);
Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);
Мухаммадбегии Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);
Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);
Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);
Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);
Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);
Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);
Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);
Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);
Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);
Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);
Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);
Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);
Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor
Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor
Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);
Executive editor
Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board
Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor (Russian State University for The Humanities, Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor (Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv, Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor (Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate Professor (Herzen University, Saint Petersburg, Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor (TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest, Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History, Professor (IA RAS, Mosckow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History, Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS, Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of Pedagogical, Associate Professor (University of Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of foreign languages of Sichuan University, Sichuan, China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor (TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS, Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History (Arctic University of Norway, Tromso, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology, Associate Professor (Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia).

ОТ РЕДАКТОРОВ

Настоящий выпуск журнала особенный. Один из тематических блоков подготовлен на основе докладов участников XV Конгресса антропологов и этнологов России, который состоялся в Санкт-Петербурге 26 – 30 июня 2023 г. В рамках секции «Экономические практики в этнокультурном пространстве России и сопредельных стран» (руководители: Елена Петровна Мартынова, профессор Тульского государственного педагогического университета и Наталья Ивановна Новикова, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН) обсуждались вопросы, связанные с трансформаций традиционных хозяйственно-экономических практик народов России, этническим предпринимательством, развитием этнотуризма, взаимодействием культуры и экономики, ролью творчества в экономических практиках. Отдельная группа докладов была посвящена изучению отношений обмена, включая дарообмен в культово-ритуальной сфере, и особенностей потребления в этноконфессиональных сообществах. Большая часть докладов подготовлена на основе полевых материалов авторов.

Предлагаемая читателям подборка статей демонстрирует разнообразие тематики и подходов в исследовательском дискурсе по экономической этнологии. Е. П. Мартынова анализирует хозяйственно-экономические практики, распространившиеся после перехода к рыночной экономике и ухода государства с Севера среди обских угров. На протяжении трех десятков лет жители Северного Приобья балансируют между формальными государственными и неформальными рыночными институтами, демонстрируя адаптивность к изменяющимся условиям и способность развивать новые формы экономической активности, связанные, прежде всего, с развитием этнотуризма. В статье О. Л. Лушниковой показано значение различных видов промысловой деятельности, личного подсобного хозяйства и скотоводства в системе жизнеобеспечения шорцев Хакассии в условиях высокого уровня безработицы в регионе и деятельности золотодобывающих компаний, что негативно сказывается на социальном самочувствии этого малочисленного народа. Работа Н. И. Новиковой посвящена уникальности продовольственных ресурсов коренных народов Сахалина, позволяющих им не только готовить разнообразные рыбные блюда, но развивать на основе использования рыбьей кожи сувенирное производство и художественное творчество. Интересный аспект взаимоотношений между экономикой и культурой рассматривается в работе Т. Ф. Ляпкиной и Н. С. Леджиновой. Авторы расценивают производство национальных ювелирных украшений как народное искусство, связанное с этническими корнями, традициями, которое в современных условиях производятся в массовом ювелирном сегменте. Через креативные продукты компании претендуют на трансляцию традиционной культуры. А. А. Рудь анализирует дарообменные отношения между людьми и их духами-покровителями на примере сургутских хантов. В статье детально рассматривается циркуляция даров в ходе ритуалов жертвоприношений, что позволяет выявить коммуникативные связи между разными группами людей. Статья Н. А. Биленко посвящена анализу деловой активности предпринимателей Тульской губернии во второй половине XIX в. Автор приходит к выводу о наличии особых тактик и стратегий хозяйственного поведения провинциальных предпринимателей в различных местностях, которые не зависели от циклов экономического развития Российской империи.

Е. П. Мартынова

Этот выпуск журнала содержит статьи по материалам докладов на Пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. Вторые Зиминские чтения», которую провела кафедра общего языкознания имени И. Г. Добродомова Института филологии Московского педагогического государственного университета 20 октября 2023 года. Эта конференция посвящена памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина, известного фразеолога, долгое время проработавшего на кафедре общего языкознания МПГУ.

Статья И. И. Чумак-Жунь посвящена анализу роли местоимений как средства создания наивной картины мира в словарной статье объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зимина и А. С. Спирина. В работе О. И. Авдеевой на основе анализа словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями» освещен механизм создания в словаре В. И. Зимина наивной языковой картины мира посредством использования принципа синкретичности на разных уровнях: от сбора материала до различных аспектов его исследования. В статье Е. И. Ничипорчик «Логика развития темы «Розум. Кемлівасць. Дурасць» в электронном словаре белорусских пословиц» произведен анализ словарных статей, характеризующих освещение белорусскими пословицами заявленной темы с разных точек зрения. А. В. Павлова, кандидат филологических наук, член кафедры русистики, факультета перевода, культуры и языка Университета имени Иоганна Гутенберга (Германия, Майнц) в своей статье рассказала о структуре словарных статей двух многоязычных словарей, создаваемых в настоящее время на её кафедре, и о месте синтаксических фразеологизмов-передразниваний среди других фразеологизмов-конструктов. В своей статье Е. В. Огольцева рассмотрела особенности варьирования в системе устойчивых сравнений русского языка. Исследование Л. Б. Савенковой посвящено анализу различных ролей, выполняемых местоимениями с негативной семантикой в корпусе русских паремий. Г. В. Токарев в своей статье «Тактики идентификации в «Воспоминаниях» В. И. Зимина» освещает проблему идентификации личности на примере названного произведения В. И. Зимина, понимая под идентификацией процесс категоризации личности с какой-либо социальной группой, её характеризацию, оценивание; им проанализированы различные виды идентификации. Е. А. Юрина в своей статье «Лексикографическое моделирование образной системы языка» рассмотрела новые подходы к лексикографической презентации языковой образности.

Г. В. Токарев

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Актуальные вопросы российской истории

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 10–30.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 10–30.

Научная статья
УДК 94(47).046+047
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-10-30

КАЗАЧЬИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕЛЕЦКОГО ПРИКАЗА РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.: СТРУКТУРА, ЧИСЛЕННОСТЬ И ПРИМЕНЕНИЕ

***Роман Николаевич Евдокимов*[1, 2]**

[1] Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
[2] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, romey79@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-4648-6021

Аннотация. В статье рассматривается ведомственная специфика существования казачьих формирований под управлением Стрелецкого приказа Московского государства, охватывающий период от завершения Смутного времени до начала Тринадцатилетней войны с Речью Посполитой. Особое внимание уделяется их географическому расположению, составу, организации, служебной деятельности и динамики численности. Главной задачей здесь ставится определение причины подчинения некоторого количества служилого казачества указанному приказу. Исходя из этого отмечается, что казаки данного ведомства, приравниваясь по своему статусу к городовым стрельцам, входили в структуру стрелецкого войска и образовывали по его стандартам (командной иерархии, организационным штатам, вооружению, экономическому обеспечению и пр.) как общие со стрельцами, так и отдельные части – сотни и приборы. В то же время между стрельцами и казаками существовало определённое различие, – если первые в большинстве своём представляли пехоту и несли прежде всего осадную и городовую службу, то вторые, в основном, – конницу и исполняли, наравне с осадной, службу полковую. При этом казачьи формирования Стрелецкого приказа, составлявшие примерно пятую долю от общей массы бывших в его ведении войск, были полностью сосредоточены в южных пределах – на территории Украинных городов. Последняя включала в себя обширные открытые пространства Дикого Поля, где основным противником являлись подвижные конные отряды крымских и ногайских татар, запорожских черкас и, иногда, вольных казаков, а война носила прежде всего набеговый характер. Данные факторы требовали усилить войска Стрелецкого приказа манёвренными возможностями, что в необходимом виде могли обеспечить только казачьи формирования. Другие же типы конницы – поместная или нового строя (рейтарская и драгунская) – для этого не подходили, так как имели совершенно отличные от стрельцов по своему социально-правовому положению и обеспечению кадровый состав и систему организации.

Ключевые слова: служилые люди по прибору, служилые казаки, городовые стрельцы, Украинные города, Стрелецкий приказ, Российское царство.

Для цитирования: Евдокимов Р. Н. Казачьи формирования Стрелецкого приказа Российского царства во второй четверти XVII в.: структура, численность и применение // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 10–30. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-10-30

Сведения об авторе: *Р. Н. Евдокимов* – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

© Евдокимов Р. Н., 2023

Scientific Article
UDC 94(47).046+047
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-10-30

COSSACK FORMATIONS OF THE STRELTSY DEPARTMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND QUARTER OF THE 17TH CENTURY: STRUCTURE, NUMBERS AND USE

***Roman N. Evdokimov*[1, 2]**

[1] Plekhanov Russian University of Economics
[2] Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia, romey79@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-4648-6021

Abstract. The article deals with the departmental specifics of the existence of Cossack formations under the control of the Streltsy Department of the Moscow state, covering the period from the accession of the Time of Troubles to the beginning of the Thirteen Years' War with the Polish-Lithuanian Commonwealth. The author pays special attention to their geographical location, composition, organization, service activities and population dynamics. The main aim is to determine the reason for the subordination of a certain number of serving Cossacks to the specified order. On this basis, it is noted that the Cossacks of this order, equating in their status to municipal Streltsy, were included in the structure of the Streltsy army and formed by its standards (command hierarchy, organizational staff, armament, economic support, etc.) both common with the Streltsy and separate units – hundreds and regiments. At the same time, there was a definite difference between Streltsy and Cossacks – while the former was mostly infantry and performed primarily siege and town service, the latter were mostly cavalry and performed regimental service along with siege service. At the same time, the Cossack formations of the Streltsy Department, which constituted approximately one fifth of the total number of troops under its jurisdiction, were fully concentrated in the southern part of the territory of the Peripheral towns. The latter included vast open spaces of the Wild Field, where the main enemy were mobile mounted detachments of Crimean and Nogai Tatars, Zaporozhian Cherkas and, sometimes, free Cossacks, and the war was primarily of a raiding nature. These factors required to strengthen the troops of the Streletsky order with maneuverability, which only Cossack formations could provide in the necessary form. Other types of cavalry – estate or new types of cavalry (Reitars and Dragoons) – were not suitable for this purpose, as they had completely different from the Streltsy in their social and legal status and provision of personnel and system of organization.

Keywords: service class "by governmental recruitment", servile Cossacks, municipal streltsy, Peripheral towns, Streltsy Department, Russian Empire.

For citation: Evdokimov, RN 2023, 'Cossack Formations of the Streltsy Department of the Russian Empire in the second quarter of the 17th Century: Structure, Numbers and Use', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 10–30, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-10-30 (in Russ.)

Information about the Author: *Roman N. Evdokimov* – Associate Professor, PhD in History, Associate Professor of the Chair of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia; Associate Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia.

© Evdokimov R. N., 2023

В 1-й пол. XVII в. Стрелецкий приказ являлся одним из центральных военных учреждений Российского царства и, одновременно, главным ведомством по управлению стрелецким войском, в отношении которого он имел широкий круг как собственно военно-оперативных, так и административно-хозяйственных полномочий. В территориальном аспекте власть приказа распространялась на все войсковые формирования, расселённые в центральной и южной областях страны – в Москве, Замосковных, Украинных, вместе с Рязанскими, Заоцкими и Северскими, городах, а также, в большинстве своём, в городах Польских, Немецкой Украины и Мещерских[1]. При этом, помимо собственно стрельцов, московских и городовых, в приказном ведении находились и служилые казаки, включённые, таким образом, в состав стрелецкого войска как один из его постоянных элементов [1, т. I. с. 314, 259–260; 2, с. 67–68; 6, с. 35–37, 124–126, 218–220; 8, т. I. стб. 1062, 1063, 1065, 1110, 1111, 1113, 1114, 1118, 1119, 1120-1121, 1126, 1128, 1129, 1131, 1219, 1220, 1222, 1226, 1227, 1228, 1232, 1235–1236, 1237, 1333, 1340, 1341, 1344, 1346. т. II. стб. 64, 75; 14, с. 173–174; 17, л. 5–30, 330б–35, 36–360б; 33, с. 103; 34, с. 69–72; 35, с. 20–24; 36, с. 17–19, 21–33; 37, вып. 2. с. 143–145, 149, 152–161; 40, с. 86, 89].

Причины данного включения, как отмечается в историографии, некоторой части служилого казачества определяются необходимостью значительного усиления стрелецких гарнизонов на южных границах России, где всегда не хватало людей, но требовалось создать твёрдую оборону от постоянных набегов татар и обеспечить освоение плодородных земель Дикого Поля. Кроме того, ведомственность казаков именно в Стрелецком приказе обусловливалась желанием разграничить корпоративные интересы двух разрядов служилых людей – приборных, к коим в большинстве и относились в ту пору казаки, вместе со стрельцами, и поместных – дворян и детей боярских. Первое появление казаков в подчинении Стрелецкого приказа относится ещё к самому моменту его создания (около 1571 г.), и связано с проводившейся тогда реформой станичной и сторожевой службы, которая предполагала строительство новой оборонительной линии. Для её должного функционирования нужны были люди особого рода – неприхотливые, предприимчивые, бесстрашные, чьи качества соотносились с понятиями казачьей вольницы. Поэтому местное начальство активно принимало её представителей, мало обращая внимания на их происхождение и прошлое. Нехватки последних не наблюдалось, так как их постоянный приток поддерживался усилением крепостничества, опричниной, голодом 1601-1603 гг., а также политикой самого правительства, ссылавшего ещё при Иване Грозном в пограничье преступников, с записью их в казаки [11, с. 21–22; 14, с. 173–174; 33, с. 12, 25–26; 39, с. 12–13, 237; 40, с. 83, 89].

Особенно усилился данный процесс в эпоху Смутного времени, когда произошло разрушение единой военной организации государства, сказавшееся, разумеется, и на состоянии стрелецкого войска. Чтобы восстановить его боеспособность руководство приказа вынуждено было усилить набор новых кадров из казачьей среды. Уже в январе 1613 г. было велено вернуть обратно в Москву из провинциальных городов, отправленных туда на службу московских стрельцов, а взамен них прибрать новиков из «вольных охочих людей», умеющих стрелять из пищалей. Особым же указом дозволялось записывать в стрельцы и показачившихся служилых. В 1615–1616 гг. значительное пополнение казачьими элементами стрелецкое войско получило в лице бывших участников восстания атамана Баловня. В итоге практика «оказачивания» городовых стрелецких формирований распространилась на территории, весьма далёкие от Дикого Поля, – вплоть до Севера, что породило множество прецедентов и сохраняло напряжённость во внутренних областях страны [32, с. 41; 39, с. 112, 119–120, 145–146, 241; 40, с. 128, 132].

Между тем в южном пограничье, разорённом и опустевшем, стрелецкие гарнизоны, являвшиеся основой обороны городов, были настолько ослаблены, что ситуация могла обернуться не только возобновлением татарских набегов вплоть до Москвы, но и потерей Россией территории всей Польской Украины. Поэтому восстановление там стрелецкого войска стало одной из главных задач царской администрации по завершению Смуты. Проводилось оно несколькими путями. Первым из них являлся перевод служилых контингентов из городов, отошедших к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию, вторым – привлечение местного населения, включавшее в себя также сыск беглых служилых и тяглых людей. Третьим путём стало создание новых групп служилых казаков, образовывавшихся из рядов вольного казачества, в том числе и из того, видимо, его слоя, который был ранее взят в стрельцы. Наконец, в 1623 г. было проведено реформирование станичной и сторожевой службы, имевшее целью выровнять и уплотнить пограничную линию и послужившее ключевым фактором для перестройки и преобразования российских военных сил на юге [8, т. I. стб. 941–978; 12, с. 66–67; 16, с. 103; 37, вып. 2. с. 48, 143–144, 149; 39, с. 96–98, 143, 205, 237–239][2].

Таким образом к сер. 1620-х гг. в целом сложились общие принципы и стандарты организации и структуры казачьих формирований в системе Стрелецкого приказа. Теперь все они были расположены южнее среднего течения Оки, – там, где проходила Большая засечная черта, и за ней – непосредственно в районе самого Дикого Поля, а также на Северщине – юго-западном выступе, вдоль польско-литовской границы [36, вып. 2. с. 143–145, 150–160]. Там казаки имели постоянное расселение в 28 городах, к которым относились: Украинные – Белёв, Болхов, Дедилов, Карачев, Крапивна, Кромы (в 1626–1628 и с 1631 гг.), Новосиль и Чернь; Рязанские – Венёва, Гремячий, Данков (с 1629 г.), Лебедянь, Михайлов, Печерники (кроме 1633–1635 гг.), Пронск, Ряжский, Сапожок и Шацкий; Северские – Путивль, Рыльск и Севск; и Польские – Белгород, Валуйка, Воронеж, Елец, Курск, Ливны и Оскол. Вдобавок к тому ещё в трёх городах казаки размещались в отдельные периоды: в Украинных – Мценске (до 1627 г.) и Епифани (до 1628 и в 1636–1638 гг.), а также в единственном из Заоцких – Мосальске (в 1625–1627, 1629–1631 и 1636 гг.) (см. таб. 1).

В дальнейшем, после Смоленской войны, происходит значительное количественное и качественное изменение географической конфигурации казачьих формирований Стрелецкого приказа. Связано это было с тем, что в 1635–1653 гг. в южном пограничье проводилась крупномасштабная военная реформа, приведшая к созданию Белгородской засечной черты. Она имела своей целью окончательно нивелировать фактор татарских набегов, являвшихся одной из существенных причин, мешавших России в геополитическом противостоянии с Речью Посполитой. В ходе реформы было возведено и перестроено множество городов и острогов, а также возобновлён древний город Орёл (1636), разорённый в Смутное время, что потребовало передвижения туда значительного числа населения, в том числе служилого люда [2, с. 94; 3, с. 97–98; 4, с. 70–74, 85–113, 121–130, 132–138; 12, с. 220–222, 293–305].

Поначалу возведённые на Польской Украине города, получившие общее наименование «новоустроенные», ведались полностью в Разряде. Только в 1643 г. оттуда в Стрелецкий приказ были переданы 10 городов – Яблонов, Чугуев, Усерд, Хотмыжский, Вольный, Козлов, Ефремов, Лосицкий, Короча и Чернавский. Однако, на 1651 г. в пяти последних ведомства Стрелецкого приказа уже не обнаруживается, а к оставшимся добавляются другие три города – Поплевин, Талецкий и Ольшанский, т. е. всего – восемь [14, с. 175; 31, л. 1211об–1212, 1221–1223; 35. 17–19, 21–23][3]. В итоге, на 1651 г. Стрелецкий приказ ведал казачьими корпорациями, поселёнными в 36 городах, из которых 29 относились к «старым» городам, упомянутым ранее, с прибавлением восстановленного Орла, и 7 – к «новоустроенным». При этом, в преобладающем

большинстве «новоустроенных» городов (всего их на 1651 г. было построено 23) Разряд по-прежнему сохранял полное управление, в том числе и формированиями стрелецкого войска (см. таб. 1).

Общее количество казаков в подчинении Стрелецкого приказа достигало: в 1625 г. – чуть менее 4,4 тыс. чел., в 1629 г. – около 4,5 тыс. чел., в 1632 г. – около 4,8 тыс. чел., в 1635 гг. – свыше 4,3 тыс. чел., в 1638 г. – более 5,3 тыс. чел., и в 1651 г. – чуть выше 7,3 тыс. чел. Это составляло от 45,3 % в 1625 г. до практически 51 % в 1651 г. от всего числа войск (общего числа казаков и стрельцов) данного приказа, дислоцировавшихся в Украинных городах (см. таб. 2)[4].

По роду оружия казаки Стрелецкого приказа в абсолютном большинстве представляли собой конницу, и лишь их небольшая часть – пехоту. При этом их соотношение постепенно менялось в пользу первой. Так, в 1625 г. конные казаки занимали чуть более 88 % всего приказного казачьего состава, а пешие – 11,5 %, то в 1651 г. – уже 100 и 0 % или 99,3 и 0,7 %, соответственно (см. таб. 2)[5]. В частности, в 1625–1627 гг., казачья конница размещалась в 23 названных выше городах постоянного поселения казаков приказа, вместе со Мценском, кроме Гремячего, Карачева, Кром, Печерников, Сапожка и Шацкого, в 1628 г., после вывода казаков из Мценска, – в 22-х, в 1629–1636 гг. – в 27-ми, без Карачева, в 1638 г., с добавлением Епифани, – в 28-ми. Размер конных казачьих формирований в рассматриваемое время колебался от 50 до почти 450 чел., а наиболее крупные располагались, за некоторыми исключениями, к югу от Большой засечной черты и по Северскому пограничью: Ельце (от 458 до 326 чел.), Курске (от 295 до 180 чел.), Воронеже (от 289 до 354 чел.), Ливнах (от 284 до 373 чел.), Валуйке (от 255 до 206 чел.), Михайлове (с 307 до 330 чел.), Путивле (от 180 до 253 чел.), Ряжском (от 227 до 354 чел.), Лебедяни (от 178 до 220 чел.), Рыльске (173 чел.), Новосиле (от 169 до 207 чел.) и др. При этом в 1633–1635 гг. в некоторых конных частях наблюдался значительный спад численности личного состава, связанный, по-видимому, с происходившей тогда Смоленской войной, оттянувшей на себя значительное количество сил с южной границы [1, т. I. с. 361, 376; 2, с. 120–121; 8, т. II. стб. 666]. В 1636–1638 гг. происходил процесс перевода основных сил конницы ближе к району будущей Белгородской черты, работы над которой требовали усиления там военного присутствия для пресечения мешавших этому татарских набегов. Что касается казачьей пехоты, то она в 1625–1628 гг., подразделениями от 24 до 161 чел., размещалась в семи городах, расположенных прежде всего в районе самой Большой засечной черты – Гремячем, Епифани, Карачеве, Кромах (с 1626 г.), Печерниках, Сапожке и Шацком, а также, в 1625–1627 гг., не более одного-двух человек, в Мосальске. В 1625 г. ещё 11 пеших казаков обнаруживаются в Севске, хотя они, скорее всего, относились к коннице, по какой-то причине временно не имея лошадей, тем более что на следующий год эти же казаки числятся уже в конном строю. В дальнейшем, казачья пехота сохранялась постоянно только в Карачеве, насчитывая в 1638 г. 200 чел. В остальных гарнизонах она существовала только иногда: в 1629–1631 гг. – в Мосальске, и, возможно, в 1632 г. – в Ельце. В 1636 гг. на короткий период происходит увеличение казачьего пешего строя, – его довольно объёмные формирования появляются в Ельце (180 чел.) и, в том числе, в Курске (158 чел.), а также, небольшие группы, буквально на пару лет, в Епифани и Кромах. Тем не менее, к 1651 г. казаки Стрелецкого приказа полностью или практически полностью представляли собой конницу, количество которой, как и в целом количество приказного казачьего состава, заметно увеличилось. Наравне с мелкими она теперь включала в себя довольно много крупных частей от 200 до 600 чел. и, была выдвинута дальше на юг по сравнению с прошлым, охватывая, в большинстве своём, Польские, вместе с «новоустроенными», города: Воронеж (605 чел.), Поплевин (511 чел.), Ряжский (339 чел.), Хотмыжский (328 чел.), Сапожок (323 чел.), Михайлов (319 чел.), Лебедянь (286 чел.), Яблонов (281 чел.), Усерд (277 чел.), Вольный

(228 чел.), Валуйка (225 чел.), Новосиль (219 чел.) и т. д. Единственное казачье пешее подразделение возможно сохранялось в Ельце (58 чел.) (см. таб. 1)[6].

У стрельцов Стрелецкого приказа, поселённых в Украинных городах, наоборот, основу образовывала пехота, а доля конницы к 1650 м гг. резко упала, – если в 1625 г. конные стрельцы занимали почти 13 % от всей их численности, а пешие – 87 %, то в 1651 г. – почти 98,6 и, соответственно, чуть более 1,4 % (см. таб. 2). Так, в 1625–1628 гг. стрелецкая конница располагалась в пяти городах – Валуйке, Дедило-ве, Епифани, Крапивне и Михайлове. В дальнейшем же она остаётся только в двух – Валуйке и Епифани, за исключением 1635–1636 гг., когда конные стрельцы фиксируются ещё в Курске и Осколе (см. таб. 1). В остальных городах полностью господствовала стрелецкая пехота, причём это касалось в том числе и стрельцов, временно присылаемых в рассматриваемую область из других частей страны – прежде всего Москвы и, иногда, из Замосковных и Новгородских городов. Таким образом в изменении числа казачьей пехоты и стрелецкой конницы чётко прослеживается прямая зависимость и, одновременно, их количественное уменьшение: в 1625 г. пешие ка-заки составляли около 10 % от всей массы пехотного строя Стрелецкого приказа в Украинных городах, а в 1651 г. – лишь чуть более 0,8 %; конные же стрельцы – в 1625 г. – 14,8 % от всей массы строя конного, а в 1651 г. – чуть более 1,3 % (см. таб. 2) [2, с. 122, 150–151; 6, с. 111–112; 7, с. 96; 9, с. 89–90; 11, с. 88, 89, 91–93, 143, 148, 234; 14, с. 174; 15, с. 89–92, 94, 96–97, 99, 101–103, 105–111; 18, л. 1080б–109; 20, л. 4580б, 4620б; 22, л. 211–212; 23, л. 80–104, 2110б–212; 24, л. 7–17, 170б, 38а.об, 390б–1260б., 128; 30, л. 120б, 38, 410б–43, 58–66, 76, 91–1170б, 134–1340б, 137–1370б, 141, 1500б–166; 33, л. 1760б, 205–2360б; 34, с. 53, 59–72, 84–85; 35, с. 18–25; 36, с. 9–24; 40, с. 84, 98][7].

Приведённая динамика явственно говорит о постепенном формировании специализированного разделения в Стрелецком приказе между стрельцами и казаками на пехоту и конницу, связанную со стандартизацией подготовки и обеспечения данных разрядов служилых людей. Такое разделение было связано с особенностями главной опасности в южном пограничье – татарских набегов. Татары имели своей первейшей целью захват добычи – имущества и пленных, но не территории. Поэтому, для её наилучшего достижения, они всегда стремились произвести быстрые и неожиданные передвижения, позволявшие внезапно напасть и избежать, по возможности, избегая столкновения с сильным противником. В то же время татары, имея значительный численный перевес или прикрывая свой отход с богатой добычей, могли вступать в бой. Иными словами, основной задачей казаков, как лёгкой конницы, было выследить и догнать противника за пределами городских укреплений, на открытой местности, а стрельцов, как пехоты, – обеспечить оборону самих городов и, при необходимости, оказать огневую поддержку своей коннице в противостоянии с крупными татарскими силами [2, с. 122–123].

Данный вывод подтверждает также и то, что на передовой линии городов казаки, как правило, расселялись совместно со стрельцами, создавая тем самым, в рамках единого стрелецкого войска, необходимое сочетание пешего и конного строя. Исключения, бывшие во множестве в 1620-е гг. и сохранявшиеся до 1650-х гг. происходили, видимо, от невозможности полностью сформировать указанные стандарты по причине ограниченности ресурсов в условиях Смутного времени и его последствий. Те же случаи, которые относились к некоторым небольшим городам, – Сапожку и «новоустроенному» Поплевину, где были только казаки, или, например, Одоеву, «новоустроенному» Ольшанскому и т. д., где были лишь стрельцы, можно связать с близостью их географического расположения с другими городами, что делало их единой гарнизонной системой и возможностью совместного оперирования. Большие же города, такие как Калуга, Тула, Переславль-Рязанский, Брянск, где Стрелецкий приказ держал только пехоту, восполняли это наличием в своих гарнизонах

крупных конных сил прежде всего Разрядного приказа, в том числе полковых соединений Украинного разряда.

Высшее централизованное управление стрелецким войском в Украинных городах Стрелецкий приказ делил с Разрядом. При этом, первый из них, о чём уже говорилось выше, занимался решением военно-оперативных и административно-хозяйственных вопросов, а второй – задачами и действиями в русле общей военно-стратегической политики государства. Такая административная «раздвоенность» часто вызывала на местах противоречия между представителями этих разных ведомств в лице голов – глав стрелецких гарнизонов и городовых воевод, связанные с проблемой подчинённости одних другим. Ещё усложняло ситуацию отсутствие горизонтального взаимодействия в рамках одного приказа, так как каждый город напрямую подчинялся Москве, получая оттуда указания и распоряжения [2, с. 48, 60, 67–69, 79, 87, 89, 139; 14, с. 174–175; 16, с. 48; 17, л. 33–33об].

Кроме городовой управленческой структуры, существовала ещё и территориально-полковая, представленная группировкой российского полевого войска на южном направлении – Украинным разрядом. Формально он состоял из двух разрядов: главного – Тульского, с центром, соответственно, в Туле; и подчинённого – Рязанского, с центром в Переславле-Рязанском; с 1638 г. данного разделения уже не прослеживалось. Разрядные полки до нач. 1640-х гг. располагались в пределах Большой засечной черты, а с 1643–1645 гг., отметившихся большими татарскими набегами, стали выдвигались в район Польских городов, к строившейся Белгородской черте. В 1646 г. разряд начал туда общее передвижение своих сил, сохраняя в то же время в действии и «старые» полки, превратившиеся теперь в стратегический тыл в южном пограничье. Наконец, в 1658 г. будет образован новый – Белгородский – разряд, с центром в Белгороде [1, т. I. с. 199–202, 212–214, 318. т. II. с. 29, 128, 190; 2, с. 93–96; 3, с. 95–98, 101, 102, 104, 106; 4, с. 8–9, 69, 73–74; 5, с. 393, 394, 413–417, 430, 465–466, 493, 500, 530, 544; 6, с. 23–26, 50–51, 69–78, 110–115, 123, 127, 156, 157, 160, 163, 190–200, 206–210, 214, 216, 251, 263, 264, 326, 327–329, 332, 412, 444, 456; 7, с. 49; 12, с. 102–103, 150–160, 312, 315–323, 325, 326, 331–342, 348–357, 371–372; 15, с. 22–23, 35, 47–48, 59–60; 40, с. 170].

В военно-организационном отношении казаки Стрелецкого приказа были устроены по стандартам стрелецкого войска, т. е. относились к так называемому русскому строю. Его высшими тактическо-управленческими единицами являлись приказы, которые в среднем насчитывали по 200–300 чел. В то же время некоторые из них едва ли превышали сотню людей, а другие, – наоборот, состояли из 500 чел. и более. Большинство приказов среднего размера и все крупные делились на сотни (около 100 чел.), которые могли быть также самостоятельными единицами, не включёнными в приказную структуру. Сотни, а также небольшие по численности приказы подразделялись на полусотни, а те – на десятки, – примерно по 50 и 10 чел. соответственно. Таким образом, полностью укомплектованная сотня состояла из двух полусотен, а полусотня – из пяти десятков.

Во главе приказов и сотен стояли головы и сотники, назначавшиеся правительством из дворян и детей боярских, которые в свою очередь назначали из стрельцов и казаков старших над полусотнями и десятками – пятидесятников и десятников. Последние имели функции не столько военно-командные, сколько административные, служа проводником решений власти и контроля за их исполнением. Кроме того, головы определяли приставов, также из казаков и стрельцов, выполнявших полицейские и охранные функции в местах их поселения. Казаки могли образовывать свои приказы, но, как правило, соединялись в них со стрельцами; в отношении сотен такое соединение было редкое. При этом характер приказного или сотенного состава отображался на названии чина его командира – головы или сотника, – при смешанном он

получал приставку «стрелецкий и казачий», при единообразном – именовался только казачьим или, в свою очередь, только стрелецким. На уровне полусотен и десятков казаки и стрельцы имели всегда раздельный состав [1, т. I. с. 185, 189, 198, 304, 380, 505, 506. т. II. с. 213, 215, 306; 2, с. 43, 52, 58–62, 88–89, 104–105; 5, с. 417, 421, 527; 6, с. 12, 14, 15, 21, 22, 26, 27-28, 30, 31, 46, 56, 73, 76, 78, 79, 114; 7, с. 50–52, 79, 93–95, 99, 111, 123–124, 134, 172–173; 8, т. I, стб. 649, 734, 882, 885, 893, 915, 989, 1012, 1048, 1062, 1179, 180–181, 1087, 1216. т. II. стб. 207, 345, 681; 9, с. 87, 89–90; 10, с. 84; 11, с. 82, 84, 141, 148, 154, 287, 288, 302, 305; 13, с. 14–15; 15, с. 81–82, 87–111; 17, л. 33–330б; 18, л. 1080б; 19. л. 115–1300б, 1470б; 21, л. 23–330б; 22, л. 10б, 41–46, 47–62, 650б–66, 680б–69, 109–110, 157–1570б, 1590б, 1620б–1630б, 185–190, 191–1910б; 23, л. 790б–104; 24, л. 7–18, 20–230б, 25–260б, 310б–320б, 40–142, 1510б–1580б, 1650б–2050б; 25, л. 20б, 58–680б; 26, л. 2690б–2800б, 295–296, 308; 27, л. 1, 8, 10–100б; 28, л. 79–790б, 122, 1220б, 124, 125; 30, л. 120б, 58–66, 760б, 91–1170б; 31, л. 11490б, 1189–1195, 1199, 1221–1223, 13530б, 14570б–14670б, 15010б, 15320б; 32, л. 1330б, 148, 149, 1570б; 33, л. 166, 1840б, 205–23600б; 34, с. 52, 63, 69–71; 35, с. 20–24; 36, с. 21–23; 39, с. 13; 40, с. 88, 128–129, 132].

По социально-правовому положению казаки Стрелецкого приказа, относясь, к служилым людям по прибору, занимали среднее положение между помещиками, с одной стороны, и тяглым людом, – с другой. Во всех официальных списках они всегда ставились после стрельцов, т. е. формально считались в самом стрелецком войске вторым разрядом. В то же время юридически казаки и стрельцы Украинных городов были равны, что, в частности, в 1649 г. было зафиксировано установлением одинакового размера их выкупа из плена, – 25 руб. за человека [10, с. 78; 33, с. 43; 34, с. 57, 69–72, 82–85; 35, с. 18–24; 36, с. 8–19, 21–24; 37, вып. 1. с. 23; 38, с. 25, 28, 34, 37, 42, 48, 132, 174, 393; 39, с. 13, 16–17; 40, с. 129–130].

Казачьи формирования стандартно приписывались к тому городу, где они были поселены и получали его имя. Однако, в рассматриваемое время существовали отдельные группы, сохранявшие за собой особые наименования. Первый вид из них составляли выходцы из Северских городов, переданных Речи Посполитой по Деулинскому перемирию, чьи служилые корпорации правительство стремилось сохранять на новых местах, оставляя их старую приписку. К таковым относились казаки новгородские (Новгородка-Северского) и стародубские (Стародуба-Северского). Первые из них (125 чел.) были устроены в Севске, к которому, наконец, были приписаны в 1636 г., став называться севскими. Стародубские казаки, в одном приказе со стрельцами (200–300 чел.), упоминаются с 1628 по 1636 гг. в числе гарнизона Карачева, а в 1635–1638 гг., как конные (от 15 до 22 чел.), – также и Севска. К 1651 г. термин «стародубские казаки» уже не фигурирует, что говорит о смене ими своей приписки [1, т. I. с. 313; 5, с. 392; 6, 28, 33; 8, т. II. стб. 180, 277, 343, 675, 731, 809, 916; 15, с. 92, 106; 34, с. 70; 35, с. 21, 22; 36, с. 9–19, 21–23; 37, вып. 2. с. 143].

Второй вид был связан с традицией особо выделять казачьи общины, имевшие какие-то особенности в отношении своего географического или социального происхождения. В первую очередь к ним относились белёвские бобриковские казаки, составлявшие всю казачью корпорацию Белёва. Их название было связано с Бобриковской засекой, располагавшейся в 20 верстах от города, наименованной так, в свою очередь, от притока Оки Бобрика [1, т. I. с. 165. т. II. с. 65, 85, 86, 91, 117; 6, с. 30, 31, 112; 8, т. I. стб. 157, 189, 247, 261, 400, 537, 915, 989, 1012, 1046, 1062, 1063, 1087, 1169, 1178–1179, 1201, 1202, 1216, 1268, 1289, 1318, 1329. т. II. стб. 4, 22, 51, 119, 151–152, 165, 177, 249, 273, 339, 467, 639, 671, 760, 802, 898; 15, с. 89; 17, л. 1290б, 1550б; 20, л. 453, 4620б, 4660б, 476, 5070б; 34, с. 70; 35, с. 22]. Другую часть составляли волжские казаки из Белгорода, которые входили в так называемую группу «беломестных, жилых и волжских казаков». Поселены волжцы в данном городе были ещё в царствование Бориса

Годунова, а своё происхождение вели, соответственно, от казачьей вольницы с Волги [11, с. 68; 8, т. I. стб. 1132. т. II. стб. 907; 15, с. 97; 39, с. 15]. Также к «именным» можно причислить задонских казаков Ельца, периодически упоминавшихся в ведомстве Стрелецкого приказа, – например, в 1632 и 1638 гг., а к 1651 г. – Разряда. Назывались они так, видимо, по некой местности, расположенной к востоку от города, за рекой Дон [8, т. I. стб. 659; 15, с. 103; 28, л. 42–43об, 118, 124–124об, 127об; 34, с. 70, 35, с. 16]. Также в 1638 г. упоминаются в стрелецком гарнизоне Ельца четверо донских казаков [15, с. 103][8].

По социально-служебному типу большинство казаков в Стрелецком приказе составляли полковые. Они относились к коннице и, соответственно, служили прежде всего полковую службу, т. е. службу за пределами своих городов, в том числе в системе полевого войска (разрядных полков). В то же время некоторая их часть могла служить пешими в силу отсутствия, по каким-либо причинам, лошадей. Находились полковые казаки практически во всех городах, бывших в приказном ведении (Воронеж, Белгород, Сапожок, Валуйка, Елец, Ливны, Вольный, Лебедянь и т. д.); их численность постоянно увеличивалась и на 1651 г. составляла, приблизительно, до 90 % всего приказного казачьего состава [1, т. I. с. 245, 262, 380, 388, 417, 617, 619, 632, 640. т. II. с. 112, 128, 135, 193, 194, 213, 215, 223, 306, 314; 2, с. 71, 80, 101, 152; 6, с. 288; 5, с. 409, 488, 554; 6, с. 21, 44, 46, 64, 79, 86, 146, 288; 8, т. I. стб. 92, 121, 187, 273, 398, 483, 534, 650, 659, 881, 882, 1129, 1235-1236, 1344. т. II. стб. 75, 334, 663, 666, 676, 677, 680, 727, 794, 797, 805, 806, 807, 891, 905, 908, 912, 913, 914; 11, с. 82–83, 88, 158, 214, 262, 287; 13, с. 15; 14, с. 173, 174; 15, с. 82, 90–91, 95–96, 99, 101–103, 105, 107, 109; 18, л. 1, 95–102, 108об, 109, 110, 115об, 126, 126об, 127об, 135; 19, л. 61, 122, 133, 147об, 148об, 152об, 153об; 21, л. 16, 23–32, 42, 44об–48об; 22, л. 144об, 296; 24, л. 44, 45, 46об, 47об; 25. л. 1; 26, л. 297, 297об; 28, л. 17–23, 24–24об, 31об–32, 33–38, 80–80об, 104, 105–108, 117, 117об, 119об, 124, 126, 127–127об, 128об; 29, л. 100, 142–149; 30, л. 12об, 24об–28, 34, 38, 41об–44об, 52, 60–65, 69об, 76, 101–111, 112–117об, 134, 137, 141, 157–166; 31, л. 1299–1310; 32, л. 116, 133об, 148об; 33, л. 205–217об; 36, с. 23; 39, с. 14, 233][9]. Особо среди всех полковых казаков выделялись белёвские бобриковские, так как по своему служебному положению и задачам они, по сути, были приравнены к детям боярским и поместным атаманам и казакам, входя в число поместной конницы [1, т. I. с. 200, 213, 262; 3, с. 99, 101, 103, 105; 7, с. 93; 8, т. I. стб. 893, 915, 981, 989, 1012, 1046, 1062, 1063, 1087, 1169, 1178–1179, 1201–1202, 1268, 1289, 1318. т. II. стб. 4, 22, 51, 119, 151–152, 639, 760].

Другая часть казаков Стрелецкого приказа несла только городовую и осадную службу, заключавшуюся в охране и обороне своих городов и уездов. Их формирования не имели какого-то обобщающего названия, а определялись просто по роду оружия как казаки пешие, т. е. к данной категории относилась вся казачья пехота. Кроме того, видимо, в неё входило и некоторое число конных казаков [1, т. I. с. 318; 5, с. 392, 458–459, 480; 6, с. 12–15, 22, 27, 33; 8, т. I. стб. 1110, 1111, 1113, 1118, 1120, 1127, 1219, 1220, 1222, 1225, 1226–1227, 1332–1333, 1334, 1339, 1340. т II. стб. 63–65, 69, 71, 176, 178, 272, 274, 340, 338, 671–672, 723–724, 803, 900, 901, 902, 908; 15, с. 92, 99; 34, с. 70; 35, с. 21].

Небольшую корпорацию в Стрелецком приказе составляли беломестные казаки, т. е. имевшие освобождение своих дворов и земель от посадского и крестьянского тягла – «обелении». В приказном ведении они находились только в трёх городах: Белгороде – беломестные, жилые и волжские, Ельце – беломестные, а также задонские (в 1632 г.) и донские (в 1638 г.), и Воронеже, где упоминаются в 1630-е гг. Представляли они собой как пехоту, бывшую только в Ельце, так и конницу. Общим числом беломестные казаки насчитывали вряд ли более 200 чел. Исключением здесь являлись 1636–1638 гг., когда количество их несколько возросло, прежде всего в елецком стрелецком гарнизоне, что было связано с необходимостью усиления пограничных сил в связи с начатой военной реформой в южном порубежье. В конце концов

количество беломестных казаков в подчинении Стрелецкого приказа постепенно сокращалось, и на 1651 г. они фиксируются лишь в Ельце (58 чел.). В целом положение этой казачьей группы было наследием казачьей вольницы, атрибуты которой она сохраняла, будучи включённой в систему стрелецкого войска. Наиболее характерным из них было наличие некоего подобия станичной структуры во главе с атаманами, выполнявшими, по сути, функции пятидесятников [2, с. 101, 133; 8, т. II. стб. 345, 733; 11, с. 74, 77–80, 163–165; 15, с. 97, 103, 105; 28, л. 42–43об, 118, 124–124об, 127об; 29, л. 1, 142–150об; 31, л. 141об; 32, л. 133об; 34, с. 70; 36, с. 23; 39, с. 16, 95, 238; 40, с. 129-130][10].

Кроме того, в 1640 г. в «новоустроенном» Хотмыжском упоминается довольно необычная группа – «выезжие черкасы хотмышские новоприборные казаки», бывшие в конной службе. Как следует из её названия, она состояла из черкасов, переселившихся с территории Речи Посполитой и записавшихся в казачью службу. Кстати, это предположительно говорит о том, что черкасы, которых постоянно в историографии именуют украинскими (малороссийскими) казаками не были тождественны в понимании российской социально-правовой системы того времени собственно казакам. Так или иначе, просуществовали ли «казаки-черкасы» до передачи Хотмыжского под управление Стрелецкого приказа, неясно, но учитывая небольшую разницу между 1640 и 1643 гг., когда данная передача состоялась, вполне можно предположить, что рассматриваемая группа сохранялась в городе. В это же время в один приказ со стрельцами гарнизона Кром входили «переезжие черкасы», которые, видимо, также служили казачью службу [6, с. 262, 11, с. 129; 22, с. 153об–154, 155, 162об–163об, 164–164об, 190об–191, 192об, 211–212][11].

Многие казаки Стрелецкого приказа, как и стрельцы, независимо от их служебного типа, именовались жилыми или жилецкими. Это означало, что их обязанностью обязанностью было поселиться «на вечное житьё», т. е. постоянно жить в конкретном городе по указанию правительства. До 1640-х гг. наиболее крупная подобная группа объединяла всех казаков приказа в Путивле. Кроме того, жилецкие казаки упоминаются во многих других городах – Дедилове, Крапивне, Мценске, Михайлове, Пронске, Белгороде, Осколе и пр. В «новоустроенных» городах жилецкими являлись вообще все служилые люди. По роду оружия, видимо, все они относились к коннице [1, т. I. с. 163, 179, 194; 5, с. 394, 395; 6, с. 146; 8, т. I. 1342. т. II. стб. 73, 180, 809, 917; 11, с. 75–76, 141, 148, 149, 268, 270; 15, с. 97, 108; 22. л. 1; 24, л. 10, 11, 11об, 12, 13, 13об, 49, 51, 53об, 55, 105об, 107об, 108об; 31, л. 140бо6–1410].

Таким образом, во 2-й четв. XVII в. та часть казачества, которая была включена в ведение Стрелецкого приказа, смогла не только дать необходимые ему людские ресурсы, для обороны южных рубежей в условиях преодоления последствий Смутного времени, но и полноценно войти в состав стрелецкого войска, став его основной конной силой. Этим определялось расположение казачьих формирований именно на территории Украинных городов, где степной ландшафт и постоянная опасность татарских набегов требовали присутствия лёгкой конницы, способной обеспечить необходимую манёвренность на поле боя и прикрыть стрелецкую пехоту.

Таблица 1

Войска Стрелецкого приказа в Украинных городах во 2-й четверти XVII века[1]

ГОРОДА	1625 – 1628 гг.	1629 – 1631 гг.	1632 – 1633 гг.	1635 – 1636 гг.	1638 г.	1651 г.
Алексин	27 стр. пеш.	Сотник 30-34 стр. пеш.	Сотник 34-33 стр. пеш.	Сотник 33 стр. пеш.	Сотник 33 стр. пеш.	Сотник 86 стр. пеш
Белгород	Голова сотника стр. пеш. каз. кон.[2]	Голова 2-1 сотник 200 стр. пеш. 80-83 каз. кон.	Голова 1-2 сотника 200 стр. пеш. 83-80 каз. кон.	Голова 2-3 сотника 200-190 стр. пеш. 80-169 каз. кон.[3]	Голова 3 сотника 194 стр. пеш. 181 каз. кон.[4]	Голова 2 сотника 152 стр. пеш. 162 каз. кон.
Белёв	Голова Сотник 76 стр. пеш. 132 каз. кон.	Голова Сотник 100 стр. пеш. 132 каз. кон.	Голова Сотник 100 стр. пеш. 132 каз. кон.	Голова 100 стр. пеш. 132 каз. кон.	Голова 100 стр. пеш. 140 каз. кон.	Голова 44 стр. пеш. 170 каз. кон.
Болхов	Голова 25 стр. пеш. 78 каз. кон.	Голова 24-27 стр. пеш. 78-70 каз. кон.	Голова 24 стр. пеш. 70 каз. кон.	Голова 24-13 стр. пеш. 70-58 каз. кон.	Голова 23 стр. пеш. 53 каз. кон.	Голова 26 стр. пеш. 83 каз. кон.
Брянск	2 головы 445-500 стр. пеш.	2 головы 500 стр. пеш.	2 головы 500 стр. пеш.	2 головы 500 стр. пеш.	2 головы 490 стр. пеш.	2 головы 6 сотников 600 стр. пеш.

[1] Всего Стрелецкий приказ имел в своём управлении 43 «старых» Украинных города, а в 1651 г. – ещё 8 новоустроенных городов, а таже Орёл, который формально не относился к новоустроенным городам, но после разорения в период Смуты был восстановлен только в 1636 г. Кроме того, смета 1632 г. включает в список данных городов, помимо прочего ещё и Мещовск. Однако, разрядные книги этого не подтверждают. Причиной данной ошибки является явно то обстоятельство, что в данном городе размещался постоянный стрелецкий гарнизон, но его состав происходил из соседних городов, направлявших туда посменно людей. Подобное же правило действовало с 1633 г. и в отношении Серпейска. Украинные города, где помимо названных, войска Стрелецкого приказа поселены не были: Боровск, Воротынск, Медынь, Оболенск, Серпухов, Солова, Таруса и Ярославец Малый. Новоустроенные города, городки и остроги, существовавшие на 1651 г., где Стрелецкий приказ не имел в своём подчинении поселённых войск: Бельский, Бобрик, Болховой, Валки, Верхососенский, Доброе, Ефремов, Карпов, Козлов, Коротояк, Короча, Костенский, Недрыгайлов, Обоянск, Олешня, Орлов, Сокольский, Танбов, Урывский, Усмань, Челновской, Чернавский и Царёв-Алексеев.
Через дефис показана динамика численности состава разных групп служилых людей в многолетние периоды. Знак «<», используемый в этой и следующей таблицах, означает, что точное количество стрельцов и казаков Стрелецкого приказа по рассмотренным источникам определить невозможно, так как либо они указаны общим числом друг с другом, либо вместе с пушкарями и затынщиками, т. е. их количество было меньше данного числа.
[2] В число казаков входили 6 атаманов.
[3] В 1636 г. в число казаков входило несколько атаманов.
[4] В число казаков входило несколько атаманов.

Таблица 1 (продолжение)

Валуйка	Голова стр. пеш. стр. кон. 255 каз. кон.	Голова 70 стр. пеш. 151-132 стр. кон. 219-223 каз. кон.	Голова 70-48 стр. пеш. 132-94 стр. кон. 223-200 каз. кон.	Голова 48-70 стр. пеш. 94-133 стр. кон. 200-223 каз. кон.	Голова 46 стр. пеш. 114 стр. кон. 206 каз. кон.	Голова 31 стр. пеш. 59 стр. кон. 225 каз. кон.
Венёва	47 стр. пеш. 88 каз. кон.	Голова 50 стр. пеш. 91 каз. кон.	Голова 50 стр. пеш. 91 каз. кон.	Голова 50 стр. пеш. 91 каз. кон.	36 стр. пеш. 83 каз. кон.	Голова 42 стр. пеш. 109 каз. кон.
Вольный	*****					Сотник 191 стр. пеш. 228 каз. кон.
Воронеж	Голова сотника стр. пеш. каз. кон.	Голова сотников стр. пеш. каз. кон.	Голова сотника стр. пеш. каз. кон.[5]	Голова 2-3 сотника 192-200 стр. пеш. 316-310 каз. кон.	Голова 3 сотника 200 стр. пеш. 354 каз. кон.	Голова 3 сотника 305 стр. пеш. 605 каз. кон.
Гремячий	50 стр. пеш. 89 каз. пеш.	Сотник 50 стр. пеш. 100 каз. кон.	Сотник 50 стр. пеш. 100 каз. кон.	50-98 стр. пеш. 100 каз. кон.	93 стр. пеш. 99 каз. кон.	Голова 80 стр. пеш. 109 каз. кон.
Данков	Голова Сотник 120 стр. пеш.	Голова Сотник 56-50 стр. пеш. 70 каз. кон.	Голова Сотник 50-56 стр. пеш. 70 каз. кон.	Голова 100 стр. пеш. 143 каз. кон.	100 стр. пеш. 158 каз. кон.	Голова 62 стр. пеш. 189 каз. кон.
Дедилов	Голова 2 сотника 47-40 стр. пеш. 100 стр. кон. 125-150 каз. кон.	Голова 3-2 сотника 140-148 стр. пеш. 132 каз. кон.	Голова 2 сотника 148 стр. пеш. 80 каз. кон.	Голова Сотник 148 стр. пеш. 80 каз. кон.	Голова 2 сотника 144 стр. пеш. 100 каз. кон.	Голова 2 сотника 124 стр. пеш. 130 каз. кон.
Елец	головы сотников стр. пеш. каз. кон.	3 головы 7 сотников 200 стр. пеш. 391 каз. кон.	2 головы 7-3 сотника 200-186 стр. пеш. 320-186 каз. кон. 130-0 каз. – ?[6]	2 головы 3-4 сотника 186-200 стр. пеш. 0-180 каз. пеш. 186-311 каз. кон.[7]	187 стр. пеш. 184 каз. пеш. 326 каз. кон.[8]	Голова 4 сотника 114 стр. пеш. 338 каз. кон. 58 каз. – ?[9]

[5] В 1633 г. в числе казаков упоминаются атаманы.
[6] В 1632 г. принадлежность 130 казаков к пехоте или коннице обнаруженные источники не раскрывают. Из них 80 казаков (2 атамана и 78 рядовых) относились к беломестным, а 50 – к задонским.
[7] В 1636 г. все пешие и 40 конных казаков относились к беломестным.
[8] 180 пеших и 40 конных казаков относились к беломестным, в том числе – задонским, казакам (среди них упоминаются атаманы и есаулы), а 4 пеших – к донским.
[9] Принадлежность 58 казаков (атамана и 57 рядовых) к пехоте или коннице обнаруженные источники не раскрывают. Эти казаки относились к беломестным.

Таблица 1 (продолжение)

Епифань	65 стр. пеш. 23 стр. кон. 24 каз. пеш.	Сотник 0-70 стр. пеш. 95-30 стр. кон.	Сотник 70 стр. пеш. 30 стр. кон.	70 стр. пеш. 30-34 стр. кон. 0-47 каз. пеш.	70 стр. пеш. 37 стр. кон. 50 каз. кон.	Сотник 64 стр. пеш. 42 стр. кон.
Зарайский	Сотник 78 стр. пеш.	Сотник 76-75 стр. пеш.	Сотник 76 стр. пеш.	Сотник 76 стр. пеш.	Сотник 73 стр. пеш.	Сотник 80 стр. пеш.
Калуга	Голова ? сотников 466-500 стр. пеш.	Голова 5 сотников 500 стр. пеш.	Голова 5 сотников 500 стр. пеш.	Голова 5-3 сотника 500-300 стр. пеш.	Голова 3 сотника 300 стр. пеш.	Голова 2 сотника 300 стр. пеш.
Карачев	стр. пеш. каз. пеш. стр. и каз. пеш.[10]	Голова 45 стр. пеш. 200 стр. и каз. пеш.[11]	Голова 50-100 стр. пеш. 200-300 стр. и каз. пеш.	Голова 100 стр. пеш. 300 стр. и каз. пеш.	Голова 200 стр. пеш. 200 каз. пеш.[12]	Голова 2 сотника 100 стр. пеш. 100 каз. кон.
Кашира	Сотник 80 стр. пеш.	Сотник 80 стр. пеш.	Сотник 80 стр. пеш.	Сотник 80 стр. пеш.	Сотник 80 стр. пеш.	Сотник 79 стр. пеш.
Козельск	100 стр. пеш.	Сотник 100 стр. пеш.	Сотник – Голова 100-180 стр. пеш.[13]	Голова 0 – Сотник 180-188 стр. пеш.	Сотник 100 стр. пеш.	Сотник 94 стр. пеш.
Коломна	Сотник 50 стр. пеш.	Сотник – 0 50 стр. пеш.	Сотник 50 стр. пеш.	Сотник 50 стр. пеш.	50 стр. пеш.	Сотник 50 стр. пеш.
Крапивна	Голова Сотник 29-28 стр. пеш. 100 стр. кон. 70 каз. кон.	Голова Сотник 137 стр. пеш. 100-90 каз. кон.	Голова Сотник 137-140 стр. пеш. 90-100 каз. кон.	Голова Сотник 140 стр. пеш. 100-90 каз. кон.	Голова Сотник 140 стр. пеш. 90 каз. кон.	Голова Сотник 81 стр. пеш. 86 каз. кон.
Кромы	0-21 стр. пеш. 0-24 каз. пеш.[14]	0 – Голова 60-50 стр. пеш. 0-60 каз. кон.	Голова 50 стр. пеш. 60 каз. кон.	Голова 50-94 стр. пеш. 0-11 каз. пеш. 60-65 каз. кон.	65 стр. пеш. 95 каз. кон.	59 стр. пеш. 95 каз. кон.

[10] В 1625–1627 гг. стрельцы и казаки указываются отдельно, а в 1628 г. – вместе; тогда их общее число было 217 чел.
[11] В 1629 г. казаки, явно ошибочно, не упоминаются.
[12] В самом Карачеве казаки указываются как пешие, но на службе в Усерде в 1637 г. часть их имела конный строй.
[13] Общее число стрельцов решено было увеличить до 300 чел.
[14] Кромы после разорения в период Смуты были восстановлены в 1626 г.

Таблица 1 (продолжение)

Курск	2 головы 2 сотника 200 стр. пеш. 295-299 каз. кон.	2 головы 2 сотника 200 стр. пеш. 300 каз. кон.[15]	2 головы 1-2 сотника 200 стр. пеш. 300 каз. кон.	2-1 голова 2-3 сотника 200-101 стр. пеш. 0-86 стр. кон. 0-158 каз. пеш. 300-101 каз. кон.	Голова 3 сотника 180 стр. пеш. 111 каз. пеш. 180 каз. кон.	Голова 3 сотника 156 стр. пеш. 191 каз. кон.
Лебедянь	Голова стр. пеш. каз. кон.	Голова 102 стр. пеш. 182-220 каз. кон.	Голова Сотник 102 стр. пеш. 220 каз. кон.	Голова 102 стр. пеш. 220 каз. кон.	Голова Сотник 102 стр. пеш. 220 каз. кон.	Голова 2 сотника 158 стр. пеш. 286 каз. кон.
Ливны	Голова Сотник – 0 66 стр. пеш. 284 каз. кон.	Голова Сотник 84 стр. пеш. 291-311 каз. кон.	Голова Сотник 88-65 стр. пеш. 320-165 каз. кон.[16]	0 - Голова 0 - Сотник 65-100 стр. пеш. 165-300 каз. кон.	Голова 2 сотника 92 стр. пеш. 373 каз. кон.	Голова Сотник 54 стр. пеш. 153 каз. кон.
Лихвин	34 стр. пеш.	0 – Сотник 40 стр. пеш.	Сотник 40 стр. пеш.	Сотник 40 стр. пеш.	Сотник 39 стр. пеш.	-----[17]
Михайлов	2 – Голова 6 сотников 302 стр. кон. 307-237 каз. кон.	2 головы 3 сотника 302 стр. пеш. 307 каз. кон.	2 головы 6 сотников 302-309 стр. пеш. 307-300 каз. кон.	2 головы 6-4 сотника 309-300 стр. пеш. 307-330 каз. кон.	2 головы 7 сотников 300 стр. пеш. 330 каз. кон.	Голова 3 сотника 172 стр. пеш. 319 каз. кон.
Мосальск	Голова стр. пеш. 5<-0 стр. и каз. пеш.[18]	17-30 стр. и каз. пеш.[19]	40-38 стр. пеш.[20]	0 – Сотник 38-50 стр. пеш. 0-52 каз. пеш.[21]	30 стр. пеш.	30 стр. пеш.
Мценск	Голова стр. пеш. 50-0 каз. кон.[22]	Голова 232-235 стр. пеш.	Голова 272 стр. пеш.	Голова 272-170 стр. пеш.	Голова 170 стр. пеш.	Голова Сотник 176 стр. пеш.

[15] В 1629 г. в разрядной книге число стрельцов указано в 280 чел., что явно ошибочно.
[16] В 1633 г. казаки, возможно ошибочно, не упоминаются.
[17] В городе войск, бывших в ведении Стрелецкого приказа, не было.
[18] В 1625-1627 гг. общее число стрельцов и казаков было менее 5 чел., – они являлись новоприборными и считались вместе с новоприборными же пушкарями.
[19] Общее число стрельцов решено было увеличить до 50 чел.
[20] Общее число стрельцов решено было увеличить до 50 чел.
[21] В 1635 г. стрельцы по ошибке называются московскими.
[22] В 1625–1627 гг. часть стрельцов (40 чел.) считалась вместе с пушкарями и затынщиками.

Таблица 1 (продолжение)

Новосиль	Голова Сотник стр. пеш. каз. кон.	Голова Сотник 40-50 стр. пеш. 176-150 каз. кон.	Голова Сотник 50 стр. пеш. 200 каз. кон.	Голова 50-46 стр. пеш. 200 каз. кон.	Голова 46 стр. пеш. 207 каз. кон.	Голова Сотник 45 стр. пеш. 219 каз. кон.
Одоев	98 стр. пеш.	Сотник 100 стр. пеш.	Сотник 100 стр. пеш.	Сотник 98-100 стр. пеш.	Сотник 100 стр. пеш.	Сотник 100 стр. пеш.
Ольшанский	*****					100 стр. пеш
Орёл[23]					Голова 200 стр. пеш.	Голова 125 стр. пеш. 82 каз. кон
Оскол	Голова стр. пеш. каз. кон.	1-2 головы 100 стр. пеш. 100 каз. кон.	Голова 100-95 стр. пеш. 100-113 каз. кон.[24]	Голова 95-0 стр. пеш. 0-100 стр. кон. 113-115 каз. кон.[25]	93 стр. пеш. 115 каз. кон.	Голова 50 стр. пеш. 73 каз. кон.
Перемышль	40 стр. пеш.	Сотник 40 стр. пеш.	Сотник 40 стр. пеш.	Сотник 40 стр. пеш.	40 стр. пеш.	Сотник 40 стр. пеш.
Переславль-Рязанский	Голова 2 сотника 200 стр. пеш.	Голова 2 сотника 200 стр. пеш.	Голова 2 сотника 200 стр. пеш.	Голова 2 сотника 200 стр. пеш.	Голова 2 сотника 200 стр. пеш.	Сотник 200 стр. пеш.
Печерники	85 стр. пеш. 50 каз. пеш.	86 стр. пеш. 51 каз. кон.	86 стр. пеш. 51-0 каз. кон.	86 стр. пеш. 0-51 каз. кон.	86 стр. пеш. 51 каз. кон.	Сотник 75 стр. пеш. 45 каз. кон.
Поплевин	*****					Голова 511 каз. кон.
Пронск	Голова 70-76 стр. пеш. 111-110 каз. кон.	Голова Сотник 82 стр. пеш. 127 каз. кон.	Голова Сотник 82 стр. пеш. 127 каз. кон.	Голова Сотник 82 стр. пеш. 127 каз. кон.	Голова Сотник 78 стр. пеш. 150 каз. кон.	Голова Сотник 95 стр. пеш. 221 каз. кон.
Путивль	головы стр. пеш. каз. кон.	головы стр. пеш. каз. кон.[26]	2 головы 300 стр. пеш. 300 каз. кон.[27]	2 головы 300 стр. пеш. 229 каз. кон.	192 стр. пеш. 253 каз. кон.	2 головы 427 стр. пеш. 175 каз. кон.

[23] Орёл формально не относился к новоустроенным городам, но после разорения в период Смуты он был восстановлен в 1636 г.
[24] В 1632 г., согласно сметному списку, стрельцов числилось 200 чел., а казаков – 85 чел.
[25] В 1636 г. указание на конность стрельцов, возможно, является ошибкой.
[26] Общее число казаков решено было увеличить до 300 чел.
[27] В 1632 г. число казаков указывается в 300 чел., а в 1633 г. – в 233 чел., причём упоминается об их доборе до 300 чел., что является, видимо, ошибкой.

Таблица 1 (продолжение)

Рыльск	Голова стр. пеш. каз. кон.	Голова 100 стр. пеш. 173 каз. кон.	Голова 100 стр. пеш. 173 каз. кон.	Голова 100 стр. пеш. 173 каз. кон.	Голова 100 стр. пеш. 171 каз. кон.[28]	Голова 147 стр. пеш. 198 каз. кон.
Ряжский	Голова 3 сотника 50 стр. пеш. 227 каз. кон.	Голова 3 сотника 50 стр. пеш. 235 каз. кон.	Голова 3-2 сотника 50 стр. пеш. 270-254 каз. кон.	Голова 2 сотника 50 стр. пеш. 254 каз. кон.	Голова 2 сотника 50 стр. пеш. 354 каз. кон.	Голова 3 сотника 40 стр. пеш. 339 каз. кон.
Сапожок	161 каз. пеш.	171-122 каз. кон.	173 каз. кон.	173 каз. кон.	160 каз. кон.	Голова 323 каз. кон.
Севск	Голова 200 стр. пеш. 14-0 каз. пеш. 111-125 каз. кон.	Голова 200 стр. пеш. 125 каз. кон.	Голова 250 стр. пеш. 125 каз. кон.	Голова 2 сотника 320-344 стр. пеш. 140-147 каз. кон.	Голова 4 сотника 344 стр. пеш. 147 каз. кон.	Голова 4 сотника 263 стр. пеш. 125 каз. кон.
Талецкий	*****					2 сотника 29 стр. пеш. 139 каз. кон
Тула	Голова 0 – 3 сотника 243-250 стр. пеш.	Голова 2-3 сотника 243 стр. пеш.	Голова 3 сотника 243-250 стр. пеш.	Голова 3 сотника 243-230 стр. пеш.	Голова 3 сотника 225 стр. пеш.	Голова 3 сотника 266 стр. пеш.
Усерд	*****					Голова 277 стр. пеш. 277 каз. кон.
Хотмыжский	*****					264 стр. пеш. 328 каз. кон.
Чернь	Голова стр. пеш. каз. кон.	Голова 60-50 стр. пеш. 210 каз. кон.	Голова 60 стр. пеш. 217 каз. кон.	Голова 60-55 стр. пеш. 217-244 каз. кон.	Голова 54 стр. пеш. 152 каз. кон.	Голова 39 стр. пеш. 167 каз. кон.
Чугуев	*****					Сотник 272 стр. пеш. 163 каз. кон.
Шацкий	Голова 30 стр. пеш. 75 каз. пеш.	Голова Сотник 30 стр. пеш. 75-70 каз. кон.	Голова Сотник 30 стр. пеш. 70 каз. кон.	Голова – 0 Сотник 30-29 стр. пеш. 70-73 каз. кон.	30 стр. пеш. 75 каз. кон.	Сотник 31 стр. пеш. 75 каз. кон.
Яблонов	*****					2 головы 10 сотников 550 стр. пеш. 281 каз. кон.

[28] В 1638 г. в общем числе со стрельцами (100 чел.) упоминаются, явно ошибочно, и казаки.

Таблица 2

Общее число стрельцов и казаков Стрелецкого приказа в Украинных городах во 2-й четверти XVII века

ГОДЫ	Стрельцы		Казаки	
1625	5232+45<	Пешие – 4556+45<	4368+5<	Пешие – 503+5<
		Конные – 676		Конные – 3865
1629	5487+217<	Пешие – 5241+217<	4459+217<	Пешие – 217<
		Конные – 246		Конные – 4459
1632	5618+200<	Пешие – 5456+200<	4712+200<	Пешие – 200<+*130 (?)*
		Конные – 162		Конные – 4582+*130 (?)*[29]
1635	5781+300<	Пешие – 5657+300<	4246+300<	Пешие – 300<
		Конные – 124		Конные – 4246
1638	5626	Пешие – 5475	5368	Пешие – 495
		Конные – 151		Конные – 4873
1651	7046	Пешие – 6945	7319	Пешие – 0+*58 (?)*
		Конные – 101		Конные – 7261+*58 (?)*[30]

(Таблицы 1 и 2 составлены по: [1, т. I. с. 262, 314, 318; 2, с. 101–102, 108–109; 4, с. 27, 141; 5, с. 385, 389, 391, 392, 394–395, 402–403, 405, 407, 409, 413–417, 458–459, 480, 487–488, 556, 573; 6, с. 11, 12–15, 21, 22, 23–26, 27–28, 29–31, 33, 34–35, 44–45, 46, 50–51, 53, 56, 64–65, 68, 69, 70–79, 80, 99, 110–112, 113–115, 131, 132–133, 146–148, 184, 191–200, 206–210, 217, 262, 285, 287, 288, 290, 356, 385, 427, 430; 8, т. I. стб. 1059–1064, 1109–1121, 1123–1134, 1168–1169, 1170–1171, 1173–1181, 1215–1216, 1218–1229, 1231–1239, 1266–1273, 1282–1293, 1329–1330, 1332–1337, 1338–1347. т II. стб. 2–8, 16–25, 59–61, 63–67, 68–78, 102–109, 111–123, 168–174, 175–183, 212–224, 267–270, 271–280, 306–315, 334–337, 338–346, 637–641, 662–668, 669–680, 691–695, 721–728, 729–735, 753–754, 757–762, 794, 795–810, 817, 833–834, 836–848, 890–891, 895–917; 15, с. 81–82, 87–111; 34, с. 69–72; 35, с. 20–24; 36, с. 17–19, 21–23; 37, вып. 2. с. 143–145, 149, 152–161]).

Примечания

1. Территориально стрельцами, помимо Стрелецкого приказа, в рассматриваемый период также ведали Новгородская и Устюжская чети, Казанский дворец, выделившийся из него в 1637 г. Сибирский приказ и, с 1635 г., Разряд.
2. П. П. Смирнов предполагает, что в Стрелецкий приказ казаки были переведены из приказа Казачьего, что частично, в отношении некоторых казачьих групп, может быть правдой. М. Ю. Романов утверждает, что во 2-й пол. 1610-х гг. у Стрелецкого приказа были изъяты полномочия по управлению «городовыми казаками», но это совершенно не соответствует действительности.
3. К 1651 г. Ефремов, Козлов, Короча и Чернавский опять оказываются в подчинении Разряда, а Лосицкий не упоминается вовсе. В последнем служили кромские стрельцы и казаки.
4. Определить численность казаков Стрелецкого приказа порой довольно непросто, так как в тех же городах, где они располагались, как правило существовали ещё и казаки, находившиеся в ведомственном подчинении ещё двух приказов – Разрядного и Казачьего.
5. Вариативность соотношения между казачьей конницей и пехотой связана с тем, что обнаруженные документы не позволяют достаточно точно определить принадлежность в отношении рода оружия части казаков Стрелецкого приказа.
6. Часть казаков стрелецкого гарнизона Ельца, согласно обнаруженным документам, нельзя определённо отнести к пехоте или коннице.
7. В. И. Горбачёв ошибочно утверждает, что среди Украинных городов лишь в Епифани имелось единственное подразделение конных стрельцов (37 чел.), составлявшее 1,5 % от общего числа всех украинных стрелецких формирований.
8. Возможно, указанные донские казаки включались в состав казаков задонских.

[29] Принадлежность 130 казаков к пехоте или коннице не определена.
[30] Принадлежность 58 казаков к пехоте или коннице не определена.

9. В. И. Горбачёв путает полковых казаков с городовыми. Т. А. Пучина не говорит прямо, но, видимо, считает, как это понимается по её тексту, что все казаки Стрелецкого приказа относились только к полковым. Она определяет их численность и количество городов, где они были поселены: в 1629 г. – в 4011 чел. и 28 городов; в 1631 г. – в 4493 чел. и 26 городов; в 1651 г. – в 6717 чел. и 33 города. Однако, это слабо коррелируется с данными, приведёнными в таблицах 1 и 2.
10. А. Л. Станиславский утверждает, что Стрелецкий приказ, а также Разряд, управляли «старыми» казаками, а бывшими вольными – Казачий и Челобитный приказы. В этом он, видимо, в определённой степени прав, но, как видно, были и исключения.
11. Такое предположение обосновывается тем, что в числе данного приказа казаки не упоминаются, но, при этом, чин его командира звучал как «стрелецкий и казачий голова». Помимо прочего, о чём-то подобном говорит и И. Н. Миклашевский, ссылаясь на документы за 1650 г., рассказывающих об ольшанских черкасах, «которые служат конную казачью службу».

Список источников и литературы

1. *Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук.* СПб.: Тип. Имп. акад. наук. Т. 1. 1890. [2], XLIV, 767 с. ; Т. 2. 1894. [2] XLV, 773 с.
2. *Горбачёв В. И.* Стрелецкое войско рязанских и украинных городов России 30–40-х гг. XVII в. : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Горбачёв Валентин Игоревич. Рязань, 2012. 184 с.
3. *Евдокимов Р. Н.* Служба казаков в полках Украинного разряда Российского царства в 1613–1645 гг.: от восстановления разрядной полковой организации до её передвижения к Белгородской черте // Тульский кремль и южные рубежи России : материалы Всероссийской науч. конф. М.: ИРИ РАН, 2020. С. 95–108.
4. *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежскогоуниверситета, 1969. 304 с.
5. *Записные книги Московского стола* // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 9. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1884. С. 383–576.
6. *Записные книги Московского стола 1636-1663 гг.* // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 10. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1886. [4], IV, 587 с.
7. *Казачество Тульского края*. М.: Витязь, 2010. 223 с.
8. *Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.* СПб.: Тип. II отдел. собств. Е. И. В. канц. Т. 1. 1853, XV с., 1380 стб., [3] с.; Т. 2. 1855. IX с., 1398 стб., [1] с.
9. *Марголин С. Л.* Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного исторического музея. Серия: Труды Гос. ист. музея. Вып. 20. М.: ГИМ, 1948. С. 85–102.
10. *Марголин С. Л.* К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Ученые записки Московского областного педагогического института. Труды кафедры истории СССР. М.: МОПИ, 1953. Т. 27, вып. 2. С. 63–95.
11. *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М.: Тип. Д. И. Иноземцева, 1894. Ч. 1. 310 с.
12. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
13. *Пучина Т. А.* Система чинопроизводства «начальных людей» служилых казаков в городах Белгородского разряда в XVII веке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 14–20.
14. *Пучина Т. А.* Эволюция системы управления городскими служилыми корпорациями казаков «приборной службы» XVII века в Московском государстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (70). С. 173–177.
15. *Разрядная книга 1637–38 года*. М.: Ин-т ист. СССР АН СССР, 1983. 188 с.
16. *Романов М. Ю.* Стрельцы московские. М.: ГПИБР, 2004. 352 с.

17. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6а. Записные книги Московского стола. Д. 8. 190 л.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 г (Книги Севского стола). Д. 2. 153 л.
19. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 г. Д. 4. 158 л.
20. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 г. Д. 11. 545 л.
21. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д (Книги Белгородского стола). Д. 2. 162 л.
22. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 4. 331 л.
23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 7. 128 л.
24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 8. 211 л.
25. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 14. 90 л.
26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 15. 391 л.
27. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 16. 272 л.
28. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 18. 129 л.
29. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 42. 180 л.
30. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 52. 313 л.
31. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 54. Ч. 2. 820 л.
32. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 64. 527 л.
33. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 68. 248 л.
34. *Смета военных сил Московского государства на 1632 год: («Сметной список 140-го году»)* // Военно-исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. № 9-10. С. 49–85.
35. *«Сметный список 139 году»* // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М.: Университетская тип., 1849. III. Смесь. С. 18–51.
36. *«Сметный список» военных сил России 1651 г.* // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М.: Ин-т ист. СССР АН СССР, 1989. С. 8–33.
37. *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 1. Киев: Тип. А. И. Гроссман, 1917. [4], 144 с.; Вып. 2. Киев: Тип. Ун-та Св. Владимира, 1919. [2], 357 с.
38. *Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии.* Л.: Наука, 1987. 448 с.
39. *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 272 с.
40. *Чернов А. В.* Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I. М.: Военное изд-во М-ва обороны СССР, 1954. 223 с.

References

1. *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoy akademiyey nauk* (Acts of the Moscow State issued by the Imperial Academy of Sciences) 1890, 1894, vol. 1, vol. 2, Tip. Imp. akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Gorbachov, VI 2012, Streletskoye voysko ryazanskikh i ukrainnykh gorodov Rossii 30–40 kh gg. XVII v. (Streletsky army of Ryazan and Ukrainian cities of Russia in the 30s and 40s of the 17th century), PhD thesis, Ryazan. (In Russ.)
3. Evdokimov, RN 2020, 'Sluzhba kazakov v polkakh Ukrainnogo razryada Rossiyskogo tsarstva v 1613 1645 gg.: ot vosstanovleniya razryadnoy polkovoy organizatsii do yeyo peredvizheniya k Belgorodskoy cherte' (Service of Cossacks in the regiments of the Ukrainian category of the Russian Empire in 1613-1645: from the restoration of the discharge regimental organization to its movement to the Belgorod line), *Tul'skiy kreml' i yuzhnyye rubezhi Rossii*, IRI RAN publ, Moscow, pp. 95–108. (In Russ.)
4. Zagorovskiy, VP 1969, *Belgorodskaya cherta* (Belgorod line), Izd vo Voronezhskogo universiteta publ, Voronezh. (In Russ.)
5. 'Zapisnyye knigi Moskovskogo stola' (Notebooks of the Moscow Table), 1884, *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiyey* (Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission), vol. 9, Tip. M-va vnutr. del, publ, St. Petersburg, pp. 383–576. (In Russ.)

6. 'Zapisnyye knigi Moskovskogo stola 1636–1663 gg.' (Notebooks of the Moscow Table of 1636–1663) 1886, *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiyey* (Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission), vol. 10, Tip. M-va vnutr. del, publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Kazachestvo Tul'skogo kraya (Cossacks of the Tula region), 2010, Vityaz publ, Moscow. (In Russ.)
8. Knigi razryadnyye, po ofitsial'nym onykh spiskam, izdannyye s Vysochayshego soizvoleniya II otdeleniyem Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. (Razriady (books), according to official lists thereof, published with the Highest permission of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery) 1853, 1855, vol. 1,2, Tip. II otdel. sobstv. Ye. I. V. kants. publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Margolin, SL 1948, 'Vooruzheniye streletskogo voyska' (Armament of the Streletsky army), *Voyenno-istoricheskiy sbornik Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Seriya: Trudy Gos. ist. muzeya* (Military-historical collection of the State Historical Museum. Proceedings of the State Historical Museum), no. 20, GIM publ, Moscow, pp. 85–102. (In Russ.)
10. Margolin, SL 1953, 'K voprosu ob organizatsii i sotsial'nom sostave streletskogo voyska v XVII v.' (On the question of the organization and social composition of the Streletsky army in the 17th century), *Trudy kafedry istorii SSSR* (Proceedings of the Department of History of the USSR), no. 2, MOPI publ, Moscow, pp. 63–95. (In Russ.)
11. Miklashevskiy, IN 1894, *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* (On the history of the economic life of the Moscow State), part 1, Tip. D. I. Inozemtseva publ, Moscow. (In Russ.)
12. Novosel'skiy, AA 1948, *Borba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* (The struggle of the Moscow State with the Tatars in the first half of the 17th century), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
13. Puchina, TA 2015, 'Sistema chinoproizvodstva «nachal'nykh lyudey» sluzhilykh kazakov v gorodakh Belgorodskogo razryada v XVII veke' (The system of promotion in rank of "chief people" of serving Cossacks in the cities of the Belgorod category in the 17th century), *Vestnik of the Orenburg State University*, no 3 (178), pp. 14–20. (In Russ.)
14. Puchina, TA 2016, 'Evolyutsiya sistemy upravleniya gorodskimi sluzhilymi korporatsiyami kazakov «pribornoy sluzhby» XVII veka v Moskovskom gosudarstve' (Evolution of the management system of city service corporations of the Cossacks of the "public recruitment service" of the 17th century in the Moscow State), *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no 8 (70), pp. 173–177. (In Russ.)
15. *Razryadnaya kniga 1637–38 goda* (Razriady (book) of 1637–38) 1983, In-t ist. SSSR AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
16. Romanov, MYu, 2004, *Streltsy moskovskiye* (The streltsy of Moscow), GPIBR publ, Moscow. (In Russ.)
17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) (*Russian State Archives of Ancient Documents). Fund 210. Razryadnyy prikaz, inventory 6a, Zapisnyye knigi Moskovskogo stola, file 8, sheet 190. (In Russ.)
18. *RGADA*, fund 210, inventory 6g, Knigi Sevskogo stola, file 2, sheet 153. (In Russ.)
19. *RGADA*, fund 210, inventory 6g, file 4, sheet 158. (In Russ.)
20. *RGADA*, fund 210, inventory 6g, file 11, sheet 545. (In Russ.)
21. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, Knigi Belgorodskogo stola, file 2, sheet 162. (In Russ.)
22. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 4, sheet 331. (In Russ.)
23. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 7, sheet 128. (In Russ.)
24. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 8, sheet 211. (In Russ.)
25. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 14, sheet 90. (In Russ.)
26. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 15, sheet 391. (In Russ.)
27. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 16, sheet 272. (In Russ.)
28. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 18, sheet 129. (In Russ.)
29. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 42, sheet 180. (In Russ.)
30. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 52, sheet 313. (In Russ.)
31. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 54, P. 2, sheet 820 l. (In Russ.)
32. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 64, sheet 527. (In Russ.)

33. *RGADA*, fund 210, inventory 6d, file 68, sheet 248. (In Russ.)
34. 'Smeta voyennykh sil Moskovskogo gosudarstva na 1632 god («Smetnoy spisok 140-go godu»)' (Estimate of the military forces of the Moscow state for 1632. ("Estimated list of the 140th year")) 1910, *Voyenno-istoricheskiy vestnik, izdavayemyy pri Kiyevskom otdele Imperatorskogo Russkogo voyenno-istoricheskogo obshchestva* (Military Historical Bulletin, published at the Kiev Department of the Imperial Russian Military Historical Society), no. 9-10, pp. 49–85. (In Russ.)
35. '«Smetnyy spisok 139 godu» ("Estimated List 139")' 1849, *Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* (Timeline of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities), vol. 4, Univercitetskaya tip. publ, Moscow, pp. 18–51. (In Russ.)
36. '«Smetnyy spisok» voyennykh sil Rossii 1651 g.' ("Estimated list" of the military forces of Russia in 1651) 1989, *Dvoryanstvo Rossii i yego krepostnyye krest'yane. XVII – pervaya polovina XVIII v.* (The Russian nobility and its serfs. XVII – the first half of the XVIII century), In-t ist. SSSR AN SSSR publ, Moscow, pp. 8–33. (In Russ.)
37. Smirnov, PP 1917, 1919, *Goroda Moskovskogo gosudarstva v pervoy polovine XVII veka* (Cities of the Moscow State in the first half of the 17th century), vol. 1, no. 1-2, Tip. A. I. Grossman publ, Tip. Un-ta Sv. Vladimira publ, Kiyev. (In Russ.)
38. *Sobornoye ulozheniye 1649 goda. Tekst. Kommentarii.* (Sobornoye Ulozheniye 1649. Text. Comments) 1987, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
39. Stanislavskiy, AL 1990, *Grazhdanskaya voyna v Rossii XVII v. Kazachestvo na perelome istorii* (The Civil War in Russia of the 17th century. Cossacks at the turning point of history), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
40. Chernov, AV 1954, Vooruzhonnyye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv. S obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva do reform pri Petre I. (The armed forces of the Russian state in the 15th–17th centuries. From the formation of a centralized state to the reforms under Peter the Great), Voyennoye izd vo M-va oborony SSSR publ, Moscow, 223 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.08.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 10.08.2023
Approved after reviewing: 19.09.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 31–48.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 31–48.

Научная статья
УДК 394+299.4+299.9
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-31-48

ДАРООБМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РИТУАЛАХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ХАНТОВ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

Алексей Анатольевич Рудь

Тюменский научный центр
Сибирского отделения РАН
Тюмень, Россия, raa@bk.ru
https://orcid.org/0000-0002-0438-8159

Аннотация. Сургутские ханты входят в состав восточной этнографической группы хантов, проживающей в границах Среднего Приобья. Их традиционные верования включают представления о сверхъестественных существах *лункэт («божествах»),* которые оказывают влияние на человека и его окружение. Взаимодействие между человеком и божествами происходит посредством ритуала жертвоприношения, который выступает как средство коммуникации между сакральным и профанным мирами. Некоторые подносимые дары могут многократно перемещаться между святилищами, переходить от одной локальной группы хантов к другой. Источниковой базой для исследования послужили материалы, собранные автором в ходе экспедиций 2002 – 2017 гг. к хантам рек Лямин, Пим, Тромъеган, Большой Юган, Малый Юган, Демьянка. Также были привлечены материалы других исследователей восточных хантов начиная с конца XIX в. до настоящего времени. Целью работы является изучение дарообменных отношений, возникающих в процессе ритуалов жертвоприношения божествам сургутских хантов. Первой задачей исследования является рассмотрение специфики даров, используемых в настоящее время для жертвоприношений божествам. Установлено, что сегодня состав даров, адресованных божествам, приобретает все более символический характер, в то время как материальная их ценность снижается, традиционные пищевые дары заменяются покупными продуктами. Следующей задачей стало рассмотрение схем циркуляции даров, участвующих в жертвоприношении. В результате чего были обнаружены варианты взаимного обмена дарами: от человека к божеству, от божества к божеству, от человека к человеку. Последней задачей было сравнение обычая обмена жертвенными дарами сургутских хантов с институтом *кула* жителей западной части Тихого океана, описанным Б. Малиновским в начале XX в. Выявлено, что несмотря на значительные различия, оба института выполняют функции коммуникации и интеграции традиционных сообществ, проживающих на большом удалении друг от друга.

Ключевые слова: сургутские ханты, традиционные верования, ритуал, жертвоприношение, дарообмен, реципрокность, священное место.

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания ТюмНЦ СО РАН № 121041600045-8.

Для цитирования: Рудь А. А. Дарообменные отношения в ритуалах жертвоприношения хантов Сургутского Приобья // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 31–48. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-31-48.

Сведения об авторе: *А. А. Рудь* – научный сотрудник Института проблем освоения Севера, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, 625008, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, Червишевский тракт, 13.

© Рудь А. А., 2023

Scientific Article
UDC 394+299.4+299.9
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-31-48

GIFT EXCHANGE RELATIONS IN SACRIFICE RITUALS OF THE KHANTY OF THE SURGUT OB REGION

Aleksei A. Rud'

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Tyumen, Russia, raa@bk.ru
https://orcid.org/0000-0002-0438-8159

Abstract. The Surgut Khanty are part of the eastern ethnographic group of the Khanty, living within the borders of the Middle Ob region. Their traditional beliefs include ideas about supernatural beings *lunket* (*deities*) who influence people and their environment. The interaction between people and deities takes place through the ritual of sacrifice, which acts as a means of communication between the sacred and secular worlds. Some offered gifts can move repeatedly between sanctuaries, pass from one local group of Khanty to another. The main source base for the study was the materials collected by the author during the expeditions of 2002 – 2017 to the Khanty of the rivers Lyamin, Pim, Tromyegan, Big Yugan, Small Yugan, Demyanka. Materials from other researchers of the Eastern Khanty, starting from the end of the 19th century, were also involved. The purpose of the work is to study the gift exchange relations that arise in the process of sacrifice rituals to the deities of the Surgut Khanty. The first task of the study is to consider the specifics of the gifts currently used for sacrifices to deities. It has been established that today the composition of gifts addressed to deities is becoming increasingly symbolic in nature, while their material value is decreasing – instead of traditional food gifts people present the deities with purchased products. The next task was to consider the circulation patterns of the gifts involved in the sacrifice. As a result, there are the following variants of mutual exchange of gifts: from person to deity, from deity to deity, from person to person. The last task was to compare the custom of exchanging sacrificial gifts of the Surgut Khanty with the *kula* institution of the inhabitants of the Western Pacific Ocean, described by B. Malinovsky at the beginning of the 20th century. It was discovered that, despite significant differences, both institutions fulfil the functions of communication and integration of traditional communities living at a great distance from each other.

Keywords: Surgut Khanty, traditional beliefs, ritual, sacrifice, gift exchange, reciprocity, sacred place.

Acknowledgements: this research has been supported by the state task of Tyumen Scientific Centre SB RAS No. 121041600045-8.

For citation: Rud', AA 2023, 'Gift Exchange Relations in Sacrifice Rituals of the Khanty of the Surgut Ob Region', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 31–48, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-31-48 (in Russ.)

Information about the Author: *Aleksei A. Rud'* – Researcher of the Institute of the Problems of Northern development, Tyumen Scientific Centre SB RAS, 13, Chervishevskiy trakt, Tyumen, 625008, Russia.

© Rud' A. A., 2023

Введение

Для традиционной картины мира сургутских хантов характерны анимистические и тотемистические представления. Одной из ключевых составляющих этих верований являются представления о сверхъестественных существах высокого ранга – божествах *(лункэт)*, влияющих на все сферы жизни человека и окружающий его мир. Взаимодействие между миром человека и миром божеств *лункэт* осуществляется посредством ритуалов жертвоприношения, в ходе которых подносимые дары могут многократно перемещаться между святилищами, переходить от одной локальной группы хантов к другой.

Целью работы является изучение дарообменных отношений между людьми и божествами *лункэт* в ритуалах сургутских хантов. Одной из задач исследования является рассмотрение характерных черт и специфики даров, используемых в настоящее время сургутскими хантами для жертвоприношений божествам *лункэт*. Другая задача – выявление схем циркуляции даров между миром божеств и миром человека. Наконец, сравнение обычая обмена жертвенными дарами сургутских хантов с институтом *кула* жителей западной части Тихого океана, описанным Б. Малиновским в начале XX в. [12].

Основными источниками исследования послужили полевые материалы автора, собранные у сургутских хантов в ходе этнографических экспедиций на притоки Средней Оби – рр. Лямин, Пим, Тромъеган, Аган, БольшойЮган, Малый Юган, а также Демьянку (правый приток р. Иртыш) в период с 2002 по 2017 гг. Помимо этого, автором привлекались опубликованные материалы исследователей, изучавших хантов Сургутского Приобья и прилегающих территорий, начиная с конца XIX в. и до настоящего времени.

Методологической базой работы является концепция дарообмена М. Мосса [16], а также исследование М. Салинза о реципрокных отношениях в традиционных обществах [22]. В современной отечественной антропологии дарообменные и реципрокные отношения между человеком и сверхъестественными существами у народов Сибири уже были предметом специальных исследований Е. С. Новик [17] и Е. П. Мартыновой [13]. В качестве сравнительной базы были привлечены материалы и выводы, полученные Б. Малиновским в процессе исследования института *кула* у коренных жителей Западной части Тихого океана [12].

Что дарят божествам сургутские ханты

Описание даров, адресованных божествам от человека присутствует практически во всех публикациях, посвященных традиционным верованиям обских угров, начиная с К. Ф. Карьялайнена [8], А. А. Дунина-Горкавича [5, с. 37, 43–44, 49–51], М. Б. Шатилова [25, с. 108, 115–116] до настоящего времени (Лукина [11], Зенько [6, с. 15–43], Рудь [21, с. 161–162]). Не приводя длинный и постоянно изменяющийся перечень даров, остановимся на наиболее важных для нашего исследования их характеристиках.

В состав даров, отправляемых в адрес божеств в настоящее время, могут входить пища, алкоголь и «приклады» в виде вещей и символических предметов, а также жертвенные домашние животные или птица (Илл. 1). Традиционное жертвоприношение сургутских хантов имеет две формы. Бескровное жертвоприношение *пори*, включает пищу, напитки, отрезы ткани и другие приклады – материальные дары, адресованные божествам. В состав кровавого жертвоприношения *йыр* входит собственно жертвенное животное, а также дары, аналогичные подношениям при *пори*. Необходимо отметить, что сегодня в большинстве случаев предметами, участвующими в дарообмене между человеком и божествами выступают отрезы ткани, пища, напитки и деньги. В редких случаях прикладами-дарами могут выступать другие вещи (предметы рукоделия и украшения, шкурки пушных животных, культовые изображения,

стилизованные орудия и оружие и др.). Помимо отрезов тканей, универсальный характер имеют дары в виде денег и алкоголя. Их принято жертвовать практических всем божествам пантеона сургутских хантов. Отметим, что структура даров на протяжении последнего века имела изменения в части «продуктовой» составляющей – увеличение доли покупных продуктов. Другой процесс – замена жертвенных шкурок пушных животных на отрезы ткани был отмечен ещё в начале XX в. К. Ф. Карьялайненом: «Теперь уж не так часто найдётся человек, столь ревностный в вере, что лучшую шкурку из своей добычи, стоящую сотни, а иногда и тысячи, положит в сокровища божества, чтобы она там сгнила; то тут, то там становится даже принятым обмен шкур пожертвованных животных через некоторое время на кусок сукна, едва ли стоящий полрубля» [8, с. 97]. К началу XXI в. обозначенный финским исследователем процесс стал настолько массовым, что информанты отрезы ткани часто характеризуют как традиционные дары. Приношение в дар божествам шкурок пушных зверей уже давно стало большой редкостью. Вместе с тем, необходимо отметить, что сукно, шерсть и другие ткани неоднократно значились в качестве «подарков инородцам» от русских властей, начиная с XVII в., и были популярным товаром в торгово-обменных отношениях с народами Сибири. Всё это указывает на востребованность тканей у коренного населения и их большую ценность, сопоставимую со шкурками пушных зверей.

Илл. 1. Дары в адрес божеств на священном месте, не имеющем культовой постройки. Ритуальная площадка священного озера *Йымынг лор.* р. Тромъеган. Март 2014 г. Фото: Рудь А. А.

Сегодня наблюдается продолжение процесса сокращения доли даров, связанных с традиционным природопользованием, в том числе традиционной пищи и жертвоприношений домашних животных. Наиболее яркими изменениями последнего времени являются случаи замены жертвенных животных их символическими изображениями из ткани или же использование в качестве жертвы на святилище мяса и шкуры домашнего оленя, забитого ранее [20, с. 266–267]. Так, в 2010 г. хранитель божества-покровителя юганских хантов *Яун Ики* демонстрировал видеозапись ритуала жертвоприношения, отправленного при посещении святилища юганскими хантами Кнезьяновыми, проживающими в настоящее время на Тромъегане. По словам информанта, на обряде в жертву «был принесен олень». В ходе просмотра видео было установлено, что для ритуала на святилище Кнезьяновы привезли его шкуру и часть мяса. Сам олень был куплен и принесен в жертву ещё на Тромъегане. На святилище же символом жертвы выступала шкура оленя, вывешенная на горизонтально натянутую веревку [ПМА, Малый Юган, 2010].

Характеризуя современные дары из текстиля, необходимо отметить некоторые закономерности. Большинство жертвенных тканей находится в нижнем ценовом диапазоне (бязь, ситец и др.), в то время как дарение божествам более качественных и дорогих тканей (сатин, шерсть, сукно), используемых при пошиве одежды, наблюдается крайне редко. Исключением из этого является приношения головных платков, сделанных из более качественных тканей, в адрес божеств *лункэт*, имеющих женское обличье –покровительниц огненных стихий, деторождения и материнства, а также рек Казым и Аган. Таким образом, в настоящие дни приношение тканей не имеет большой экономической нагрузки на участников ритуала, но сохраняет символическое значение важного дара. В то же время забой домашнего оленя, а также лошади или коровы для большинства хантов Сургутского Приобья является серьезной затратой. Экономическая ценность домашнего животного часто коррелируется с его высокой символической значимостью в качестве дара для божеств. Так, сегодня для хантов правобережья Оби, где ещё сохраняется оленеводство, забой домашнего оленя не является рутинным хозяйственным актом, а всегда имеет форму ритуала жертвоприношения в адрес божеств. Ценность домашнего оленя как жертвенного животного была отмечена В. Н. Адаевым у юганских хантов, проживающих на р. Демьянка. Он пришел к выводу, что одной из причин сохранности таёжного оленеводства во второй половине XX в. на данной территории, дающей человеку необходимый достаток мяса диких копытных, было обеспечение домашними оленями для целей традиционных жертвоприношений [1, с. 144]. Необходимость отправления в жертву домашних животных наблюдается и в настоящее время. В ходе полевых исследований на Югане, Тромъегане и Пиме неоднократно фиксировалось, что для покупки лошади (коня, жеребёнка), коровы или овцы на коллективное жертвоприношение *мыр* деньги собирали «всей рекой». После сбора средств снаряжалась инициативная группа для поездки в русские населенные пункты, расположенные на р. Обь, где осуществлялся поиск и покупка жертвенного животного [ПМА, Большой Юган, 2004, 2007; Пим, 2010, 2011; Тромъеган, 2012].

В отношении дарения божествам продуктов также наблюдаются определенные закономерности, связанные с современными тенденциями: на территориях с плохим снабжением привозными продуктами, отмечается угощение божеств традиционными блюдами с отсылкой на необходимость поступать «как в старые времена». В местах с хорошей доступностью покупных продуктов этот нарратив отсутствует, но появляется объяснение, что «…на дворе XXI век, поэтому приходится продуктами из магазина божеств угощать…» [ПМА, Большой Юган, 2004; Когалым, 2006; Барсова гора, 2012].

Одной из причин сокращения доли традиционных даров является активное промышленное освоение Сургутского Приобья, в процессе которого происходит

уменьшение общей численности пушных зверей, сокращение поголовья оленей, снижение доли продукции традиционного природопользования в повседневной жизни коренного населения.

Особого внимания заслуживает категория денежных даров, которая фиксируется на территории исследований не менее века. В случае жертвования монет и банкнот в ходе приветственных поклонов, их кидают на землю в границах священных ландшафтов или под культовый амбарчик божества. Монеты и банкноты небольшого достоинства могут жертвовать дети, банкноты большого достоинства приносят в дар божеству чаще всего взрослые. По сообщениям информантов подаренные деньги являются «кассой» божества. Деньги из «кассы» могут расходоваться на покупку жертвенного животного или особо важных даров, которые имеют характер уникального дара божеству. Такие дары могут оставаться в культовой постройке и не участвовать в дальнейшем процессе дарообмена. Также известно, что деньги могут быть уплачены людям, участвовавшим в обновлении культовых изображений божеств и культового сооружения при смене хранителя культа [3, с. 14], [ПМА, Большой Юган, 2003, 2007, 2009; Малый Юган, 2004, 2008, 2014]. В процессе обследования культовых построек юганских хантов в «кассе» божеств фиксировались вышедшие из оборота деньги – монеты и банкноты перестроечного и советского периодов. Несмотря на свою неликвидность, эти деньги сохраняются в «кассе» божества. Возможно, что ассоциация таких денег со временами «стариков» делает их в сознании современных информантов уникальными дарами, которым положено храниться у божества в закромах. В таких случаях вышедшие из оборота деньги приобретают характер символических даров, в то время как банкноты, находящиеся в обиходе, продолжают обладать свойствами платежных/обменных средств.

Отметим, что в процессе опросов информантов получены свидетельства, что деньги из «кассы» божества в редких случаях могут изыматься людьми для нужд, не связанных с культом божества (в том числе, на покупку спиртного, бытовых вещей и т.д.). Такие поступки, имеющие вид кредитных операций, в целом, осуждаются опрошенными респондентами. Однако факты самой возможности изъятия денег из «кассы» божества могут указывать на то что, в прошлом, когда вместо прикладов жертвенных тканей, имеющих сегодня символическую ценность, божествам приносили шкурки ценных пушных зверей, такие дары могли быть изъяты у божества и использованы в качестве платёжных / обменных средств, например, во время кризисов.

Дарообменные отношения между человеком и божествами

Характер взаимоотношения между божествами и человеком у сургутских хантов имеет черты реципрокных отношений между сообществами людей в традиционных сообществах, отмеченных М. Салинзом [22]. В отношениях человека с божествами верховного пантеона наблюдается отношения генерализованной реципрокности, подразумевающей безусловное принесение жертвы человеком, с перспективой на отдаривание в виде блага от верховных божеств в будущем. При взаимодействии с домашними и личными божествами, а также с местными божествами-покровителями наблюдается сбалансированная реципрокность, при которой обе категории участников ритуала обмениваются равноценными дарами.

Необходимо отметить, что дары со стороны человека могут иметь как символический характер, так и вполне материальное измерение, к примеру, предметы женского рукоделия, жертвоприношение домашнего животного. Такие же характеристики имеют дары от божеств в адрес человека, если рассматривать везение человека в промысле как дар от божества, то он имеет вполне материальное измерение в качестве охотничьего трофея, в то время как здоровье человека и домашних животных, испрашиваемое хантами у божеств, ближе по своим качествам к символическому дару. В процессе исследования ритуалов жертвоприношения у сургутских хантов

были зафиксированы разные варианты дарообменных отношений между человеком и божествами, схематическое описание которых будет представлено ниже. Для удобства изложения к описанию приложена схема, иллюстрирующая движение даров.

Перейдём к рассмотрению общей схемы обмена жертвенными прикладами в виде ткани, поскольку это наиболее распространённый вид даров сургутских хантов в адрес божеств. В рамках традиционных жертвоприношений при посещении гостями культовых построек божеств на святилищах сохранился ритуал отдарка жертвенных прикладов (Илл. 2.). В процессе ритуала гости делают подношения даров божеству (в виде пищи, жертвенных тканей, платков, денег и других предметов), а в конце ритуала хранитель от имени божества дарит пришедшим людям отрезы жертвенных тканей, платки либо другие массовые дары, хранящиеся в культовой постройке (Илл. 3). Подаренные гостями отрезы ткани становятся отдарками для будущих посетителей святилища. Полученный от божества дар человек сохраняет себе «на память» в семейном (поселковом, родовом) хранилище культовых предметов. Таким хранилищем может быть священный лабаз, священная нарта, сундук (короб, чемодан) для хранения культовой атрибутики в жилом доме. Полученный приклад-дар становится символом патронажа божества-дарителя над человеком. Позднее этот отрез ткани может быть пожертвован человеком на священном месте другому божеству. В случае хранения в культовом лабазе пожертвованный приклад-дар помещается в самую верхнюю часть стопки отрезов тканей, принесенных ранее. В варианте, когда жертвенные ткани надевают на изображение божеств, «свежие» приклады оказываются сверху предыдущих, «одетых» на культовое изображение ранее. При передаче отрезов ткани от имени божества пришедшим посетителям, хранитель культа достаёт жертвенные приклады расположенные снизу стопки даров. Если же приклады одеты на культовое изображение божества, то гостям достают прилегающие непосредственно к культовому изображению дары. В обоих случаях соблюдается общий принцип: в качестве отдарка от божества людям передаются наиболее старые отрезы ткани.

Илл. 2. Принесение жертвенных тканей от посетителей святилища в дар божествам. Священное место *Пыхты-Неви Икихэн*. р. Большой Юган. Март 2007 г. Фото: Рудь А. А.

Циркуляция прикладов-даров между божествами через посредничество человека

В настоящее время рассматриваемый тип дарообмена зафиксирован у юганских хантов. Этот тип обмена отрезами тканей включает: принесение человеком дара

в адрес божества, отдаривание человека божеством и дальнейшее передаривание дара человеком в адрес другого божества. Обратимся к схеме (Рис. 1).

В случае такого типа обмена хранитель культа божества «А», принадлежащий группе I во время ритуала жертвует божеству дары (обозначенные синим цветом), которые он помещает в культовый лабаз божества «А», где они будут храниться до следующего ритуала жертвоприношения.

Далее, с гостевым визитом к группе I, приезжает группа II, жертвующая божеству «А» дары (обозначенные зеленым цветом), которые остаются в культовом лабазе у божества «А». В ответ на жертвоприношение группы II, хранитель культа из группы I от имени божества «А» отдаёт в дар группе II отрезы тканей, принесенные группой I ранее (обозначенные синим цветом). По приезду домой, дары, полученные от божества «А», через посредничество группы I, содержатся группой II в месте для хранения культовых предметов.

Илл. 3. Хранитель культа божеств *Сойли ко – Косли ко Коран Кон Ики* одаривает посетителей священного места от имени божеств прикладами жертвенных тканей. р. Малый Юган. Июль 2014 г. Фото: Рудь А. А.

Тем временем, с гостевым визитом к группе I приезжает группа III, которая в процессе ритуала жертвует божеству «А» дары (обозначенные малиновым цветом). Эти отрезы ткани также остаются в культовом лабазе у божества «А». В ответ на жертвоприношение божеству «А» хранитель культа из группы I передаёт в дар группе III приклады, принесенные божеству «А» ранее группой II (обозначенные зеленым цветом). По приезду домой, дары, полученные от божества «А», через посредничество группы I, также помещаются группой III в место для хранения культовых предметов.

На этом обмен отрезами жертвенных тканей не закончен. К примеру, приклад зеленого цвета, попавший в священную нарту группы III от божества «А» позднее может быть пожертвован группой III на другом священном месте в культовый лабаз божеству «В», которое является покровителем группы IV. Далее жертвенный приклад (обозначенный зеленым цветом) продолжит свой путь в качестве отдарка для посетителей культового лабаза божества «В». В процессе такого типа дарообмена жертвенные приклады перемещаются от одного божества к другому посредством человека. В свою очередь, обмен жертвенными прикладами между сообществами людей является частью дарообменных отношений между божествами, которые являются покровителями этих сообществ. При рассмотрении данного типа дарообмена необходимо отметить, что циркуляция даров происходит между божествами, являющимися покровителями сообществ людей (семьи, рода, поселка, территориальной группы и т.д.) и одновременно территорий проживания этих групп. Она не затрагивает божеств,

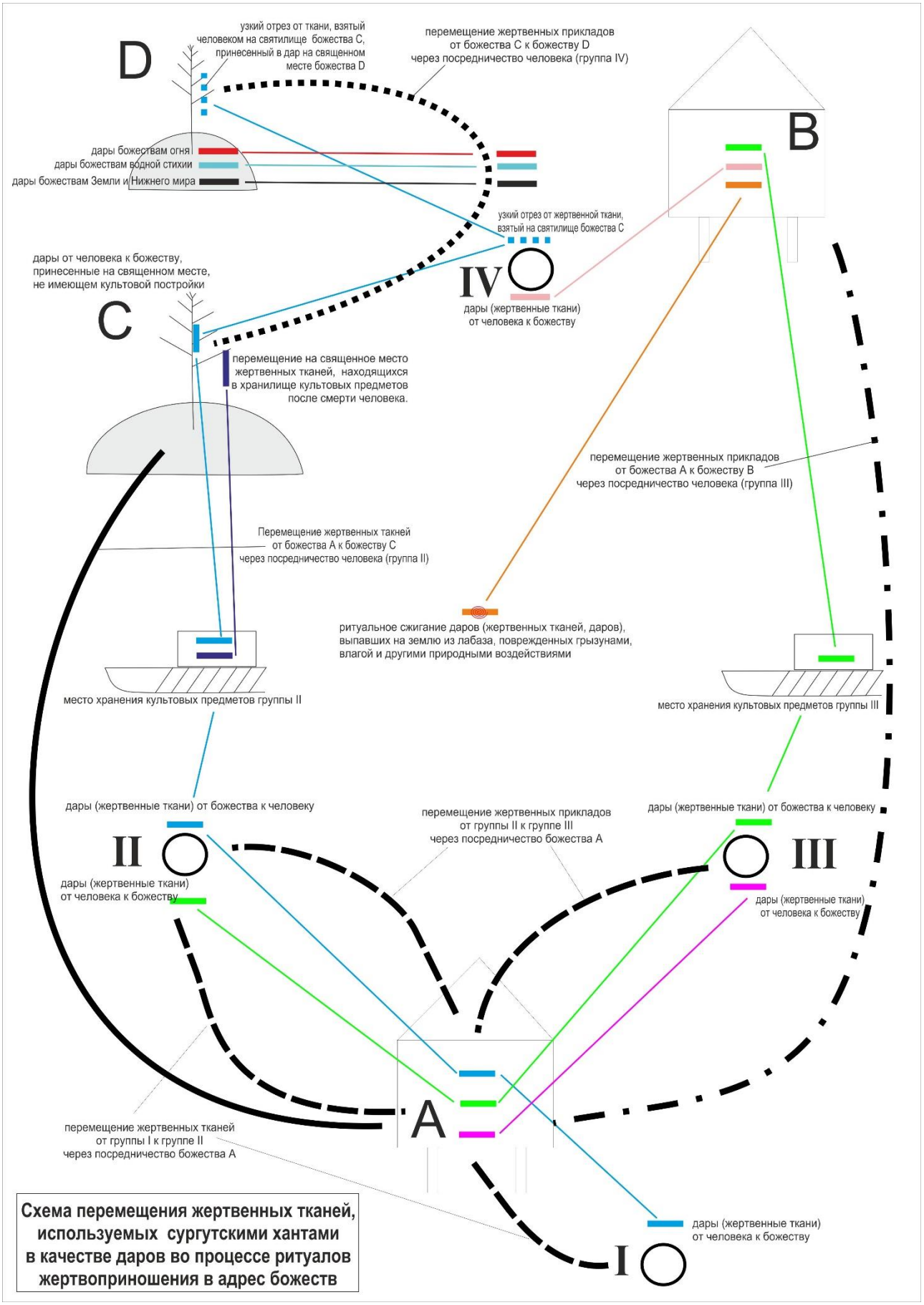

D
узкий отрез от ткани, взятый человеком на святилище божества C, принесенный в дар на священном месте божества D
перемещение жертвенных прикладов от божества C к божеству D через посредничество человека (группа IV)
дары божествам огня
дары божествам водной стихии
дары божествам Земли и Нижнего мира
B
узкий отрез от жертвенной ткани, взятый на святилище божества C
IV
дары (жертвенные ткани) от человека к божеству
дары от человека к божеству, принесенные на священном месте, не имеющем культовой постройки
C
перемещение на священное место жертвенных тканей, находящихся в хранилище культовых предметов после смерти человека.
перемещение жертвенных прикладов от божества A к божеству B через посредничество человека (группа III)
Перемещение жертвенных такней от божества A к божеству C через посредничество человека (группа II)
ритуальное сжигание даров (жертвенных тканей, даров), выпавших на землю из лабаза, поврежденных грызунами, влагой и другими природными воздействиями
место хранения культовых предметов группы II
место хранения культовых предметов группы III
дары (жертвенные ткани) от божества к человеку
II
дары (жертвенные ткани) от человека к божеству
перемещение жертвенных прикладов от группы II к группе III через посредничество божества A
дары (жертвенные ткани) от божества к человеку
III
дары (жертвенные ткани) от человека к божеству
A
перемещение жертвенных тканей от группы I к группе II через посредничество божества A
дары (жертвенные ткани) от человека к божеству
I
Схема перемещения жертвенных тканей, используемых сургутскими хантами в качестве даров во процессе ритуалов жертвоприношения в адрес божеств

Рис. 1

которые не являются непосредственными патронами человека. Принимающая и дарящая стороны (участники данных жертвоприношений) выступают главными действующими лицами дарообмена между своими божествами-покровителями. Вместе с тем, будучи основными инициаторами данного обмена дарами, принимающая и дарящая стороны осуществляют и другие социальные взаимодействия, происходящие за рамками самой церемонии жертвоприношения божеству на святилище.

Обмен дарами между человеком и божествами

Другой вариант даообмена, получивший широкое распространение в правобережье Оби (реки Лямин, Пим, Тромъеган, Аган), имеет форму непосредственного обмена дарами между человеком и божествами. Такой дарообмен присутствует в ритуалах жертвоприношения в адрес божеств верховного пантеона – покровителей здоровья, достатка и жизненно важных сфер человека, природных объектов и стихий, а также божеств-покровителей хозяйственной деятельности и кормящих ландшафтов (Илл. 4). Как правило, такие божества не являются непосредственными покровителями человека или сообществ людей. В местах отправления жертв таким божествам обычно отсутствуют культовые постройки, где могли бы накапливаться дары. В процессе ритуалов люди совершают угощения божеств пищей, жертвуют домашних животных, а также ткани и другие предметы. В ответ на полученные дары, божества одаривают людей благами в соответствии со своей сферой покровительства и возможностями.

Илл. 4. Вывешивание даров в адрес верховных божеств на священном месте, не имеющем культовой постройки. Ритуальная площадка священного озера *Йымынг лор*. р. Тромъеган. Март 2014 г. Фото: Рудь А. А.

В качестве примера вернёмся к общей схеме и проследим путь отдарка – приклада синего цвета, попавшего в священную нарту группы II от божества «A» при посредничестве группы I. В ходе жертвоприношения группы II этот дар будет вывешен на дерево в качестве жертвы на святилище – месте жертвоприношения божеству «C». Как указывалось выше, ответный дар от божества «C» в адрес группы II будет получен в символической форме (к примеру – это может быть выздоровление домашнего животного или удача в предстоящем промысле и т. д.). В результате такого акта дарообмена, приклады от человека в адрес божества прекращают свой оборот на святилище божества «C». Отметим, что взаимный обмен дарами между сообществом II и божеством «C» может быть продолжен в форме даров-благодарностей от людей в адрес божества «C» в случае выполнении просьбы человека. Отношения обмена дарами между человеком и божествами могут бать регулярными, что, к примеру, наблюдается в календарных охотничьих обрядах юганских хантов, которые часто приурочены к началу и окончанию промыслового сезона. Такой же характер имеют коллективные жертвоприношения *мыр*, регулярно отправляемые сургутскими хантами правобережья Оби для божеств верховного пантеона в середине зимы [4, с. 366–367, 370–371].

Аналогичный характер имеют жертвоприношения сургутских хантов в адрес божеств покровителей огня [5, с. 36; 9, с. 143–145; 10, с. 56–57; 4, с. 543; 6, с. 35; 19, с. 131–132]; божеств-покровителей водных стихий и водоёмов [8, с. 147–150, 178; 9, с. 129; 26, p. 108–109; 23, с. 286]; божеств, ассоциирующихся со сферой Земли [8, с. 230–240; 4, с. 530–539; 18, с. 116–120], а также для божеств Нижнего Мира, включая покровителей болезней и смертей [8, с. 240–271; 9, с. 156, 158; 10, с. 117–119; 6, с. 25; 26, p. 109; 23, с. 285–286]. Дары в адрес этих божеств представлены адресными жертвоприношениями от человека к божеству. Чаще всего, такие обряды имеют характер кризисных ритуалов. С другой стороны, такие жертвоприношения могут иметь черты календарных ритуалов, в этом случае они направлены на профилактику и улучшение взаимоотношений между человеком и указанными божествами.

Обмен дарами между двумя божествами через посредничество человека

Ещё один вариант символического дарообмена между божествами посредством человека был зафиксирован на правобережье Оби. Во время коллективных жертвоприношений *мыр* на Тромъегане сохранился обычай – брать от пожертвованного божеству приклада ткани узкий отрез – *«для удачи», «на бога»*. По собранным сведениям, этот узкий отрез ткани берут для того, чтобы вывесить его на дерево во время следующего крупного обряда на святилище другого божества. Для примера вернёмся к жертвоприношению группы II на священном месте божества «C». Как уже упоминалось, во время приношения дара (обозначенного синим цветом) от приклада жертвенной ткани, адресованного божеству «C» участники ритуала (группа IV) отрезают узкие полосы ткани. Эти узкие отрезы жертвенной ткани участники ритуала забирают с собой домой, привязывая их к поясным ремням. По приезду домой такие приклады могут оставаться на поясных ремнях мужчин или же помещаются в хранилища сакральных предметов. Позднее, эти узкие отрезы жертвенных тканей будут использованы группой IV в качестве приветственных даров во время жертвоприношения на священном месте божества «D». Таким образом, мы наблюдаем ещё один вариант перемещения даров (узких полос жертвенных тканей) от одного божества («C») к другому божеству («D») при участии человека. В отличие от первого варианта обмена дарами между божествами, где приклады ткани могут циркулировать от одного божества к другому, и далее к третьему, в рассмотренном случае дары, единожды переместившись от одного божества к другому, прекращают свой оборот на святилище божества «D».

Обмен дарами между людьми при посредничестве божеств

Интересен ещё один вариант символического дарообмена между людьми, в структуре которого фигурирует жертвоприношение в адрес божеств. Примеры такого обмена зафиксированы на правобережье Оби у хантов рек Лямин, Пим, Тромъеган, Аган. Такой вариант представлен ритуалом одаривания посетителей святилища небольшими культовыми изображениями божества. Как правило, наделение человека культовым изображением родового божества-покровителя связано с обрядами жизненного цикла (рождение ребёнка, достижение возраста самостоятельной охоты у юношей, выход замуж и переезд на место жительства мужа у девушек). Получение такого изображения требует от человека отдарка в адрес божества в форме установленных традицией даров и угощения пищей, что вполне согласуется с рассмотренными выше примерами символического дарообмена между человеком и божеством. Отметим, что в рассматриваемом случае, человек получает покровительство и помощь от божества своего рода по факту принадлежности к нему, что подтверждается наделением человека фигуркой родового божества-покровителя.

Вместе с тем, божества, являющиеся покровителями сообществ людей и территорий их проживания, по совместительству, также могут являться патронами определённых сфер хозяйственной деятельности и промыслов. В связи с чем их покровительство может быть востребовано проживающими по соседству другими сообществами хантов, не связанными родством с таким божеством. В процессе исследований зафиксированы случаи, когда хранители родовых культов изготовляли по заявкам представителей других родов фигурки божеств-покровителей своего рода. Для людей, не связанных родством с данным божеством, такое изображение будет являться даром, потому что вместе с изображением человек получает помощь божества при осуществлении хозяйственной деятельности на чужих землях.

Исключение даров из процесса дарообмена

Помимо указанных выше случаев, необходимо рассмотреть варианты, когда жертвенные ткани могут быть исключены из процесса дарообмена и прекратить циркуляцию. Так, в случае смерти человека, определяют судьбу принадлежащих ему прикладов-даров. Это делается с помощью традиционных гаданий с вместилищем для культовых предметов (священной нартой или сундуком). Результатом гаданий может быть: возвращение приклада-дара обратно на святилище божества-дарителя или возвращение дара на родовое святилище божества-покровителя человека. У юганских хантов зафиксирован обычай, по которому выпавшие на землю из культового лабаза, поврежденные грызунами, влагой и другими природными воздействиями отрезы жертвенных тканей необходимо сжечь на ритуальном огне. Информанты поясняют – «если ткани выпали из лабаза или их погрызли мышки – это значит, что божеству они не нужны. Это Он сам их выкинул» [ПМА, Большой Юган, 2003, 2007, 2009; Малый Юган, 2004, 2008, 2009, 2014].

Аналогии в этнографии

Примеры циркуляции даров, имеющих символический характер, известны в этнографической литературе как институт «кольцо *кула*», описанный в начале XX в. Б. Малиновским у коренных жителей западной части Тихого океана [12]. На первый взгляд сравнение сведений о циркуляции жертвенных прикладов, адресованных божествам сургутских хантов и институтом *кула* у жителей Океании, не имеет под собой больших оснований. В обмене жертвенными прикладами у восточных хантов не наблюдается такой сложной структуры и согласованности, как в институте *кула*. При более детальном рассмотрении этих институтов выявляется ряд очевидных несовпадений. Так, сами предметы «кольца *кула*» – ожерелья из красных раковин (*соулава*) и браслеты из белых раковин (*мвали*) выступают дарами между сообществами людей

и не являются дарами в адрес духов-покровителей жителей Океании или духов-покровителей экспедиции. Одной из главных целей «кольца *кула*» является циркуляция предметов *соулава* и *мвали* между сообществами людей, предполагающая реципрокные отношения между двумя сторонами обмена. У сургутских хантов жертвенные ткани, пища и другие предметы изначально являются дарами человека в адрес божеств и не предполагают обязательной циркуляции между людьми. Само же жертвоприношение у коренных жителей Сургутского Приобья является одним из залогов успешных взаимоотношений между человеком и божествами.

Вместе с тем, ритуалы обмена жертвенными прикладами у сургутских хантов обнаруживают некоторые схожие черты с институтом *кула*. В жертвоприношениях сургутских хантов фиксируется универсалия – обязанность дарить, принимать и отдаривать жертвенные дары, как гостями, так и принимающей стороной. Обмен дарами происходит в рамках гостевых поездок хантов друг к другу. По сути организовывается мини-экспедиция, имеющая целью не только жертвоприношение в адрес божеств принимающей стороны, но и инициирование и поддержание социальных и экономических отношений. Наблюдается необходимость сохранения и воспроизведения информации о полученном даре. У жителей Океании передаётся информация о всех бывших владельцах ожерелий *соулава* и браслетов *мвали*. У хантов Сургутского Приобья принимающая сторона повествует гостям: с каким сообществом людей связано божество-даритель, какой сфере жизни человека оно покровительствует, какие неприятности могут случиться с человеком в случае нарушения принципа взаимности при взаимоотношениях с божеством.

Исходя из характеристик, сделанных Б. Малиновским, ожерелья *соулава* и браслеты *мвали* являются уникальными дарами – символами «кольца *кула*», но, в то же время они не имеют среди жителей Океании экономической ценности как таковой. Это качество сближает их с прикладами жертвенных тканей сургутских хантов. Как указывалось выше, в настоящее время приклады жертвенных тканей, заменившие шкурки пушных животных, в жертвоприношении божествам имеют высокую символическую ценность, не соотносящуюся с их низкой фактической стоимостью.

Если ритуал жертвоприношения даров божествам у хантов Сургутского Приобья и церемония обмена ожерельями *соулава* и браслетами *мвали* у жителей Океании имеют в обоих случаях символический характер, то сами гостевые визиты и контакты двух сообществ вполне материальны и выполняют интеграционные функции. Так, в процессе жертвоприношения происходят социальные контакты между двумя сообществами людей. К таким взаимодействиям можно отнести: знакомство молодёжи с целью поиска брачных партнёров, договоренности и обсуждение совместной деятельности – промысловой (коллективная охота), оленеводческой (коллективный выпас оленей) и хозяйственной (строительство орудий пассивного промысла, жилых и хозяйственных построек, объектов транспортной инфраструктуры), административных дел (взаимоотношения с властями, промышленными компаниями и пр.) и т.д. Само жертвоприношение в адрес божеств может быть инициировано в связи с постановкой проблемы или обсуждением её решения [14, с. 124–126; 24, с. 103–104; 4, с. 165–178]. Можно предположить, что в прошлом подобные ритуалы жертвоприношений могли закреплять союзнические отношения между двумя сообществами.

Остатки института, который можно было бы сравнить с циркуляцией ожерелий *соулава* и браслетов *мвали* у жителей Западной части Тихого океана, были зафиксированы у юганских хантов в конце XX в. в виде перемещения на Большом Югане культовой реликвии – *Кон Ики сак* «Шуба (Халат) божества *Кон Ики*» [7, с. 207]. Вот что пишет томский визуальный антрополог А. Н. Михалёв, присутствовавший при жертвоприношении для *Кон Ики сак*: «Сак из соболиных шкурок шьется мужчинами и «живет» до тех пор, пока все они не уйдут из этой жизни. После смерти всех тех, кто

принимал участие в изготовлении сака, необходимо сшить новый. Для этого со всех юрт по реке Большой Юган собираются шкурки для сака. Это, как уже сказано, более 50 соболей, 2 лисьи, 5–6 выдры. Списанный сак вывешивается на кедры кот-мых [священное место – А.Р.] в 2-3 км от Тайлакова» [2, с. 19–20].

По собранным сведениям, на рубеже XX – XXI вв. *Кон Ики сак* перемещался на Большом Югане на отрезке от ю. Тайлаковых до ю. Ярсомовых, задерживаясь в каждом населенном пункте на определённый срок. Хозяин, у которого в данный момент находился *Кон Ики сак*, должен был устраивать для него бескровное жертвоприношение *пори*. При передаче культового предмета из одних юрт в другие принимающая сторона обязана была сделать в его честь также жертвоприношение *пори*. В отличие от «кольца *кула*», где принимающая и отдающая сторона обменивались ожерельями *соулава* и браслетами *мвали*, принимающая *Кон Ики Сак* сторона не отдавала никакое изображение божества взамен полученного, а само отдаривание происходило в форме жертвоприношения, организованного принимающей стороной [ПМА, Большой Юган, 2007, 2009; Малый Юган, 2008].

Кон Ики – младший сын бога-демиурга *Торума*, выполняющий функции распорядителя Среднего Мира, является одной из самых значимых фигур как в пантеоне сургутских хантов, так и в традиционных верованиях обских угров в целом [8, с. 125, 137–142; 15, с. 18–19; 26, p. 109]. А. В. Головнёв отмечал, что среди множества имён и эпитетов, относящихся к этому персонажу, наиболее точно положение младшего сына *Торума* в иерархии божеств обских угров отражает его мансийское имя – *Мир Сусне Хум* («За миром Смотрящий Мужчина») [4, с. 549–570]. По этой причине держание «Шубы *Кон Ики*» является для человека – временного хранителя – почетной миссией и приносит ему и всем жителям принимающих юрт здоровье, достаток и удачу. Вместе с тем информанты сообщают, что культовый предмет, приносящий благополучие, не может долго задерживаться в одних руках, он должен постоянно циркулировать среди жителей верхнего и среднего течения Большого Югана, чтобы одаривать достатком и удачей всех юганских хантов. Такие нарративы юганских хантов имеют общие черты с объяснениями циркуляции ожерелий *соулава* и браслетов *мвали*у жителей Океании, которые также связывали своё благополучие с временным обладанием предметами «кольца *кула*».

Заключение

В настоящее время состав даров и угощений, предназначенных для традиционных жертвоприношений божествам у сургутских хантов, приобретает все более символический характер, в то время как материальная ценность многих массовых даров снижается. В структуре бескровного жертвоприношения *пори* на протяжении последнего века приклады в виде текстильных тканей практически вытеснили дары из шкурок пушных зверей. Всё чаще в угощениях божеств пищей используются покупные магазинные продукты, в то время как блюда традиционной кухни исчезают из этого списка. В последнее десятилетие во время кровавых жертвоприношений *йыр* зафиксированы факты замены домашних жертвенных животных на их символические изображения.

Вместе с тем, традиционные ритуалы жертвоприношения божествам у сургутских хантов продолжают выполнять ряд важных функций. Одна из них – коммуникативная – обеспечивает диалог между миром человека и миром божеств через взаимный процесс одаривания и отдаривания. Для людей, выступающих агентами в процессе циркуляции прикладов-даров от одного божества к другому, ритуалы жертвоприношения выполняют интеграционные функции. Рассмотренный автором кейс служит примером дарообменных отношений между человеком и персонажами традиционных верований, которые в прошлом могли быть одним из способов социальных

коммуникаций между сообществами. Несмотря на то, что рассмотренные схемы циркуляции жертвенных прикладов у хантов Сургутского Приобья имеют большие отличия от «кольца *кула*» коренных жителей Океании, оба института выполняют функции интеграции сообществ людей. Отметим, что проблемы осуществления социальных и экономических коммуникаций особо актуальны для традиционных сообществ, проживающих на большом удалении друг от друга – это является общей чертой двух рассмотренных институтов.

Список источников и литературы

1. *Адаев* В. Н. История юганских хантов на р. Демьянке в 1970–2000-е гг.: становление этнотерриториальной группы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 142–147.
2. *Михалёв А. Н.* Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа (Большой Юган, июнь-сентябрь 1999 г.) : отчёт о НИР. Томск, 1999 // Библиотечно-информационный историко-культурный фонд Сургутского района (БИИКФ СР). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 324.
3. *Михалёв А. Н.* Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа (Малый Юган, июнь-сентябрь 2000 г.): отчёт о НИР. Томск, 2000 // БИИКФ СР. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 325.
4. *Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
5. *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев. М.: Либерия, 1996. 208 с.
6. *Зенько А. П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.
7. *Карапетова И. А., Соловьёва К. Ю.* Образ хозяина «Явун-Ики» как символ культуры юганских хантов // Сибирский этнографический сборник. Вып. 10: Этнография народов Западной Сибири / под ред. Д. А. Функа, А. П. Зенько. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2000. С. 199–211.
8. *Карьялайнен К. Ф.* Религия Югорских народов: в 3 т. Томск: ТГУ, 1995. Т. 2. 284 с.
9. *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Васюганско-ваховские ханты в кон. XIX – нач. XX вв.: этнографические очерки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 226 с.
10. *Кулемзин В. М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 192 с.
11. *Лукина Н. В.* Хантыйский обряд жертвоприношения // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 2 (2). С. 106–114.
12. *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / гл. ред. С. Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2004. 552 с.
13. *Мартынова Е. П.* «Дай, и тебе будет дано»: реципрокность в культово-религиозных практиках обских угров // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 13–22. URL: http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_9/13/
14. *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. М.: Либерия, 1998. Кн. 1. 416 с.
15. *Мифы, предания, сказки хантов и манси* / отв. ред. Е. С. Новик, Н. В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.
16. *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. // Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.
17. *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М.: Вост. лит., 2004. 304 с.

18. *Перевалова Е. В., Данилова Е. Н.* Котел в культуре обских угров и самодийцев: сакральный аспект // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 116–126.
19. *Рудь А. А.* Пожары в культуре восточных хантов: современные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 128–137.
20. *Рудь А. А.* Олень в современной культуре восточных хантов // Экология древних и традиционных обществ : материалы VI Междунар. науч. конф., 02-06.11.2020 г. / отв. ред. Н. П. Матвеева, Н. Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 265–267.
21. *Рудь А. А.* Коллективное жертвоприношение в ритуальном пространстве восточных хантов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 157–166.
22. *Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
23. *Стародубова О. В.* Ханты реки Тром-Аган: система религиозных представлений в начале XXI в. // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции (г. Тюмень, 26–30 марта 2012 г.). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 285–288.
24. *Судьбы народов Обь-Иртышского Севера*: (Из истории национального государственного строительства, 1822-1941 гг.) : сб. док. / под ред. Д. И. Копылова. Тюмень: Тюмень, 1994. 320 с.
25. *Шатилов М. Б.* Ваховские остяки: этнографические очерки. Томск: Томский краевой музей, 1931. 204 с. (Труды Томского краевого музея. Т. 4).
26. *Wiget A., Balalaeva O.* Khanty, people of the taiga: surviving the twentieth century. Fairbanks: University of Alaska Press, 2011. 398 p.

References

1. Adayev, VN 2013, ‘Istoriya uganskikh khantov na r. Dem'yanke v 1970–2000-ye gg.:stanovleniye etnoterritorial'noy gruppy’ (The history of the Yugan Khanty on the river Demyanka in the 1970–2000s: the formation of an ethno-territorial group), *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3(22), pp. 142–147. (In Russ.)
2. Mikhalev AN 1999, ‘Vyyavleniye i obsledovaniye kul'tovykh ob"yektov v Surgutskom rayone Tyumenskoy oblasti Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga (Bol'shoy Yugan, iyun'-sentyabr' 1999 g.)’ (Identification and survey of religious sites in Surgut District, Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (Bolshoi Yugan, June-September 1999).), *Bibliotechno-informatsionnyy istoriko-kul'turnyy fond Surgutskogo rayona (BIIKF SR)’*, foud R-4, inventory 1, file 324. (In Russ.)
3. Mikhalev AN 2000, ‘Vyyavleniye i obsledovaniye kul'tovykh ob"yektov v Surgutskom rayone Tyumenskoy oblasti Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga (Malyy Yugan, iyun'-sentyabr' 2000 g.)’ (Identification and survey of religious sites in Surgut District, Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (Maly Yugan, June-September 2000)), *Bibliotechno-informatsionnyy istoriko-kul'turnyy fond Surgutskogo rayona (BIIKF SR)*, foud R-4, inventory 1, file 325. (In Russ.)
4. Golovnev, AV 1995, *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* (Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugric peoples), UrO RAN publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
5. Dunin-Gorkavich, AA 1996, *Tobol'skiy Sever: Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodtsev* (Tobolsk North. Ethnographic sketch of local national minorities), vol. 3, Liberiya publ., Moscow. (In Russ.)
6. Zen'ko, AP 1997, *Predstavleniya o sverkh"yestestvennom v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov: struktura i variativnost'* (Concept of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians: structure and variability), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
7. Karapetova, IA & Solov'yova, KY 2000, ‘Obraz khozyaina «Yavun-Iki» kak simvol kul'tury yuganskihk hantov’ (The “Yavun-Iki” image as a symbol of the Yugan Khanty culture) *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* (Siberian ethnographic collection), no. 10, In-t etnologii i

8. Kar'yalaynen, KF 1995, *Religiya Yugorskikh narodov* (Ugra people's religion), vol. 2, TGU publ, Tomsk. (In Russ.)
9. Kulemzin, VM & Lukina, NV 1977, *Vasyugansko-vakhovskiye khanty v kon. XIX – nach. XX vv.: Etnograficheskiye ocherki* (Vasyugansko-Vakhovskiye Khanty at the end of 19th – beginning of 20th centuries: ethnographic essays), TGU publ, Tomsk. (In Russ.)
10. Kulemzin, VM 1984, *Chelovek I priroda v verovaniyakh khantov* (The human and the nature in beliefs of Khanty), TGU publ, Tomsk. (In Russ.)
11. Lukina, NV 2013, 'Khantiyskiy obryad zhertvoprinosheniya' (Khanty sacrifice ritual), *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 2 (2), pp. 106–114. (In Russ)
12. Malinowskiy, B 2004, *Izbrannoye: Argonavty zapadnoy chasti Tikhogo okeana* (Selected writings: Argonauts of the Western Pacific), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ)
13. Martynova, EP 2022, '«Day, i tebe budet dano»: retsiproknost' v kul'tovo-religioznykh praktikakh obskikh ugrov' ("Give, and it will be given to you": reciprocity in cult-religious practices of the ob-ugrians), *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, no. 1(9). pp. 13–22, http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_9/13/ (In Russ).
14. Miller, GF 1998, *Opisaniye Sibirskogo tsarstva I vsekh proisshedshikh v nyom del ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya yego Rossiyskoy derzhave po sii vremena* (Description of the Siberian kingdom and all the things that happened in it from the beginning and especially from subjugating it to the Russian state to this day), book 1, Liberiya publ, Moscow. (In Russ.)
15. Novik, ES & Lukina, NV (eds.) 1990, *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* (Myths, legends, tales of Khanty and Mansi), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
16. Mauss, M 2011, 'Ocherk o dare. Forma I osnovaniye obmena v arkhaicheskikh obshchestvakh' (The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies), *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* (Societies. Exchange. Personality: works on social anthropology), KDU publ, Moscow, pp. 134–285. (In Russ.)
17. Novik, ES 2004, *Obryad I fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavleniya struktur* (Ritual and folklore in Siberian shamanism: Structural matching experience), Vostochnaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
18. Perevalova EV & Danilova EN 2020, 'Kotel v kul'ture obskikh ugrov I samodiyev: sakral'nyy aspect' (Cauldrons in the cultural traditions of the Ob Ugrians and Samoyeds: a sacral aspect), *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1(48), pp. 116–126. (In Russ.)
19. Rud' AA 2018, 'Pozhary v kul'ture vostochnykh khantov: sovremennyye aspekty' (Fires in the culture of the Eastern Khanty: modern aspects), *Vestnik arkheologii, antropologii I etnografii*, no. 2(41), pp. 128–137. (In Russ.)
20. Rud' AA 2020, 'Olen' v sovremennoy kul'ture vostochnykh khantov' (Deer in modern culture of the Eastern Khanty), *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Ecology of ancient and traditional societies. The 6th International Scientific Conference), no. 6, Tyumen SC of Siberian Branch RAS publ, Tyumen, pp. 265–267 (In Russ.)
21. Rud' AA 2022, 'Kollektivnoye zhertvoprinosheniye v ritual'nom prostranstve vostochnykhk hantov' (Communal sacrifice in the ritual space of the Eastern Khanty), *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4(59), pp. 157–166. (In Russ.)
22. Sahlins, M 1999, *Ekonomika kamennogo veka* (Stone Age Economics), OGI publ, Moscow. (In Russ.)
23. Starodubova, OV 2012, 'Khanty reki Trom-Agan: Sistema religioznykh predstavleniy v nachale XXI v.' (Khanty of the Trom-Agan River: a system of religious beliefs at the beginning of the 21st century), *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiyskoy konferentsii* (Human and the North: Anthropology, archeology, ecology. The All-Russian conference), no. 2, 26-30 March 2012, Tyumen, Tyumen SC of Siberian Branch RAS publ, Tyumen, pp. 285–288. (In Russ.)
24. Kopylov, DI (ed.) 1994, *Sud'by narodov Ob'-Irtyshskogo Severa (Iz istorii natsional'nogo gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822-1941 gg.)* (The fate of the peoples of the Ob-Irtysh North (From the history of national state-building. 1822 1941), Tyumen. (In Russ.).
25. Shatilov, MB 1931, 'Vakhovskiye ostyaki: etnograficheskiye ocherki' (Vakh Ostyaks: ethnographic essays), *Trudy Tomskogo krayevogo muzeya* (Proceedings of the Tomsk Regional Museum), vol. 4, Tomskiy krayevoy muzey publ, Tomsk. (In Russ.)

26. Wiget, A &, Balalaeva, O 2011, Khanty, people of the taiga: surviving the twentieth century, University of Alaska Press publ, Fairbanks.

Статья поступила в редакцию: 26.09.2023
Одобрена после рецензирования: 10.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 26.09.2023
Approved after reviewing: 10.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 49–59.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 49–59.

Научная статья
УДК 316.72
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-49-59

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И ТВОРЧЕСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА: ЭФФЕКТ УНИКАЛЬНОСТИ

Наталья Ивановна Новикова

Институт этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, natinovikova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5686-1104

Аннотация. В статье рассматриваются современные экономические практики коренных народов и роль творчества в их складывании. Анализ строится на полевых материалах автора, собранных в различных районах Сахалина. Социально-экономические отношения анализируются через концепции экстрактивизма, характеризующие широкие практики добычи ресурсов, а также продовольственного суверенитета и локальности. Гипотеза исследования строится на исследовании соотношения знаний о свойствах местных флоры и фауны, навыков их применения и творчества коренных народов. Анализируемые виды хозяйственной деятельности определяются знаниями об окружающем мире. В первую очередь коренные народы острова осваивали и осваивают ежедневно все, что связано с морем. В последнее время ресурсы лосося и доступ к этому важнейшему в прошлом ресурсу сокращаются. Людей спасает то, что они включают все новые и новые умения и навыки, но не только. Сегодня растет уровень их «формальной» профессиональной подготовки. Специальное внимание уделяется эффекту уникальности, благодаря которому возникают новые возможности жизнеобеспечения с опорой на местные ресурсы. Анализ строится на полевых материалах автора, собранных в Сахалинской области, Венгрии и во время проведения выставок «Сокровища Севера» в Москве. Рассматриваются две сферы жизнедеятельности: местная кухня и ее презентация и художественное творчество. Я интерпретирую полученную и создаваемую путем рефлексии информацию на пересечении научных и традиционных знаний всех факторов «местной жизни».

Ключевые слова: Сахалин, экономические практики, коренные народы, уникальность, рыбья кожа, пища, художественное творчество.

Для цитирования: Новикова Н. И. Экономические практики и творчество коренных народов Сахалина: эффект уникальности // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 49–59. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-49-59.

Сведения об авторе: *Н. И. Новикова* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32А.

© Новикова Н. И., 2023

Scientific Article
UDC 316.72
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-49-59

ECONOMIC PRACTICES AND CREATIVITY OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SAKHALIN: THE EFFECT OF UNIQUENESS

Natalya I. Novikova

Institute of Ethnology and Anthropology
named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS
Moscow, Russia, natinovikova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5686-1104

Abstract. The article examines contemporary economic practices of indigenous peoples and the role of creativity in their formation. The basis of the analysis is the author's field materials collected in different areas of Sakhalin. To analyze socio-economic relations, the author uses the concepts of extractivism, which characterize broad practices of resource extraction, food sovereignty and localism. The basis of the hypothesis of the study is an investigation of the relationship between knowledge of the properties of local flora and fauna, skills in their application, and indigenous creativity. Knowledge of the surrounding world determines the types of economic activities analyzed. First, the indigenous peoples of the island developed and continue to develop everything related to the sea on a daily basis. Recently, salmon stocks and access to this most important resource in the past has been declining. Thus, people have to learn new skills. Today, the level of their "formal" professional training is increasing. The effect of uniqueness, which creates new opportunities for livelihoods based on local resources, is becoming particularly important. The basis of the analysis is the author's field materials collected in the Sakhalin Oblast, Hungary and during the "Treasures of the North" exhibitions in Moscow. The article focuses on two spheres of life: local cuisine and its presentation and artistic creation. The author interprets the information received and created through reflection at the intersection of scientific and traditional knowledge of all factors of "local life".

Keywords: Sakhalin, economic practices, indigenous peoples, uniqueness, fish leather, food, artistic creation.

For citation: Novikova, NI 2023, 'Economic Practices and Creativity of the Indigenous Peoples of Sakhalin: The Effect of Uniqueness', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 49–59, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-49-59 (in Russ.)

Information about the Author: *Natalya I. Novikova* – Doctor of Science (History), Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS, 32A, Leninsky Pr., Moscow, 119334, Russia.

© Novikova N. I., 2023

Введение

Культуры коренных народов тесно связаны с местом их обитания. Выработанная в течение длительного времени освоенность ресурсов создает широкие возможности для жизнеобеспечения. Причем это проявляется и в хозяйственной деятельности, и во вкусовых предпочтениях в пище, и в художественном творчестве. Именно глубокая связь с местом и определяет статус человека в этом сообществе. Это безусловно не значит, что люди не меняют своего места жительства, но они всегда включают новые места в свое мироощущение, устанавливают с ними связь. Прекрасное, на мой взгляд, определение культуры приводится в книге австралийского ученого из аборигенного клана Апалеч Тайсона Янкапорта «Быть таким, как наше место» [18, с. 199]. В данной статье я хочу сфокусироваться на местных основаниях культуры как основе жизнеобеспечения коренных народов. А также показать, как такие далекие, на первый взгляд, друг от друга активности как профессиональное искусство и приготовление пищи, в современных условиях могут стать, но не всегда становятся, экономическими практиками. Более того, как они могут стать основой самобытного свободного развития коренных народов в современном мире. Основным ресурсом жизнеобеспечения на острове, естественно, стали водные биологические ресурсы. Знания о рыбе привели к ее полному использованию как в пищу, так и в виде кожи для производства одежды и обуви. С течением времени, многие практики были утрачены, на их место пришло использование рыбьей кожи в производстве сувениров и в искусстве. Картины из рыбьей кожи имеют не только эстетическую ценность, но и презентуют и сохраняют знания о природе. Использование дерева было важной основой резьбы, в первую очередь, для ритуальных изделий. И сегодня из дерева вырезают корытца для совершения обрядов кормления духа моря, затем их передают в музеи. В сувенирном производстве используются в основном деревянные фигурки животных, которые передают наблюдения мастеров за природой. Основу жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Сахалина составляют возобновляемые природные ресурсы. Именно знания о них и навыки их использования служат справедливым основанием для получения ими специальных прав.

Материалы и методы

Исследование основано на полевых материалах автора, собранных в Охинском, Поронайском и Ногликском районах Сахалинской области и г. Южно-Сахалинске, а также во время выставок и фестивалей в Москве, Санкт-Петербурге и Будапеште, в которых принимали участие сахалинские мастера и художники в 2000–2023 гг. Оно является продолжением моих статей, посвященных экономическим практикам коренных народов Сахалина [8; 9].

В современных условиях активисты, ученые из числа этих народов и их организации выступают за необходимость признания за ними права на самобытное развитие. В международных документах и национальном законодательстве подчеркивается, что представители этих народов имеют коллективные и индивидуальные права. На их основе только и может быть обеспечено свободное развитие человеческой личности [подробнее, 7]. Обращение к проблеме свободного развития на основании анализа политики доступа к ресурсам является основополагающим подходом в анализе природопользования коренных народов. Безусловно, именно на нем строится их возможное благосостояние. Отсутствие такого доступа и его ограничения приводят ко всему спектру социально-экономических и культурных проблем существования и развития коренных народов. Эта тема широко обсуждается в российской науке. В условиях повсеместного ограничения биологических ресурсов я хочу привлечь внимание к тому, как на свободное развитие влияют талант и образование людей, которые становятся важнейшим ресурсом жизнеобеспечения коренных народов.

Другим важным для меня инструментом анализа выступают теории экстрактивизма [19], которые могут охватывать не только исследования добычи углеводородного сырья и его влияние на местное население, но и касаться их знаний и эстетических практик. Дж. Паркс опирается на определение эстетических практик Ж. Рансьера как особого режима идентификации и осмысления искусства: способа артикуляции между способами деятельности и творчества, их соответствующими формами видимости и возможными способами осмысления их отношений. Автор отмечает, исходя из этого представления об эстетическом как относящемся к процессам, посредствам которых онтологические конфигурации и способы опыта становятся видимыми, эстетические практики приобретают важнейшую способность опосредовать эти онтологии, позволяя им принимать видимую форму, что, в свою очередь, способствует появлению новых политических субъективностей [19, p. 358]. Дж. Паркс рассматривает, как ресурсы становятся «видимыми» в основном через художественную литературу. Я использую концепт «видимости» при анализе творчества современных художников Сахалина.

Результаты

Продовольственная система коренных народов

Когда исследователи пишут о рыболовстве коренных народов, обычно обращают внимание либо на ресурсы и технологии, либо на социальные отношения в этой сфере. Я предлагаю посмотреть на рыбу, водные биологические ресурсы как на основу продовольственного суверенитета, как часть самоопределения и адаптивную способность, коллективный потенциал свободного самобытного развития. В первую очередь, это касается народов, которые исторически использовали и продолжают использовать значительные ресурсы лососей в бассейне Тихого океана. В этом случае для людей важна «лососевая безопасность», ее отсутствие создает и экономические, и психологические риски [21; 9].

Остров Сахалин сравнительно небольшой, но разнообразие рельефов, течений, глубин и т.д. в течение длительного времени освоения привели к складыванию разнообразных практик добычи у местного населения [15, с. 53–56]. Они в первую очередь определялись экологическими условиями, а также существовавшими у них религиозными представлениями и обычаями, нормами обычного права.

Ранее я писала о том, как через презентацию рыболовства как основы жизнеобеспечения коренных народов острова аборигены добиваются видимости своих прав, статуса и проблем. Для этого используются различные социальные механизмы: развитие предпринимательства, повышение технологичности и модернизация рыболовства и, наконец, праздники «Кормление духа моря» [8]. Полевые материалы показывают, насколько важны для них навыки рыболовства, качество и разнообразие продукции. Я постоянно слышала и могла наблюдать, насколько богат пищевой рацион коренных народов. Благодаря большому культурному разнообразию на Сахалине кухня приобрела новые вкусовые оттенки. Например, в Поронайском районе много смешанных корейско-нивхских и корейско-уильтинских семей. Их кухня стала еще более разнообразной и привлекательной для широкого населения. Местная аборигенная кухня выигрывает часто благодаря свежести продуктов. Кроме того, большое разнообразие приводит в естественному сохранению ресурсов, сокращению давления на добычу лосося как самой дорогой рыбы. Люди говорят: «Для нас в каждый период вся рыба значима, в какой период идет. Когда мало красной рыбы, мы другую ловим. От моря все брали, после шторма все собирали. У людей опыт есть, что можно есть» [ПМА, г. Поронайск, 2019]. На Сахалине проводится работа по документации знаний о растениях и рецептов приготовления пищи [6; 13; 14]. Ценность таким изданиям придает то, что они или составлены учеными, долгое время работавшими с аборигенами, либо самими хранителями традиций, причем записи сделаны на языках

этих народов с переводом на русский язык. Эти публикации осуществлялись при финансовой поддержке «Плана содействия коренным малочисленным народам Севера Сахалина» (2006 – по н.в.), реже районных администраций.

Многие женщины говорят, что больше, чем добывать, продавать рыбу им нравится ее готовить и раздавать. На одном из первых праздников «Кормление духа моря», родовые хозяйства все угощение делали за свой счет. Руководители хозяйств активно участвовали в приготовлении. Продовольственный суверенитет предполагает не только самостоятельную добычу ресурсов, но и приготовление их по этническим рецептам, с использованием местных технологий. Это обеспечивает и привлекательность для всего населения области, и является одним из знаков культуры коренных народов. Обязательным атрибутом праздничной пищи являются несколько блюд, в том числе *мос*, в прошлом при его изготовлении использовались специальные деревянные корытца, украшенные резьбой[1].

Презентация аборигенной кухни является важной частью всех акций, посвященных этим народам на Сахалине, и в мероприятиях в Москве. В рамках ежегодной выставки в Москве «Сокровища Севера» с 2016 г. проводятся фестивали движения SlowFood / Слоуфуд, в котором участвуют коренные народы. На Сахалине это движение развивается с 2017 г., когда состоялся семинар «Вкусная, чистая, честная еда - наше право и будущее». Целью этого международного движения является сохранение и популяризация местных продуктов питания, обеспечение доступа к ним всего населения. Философия движения определяется тремя компонентами: «Вкусно: свежие и ароматные сезонные продукты, которые приятны для органов чувств и являются частью местной культуры. Чисто: производство и потребление продуктов питания, которое не наносит вреда окружающей среде, благосостоянию животных и здоровью человека. Честно: доступные цены для потребителей, справедливая оплата и достойные условия труда для производителей» [20]. В 2020 г. в Москве состоялся фестиваль Слоуфуд «Мать Земля. Коренные народы. Рыба». Блюда из рыбы, в том числе коренных народов, широко представлены в этом движении по всему миру. Они всегда вызывают большой интерес благодаря уникальности и разнообразию. Выступавшие на мероприятии представители коренных народов отмечали, что «традиционные рецепты и уникальные блюда с использованием рыбы можно с полным правом назвать частью философии северян» [12].

Неслучайно участие в нем коренных народов, которые всегда связывают свой доступ к традиционному питанию с правом на свободное развитие и самоопределение, а в современных условиях и на продовольственную безопасность [21; 11]. В литературе больше внимания уделяется доступу к ресурсам, на мой взгляд, даже с учетом культурной составляющей, этого недостаточно. Сегодня аборигены могут не только требовать доступа к ресурсам для обеспечения своего питания, они могут стать производителями в этой сфере. Учитывая их навыки, культурную составляющую их кухни, они могли бы стать важными участниками ресторанного бизнеса. У народов Сахалина накопились и обширные знания о продуктах питания, и навыки приготовления вкусных и оригинальных блюд. Они могли бы включать экономические практики в канву своей культуры, создавая концептуальные, основанные на местных этнокультурных традициях рестораны или организовывая подобное питание туристов. Пока все это мало реализованная возможность, мало включённая в предпринимательскую деятельность аборигенных общин и хозяйств, но их активная презентация своей культуры питания демонстрирует такие потенциальные возможности, добавляет ресурсам «видимости».

Профессиональное и народное художественное творчеств

В прошлом народы Амура и Сахалина использовали одежду из рыбьих шкур. Ее отличали легкость, прочность, непромокаемость. Этот материал был в любой семье,

любом хозяйстве. Но производство таких вещей было очень трудоемким, поэтому в XX в. они были вытеснены тканевыми изделиями. [15, с. 140]. В современных условиях халаты из рыбьей кожи можно увидеть в основном в музеях или на выставках. Мастера Амура и Сахалина широко известны своими уникальными произведениями [2]. Как экономическая практика на Сахалине уже давно и довольно успешно развивается производство кукол и других сувениров с использованием рыбьей кожи [9]. Для мастеров производство сувениров довольно простой процесс. На мастер-классах они делают их часто на глазах посетителей. Для широкой публики это создает дополнительную привлекательность. Культурный центр Кыхкых (п. НекрасовкаОхинского района) благодаря грантам от нефтяной компании проводил выездные мастер-классы, во время которых демонстрировались различные умения нивхских женщин. Причем интересно отметить, что внучка одной из них – Натальи Николаевны Кельман, проводила обучение среди детей и собирала большую аудиторию [ПМА, п. Некрасовка, 2021]. В центре Кыхкых работает кружок под руководством стилиста дизайнера Альбины Мыгун, которая создает прекрасные образцы вышивок. Она и изучает старинные орнаменты, и также, как многие другие художники, придумывает на их основе новые. Мои полевые материалы говорят о том, что народное творчество на Сахалине переживает новую эпоху. Здесь создано много центров и работает много замечательных мастеров. Социальный статус человека в традиционной культуре в значительной степени зависел от овладения ремеслом. Так, «нивхи выделяли в своей среде *мухыланиг* (*кэыланиг”вн*), дословно «самый лучший мастер», и *к'эрггопнауни”вн* («делающий для себя»). Этим двум категориям нивхи противопоставляли *ирвисн-ылани”вн* («неискусный»). Подобные категории были и у других народов Дальнего Востока [3, с. 232]. Существует большая академическая литература, посвященная орнаментам и другим видам декоративно-прикладного искусства народов Сахалина, здесь я хочу отметить опубликованные собрания самих аборигенов [5; 17]. Подобные проекты могут рассматриваться как осуществление коллективных и индивидуальных прав коренных народов на культурное наследие и развитие культуры в современных условиях.

Сувенирное производство играет все большую роль в жизнедеятельности коренных народов. Сахалин занимает в этом процессе особую нишу, так как оно здесь в значительной степени связано с самоорганизацией коренных народов. Органы государственной власти мало участвуют в этой деятельности, в отличие от регионов Западной Сибири [16]. Безусловно, мастерам бы пригодилась финансовая и организационная поддержка, но ее отсутствие привели к их большей самоорганизации, свободе и удовлетворению от своей работы. Можно отметить, что уже первые предприниматели из числа коренных народов в Поронайском районе пытались организовывать такое производство наравне с рыболовным, часто сами его финансировали. Финансовую поддержку сохранению народных традиций, в том числе и в искусстве оказывают на Сахалине в основном нефтяные компании.

Широкое развитие народного декоративно-прикладного искусства создает важный фон для появления уникальных мастеров. Отдельные особо выдающиеся мастера и художники становятся сегодня выразителями культурных ценностей, культурного богатства этих народов. Благодаря им творчество становится видимым, значимым для окружающего мира. Такие художники как Вероника Осипова, Федор и Альбина Мыгун и другие опираются в своем творчестве на это наследие. В последние годы активно развивается выставочная деятельность Ф. Мыгуна. Он профессиональный художник, но раньше был больше известен благодаря своей общественной деятельности. В 2020 г. Ф. Мыгун стал работать в Сахалинском краеведческом музее, где организовал интересный проект «Сказки, которые можно слушать» по чтению про-

изведений фольклора на языках коренных народов с переводом на русский. В сентябре 2023 г. в музее проходила его выставка «Чуздиф» («Новый путь»). Как говорит художник: «Это связано с тем, что на выставке представлено новое направление … – современная роспись по дереву. Хочется, чтобы такие предметы с традиционными орнаментами, росписью коренных народов можно было чаще увидеть в современном быту. Хотелось бы как-то внедрить их в современность» [10]. В 1990-е годы он предпринимал усилия по созданию цеха по производству мебели и утвари с нивхскими резными орнаментами. К сожалению, потом этот цех закрылся. Я много раз беседовала с Федором на темы жизненности, современности нивхского искусства, он один из лидеров творческого процесса на Сахалине.

Мировую известность и уникальность сахалинскому региону в последние годы принесла художница Вероника Осипова. Я имела возможность многократно беседовать с ней. Наше знакомство состоялось в 2011 г. в п. Ноглики. Вероника к этому времени получила диплом о высшем образовании, училась выделке кожи на всевозможных семинарах в Хабаровском крае и на Сахалине. Она работала в своей мастерской по ремонту и пошиву одежды и производству сувениров. Родившись на севере острова, Осипова прекрасно знала местную природу и хотела ее показать в своих работах. Затем мы встретились в 2017 г. в Будапеште на Европейской выставке народных мастеров. На ней сахалинские гости имели большой успех, демонстрируя уникальные образцы орнаментов, резьбы, картин из рыбьей кожи, а также песен и танцев [подробнее, 9]. Картины В. Осиповой вызвали особенно большой интерес, к ней подходили на мастер-классах другие участники, которых интересовали ее работы и как произведения искусства, и как результат ремесла, в высшем значении этого слова. Талант Вероники Осиповой позволяет ей развиваться, создавая новые произведения и новые направления. Сегодня ее картины становятся иллюстрациями в книгах. В ее семье сложился неформальный центр культуры. Мама Вероники Елена Бибикова знаток и хранитель уйльтинского языка. Вероника – член Союза художников России. Ее картины из рыбьей кожи приобрели мировую известность. Они представлены во многих музеях, как в России, так и за рубежом, демонстрировались 2019 г. в ООН (в Нью-Йорке и Женеве), на многих выставках. В. Осиповой оформлены несколько изданий фольклора уильта, оригинальные тексты которого записаны ее мамой Е. Бибиковой. В Нью-Йорке ее выставка называлась «Я рисую легенды» [9]. Также называлась ее выставка на Форуме женщин Севера – 2023 в Петербурге. Там были представлены ее картины, иллюстрирующие произведения классика нивхской литературы В. М. Санги. Презентуя свои работы, Вероника рассказывала о своих наблюдениях за природой, нашедших отражение в ее картинах. Она отметила, что раньше жила на севере и наблюдала природу там, а теперь переехала на юг и все немного другое. Вероника сказала, что в Ногликах виден закат, а восход - на реке Тымь. Она сама иногда бывает и на реке, особенно самой большой Тыми, и в лесу, поэтому ее образы очень живые. Например, тетерев яркий, он прямо просится, чтобы его раскрасили. А белка осенью серая, некрасивая, но очень любопытная. Тымь в верховьях прозрачная, видно, как рыба идет на нерест. Но вода разного цвета, и кожа это передает. Кожа позволяет показать прозрачность, например, на одной из ее картин, человек стоит в воде и это видно [ПМА, г. Санкт-Петербург, 2023]. В одном из интервью на вопрос, чем ее привлекает рыбья кожа, В. Осипова отвечает: «Оказалось, что это очень фактурный и податливый материал. Берешь, например, кожу кунджи, присматриваешься к ней — да это же целое небо с облаками! Расположение пятен может подсказать сюжет картины» [1].

Интересные наблюдения были сделаны на основе этнопсихологических исследований нивхов. Авторы отмечают способность нивхов, от себя добавлю, и других коренных народов Сахалина, «достраивать» общую картину по отдельным деталям, что

помогает им в промысле. В основе этой способности лежит тесная связь восприятия с памятью. Это позволяет и достраивать зрительный образ, опираясь на его отдельные фрагменты [3, с. 224]. Таким образом, картины складываются не только из фрагментов рыбьей кожи, но и памяти. Богатое колористическое решение ее произведений также связано с такими наблюдениями. Я слышала и от других, в частности, от художницы Л. Д. Кимовой очень тонкие рассуждения о разноцветии зеленого леса или сиреневом весеннем снеге. Природа острова очень красива, но именно художники могут отметить такие ее особенности. В последние годы В. Осипова вместе с Ф. Мыгуном работают в Сахалинском краеведческом музее. С их приходом расширилась деятельность по популяризации культуры коренных народов. Возможно, появятся и последователи.

Выводы

Изучение современного развития коренных народов Сахалина убеждает в его большой социальной мобильности. Сохраняя локальные основы своей культуры, традиционные знания и навыки, они активно включают в свою жизнь все ценное и интересное, чему учатся сегодня. Но на пути их свободного развития возникает много проблем. В первую очередь это недостаточная правовая защита со стороны государства, когда в течение многих лет не урегулирован доступ коренных народов к рыболовным ресурсам и участие в принятии решений. Нет четких правовых рамок и для деятельности промышленных компаний в районах проживания этих народов [4]. Государственная политика в этой сфере по-прежнему ориентируется на концепты промышленного патернализма и традиционности коренных сообществ, фактически отказывая им в праве на самобытное развитие. Ведь, отказываясь от навязанных представлений о «традиционном образе жизни, танцах и фольклоре», они рискуют потерять свои специальные права. Для защиты их права на самобытное культурное развитие необходимо создание благоприятного общественного мнения. Художники, активисты и ученые, которые работают с коренными народами, стремятся к популяризации их знаний и навыков, а также искусства аборигенных мастеров. Их экономические практики не могут конкурировать с массовым производством, массовой культурой. В современных условиях именно уникальность, необычность, локальность, креативность становятся основаниями для развития и культуры, и аборигенной экономики.

Примечания

1. Характерно, что приготовление мос (блюдо из рыбьей кожи, нерпичьего жира и ягод) достаточно трудоемко, так как шкура растирается ступкой. Для меня участие в его приготовлении к празднику Кормление духа моря стало в свое время элементом социализации в сообществе коренных народов Сахалина и важным шагом установления отношений с моими информантами.

Список источников и литературы

1. *Веретенников В.* Рыбное дело: как художница с Сахалина создает удивительные картины из рыбьей кожи // Вокруг света : офиц. сайт. URL: https://www.vokrugsveta.ru/articles/rybnoe-delo-kak-khudozhnica-s-sakhalina-sozdaet-udivitelnye-kartiny-iz-rybei-kozhi-id880438/. Дата публикации: 13.05.2023.
2. *Глебова Е.* Метаморфозы рыбьей кожи: Путь древнего ремесла народов Амура. Хабаровск: Омега-Пресс, 2010. 176 с.
3. *История и культура нивхов: историко-этнографические очерки* / отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 2008. 270 с.
4. *Кряжков В. А.* Федеральное законодательство о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока: новеллы последних лет. DOI 10.31857/S102694520025623-6 // Государство и право. 2023. № 4. С. 72–83.

5. *Ланина Е. К.* «Нивхгу мролф тор»: (нивхские старинные традиции). Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2007. 223 с.
6. *Мидзушима М., Аида М., Роон Т. П.* Растения в жизни коренных жителей Сахалина-народа уильта (ороков) // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 2007. № 14. С. 162–200.
7. *Новикова Н. И.* Коллективное право коренных народов на самобытное развитие: культурная ценность или конфликт интересов // Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики / под ред. Ю. В. Попкова, И. С. Тарбастаевой. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2017. С. 110–120.
8. *Новикова Н. И.* Аборигенное предпринимательство в сфере рыболовства: пример Сахалина // Прибыль не ради прибыли? Экономические практики коренных народов Севера России в условиях рынка / отв. ред. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 90–118.
9. *Новикова Н. И.* Азбука жизнеобеспечения коренных народов Сахалина в начале XXI века. DOI 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-169-187 // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 169–187.
10. *«Новый путь» охинского художника Федора Мыгуна : интервью* / беседовала О. Ерачина // Сахалинский нефтяник : сайт. URL: https://sakh-neftyanik.ru/news/gorod/novyy-put-okhinskogo-khudozhnika-fedora-myguna. Дата публикации: 04.10.2022.
11. *Рагулина М. В.* Культурные аспекты этноэкономики и продовольственная безопасность коренных народов Севера: подходы к исследованию. DOI 10.15862/55ECVN418 // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10, № 4. URL: https://esj.today/PDF/55ECVN418.pdf (дата обращения: 11.10.2023).
12. *"Сахалин Энерджи" поддержал "Слоу Фуд" при организации фестиваля в Москве* // SakhalinMedia.ru : сайт. URL: https://sakhalinmedia.ru/news/1002292 (дата обращения: 11.10.2023).
13. *Сборник рецептов блюд национальных кухонь коренных малочисленных народов Севера Поронайского района* : брошюра / отв. за вып. Е. А. Панник. Поронайск, 2012.
14. *Сила традиций* / сказитель Ефросинья Николаевна Шкалыгина. Красноярск, 2021. 104 с.
15. *Смоляк А. В.* Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. 248 с.
16. *Степанова О. Б.* Антропология ямальского сувенира (на материалах ненцев, хантов и селькупов). DOI 10.33876/2311-0546/2023-3/203-214 // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 203–214.
17. *Хранительницы древних орнаментов* / сост. З. Л. Роник. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2001. 90 с.
18. *Янкапорта Т.* Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 224 с.
19. *Parks J.* The poetics of extractivism and the politics of visibility // Textual Practice. 2021. Vol. 35. Issue 3. P. 353–362. URL: https://doi.org/10.1080/0950236X.2021.1886708 .
20. *Slow Food* : офиц. сайт. URL: https://www.slowfood.com/ru/o-слоу-фуд/our-philosophy (дата обращения: 11.10.2023).
21. *Whyte K. P.* Indigenous Food Sovereignty, Renewal and Settler Colonialism // The Routledge Handbook of Food Ethics / ed. by M. Rawlinson, C. Ward. New York: Routledge, 2016. P. 354–365.

References

1. Veretennikov, V 2023, ‘Rybnoye delo: kak khudozhnitsa s Sakhalina sozdayet udivitel'nyye kartiny iz ryb'yey kozhi’ (Fish business: how an artist from Sakhalin creates amazing paintings from fish leather), *Vokrug sveta*, viewed 11 October 2023, https://www.vokrugsveta.ru/articles/rybnoe-delo-kak-khudozhnica-s-sakhalina-sozdaet-udivitelnye-kartiny-iz-rybei-kozhi-id880438/ (In Russ.)

2. Glebova, E 2010, *Metamorfozy ryb'yey kozhi: Put' drevnego remesla narodov Amura* (Metamorphoses of Fish Leather: The Way of the Ancient Craft of the Amur Peoples), Omega-Press publ, Khabarovsk. (In Russ.)
3. Turayev, VA (ed.) 2008, *Istoriya i kul'tura nivkhov: istoriko-etnograficheskiye ocherki* (History and Culture of the Nivkhs: Historical and Ethnographic Essays), SPb.: Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Kryazhkov, VA 2023, 'Federal'noye zakonodatel'stvo o korennykh malochis-lennykh narodakh Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: novelly poslednikh let' (Federal Legislation on Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East: Novelties of Recent Years), *The Journal "State and Law"*, no. 4, pp. 72-83, doi: 10.31857/S102694520025623-6 (In Russ.)
5. Lanina, EK 2007, *«Nivkhgu mrolf tor»: (nivkhskiye starinnyye traditsii)* (Nivkh ancient traditions), Sakhalin. kn. izd-vo publ, Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)
6. Midzushima, M, Aida, M & Roon, TP 2007, 'Rasteniya v zhizni korennykh zhiteley Sakhalina-naroda uil'ta (orokov)' (Plants in the life of the indigenous people of Sakhalin - the Uilta (Orok) people), *Vestnik Sakhalinskogo muzeya. Yezhegodnik Sakhalinskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya*, no.14, pp. 162–200. (In Russ.)
7. Novikova, NI 2017, 'Kollektivnoye pravo korennykh narodov na samobytnoye razvitiye: kul'turnaya tsennost' ili konflikt interesov' (Indigenous peoples' collective right to self-determined development: cultural value or conflict of interest), *Kollektiv-nyye prava etnicheskikh soobshchestv: problemy teorii i praktiki* (Collective Rights of Ethnic Communities: Problems of Theory and Practice), ed. Yu. V. Popkov, I. S. Tarbastayeva, IFPR SO RAN publ, Novosibirsk, pp. 110–120. (In Russ.)
8. Novikova, NI 2021, 'Aborigennoye predprinimatel'stvo v sfere rybolov-stva: primer Sakhalina' (Aboriginal entrepreneurship in fisheries: the case of Sakhalin), *Pribyl' ne radi pribyli? Ekonomicheskiye praktiki korennykh narodov Severa Rossii v usloviyakh rynka* (Profit not for profit? Economic Practices of Indigenous Peoples of the North of Russia in Market Conditions), ed. E. A. Pivnev, Nestor-Istoriya publ, Moscow, St. Petersburg, pp. 90–118. (In Russ.)
9. Novikova, NI 2023, 'Azbuka zhizneobespecheniya korennykh narodov Sakhalina v nachale XXI veka' (The ABCs of Sakhalin indigenous peoples' livelihoods at the beginning of the 21st century), *Etnografia*, no. 3 (21), pp. 169–187, doi: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-169-187. (In Russ.)
10. '«Novyy put'» okhinskogo khudozhnika Fedora Myguna' ("New Way" by Okha artist Fyodor Mygun), *Sakhalinskiy neftyanik*, viewed 11 October 2023,https://sakh-neftyanik.ru/news/gorod/novyy-put-okhinskogo-khudozhnika-fedora-myguna (In Russ.)
11. Ragulina, MV 2018, 'Kul'turnyye aspekty etnoekonomiki i prodovol'-stvennaya bezopasnost' korennykh narodov Severa: podkhody k issledo-vaniyu' (Cultural aspects of the ethnic economy and food security of the indigenous peoples of the North: approaches to research), *The Eurasian Scientific Journal*, vol. 10, no. 4, viewed 11 October 2023, https://esj.today/PDF/55ECVN418.pdf, doi:10.15862/55ECVN418 (In Russ.)
12. '"Sakhalin Enerdzhi" podderzhal "Slou Fud" pri organizatsii festiva-lya v Moskve' ("Sakhalin Energy" supported "Slow Food" in organizing a festival in Moscow) 2020, *SakhalinMedia*, viewed 11 October 2023, https://sakhalinmedia.ru/news/1002292 (In Russ.)
13. Pannik, EA(ed.) 2012, *Sbornik retseptov blyud natsional'nykh kukhon' korennykh malochislen-nykh narodov Severa Poronayskogo rayona* (Collection of recipes for dishes of national cuisines of small indigenous minorities of the North of the Poronaysky District), Poronaysk. (In Russ.)
14. Shkalygina, EN 2021, *Sila traditsiy* (The Power of Traditions), Krasnoyarsk. (In Russ.)
15. Smolyak, AV 1984, *Traditsionnoye khozyaystvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* (Traditional economy and material culture of the Lower Amur and Sakhalin peoples), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
16. Stepanova, OB 2023, Antropologiya yamal'skogo suvenira (na materialakh nentsev, khantov i sel'kupov) (Anthropology of Yamal souvenirs (on the materials of Nenets, Khanty and Selkups), *The Herald of Anthropology*, no.3, pp. 203-214, doi:10.33876/2311-0546/2023-3/203-214 (In Russ.)

17. Ronik, ZL 2001, *Khranitel'nitsy drevnikh ornamentov* (Keepers of ancient ornaments), Sakhalin. kn. izd-vo publ, Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)
18. Yunkaporta, T 2022, *Razgovory na peske. Kak aborigennoye myshleniye mozhet spasti mir* (Sand Talk: How Indigenous Thinking Can Save the World), Ad Marginem Press publ, Moscow. (In Russ.)
19. Parks, J 2021, 'The poetics of extractivism and the politics of visibility', *Textual Practice*, vol. 35, no. 3, pp. 353–362, doi:10.1080/0950236X.2021.1886708
20. *Slow Food*, viewed 11 October 2023, https://www.slowfood.com/ru/o-slou-fud/our-philosophy (In Russ.)
21. Whyte, KP 2016, 'Indigenous Food Sovereignty, Renewal and Settler Colonialism', *The Routledge Handbook of Food Ethics*, ed. M. Rawlinson, C. Ward, Routledge publ, New York, pp. 354–365.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 13.10.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 60–69.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 60–69.

Научная статья
УДК 304.4
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-60-69

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА: НОВЫЙ ПОВОРОТ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯКУТСКОГО БРЕНДА

Татьяна Федоровна Ляпкина[1]

Наталья Сергеевна Леджинова[2]

[1, 2]Арктический государственный институт культуры и искусств
Якутск, Россия
[1] teffil@mail.ru
[2] ledna2003@mail.ru

Аннотация. Современный тип экономики – это новый способ организации социально-культурных отношений. Архитектоника такой экономики замешана на нескольких ключевых элементах: знаниях, в контексте человеческого капитала и информационной среды применения и реализации капитала. Но главным элементом новых взаимоотношений экономики и культуры стали высокотехнологичная продукция и услуги, которые с одной стороны претендуют на универсальность, но с другой, именно им делегируют процессы идентичности.

Исследование рассматривает современную экономику как пространство борьбы за национально-этнический суверенитет, поскольку глобальные процессы обострили проблему существования культурного суверенитета многих локальных культур. Экономика – поле борьбы за человека, за смысло- и целеполагание его культурно-экономических практик. Именно такими являются практики производства бренда.

Реальность современного уровня развития креативных технологий, практик и индустрий в экономике Якутии заставляет нас не совершать подмену истинных ценностей культуры на рыночные. Сегодня важно не продать своё национальное самосознание на потребу капитала. И тогда тот, кто выдержит эту гонку, возможно, будет носителем истинных культурных ценностей. За эти ценности сегодня «борются» современные производители ювелирной продукции, которые могут распространять традиционные якутские ценности (семья, счастье, любовь, добро, верность) в символических смыслах. Продукция ювелирной фирмы ОНҮОР УТУМ претендует на трансляцию ценности традиционной культуры через свой особый креативный продукт.

Ключевые слова: традиционные экономические практики и креативная экономика, идентичность, национальный бренд, традиционные ценности культуры.

Для цитирования: Ляпкина Т. Ф., Леджинова Н. С. Экономика и культура: новый поворот в поисках национального якутского бренда // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 60–69. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-60-69

Сведения об авторах: *Т. Ф. Ляпкина* – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности, Арктический государственный институт культуры и искусств, 677027, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4;
Н. С. Леджинова – кандидат экономических наук, Арктический государственный институт культуры и искусств, 677027, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4.

© Ляпкина Т. Ф., Леджинова Н. С., 2023

Scientific Article
UDC 304.4
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-60-69

ECONOMY AND CULTURE: A NEW TURN IN THE SEARCH FOR A NATIONAL YAKUT BRAND

Tatiana F. Lyapkina[1]

Natalia S. Ledzhinova[2]

[1, 2] Arctic State Institute of Culture and Arts
Yakutsk, Russia
[1] teffil@mail.ru
[2] ledna2003@mail.ru

Abstract. The modern type of economy is a new way of organizing socio-cultural relations. The architectonics of such an economy consists of the following key elements: knowledge, in the context of human capital and the information environment of capital application. The main element of the new relationship between economy and culture is high-tech products and services, which, on the one hand, claim to be flexible, but on the other hand, it is to them that identity processes are delegated.

The study considers the modern economy as a space of struggle for national and ethnic sovereignty, as global processes have exacerbated the problem of many local cultures' sovereignty. The economy is a field of struggle for a person, for the conceptualization and goal-setting of cultural and economic practices. These are the brand production practices.

The current level of development of creative technologies, practices and industries in Yakutia's economy forces us not to replace true cultural values with market values. Today it is important not to sell your national identity for the need of capital. Those who will endure this race may be the bearers of true cultural values. Today, modern jewelry manufacturers fight for traditional Yakut values (family, happiness, love, kindness, loyalty), spreading them in symbolic meanings. The products of the ONUOR UTUM jewelry company claim to broadcast the values of traditional culture through their own, special creative product.

Keywords: traditional economic practices and creative economy, identity, national brand, traditional cultural values.

For citation: Lyapkina, TF & Ledzhinova, NS 2023, 'Economy and Culture: a New Turn in the Search for a National Yakut Brand', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 60–69, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-60-69 (in Russ.)

Information about the Authors: *Tatiana F. Lyapkina* – Doctor of Science (Cultural Studies), Professor of the Chair of Cultural Studies and Socio-cultural Activities, Arctic State Institute of Culture and Arts, 4, Ordzhonikidze Str., Yakutsk, 677027, Russia;
Natalia S. Ledzhinova – PhD in Economic Sciences, Arctic State Institute of Culture and Arts, 4, Ordzhonikidze Str., Yakutsk, 677027, Russia;

© Lyapkina T. F., Ledzhinova N. S., 2023

Введение

2021 год на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций был объявлен Международным годом креативной экономики в целях устойчивого развития. Этот факт обозначил окончательный переход к глобальной креативной экономике, в которой «культурные индустрии» как смыслополагание всякого производства стали сливаться с «креативными индустриями», подтвердившими идею возможного устойчивого дохода от культурного производства.

В Якутии еще в 2019 году был принят нормативный акт, регулирующий сферу креативных индустрий – «Концепция развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года» [9]. Здесь законодатель рассматривает креативные индустрии «как новый вид предпринимательской деятельности» и определяет одним из показателей, отражающих их эффективное развитие, «долю организаций, занимающихся маркетинговыми инновациями». При самом широком понимании маркетинговыми инновациями считают новые или улучшенные бизнес-процессы фирмы в сфере маркетинга и продвижения продукта [7, с. 289].

Современный анализ процессов культурной идентичности показал, что ювелирная отрасль Якутии наряду с другими отраслями креативного сектора стала производить «новые формы этнокультурной идентичности, опираясь на традиции, самобытные религиозные воззрения, создавая новые формы культуры» [2, с. 12–17]. Российский культуролог А. Ю. Демшина считает, что «этническое направление в дизайне актуально как способ проявления культурной солидарности, презентующий традицию не только как музейный экспонат, а как часть современной культуры, актуальной для человека XXI века, что особенно важно в ситуации глобализации культуры» [5]. Но, как отмечает В. П. Большаков, «профессиональное искусство для своей успешной реализации требует известной развитости чувств воспринимающего, его знакомства с языком конкретного искусства» [1].

Таким образом, мы предполагаем, что в целях выхода из ценовой конкуренции выстраивание маркетинговых коммуникации в поле трансляции ценностных смыслов креативного продукта, а также анализ, развитие и взаимодействие с целевой аудиторией позволит ювелирным компаниям повысить эффективность своей деятельности.

Материалы и методы

Информационной основой исследования стали статистические материалы, открытые результаты маркетинговых исследований, публикации в средствах массовой информации и в специализированных изданиях, а также материалы ювелирной фирмы «Ohyop Утум».

Особенности объекта и предмета исследования обусловили необходимость использования следующих методов: абстрагирования при теоретическом анализе существующих понятий и подходов к определению креативного сектора, маркетинговых коммуникаций; аксиологический подход, который позволил определить те ценностно-смысловые элементы социокультурного пространства Якутии, выражающиеся в современных национальных украшениях; методы прямого анализа и синтеза, индукции и дедукции при выявлении особенностей маркетинговых коммуникаций в креативном секторе, «креативного продукта» как результата творческой деятельности, при определении тенденций в ювелирной отрасли России и Республики (Саха) Якутия, при оценке маркетинговых коммуникаций российских и якутских ювелирных компаний. В эмпирической части исследования были использованы методы наблюдения, измерения, сравнения, интервью.

Результаты

В целом многообразие концепций, определяющих креативный сектор и производимый ими продукт, исследователи объединяют в следующие группы: отрасль, в

которой «творчество, культурные знания и интеллектуальная собственность используются для производства товаров и услуг, имеющих социальное и культурное значение, относится к креативному сектору. А сами производимые материальные или нематериальные художественные и творческие продукты имеют потенциал для создания богатства и получения дохода за счёт использования культурных ценностей и основаны на знаниях (как традиционных, так и современных)» [8]. К креативным индустриям относится любая производственная активность, которую можно охарактеризовать как творческую. Например, согласно такому подходу, инновации в сельском хозяйстве можно отнести к креативным индустриям; отрасль в которой интеллектуальная деятельность играет наибольшую роль, можно назвать креативной. Такой подход «креативности всего» выразился в определении креативности в государственной политике Великобритании: отрасль относят к креативному сектору, если деятельность в этом секторе зависит от авторского права. Например, это звучит в определении креативного сектора Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) – «охраняемые интеллектуальным правом индустрии».

Именно творческое содержание вкупе с культурной ценностью дифференцирует креативный продукт, определяет специфику его рыночного позиционирования и продвижения. В коммуникациях значительное внимание уделяется вопросу адекватного соответствия принятого сообщения отправленному. То есть, если рассматривать рекламный ролик как инструмент маркетинговой коммуникации, он должен быть воспринят покупателями как мотив к действию – в конечном итоге должен привести к продажам рекламируемого товара. В противном случае коммуникация не может считаться эффективной, а использованные инструменты и каналы коммуникации – действенными. Сложность маркетинга в креативном секторе, по нашему мнению, состоит в следующем: творческое содержание, экономическая и культурная ценность и рыночная цель креативного продукта; целевая аудитория: согласно социологическим исследованиям люди с высшим образованием в два раза чаще посещают театр, чем люди с полным средним образованием [6]. Руководители и служащие также чаще становятся зрителями театральных представлений.

Искусство относится к наивысшей степени потребностей, и для привлечения более широкой аудитории культурным институциям приходится адаптировать свой продукт к разным типам аудитории. Например, музеи и библиотеки помимо основной деятельности стали применять интерактивные выставки и развлечения, концерты, фильмы и живые представления и т. д. В продвижении креативного продукта требуется большее внимание уделить эмоциональной составляющей маркетингового предложения. Важно описать не характеристики товара, а те эмоции, которые он может подарить.

Рассмотренные дискуссии в теоретической и практической плоскостях происходят из стремления определить, какая деятельность и какие товары относятся к креативным и культурным индустриям. Все это делается не ради классификации как таковой, а ради выработки единых подходов к статистическому изучению, оценке эффективности принятых управленческих решений, сравнительного и динамического анализа показателей креативного сектора, его влияния на социально-экономическое и социально-культурное развитие территорий. При этом присутствие творческой компоненты как определяющего признака креативных индустрий и производимого в них продукта обусловливает специфику деловой и производственной активности, в том числе структуру, каналы и инструменты маркетинговых коммуникаций.

Сегодня маркетинговые коммуникации в основном ориентированы на онлайн-среду, на передачу сообщений посредством визуального и медиаконтента, вовлечение

аудитории в интерактивные коммуникации, формирование лояльности и привлечение новой аудитории. При этом важно помнить, что информация может быть некорректно интерпретирована неподготовленной аудиторией. Поэтому так важно коммуницировать со своей аудиторией на одном языке, основываясь на изучении ее поведенческих, психологических, культурных и др. особенностей.

Культурологический подход, применяемый на всех этапах ювелирного производства начиная от идеи изделия до выстраивания маркетинговых коммуникаций, предполагает учет культурной динамики и социокультурных условий, от особенностей ментальности и мышления до системы ценностей, господствующей в обществе. Наполнение таких чисто практических действий культурологическим содержанием происходит из той предпосылки, что *производство национальных ювелирных украшений можно рассматривать как народное искусство*.

Народное искусство в современном культурном пространстве сохраняет и развивает базовую систему ценностей отношений человека с миром, является своеобразной школой традиций, дающей ценностную установку творчеству, развиваясь на почве местных особенностей. Оно охраняет стилистическую целостность, ориентируясь на родовые ценности и регулируемые законом традиции; выражает народно-этническое самосознание. Народное искусство хранит выношенное народом отношение к жизни как высшей ценности и к красоте как выражению божественного начала.

Для мастера-ювелира очень важно понимать художественные приемы, которые он использует для создания своих изделий. Он должен иметь все необходимые знания об эстетике традиции, чтобы производить красивые и дорогостоящие продукты. Архитекторы, дизайнеры, представители ДПИ и другие, кто занимается эстетическими вопросами, должны знать основы, определяющие художественное искусство, и влияние на представление о нём. Ближе всех из исследователей-культурологов подошла к осмыслению методологии культурного брендинга Т. Ю. Быстрова [3; 4]. Таким образом, принимая вышеприведенные аргументы о важности изучения взаимного влияния социокультурных факторов среды и их практического проявления, в частности, в ювелирном искусстве, мы обосновываем предположение, что современное производство и продвижение национальных украшений должно основываться на знании народных традиций, понимании красоты, своеобразия продукции.

На современное состояние ювелирного рынка оказывают влияние как общемировая политическая и экономическая ситуация, так и изменения в нормативном регулировании отрасли (например, отмена спецрежимов налогообложения, отмена НДС для физических лиц при обороте золота в слитках в инвестиционных целях и т. д.). Происходит вынужденное повышение цен в сочетании со снижением покупательной способности населения. На фоне этого продолжится тренд на снижение продаж ювелирной продукции в натуральном выражении. Кроме того, происходит снижение среднего веса изделия. Аналитики связывают тенденцию снижения спроса со значительным падением уровня доходов россиян, приводящим к смещению потребительского спроса к товарам первой необходимости.

Другой стороной процесса развития ювелирного рынка является увеличение доли продаж крупных игроков ювелирной розницы. Так, лучшую динамику продаж в рассматриваемый период показал ювелирный бренд SOKOLOV, который в 2022 году увеличил количество торговых объектов, как за счет открытия собственных, так и франчайзинговых магазинов. Компании находится в постоянном поиске эффективных инструментов адаптации к меняющимся условиям рынка. Внедрение цифровых технологий в офлайн-формате внутри самих магазинов, развитие онлайн-продаж, дифференциация предложения позволили компании Sunlight охватить широкой круг потребителей и сместить компанию «585 Золотой» на второе место по объему продаж.

Отметим еще важный момент: занятость в ювелирной отрасли, как в целом в креативных индустриях по информации центра «Российская кластерная обсерватория», характеризуется высокой долей (61 %) занятых в сегменте малого и микробизнеса, а также индивидуальных предпринимателей [10].

Следующим трендом, характеризующим положение ювелирного рынка России, по мнению специалистов, является достаточно консервативная ассортиментная матрица с медленным обновлением ассортимента, устаревшим дизайном и выкладкой товара [11]. Но стоит отметить, что лидеры рынка не отстают от общемировых трендов и проводят активные маркетинговые мероприятия, учитывающие предпочтения поколения миллениалов (1984–2000 гг. рождения). Для них на первый план выходят такие категории ювелирных изделий, как «бридж-украшения», или «полудрагоценная ювелирная продукция», – созданных из серебра, качественной имитации золота, вставок из полудрагоценных камней, а также нишевые украшения. В коммуникациях с этим поколением акцент смещается с демонстрации характеристик товара на его роль в жизни человека. Сегодня покупателей интересует не сам товар, а результат, который может быть достигнут путем его приобретения.

Программы поддержки ювелирной отрасли в Республике Саха (Якутия) исторически разрабатывались в контексте развития алмазогранильной промышленности. В «Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года», утвержденной Постановлением правительства РС(Я) от 26 декабря 2016 года № 455, ожидается что создание единого ювелирно-гранильного производственного делового центра, на базе которого будут внедрены достижения научно-технического прогресса, станет отправной точкой для развития конкурентоспособных региональных брендов, выпуска эксклюзивных изделий с крупными бриллиантами, с уникальным дизайном бриллиантов (Yakutian Cut), создания Аукционного центра эксклюзивных алмазов и бриллиантов в городе Якутске.

Следует отметить и слабые стороны ювелирного дела, обусловленные удаленностью производственных площадок от мировых и российских центров ювелирной промышленности, высокую себестоимость производства, значительное нормативное регулирование деятельности и изменения системы налогообложения. Открытие ювелирно-гранильного кластера «Сэйбиэм» в ТОР «Якутия» в настоящее время не привнесло значительных изменений в расклад сил и структуру продаж ювелиров Якутии. Крупнейший производитель Якутии EPL Daimonds перенес производство в г. Москва, действующие ювелирные компании используют свои производственные мощности.

Современный массовый рынок ювелирных изделий России не отличается разнообразием и оригинальностью. По словам главы ассоциации «Гильдия ювелиров России» Эдуарда Уткина, существует противоречие между потребностью в оригинальности и массовым производством [15]. Поэтому для частных ювелиров открыт сегмент рынка, заинтересованный в оригинальности, эстетичности и духовно-содержательной наполненности продукта. Маркетинговые коммуникации, способные взаимодействовать с этим сегментом, находятся где-то в области соприкосновения философского и культурологического знания с одной стороны и теории, и практики маркетинга – с другой.

Практикующие маркетологи видят решение этой проблемы в развитии персонализированных коммуникаций, основанных на поведении потребителя, его реакциях и эмоциональном отклике на адресованную ему информацию. Начало процесса поворота маркетинговых коммуникаций в сторону потребителя, происходящее в последнее время, выражается тем, что компании стали больше уделять внимание обслуживанию клиентов, их удержанию и формированию лояльности. Производители и

ретейлеры стараются диверсифицировать ассортимент с учетом возрастных, гендерных, национальных и др. характеристик потребителя, функционального и целевого назначения изделий. Расширяется линейка за счет смежных товаров.

Заключение

Компании массового ювелирного сегмента обладают более развитыми цифровыми площадками и конкурентоспособностью, чем другие сегменты. Они активно используют самые последние технологии и следят за тенденциями в цифровом пространстве. Они используют различные маркетинговые инструменты, чтобы привлечь внимание потребителей и улучшить свои продукты. Разработанные ими системы лояльности являются частью маркетинговых коммуникаций, и их персонализация ожидаемо увеличивает продажи. Но без интеграции с визуальной идентификацией бренда, его знаковой системой будет невозможно создать его «эмоцию», «магию», которая происходит при соприкосновении с продуктом. Эта предпосылка фактически проникает во все бизнес-процессы компаний – от разработки идеи продукта то точек продаж. Современный потребитель адаптирован к рекламе и PR-воздействию, он стремится получить новые впечатления и от непосредственно самого процесса покупки, и от продукта.

В Республике Саха (Якутия), которая по итогам 2021 года занимает 10 место в рейтинге субъектов федерации по объемам розничной продажи ювелирных изделий [13], указанный показатель коррелирует с показателем численности среднего класса в структуре населения – 23,3 % и 9-е место в рейтинге регионов по численности среднего класса. Эти в целом благоприятные для якутской ювелирной отрасли факторы при общей негативной макроэкономической ситуации должны мотивировать предпринимателей активно внедрять эффективные маркетинговые инструменты для привлечения целевой аудитории, увеличения доли повторных покупок, формирования лояльности клиентов. Успех этой деятельности зависит от той работы с потребителем, которую ведет компания. В условиях, когда с одной стороны якутские ювелирные компании вынуждены наравне с крупными ювелирными сетями конкурировать за потребителя, а с другой – потребность в национальных украшениях закрывается изделиями декоративно-прикладного искусства из альтернативных материалов и китайских изделий, важно вывести коммуникации с потребителем в сферу трансляции культурных смыслов и ценности продукта.

Прямое копирование и (или) применение инструментов современного массового маркетинга, эффективно применяемых крупными сетевыми производителями ювелирных изделий в маркетинговых коммуникациях якутских ювелирных компаний, на наш взгляд, лишено смысла. Почему? Во-первых, малый и средний бизнес не обладают достаточным рекламным бюджетом, а во-вторых, производимый им продукт нельзя назвать массовым.

Рассматривая современное производство якутских национальных украшений как уже не ремесло, но и не массовое промышленное производство, мы говорим о том, что здесь все еще остается важной такая функция культуры, как передача духовного опыта – религиозного, сакрального, социального, эстетического. Соответственно, коммуникация в данном случае может транслировать не всегда прямо, но как бы образовывая «белый шум» вокруг потребителя. В этом случае производители национальных украшений и сувениров, публикуя у себя в социальных сетях адаптированную под широкий круг потребителей этнографическую, историческую, культурологическую информацию о культуре якутов, готовят аудиторию для своих изделий. Потребители, находясь в таком информационном поле, при возникновении потребности в украшениях с большей вероятностью отдадут предпочтение национальному украшению. При массовом производстве на первый план выходит декора-

тивная функция. Поэтому в сообщениях крупных ювелирных компаний мы и наблюдаем красивый визуальный ряд. Конечно, и в продвижении национальных изделий мы не должны уходить от эстетики и декора, но следует наполнять рекламу смысловым и ценностным содержанием.

Социокультурный контекст якутских украшений может вызывать такие ассоциации, как элитарность, статус и репутация, сохранение и накопление. В старину одежда и украшения были тесно связаны с ритуально-обрядовой практикой, связывающей человека с окружающим миром и с высшими силами, а также отражающей мифологические и художественно-образные представления народа. Статусность, многообразие и тяжеловесность женских серебряных украшений имеет актуальность в нашем времени. В последние десятилетия массовые коммуникации создали образ богатой якутской женщины хозяйки дома, матери – Далбар Хотун. На обложке одноименного журнала с 1994 года публикуются фотографии успешных женщин Якутии, часто в полном комплекте якутских серебряных украшений. Возможно, поэтому все ювелиры Якутии готовят к ежегодному празднику Ысыах новые коллекции украшений, активизируются в социальных сетях. Для якутского ювелирного рынка возрожденная традиция празднования Ысыах стала одним из факторов увеличения продаж и творческих поисков.

Социокультурный контекст ювелирных изделий для широкого круга потребителей, на наш взгляд, воспроизводится через такие категории, как имидж, пользовательская функциональность, повседневность. Например, в отзыве посетительницы ювелирной выставки, прошедшей в Новосибирске, отмечалось, что она приобрела якутское украшение, которое, по ее мнению, сочеталось с ее повседневными образами. Эта разноплановость возвращает нас к выводу о том, что при продвижении национальных изделий ювелирных брендов необходимо обращаться к культурологическому знанию.

Список источников и литературы

1. *Большаков В. П.* Культурные практики эстетического и художественного освоения человеком мира // Вестник СПбГИК. 2017. № 1 (30). С. 36–39. Электрон. версия. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-praktiki-esteticheskogo-i-hudozhestvennogo-osvoeniya-chelovekom-mira (дата обращения: 11.01.2023).
2. *Брагина Д. Г.* О современных факторах идентичности якутов на рубеже XX–XXI вв. DOI 10.31483/r-103550 // Этническая культура. 2022. Т. 4, № 3. С. 12–17. Электрон. версия. URL: https://phsreda.com/e-articles/10407/Action10407-103550.pdf (дата обращения: 11.12.2022).
3. *Быстрова Т. Ю.* Аксиология бренда: к методологии культурного брендинга территории // PR в изменяющемся мире: региональный аспект / под ред. М. В. Гундарина, А. Г. Сидоровой, Ю. В. Явинской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 85–95.
4. Быстрова Т. Ю. Зачем дизайну культурология // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 4 (25). С. 5–15. Электрон. версия. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/zachem-dizaynu-kulturologiya (дата обращения: 11.02.2023).
5. *Демшина А. Ю.* Этнотенденции в пространстве современной моды // Вестник СПбГИК. 2011. № 1. С. 161–164. Электрон. версия. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/etnotendentsii-v-prostranstve-sovremennoy-mody (дата обращения: 11.01.2023).
6. *Как продавать искусство* : сб. ст. / сост. Дж. В. Мелилло. Новосибирск: Сибирской хронограф, 2001. 196 с.
7. *Индикаторы инновационной деятельности*: 2022 : стат. сб. / В. В. Власова [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 292 с.
8. *Индикаторы Юнеско. Культура для развития* : методическое руководство. [Париж: Юнеско], 2017. 148 с. Электрон. версия печ. изд. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000229608_rus (дата обращения: 01.11.2022).

9. *Концепция развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года* // Корпорация развития Республики Саха (Якутия) : сайт. URL: https://krrsy.ru/wp-content/uploads/2020/02/Koncepciya-razvitiya-kreativnoy-yekonomiki-RS-YA-1.pdf (дата обращения: 21.12.2022).
10. *Креативизация всей экономики* // Президентская академия / РАНХГиС : офиц. сайт. URL: https://ion.ranepa.ru/news/kreativizatsiya-vsey-ekonomiki. Дата публикации: 02.11.2021.
11. *Пять лет свободного падения: что может спасти ювелирный рынок России* // ARENASLAB : блог. URL: https://arenaslab.com/5_years_of_free_fall_what_can_save_the_russian_jewelry_market (дата обращения: 21.12.2022).
12. *Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 27.12.2019 г. №1736-р «Об утверждении Концепции развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года»* // Гарант.ру: информ-прав. портал. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/yakut/1325177/. Дата публикации: 01.02.2020.
13. *Российская ювелирная промышленность. Состояние, проблемы и риски. Исследование Гильдии ювелиров России* / Ассоциация «Гильдия ювелиров России». URL: https://agjr.ru/assets/files/documents/2022/rossii%CC%86skaya-yuvelirnaya-promyshlennost.-sostoyanie-problemy-riski(1).pdf. Дата публикации: август 2022.
14. *Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года* : [проект : одобрен Правительством Республики Саха (Якутия) : постановление от 26 дек. 2016 г. N 455] // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/444958940 (дата обращения: 21.12.2022).
15. *Как изменился ювелирный рынок России во время пандемии* // YKTIMES.RU : сайт. URL: https://www.yktimes.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/kak-izmenilsya-yuvelirnyiy-ryinok-rossii-vo-vremya-pandemii/. Дата публикации: 09.04.2021.

References

1. Bolshakov, VP 2017, ‘Kul'turnyye praktiki esteticheskogo i khudozhestvennogo osvoyeniya chelovekom mira’ (Cultural practices aesthetic and artistic master of world), *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, no. 1 (30), pp. 36–39, viewed 11 January 2023, https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-praktiki-esteticheskogo-i-hudozhestvennogo-osvoeniya-chelovekom-mira (In Russ.)
2. Bragina, DG 2022, ‘O sovremennykh faktorakh identichnosti yakutov na rubezhe XX–XXI vv.’ (About Modern Factors of Yakut Identity at the Turn of the XX–XXI Centuries), *Ethnic Culture*, vol. 4, no. 3, pp. 12-17, doi:10.31483/r-103550, viewed 11 December 2022, https://phsreda.com/e-articles/10407/Action10407-103550.pdf (In Russ.)
3. Bystrova, TYu 2011, ‘Aksiologiya brenda: k metodologii kul'turnogo brendinga territorii’ (Brand axiology: methodology of cultural branding of the territory), *PR v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt*, no. 9, Izd-vo Alt. un-ta publ, Barnaul, pp. 85–95. (In Russ.)
4. Bystrova, TYu 2016, ‘Zachem dizaynu kul'turologiya’ (Why Design Needs Cultural Studies?), *International Journal of Cultural Research*, no.4 (25), pp. 5–15, viewed 11 February 2023, https://cyberleninka.ru/article/n/zachem-dizaynu-kulturologiya (In Russ.)
5. Demshina, AYu 2011, ‘Etnotendentsii v prostranstve sovremennoy mody’ (Ethnic trends in modern fashion), *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, no. 1, pp. 161–164, viewed 11 January 2023, https://cyberleninka.ru/article/n/etnotendentsii-v-prostranstve-sovremennoy-mody (In Russ.)
6. Melillo, JV 2001, *Kak prodavat' iskusstvo* (How to sell art), Sibirskoy khronograf publ, Novosibirsk. (In Russ.)
7. Vlasova, VV 2022, *Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti* (Indicators of Innovation in the Russian Federation), NIU VSHE publ, Moscow. (In Russ.)
8. *Indikatory Yunesko. Kul'tura dlya razvitiya : metodicheskoye rukovodstvo* (UNESCO culture for development indicators: methodology manual) 2017, viewed 1 November 2022, https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000229608_rus (In Russ.)

9. ‘Kontseptsiya razvitiya kreativnoy ekonomiki Respubliki Sakha (Yakutiya) do 2025 goda’ (Concept for the development of the creative economy of the Republic of Sakha (Yakutia) until 2025), *Korporatsiya razvitiya Respubliki Sakha (Yakutiya)*, viewed 21 December 2022, https://krrsy.ru/wp-content/uploads/2020/02/Koncepciya-razvitiya-kreativnoy-yekonomiki-RS-YA-1.pdf (In Russ.)
10. ‘Kreativizatsiya vsey ekonomiki’(Creativization of the entire economy), The *Presidential Academy, RANEPA*, https://ion.ranepa.ru/news/kreativizatsiya-vsey-ekonomiki. (In Russ.)
11. ‘Pyat' let svobodnogo padeniya: chto mozhet spasti yuvelirnyy rynok Rossii’ (Five years of free fall: what can save the jewelry market of Russia), *ARENASLAB*, viewed 21 December 2022, https://arenaslab.com/5_years_of_free_fall_what_can_save_the_russian_jewelry_market (In Russ.)
12. ‘Rasporyazheniye Pravitel'stva Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 27.12.2019 g. №1736-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya kreativnoy ekonomiki Respubliki Sakha (Yakutiya) do 2025 goda» ’ (Order of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) dated December 27, 2019 No. 1736-r “On approval of the Concept for the development of the creative economy of the Republic of Sakha (Yakutia) until 2025”), *Garant.ru: inform-prav. portal*, viewed https://www.garant.ru/hotlaw/yakut/1325177/ (In Russ.)
13. ‘Rossiyskaya yuvelirnaya promyshlennost'. Sostoyaniye, problemy i riski. Issledovaniye Gil'dii yuvelirov Rossii’ (Russian jewelry industry. Status, problems and risks. Research of the Guild of Jewelers of Russia), *Association "Guild of Jewelers of Russia"* , https://agjr.ru/assets/files/documents/2022/rossii%CC%86skaya-yuvelirnaya-promyshlennost.-sostoyanie-problemy-riski(1).pdf. (In Russ.)
14. ‘Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Sakha (Yakutiya) na period do 2030 goda s opredeleniyem tselevogo videniya do 2050 goda’ (Strategy of socio-economic development of the Republic of Sakha (Yakutia) for the period up to 2030 with the definition of the target vision up to 2050) 2016, *Konsortsium Kodeks*, viewed 21 December 2022, https://docs.cntd.ru/document/444958940 (In Russ.)
15. ‘Kak izmenilsya yuvelirnyy rynok Rossii vo vremya pandemii’ (How has the Russian jewelry market changed during the pandemic), *YKTIMES.RU*, https://www.yktimes.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/kak-izmenilsya-yuvelirnyiy-ryinok-rossii-vo-vremya-pandemii/ (In Russ.)

Вклад авторов:

Ляпкина Т. Ф. – идея, методология, подбор литературы, написание текста, научное редактирование текста.

Леджинова Н. С. – сбор материала, подбор источников, анализ, написание статьи.

Contribution of the authors:

Tatiana F. Lyapkina – idea, methodology, selection of literature, writing of the text, scientific editing of the text.

Natalia S. Ledzhinova – collecting material, selecting sources, analyzing, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 17.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 70–82.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 70–82.

Научная статья
УДК 334+394
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-70-82

КАК ВЫЖИВАЮТ В СЕВЕРНОМ ПОСЕЛКЕ: ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИОБЬЯ

Елена Петровна Мартынова

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, ep_martynova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1132-2286

Аннотация. Статья посвящена анализу хозяйственно-экономических практик коренных народов Северного Приобья (хантов и манси), к которым они начали прибегать в период постсоветских трансформаций. Цель исследования – показать, как сельские жители использовали различные стратегии выживания в условиях тотальной безработицы и рыночной стихии, как они реагировали на инициативы государства по урегулированию острых социально-экономических проблем народов Севера. Работа основывается на полевых материалах, собранных автором в 2000 – 2004 гг., 2017 г. на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в сельских поселениях. Статья написана в рамках концепции неформальной (эксполярной) экономики или «экономики выживания», фокус исследования которой направлен на изучение хозяйственной деятельности и экономических отношений, нерегулируемых государством, не подлежащих контролю, не попадающих в официальную статистику. В постсоветский период, когда государство ушло с Севера, сообщества коренных народов адаптировались к рыночным условиям посредством неформальных экономических практик, прежде всего по добыче и сбыту рыбных ресурсов, а также за счет развития животноводства, огородничества в целях экономии семейных бюджетов. Это была «экономика выживания», сыгравшая роль амортизатора социально-экономических потрясений, и одновременно прививающая коренному населению навыки предпринимательства. Государство на уровне окружных и районных властей проявило инициативу в создании и поддержке деятельности общин коренных народов, оказывает финансовую поддержку, за счет чего они наращивают активность не только в традиционном природопользовании, но и смежных сферах деятельности, в первую очередь этнотуризме. Государственное нормотворчество предлагает различные меры по поддержке традиционных отраслей хозяйства и одновременно вносит определенные ограничения в неформальные практики, в силу чего люди стремятся дистанцироваться от государства.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, обские угры (ханты и манси), неформальная экономика, государство, традиционное хозяйство, рыбные ресурсы, родовые общины, предпринимательство, этнотуризм.

Для цитирования: Мартынова Е. П. Как выживают в северном поселке: хозяйственно-экономические практики коренных жителей Северного Приобья // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 70–82. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-70-82

Сведения об авторе: *Е. П. Мартынова* – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Мартынова Е. П., 2023

Scientific Article
UDC 334+394
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-70-82

HOW TO SURVIVE IN A NORTHERN VILLAGE: ECONOMIC PRACTICES OF THE INDIGENOUS INHABITANTS OF THE NORTHERN OB REGION

Elena P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1132-2286

Abstract. The article deals with the analysis of economic practices of the indigenous peoples of the Northern Ob (Khanty and Mansi). They began to resort to the use of these practices in the period of post-Soviet transformations. The aim of the study is to show how rural residents used various strategies of survival in the conditions of total unemployment and market elements, how they responded to the state initiatives to resolve the North peoples' urgent socio-economic problems. The basis of the study is field materials collected by the author in 2000 – 2004 and 2017 on the territory of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in rural settlements. The article is written in the framework of informal (nonpolar) economy or "survival economy" concept, the research focus of which is aimed at studying economic activities and economic relations that are not regulated by the state, are not subject to control, do not fall into official statistics. In the post-Soviet period, when the government withdrew from the North, indigenous communities adapted to market conditions through informal economic practices, primarily in the extraction and marketing of fishery resources, as well as through the development of animal husbandry and horticulture in order to save family budgets. This «economy of survival» played the role of a shock absorber of socio-economic tremors. At the same time, it instilled entrepreneurial skills in the natives. The government, at the level of district and regional authorities, has taken the initiative in creating and supporting the activities of indigenous communities, providing financial support, due to which they are increasing their activity not only in traditional economy, but also in related spheres of activity, primarily ethno-tourism. State regulation offers various measures to support traditional sectors of economy and at the same time introduces certain restrictions in informal practices, due to which people tend to distance themselves from the state.

Keywords: native minorities of the North, Ob Ugrians (Khanty and Mansi), informal economy, state, traditional economy, fish resources, tribal communities, entrepreneurship ethnotourism.

For citation: Martynova, EP 2023, 'How to Survive in a Northern Village: Economic Practices of the Indigenous Inhabitants of the Northern Ob Region', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 70–82, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-70-82 (in Russ.)

Information about the Author: *Elena P. Martynova* – Doctor of Science (History), Professor of the History and Archeology Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Martynova E. P., 2023

Введение

Вопросы адаптации коренных малочисленных народов Севера к рыночной экономике привлекали внимание этнологов, социологов, экономистов, которые писали о возможностях и способах включения рыболовства, оленеводства, охоты в рыночные отношения, об изменениях в этих отраслях хозяйства под влиянием процессов модернизации. Позже внимание этнологов привлек особый аспект этой тематики – браконьерство [2; 10; 16; 18]. В данной статье автор рассматривает хозяйственно-экономические практики, к которым коренные народы Северного Приобья (ханты и манси) начали прибегать в период постсоветских трансформаций. Цель исследования – показать, как сельские жители использовали различные стратегии выживания в условиях тотальной безработицы и рыночной стихии, как они реагировали на инициативы государства по урегулированию острых социально-экономических проблем народов Севера.

Материалы и методы

Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в 2000 – 2004 гг., 2017 г. в Нефтеюганском, Сургутском, Октябрьском, Белоярском, Березовском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее ХМАО)[1]. Полевые исследования проводились в селениях, которые в советские времена имели статус «национальных», поскольку представители коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) составляли в них большинство. До сих пор в них преобладают жители, относящиеся к категории КМНС.

Автор исходила из концепции неформальной экономики, фокус исследования которой направлен на изучение хозяйственной деятельности и экономических отношений, нерегулируемых государством, не подлежащих контролю, не попадающих в официальную статистику [25; 26; 27]. Т. Шанин предложил использовать для партикулярных практик, к которым россияне часто прибегают в повседневной жизни, понятие «экономика выживания» или «эксполярная экономика», которая нацелена не на накопление капитала, а на выживание, обеспечение занятости, использует стратегии избегания соотношений с государством и намеренно дистанцируется от государственных норм [14, с. 2, 14–15].

Неформальные экономические отношения в сфере использования биоресурсов народами Севера и Дальнего Востока были предметом специального исследования коллег-антропологов. Они сконцентрировали внимание на анализе особых отношений скрытых практик и государства, показав, что «отсутствие» государства позволяет местному населению выработать различные собственные стратегии неформального природопользования [6].

Результаты

В советский период большинство жителей северных поселков работало на «градообразующих» предприятиях, которыми чаще всего выступали колхозы или совхозы, реже рыбозаводы[2]. Помимо этого, они трудились в бюджетных учреждениях (школах, детских садах), котельных, лесопилках и т.д. Трудоустройство гарантировало стабильную заработную плату, поэтому рыбалка и охота «вне колхоза» расценивались хантами и манси не как источники дохода, а как способ получения свежих продуктов и любимый вид досуга. Распад и деградация колхозно-совхозной системы в начале 1990-х резко изменили ситуацию. Оказавшись без работы, а, следовательно, без средств к существованию, местное население прибегло к неофициальной добыче местных биоресусов, произошел всплеск неформальных экономических практик, связанный с отсутствием государственного контроля [18, с. 46]. В этнолого-антропологическом дискурсе такая ситуация оценивается как уход государства с Севера [6; 10].

На всей территории ХМАО развернулся массовый и почти неконтролируемый вылов ценных пород рыб. Самым прибыльным биоресурсом считался муксун, чуть

ниже расценивались нельма и щокур. «Черная» рыба (щука, налим, язь, леща, окунь, карась и т.п.) принималась в расчет только как запасные варианты добычи. Наряду с рыбой, монетизируемым ресурсом стали дикоросы – ягоды (клюква, брусника, голубика) и кедровые орехи, а также мясо лося и шкурки соболя. Добычей боровой и водоплавающей дичи хантыйские и мансийские семьи занимались исключительно «для себя». По признанию информантов, систематический «заработок на муксуне» развернулся во всех поселках, расположенных по Оби. Рыба была и главным продуктом питания. Основные нарративы о том времени: «Только на рыбе и рыбой жили», «если бы не рыбалка, мы бы не пережили 90-е годы». Вылов «белой рыбы» носил в 1990-е хищнический характер и не контролировался государственными органами. В рыночных реалиях коренные жители выступали одновременно и продавцами продукции промыслов, поскольку повсеместно преобладал бартерный обмен. Муксун стал играть роль торгового эквивалента, получив, как в дореволюционное время, статус «сибирской валюты». Расчеты за приобретаемые бензин, одежду, стройматериалы, лодочные моторы, снегоходы и даже автомобили велись в «хвостах» муксуна [11, с. 80; 12, с. 708–710; 17, с. 164–168].

Нужно признать, что уход государства с Севера не был полным. Принимая во внимание чрезвычайно высокий уровень безработицы среди КМНС, власти нашли альтернативу распавшимся колхозам и совхозам в виде родовых (национальных) общин. Среди этнолидеров и управленцев округа преобладало мнение, что общины будут способствовать развитию традиционных отраслей хозяйства и сохранению традиционного образа жизни и культуры. Существовала надежда, что такой «этнический ренессанс» в виде разворота к традиционной хозяйственной деятельности позволит преодолеть экономические трудности, прежде всего, снизить уровень безработицы. Однако окунувшееся в стихию рынка население не спешило вступать в общины, надеясь обеспечивать благосостояние за счет самостоятельного сбыта продукции промыслов. Поэтому инициативу взяли на себя районные администрации в лице Комитетов по делам коренных малочисленных народов Севера (Отделов Севера). Комитеты проводили собрания по организации общин и выборам председателей, занимались процедурой закрепления за ними промысловых угодий, выступали посредниками по заключению договоров с рыбоперерабатывающими организациями (рыбозаводами), организовывали финансовую отчетность. Бывшие колхозники по этому поводу сетовали: «Раньше нас в колхозы сгоняли, а сейчас в общины». Руководство видело отличие колхозов от общин в том, что первые владели всей инфраструктурой и получали дотации, а за общинами закреплялись только угодья для пользования [ПМА, Березовский район, 2000; Нефтеюганский район, 2001].

В реальности далеко не все общины КМНС смогли организовать сбыт продукции рыболовства и охоты. Интервью с председателями и членами общин показали, что доходы поступали не от реализации биоресурсов, а от «побочных» видов деятельности – магазинной торговли, обустройства зимников, строительство жилья, заготовки леса [13, с. 111]. Общины нередко оказывались в кредитном долгу по причине правовой и экономической неграмотности руководителей [17, с. 135]. Уровень доходов общинников был низким и не соответствовал их представлениям о достатке. Руководители Отделов Севера признавались, что некоторые общины существовали только de jure, а de facto бездействовали. Так, в Нефтеюганском районе из 24 общин «работающих» было 11, в Березовском – 14 из 23, остальные существовали лишь «по бумагам» [ПМА, Нефтеюганский район, 2001; Березовский район, 2004].

В начале 2000-х гг. ситуация в стране стабилизировалась, присутствие государства на Севере стало заметным. Общинное движение получило законодательную базу для развития: в 2000 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах орга-

низации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», в 2001 г. появился закон «Об общинах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Общинное движение существенно расшилось, в 2007 г. появился реестр общин. Они курируются Департаментом недропользования и природных ресурсов, который ежегодно обновляют информацию о реестре. По состоянию на 31.12.2022 в округе зарегистрировано 94 общины КМНС, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность [19]. В округе сформировалась и действует система государственной поддержки по развитию традиционной хозяйственной деятельности КМНС, направленная, прежде всего, на поддержку общин в виде получения грантов. Они позволяют создавать на базе некоторых общин предприятия по переработке рыбной, мясной, ягодной продукции, закупать транспортные средства и оборудование. На реализацию рыбы и мяса общины получают субсидии от районных властей. Многие информанты считают, что большинство успешно работающих общин КМНС приходится на Ханты-Мансийский район, поскольку там имеется хороший рынок сбыта, отлажена система получения дотаций.

В Нижневартовском и Сургутском районах округа мощным побудительным стимулом организации общин в 1990-е гг. выступил фактор нефтедобычи. Коренные жители стремились объединиться для того, чтобы отстоять свои права на родовые земли от посягательств нефтяников. «Когда мы с компанией поодиночке договариваемся, нас часто обманывают, мы же малограмотные, плохо разбираемся в бумагах. Нефтяники на всякие уловки идут, чтобы меньше платить. Община нас защищает» [ПМА, Сургутский район, 2002]. К настоящему времени характер взаимодействия общин и нефтяных компаний трансформировался: финансовые вливания от нефтяных компаний играют не последнюю роль в общинных бюджетах. На это обратила внимание Е. Н. Данилова, проводившая полевые исследования в Сургутском районе в 2015–2018 гг.: «Экономические соглашения с нефтяными компаниями являются не только весомым источником дохода хантов, но и дают общине необходимое оснащение, позволяющее осуществлять свою деятельность (транспорт, морозильные камеры и т.п.)» [7, с. 61].

В этнологическом дискурсе общины КМНС рассматриваются как одна из институциональных форм аборигенного (этнического) предпринимательства [17, с. 131–135; с. 156–161]. Общинники занимаются рыболовством, оленеводством, сбором дикоросов посемейно, никаких производственных бригад не создается. Руководство общины (подчас в лице одного председателя) в хозяйственный процесс не вмешивается, а только организует прием продукции, получая соответствующие окружные субсидии. Закупочные цены остаются низкими и не устраивают рядовых членов. Между тем, общины существенно улучшили показатели по трудоустройству коренного населения в округе. Информанты признаются, что остаются в общинах только потому, что в трудовой книжке делается запись о трудоустройстве, что важно при начислении пенсии в будущем. Никакой другой пользы от членства в них не видят, в силу чего неформальные экономические практики по сбыту биоресурсов по-прежнему играют заметную роль в системе жизнеобеспечения коренного населения.

Следует отметить, что в 2010-е гг. деятельность некоторых общин КМНС в округе начала постепенно трансформироваться в сторону развития этнотуризма. Это направление развивается при поддержке властей через субсидии из окружных и районных бюджетов, конкурсы грантов. Региональные СМИ в целях повышения привлекательности занимаются рекламой такого аборигенного бизнеса, а представителей коренных народов убеждают в возможности зарабатывать на приеме гостей. В Березовском районе пионерами этнотуризма выступили общины «Турупья», «Рахтынья», «Элаль» [5, с. 75]. В Сургутском районе одним из успешных в этом деле является стойбище «Хантыйский дворик», организованное в 2016 г. К. Е. Кантеровым как лагерь

для детей, в котором они погружаются в этническую среду, знакомятся с традиционным хозяйством и культурой. Помимо этого, стойбище принимает по несколько туристических групп в месяц, а с лета 2019 г. оно стало IT-стойбищем, повысив свою привлекательность [9; 21]. В 2017 г. услугами этнотуризма В ХМАО – Югре воспользовались 15 тыс. чел., в 2022 г. в два раза больше – 108, 5 тыс. чел. В 2023 г. в округе реализуется 60 туристических программ этнографической направленности [22]. Общины КМНС активно развивают интернет-коммуникации, что дает возможность для самопрезентации без посредников. Многие активны в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте» [15; 23; 24]. Общинники предлагают туристам отдых на природе, участие в рыбалке, охоте, катание на оленях, знакомят с традициями коренных народов и даже приглашают принять участие в обрядах.

Несмотря на положительные сдвиги, ситуация на рынке труда в сельской местности остается сложной, особенно в небольших деревнях, где, по данным экспедиции 2017 г., безработица среди представителей коренных народов составляла не менее трети. Например, в деревне Тугияны Белоярского района на тот момент проживало 40 чел., а рабочих мест было 12; в деревне Шайтанка Березовского района насчитывалось 31 рабочее место на 122 проживающих, официально зарегистрировано 16 безработных трудоспособного возраста [ПМА, Белоярский, Березовский районы, 2017].

В трудной ситуации часто приходилось слушать ностальгические нарративы по советскому прошлому: «В колхозах работали, нормально все было. Животноводство было, 300 голов скота держали: дойных коров, бычков на откорм. Я пастухом работал. Лошади в колхозе были. Два пастуха было. Целыми днями работали и зарплату получали» [ПМА, Белоярский район, 2017]. Такое светлое былое диссонирует с развалом и упадком 1990-хгг., когда «все развалилось». «Напрасно колхозы сняли. Сейчас работы нет». «Взамен колхозов и совхозов государство ничего не дало. Только Центр занятости создали» [ПМА, Березовский район, 2017]. Подобные дискурсивные практики приписывания нормативной ценности прошлому и создание утопических образов социальной гармонии, изобилия, престижа («изобретение прошлого») распространены в пост- (социалистических, имперских и т.д.) политических контекстах и позволяют критически осмыслять настоящее [3, с. 16].

Люди стремятся искать и находят выход в разнообразных стратегиях адаптации к изменившимся условиям. В последние годы в хантыйских и мансийских деревнях появилась «мода» на содержание лошадей. Предприимчивые селяне разводят табуны (по 10–15 голов) для сдачи на мясо. Его реализуют в основном неофициально, через коммерсантов, поскольку конина пользуется спросом среди приезжего населения округа. Повсеместно распространилось огородничество. Им занимаются семьи, незанятые в «коммерческой рыбопродаже». В хантыйских и мансийских селениях Белоярского, Октябрьского, Березовского, Ханты-Мансийского районов выращивают картофель, капусту, огурцы, морковь, свеклу, кабачки, помидоры. Около половины семей возводят теплицы. Нужно отметить, что занятие огородничеством не соответствует сакральным установками обских угров, согласно которым нельзя «ковырять» землю, иначе могут разгневаться духи Нижнего мира и наслать болезни и смерть. Информанты вспоминали, что в 1950 – 1960-е гг. всячески уклонялись от земледельческих работ в колхозах и совхозах. Сейчас это позабыто, огородничество является значимой сферой труда и средством экономии семейного бюджета.

Последнее десятилетие распространенным явлением стал приезд неработающих, преимущественно пожилых, людей в деревни из городов на летний период. В основном приезжают женщины пенсионного возраста, иногда вместе с внуками. В шутку они называют себя «дачниками». Лето проводят на своей малой родине, живут в своих бывших домах, где ведут «дачное хозяйство» – выращивают картофель, овощи. Однозначно судить о том, что лежит в основе такой недавно появившейся

практики нельзя. Одна из информантов заметила, что в прошлом селения обских угров подразделялись на зимние и летние, поэтому она «каслается» из города на дачу в соответствии с традицией. Другие говорили о тяге к природе, проснувшейся в условиях городской жизни, что тесное общение с природой придает силы и сохраняет здоровье. Дача в деревне для кого-то является местом проведения летнего досуга, а для большинства – важным экономическим подспорьем, средством экономии семейного бюджета. Дачницы собирают ягоды, орехи и даже грибы. Выращенный урожай и сваренное варенье перевозят в город. Транспортные расходы перекрываются экономией на покупку овощей. Говорили и о том, что в деревне, по сравнению с городом, на продукты уходит гораздо меньше средств [ПМА, Белоярский район, 2017].

В экспедиции 2017 г. в с. Ванзетур Березовского района мы столкнулись с необычной практикой местного населения – опекунством. В начале 2000-х гг. поселковая школа-интернат оказалась под угрозой закрытия в связи с сокращением числа учащихся и введением нормативного подушевого финансирования. Для спасения школы местные жители (многие из них – представители манси и хантов) начали оформлять опекунство над детьми, чтобы увеличить число учеников и, тем самым, сохранить школу, а заодно и рабочие места. «Сейчас многие люди у нас берут приемных детей, в основном из школ коррекции. Берут, чтобы себя прокормить. Это способ трудоустройства. Это рекомендовали, чтобы школу не закрыли» – говорили информанты [ПМА, Березовский район, 2017]. Подобные практики в 2000-е гг. в условиях тотального сокращения рынка труда встречались и разных регионах России и получили название «экономика усыновления», наряду с юридическим и социальным пониманием этого термина [4]. После закрытия совхоза «Ванзетурский» школа-интернат оказалась «градообразующей» организацией, в которой стабильно выплачивали заработную плату. Принятие на воспитание приемных оказалась успешной стратегией по сохранению школы, рабочих мест и официального трудоустройства.

Большинству жителей поселков и деревень стабильный и в значительной степени предсказуемый доход по-прежнему приносит добыча рыбных ресурсов. Оказалось, что «разворот к рыбе» в 1990-е гг. произошел «всерьез и надолго». Легально рыбу можно сдать через предприятия агропромышленного комплекса (АПК): рыбозаводы, ОАО, ООО, в общины, предварительно заключив договор. Можно говорить о том, что в таких случаях рыбаки имеют дело с государством в лице окружных и районных департаментов, которые своими дотациями влияют на закупочные цены. Эти цены существенно ниже рыночных и не устраивают население, поэтому сдается только часть улова «для видимости» [12, с. 711]. Еще одна проблема заключается в том, что предприятия и общины не могут принимать большой объем рыбы. Не хватает морозильников, мощностей по переработке, случаются сбои в логистике. Отсюда постоянные ламентации рыбаков по поводу плохой организации приемки рыбы: «В начале лета в Пугорах стоял плашкоут. Люди сдавали рыбу, но сдавали не оттого, что дотацию хотели получить, а потому что жара была, рыбу некуда было девать. В самый пик, когда пошла рыба, плашкоут сняли и увезли» [ПМА, Белоярский район, 2017]. «Помню, в прошлом году пошла сосьвинская селедка. Всё… люди не знают, куда эту рыбу девать. Никто не принимает» [ПМА, Березовский район, 2017]. «Не умеют наладить сбыт, транспортировку рыбной продукции. Родственники мои рассказывают, что рыбу вываливают, потому что некуда девать» [ПМА, Белоярский район, 2017]. Поскольку легальный сбыт часто пробуксовывает, большая часть рыбных ресурсов реализуется либо через приезжающих в поселки частных предпринимателей, либо через клиентскую сеть путем самостоятельной торговли в городах и крупных поселках. Основной лейтмотив высказываний информантов: «Зимой все время мотаемся в город/райцентр: туда с рыбой, обратно с деньгами и продуктами. Этим и живем».

По мнению ряда экспертов, с которыми довелось беседовать во время экспедиций, «муксуний бум» 1990-х стал основной причиной сокращения популяции в Обском бассейне и запрета на вылов, последовавшего в 2017 г. Сами рыболовы обвиняют в этом нефте-и газодобывающие компании: «Потравили муксуна в Обской губе»; «Газовики на Ямале трубу построили, вот и не стало рыбы»; «Газ на Севере выпустили, муксун от этого пропал» [ПМА, Белоярский, Березовский районы 2017 г.]. Причитания об отсутствии рыбы («нет рыбы», «мало рыбы») стали своеобразной этикетной нормой для жителей северных поселков. Добыча ее при этом продолжается[3].

С 2005 г. в стране действует система квот на добычу (вылов) водных биоресурсов, в том числе для обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности КМНС. Для занимающихся рыбалкой представителей коренных народов самым жизненным является вопрос о нормах на личное потребление. По сведениям сотрудников администрации Березовского района, каждый представитель КМНС в 2017 г. имел право выловить 300 кг рыбы в год, в том числе 33,6 кг «белой» (сырок, сосьвинская селедка) и 226,4 кг «черной» (щука, налим, язь) [ПМА, Березовский район, 2017]. Такие лимиты рыбаки расценивают как бюрократические преграды для рыболовства [16, с. 94]. Информанты сетуют: «Вот ввели эти лицензии, квоты?! В деревне же все безработные, они и ловят. Рыбаку рыбу нужно продать, чтобы купить продукты, муку, сахар. Вот это большая проблема». «У нас закон. Ты должен 10 кг в день поймать. Не дай бог ты много поймал – все. Здесь же инспекторы, штрафуют. Ну что он на 10 кг может?» [ПМА, Белоярский район, 2017]. «Три года назад запретили муксуна, сейчас – нельму. Мы можем сделать вывод, что их не стало. Кто едет браконьерить, говорят, что эта рыба не попадается в сети». «Какой смысл квоты оформлять, если сеть у меня все равно больше будет. Все равно оштрафуют. Но ловить-то я не брошу!» [ПМА, Березовский район, 2017]. Такое положение порождает среди местных стремление обойти препоны – «ловить исподтишка», «пока нет рыбнадзора», «все равно всех не поймают», «по ночам ездим рыбачить, пока рыбнадзор спит». Замечу, что браконьерская практика в определенной степени дискредитирует рыбаков в глазах окружающего населения и их самих. Один из информантов точно подметил: «Раньше мы гордо назывались рыбаками, а теперь стали браконьерами» [ПМА, Березовский район, 2017].

Э. Уилсон обратила внимание на подобные коллизии в рыбодобыче на Сахалине. Она увидела в них противопоставление «юридического права» и «морального закона» (Legal and Moral Entitlement). Местные жители утверждают за собой моральное право ловить рыбу, обходя внешние ограничения, угрожающие сложившимся моделям природопользования [28]. По сути, коренное население в сельской местности находится в положении «браконьеров поневоле», которые готовы заплатить штраф, «если поймают», но не следовать юридическим нормам [16, с. 9]. К. Б. Клоков рассматривает «вынужденное браконьерство» как необходимое условие выживания коренного населения Сибири в меняющихся условиях окружающего социума [10, с. 144].

К сказанному нужно добавить, что люди не понимают и не могут разобраться, как действуют официальные нормы регулирования добычи биоресурсов. Работники администраций пояснили нам в 2017 г., чтобы получить квоты нужно пройти через определенную законом процедуру: в поселковый совет или в районный отдел Севера подать заявку, сдать документ о прописке в сельской местности, справку о составе семьи, свидетельство о рождении. Население трактовало формальную норму по-своему: «С собой на рыбалку нужно брать паспорт и свидетельство о рождении, чтобы рыбинспектора могли проверить по списку, ты коренной или нет, есть ли у тебя квота». «Нужно вести промысловый журнал. Это такая книжечка, куда мы вписываем каждый раз пойманную рыбу». «Нужно раз в квартал писать отчет о пойманной рыбе на бумажке, сдать ее в поссовет, потом отчет отправят в Ханты-Мансийск». «Вообще,

квоты – это бумажная волокита. Больше ничего не дают». Поэтому рыбаки предпочитают другой путь: «Нелегальная сдача рыбы идет. Все налажено. Документов никто не требует. Никакой возни бумажной» [ПМА, Октябрьский район, 2017].

В начале 2020 г. государством был принят новый порядок учета лиц, относящихся к категории КМНС – Список, или Реестр. Его составление было инициировано ФАДН совместно с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока. Лидеры Ассоциаций коренных народов Севера поясняют, что реестр позволяет коренным жителям один раз подтвердить свою национальную принадлежность и не предоставлять в дальнейшем документы профильным ведомствам при реализации прав на традиционное рыболовство, охоту и меры государственной поддержки [8]. Рядовые представители КМНС выражают обеспокоенность по поводу волокиты, связанной с оформлением документов, а также опасение попасть под «тотальный» учет. Многие считают Реестр ненужным и не спешат подавать документы на регистрацию. Как и прежде, коренное население склонно минимизировать контакты с бюрократией, ускользая от «всевидящего ока» и контроля государства [6, с. 7].

Заключение

Материалы статьи показывают, что в период кризиса 1990-х среди коренных народов ХМАО – Югры были задействованы разнообразные стратегии выживания. Их сообщества продемонстрировали высокую адаптивность к резко изменившимся условиям, когда государство ушло с Севера. С одной стороны, коренные народы показали приверженность традиционным формам природопользования, с другой – нашли альтернативные способы самообеспечения при тотальной безработице в сельской местности. Их семьи обрели устойчивость благодаря «экономике выживания», прежде всего, через использование разного рода неформальных практик по добыче и сбыту рыбных ресурсов. Они сыграли роль амортизатора социально-экономических потрясений, привили навыки предпринимательства и позволили обеспечить относительное материальное благополучие населения. Государство на уровне окружных и районных властей проявило инициативу в создании и поддержке деятельности общин коренных народов, оказывая им существенную финансовую поддержку, за счет чего они наращивают активность не только в традиционном природопользовании, но и смежных сферах деятельности, в первую очередь этнотуризме. Государственное нормотворчество предлагает различные меры по поддержке традиционных отраслей хозяйства и одновременно вносит определенные ограничения в «экономику выживания». В результате коренное население балансирует в узком просвете между формальными государственными и неформальными рыночными институтами, как между Сциллой и Харидбой [10, с. 160–161].

Примечания

1. Экспедиции 1999 г., 2000 г., 2004 г. были проведены совместно с Е. А. Пивневой, в поездке 2017 г. принимала участие Р. К. Бардина.
2. Этот термин используется в значительной степени условно, поскольку обычно употребляется для предприятий, расположенных в городах. В североведческой литературе он применялся рядом авторов по отношению к северным селениям [3; 10; 20].
3. Аналогичная ситуация описана К. А. Гавриловой в Баренц-регионе [3, с. 13–14].

Список источников и литературы

1. *Барсукова С. Ю.* Неформальная экономика : экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 446 с. Библиогр.: с. 423–447.

2. *Васильева В. В.* Инфраструктура вне государства: «дикие» зимники и вывоз промысловой продукции на Таймыре // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 61–75. https://doi.org/10.31857/S086954150006192-1 .
3. *Гаврилова К. А.* Опасное природопользование: рыбные ресурсы и ностальгия по государству в Баренц-регионе // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 13–28. https://doi.org/10.31857/S086954150006189-7 .
4. *Галиндабаева В., Карбаинов Н.* Экономика усыновления как стратегия выживания малых сел (на примере Бурятии) // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 2. С. 207–220.
5. *Голубчиков С. Н., Плисецкий Е. Е., Хетагурова В. Ш.* Перспективы развития этнографического туризма в Арктике (на примере Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. № 4. С. 72–78.
6. *Давыдов В. Н., Журавская Т. Н.* Государство и использование ресурсов: введение // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 5–12. https://doi.org/10.31857/S086954150006188-6 .
7. *Данилова Е. Н.* Юганские ханты и нефть: стратегия сосуществования // «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы / отв. ред. Д. А. Функ. М.: ипография Демос, 2019. С. 43–69.
8. *Долгожданный реестр коренных народов вступил в силу* // Север Пресс : информ. агентство. URL: https://sever-press.ru/news/sever-press/dolgozhdannyj-reestr-korennyh-narodov-vstupil-v-silu/. Дата публикации: 07.05.2020.
9. *Клим и его команда* // Сургутский муниципальный район Ханты-мансийского автономного округа – Югры : офиц. сайт / Администрация Сургутского района. URL: https://www.admsr.ru/work/architecture/web/2795/79608/?ysclid=lng05pq fph396155020 (дата обращения: 20.09.2023).
10. *Клоков К. Б.* Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах // Этнография. 2020. № 1 (7). С. 143–165. https://10.31250/2618-8600-2020-1(7)-142-165 .
11. *Мартынова Е. П.* Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). С. 72–85.
12. *Мартынова Е. П.* «Куда сдаете рыбу и мясо?»: экономические практики на Обском Севере // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 4. С. 705–715.
13. *Мартынова Е. П., Пивнева Е. А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья: (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 152 с.
14. *Неформальная экономика России: Россия и мир* / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. 574 с.
15. *Община «Хунзи»* // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/khunzi?ysclid =lng1nj10gs65882618 (дата обращения: 19.09.2023).
16. *Пивнева Е. А.* «Сколько весит рыбий хвост?»: этничность и бюрократия в традиционном рыболовстве на Обском Севере // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). С. 86–102.
17. *Прибыль не ради прибыли? Экономические практики коренных народов Севера России в условиях рынка* : (колл. монография) / ред. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 408 с.
18. *Рахманова Л. Я.* Рыбаки и контролирующие инстанции на Оби: правоприменение в тени локальных правил игры // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 45–60. https://doi.org/10.31857/S086954150006191-0 .
19. *Реестр организаций, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре* // Департамент недропользования и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : офиц. сайт. URL: https://depprirod.admhmao.ru/ (дата обращения: 19.09.2023).
20. *Степанова О. Б.* Североселькупские совхозы как инструмент социальной политики государства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2. С. 157–166. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-14 .

21. *Сургутский район, стойбище Клима Кантерова* // URL: https://ugrasr.ru/ novosti-i-meropriyatiya/surgutskij-rajon,-stojbishhe-klima-kanterova.html?ysclid= lng0ketb4n965176572 (дата обращения: 19.09.2023).
22. *Этнотуризм – визитная карточка Югры* // Информационный центр Сургутского района. Сургут, 2018–2023. URL: https://ophmao.ru/novosti/main/ 8991748/?ysclid=lnfytidb1p666398740 (дата обращения: 19.09.2023).
23. *Этнотуризм, стойбище Русскиных* // Стойбище Русскиных: природное гостеприимство : сообщество в соц. сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/ club172909035?ysclid=lng03nvalv996580032 (дата обращения: 19.09.2023).
24. *Этнотуристическая база «Сорни Най». п. Березово* // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/club140555039?ysclid=lng0zpq0139821933 (дата обращения: 19.09.2023).
25. *Castells M., Portes A.* World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy // The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries / ed. by A. Portes, M. Castells, and L. A. Benton. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press. 1989. P. 11–37.
26. *Feige E.* Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // World Development. 1990. Vol. 18. No. 7. P. 989–1002.
27. *Hart K.* The Informal Economy // Cambridge Journal of Anthropology. 1985. Vol. 10. No. 2. P. 54–58.
28. *Wilson E.* Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin // People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / ed. by E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 149–168.

References

1. Barsukova, SYu 2004, *Neformalnaya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskiy analiz* (The informal economy: economic and sociological analysis), Izd. dom GU VSHE publ, Moscow, pp. 423–447. (In Russ.).
2. Vasilyeva, VV 2019, 'Infrastruktura vne gosudarstva: «dikiye» zimniki i vyvoz promyslovoy produktsii na Taymyre' (Infrastructure outside the state: "wild" winter roads and export of commercial products on Taimyr), *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 4. pp. 61–75, doi.org/10.31857/S086954150006192-1 (In Russ.)
3. Gavrilova, KA 2019. 'Opasnoye prirodopolzovaniye: rybnyye resursy i nostal'giya po gosudarstvu v Barents-regione' (The Danger of Natural Resource Use: Fishery, King Crab and Nostalgia for the State in the Barents Region), *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 4, pp. 13–28. doi.org/10.31857/S086954150006189-7 (In Russ.)
4. Galindabayeva, V & Karbainov, N 2020, 'Ekonomika usynovleniya kak strategiya vyzhivaniya malykh sel (na primere Buryatii)' (The economics of child adoption as a survival strategy for small villages. The case of Buryatia), *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 207–220. (In Russ.)
5. Golubchikov, SN, Plisetskiy EE & Khetagurova VSh 2015, 'Perspektivy razvitiya etnograficheskogo turizma v Arktike (na primere Berezovskogo rayona Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga)' (Prospects for the development of ethnographic tourism in the Arctic (experience of Berezovskiy District of the Khanty-Mansi autonomous okrug))', *Service and Tourism: Current Challenges*, no. 4, pp. 72–78. (In Russ.)
6. Davydov, VN & Zhuravskaya, TN 2019, 'Gosudarstvo i ispol'zovanie resursov: vvedeniye' (State and use of resources: introduction), *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 5–12. (In Russ.)
7. Danilova, YeN 2019, Yuganskiye khanty i neft: strategiya sosushchestvovaniya (Yugan Khanty and oil: a strategy of coexistence), *«Resursnoye proklyatiye» i sotsial'naya ekspertiza v postsovetskoy Sibiri: antropologicheskiye perspektivy* ("Resource curse" and social expertise in post-Soviet Siberia: anthropological perspectives), D. A. Funk (ed.), Tipografiya Demos publ, Moscow, pp. 43–69. (In Russ.)
8. 'Dolgozhdannyy reyestr korennykh narodov vstupil v silu' (The long-awaited indigenous peoples' registry is in force), *Sever Press*, viewed https://sever-press.ru/news/sever-press/dolgozhdannyj-reestr-korennyh-narodov-vstupil-v-silu/. (In Russ.)

9. ‘Klim i yego komanda’ (Klim and his squad), Surgutskiy munitsipal'nyy rayon Khanty-mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry (Surgut municipal district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra), *Administratsiya Surgutskogo rayona* (Administration of the Surgut region), viewed 20 September 2023, https://www.admsr.ru/work/architecture/web/2795/79608/?ysclid=lng05pqfph396155020 (In Russ.)
10. Klokov, KB 2020, Mezhdu gosudarstvom i rynkom: neformal'nyye praktiki prirodopol'zovaniya v sibirskikh selakh (Between the state and the market: informal practices in the use of wildlife resources in Siberian villages), *Etnografia*, no. 1 (7), pp. 143–165. https://10.31250/2618-8600-2020-1(7)-142-165 (In Russ.)
11. Martynova EP 2019, ‘Aborigennoye predprinimatel'stvo v Severnom Priob'ye’ (Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region), *Journal of anthropology*, no. 2 (46), pp. 72–85. (In Russ.)
12. Martynova EP 2018, ‘«Kuda sdayete rybu i myaso?»: ekonomicheskiye praktiki na Obskom Severe’ (“Where do you sell fish and meat?”: economic practices in the Ob North), *Bulletin of Ugric studies*, vol. 8, no. 4, pp. 705–715. (In Russ.)
13. Martynova EP & Pivneva EA 2001, *Traditsionnoye prirodopol'zovaniye narodov Severnogo Priob'ya: (po materialam Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga)* (Traditional nature management of the peoples of the Northern Ob region: (based on materials from the Khanty-Mansi Autonomous Okrug)), In-t etnologii i antropologii RAN publ, Moscow. (In Russ.)
14. *Neformalnaya ekonomika Rossii. Rossiya i mir* (The informal economy of Russia. Russia and the world) 1999, T. Shanin (ed.), Logos publ, Moscow. (In Russ.)
15. ‘Obshchina «Khunzi»’ (“Hunzi” community) 2017, *VKontakte*, viewed 19 September 2023, https://vk.com/khunzi?ysclid=lng1nj10gs65882618 (In Russ.)
16. Pivneva EA 2019, ‘«Skolko vesit rybiy khvost?»: etnichnost' i byurokratiya v traditsionnom rybolovstve na Obskom Severe’ («How much does a fish tail weigh?»: ethnicity and bureaucracy in traditional fishing in the Ob North), *Journal of anthropology*, no. 2 (46), pp. 86–102. (In Russ.)
17. Pivneva, EA (ed.) 2021, *Pribyl' ne radi pribyli? Ekonomicheskiye praktiki korennykh narodov Severa Rossii v usloviyakh rynka* (Profit is not for profit? Economic practices of the indigenous peoples of the North of Russia in market conditions), Nestor-Istoriya publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
18. Rakhmanova, LYa 2019, Rybaki i kontroliruyushchiye instantsii na Obi: pravoprimeneniye v teni lokal'nykh pravil igry (Fishermen and Supervisory Instances on the Ob’ River: Law Enforcement in the Shadow of Local Rules of the Game), *Etnograficheskoe obozrenie* , no. 4, pp. 45–60, doi.org/10.31857/S086954150006191- 0 . 4: 45–60. (In Russ.)
19. ‘Reyestr organizatsiy, osushchestvlyayushchikh traditsionnuyu khozyaystvennuyu deyatelnost korennykh malochislennykh narodov Severa v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre’ (Register of organizations carrying out traditional economic activities of indigenous peoples of the North in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra), *Departament nedropolzovaniya i prirodnykh resursov Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry* (Department of Subsoil Use and Natural Resources of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra), viewed 19 September 2023, https://depprirod.admhmao.ru/ (In Russ.)
20. Stepanova, OB 2020, ‘Severoselkupskiye sovkhozy kak instrument sotsialnoy politiki gosudarstva’(North selkup state farms as a state social policy instrument), *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, no. 2, pp. 157–166, doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-14 . (In Russ.)
21. *Surgutskiy rayon, stoybishche Klima Kanterova* (Surgut district, Klim Kanterov’s camp), viewed 19 September 2023, https://ugrasr.ru/novosti-i-meropriyatiya/surgutskij-rajon,-stojbishhe-klima-kanterova.html?ysclid=lng0ketb4n965176572. (In Russ.)
22. ‘Etnoturizm – vizitnaya kartochka Yugry’ (Ethnotourism is the trademark of Ugra) 2018–2023, *Information center of the Surgut region. Surgut*, viewed 19 September 2023, https://ophmao.ru/novosti/main/8991748/?ysclid=lnfytidb1p666398740. (In Russ.)
23. ‘Etnoturizm, stoybishche Russkinykh’ (Ethnotourism, the Russkins camp), *Stoybishche Russkinykh: prirodnoye gostepriimstvo* (The Russian camp: natural hospitality), viewed 19 September 2023, https://vk.com/club172909035?ysclid =lng03nvalv996580032 (In Russ.)

24. 'Etnoturisticheskaya baza «Sorni Nay». p. Berezovo' (Ethno-tourist base "Sorni Nai". Berezovo village), *VKontakte*, viewed 19 September 2023, https://vk.com/club140555039?ysclid=lng0zpq09139821933 (In Russ.)
25. Castells, M & Portes, A 1989, 'World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy', *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries*, The Johns Hopkins University Press publ, Baltimore, MD, pp. 11–37.
26. Feige, E 1990, 'Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach', *World Development*, vol. 18, no. 7, pp. 989–1002.
27. Hart, K 1985, 'The Informal Economy', *Cambridge Journal of Anthropology*, vol. 10, no. 2, pp. 54–58.
28. Wilson, E 2002, 'Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin', *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, E. Kasten (ed.), Dietrich Reimer Verlag publ, Berlin, pp. 149–168.

Статья поступила в редакцию: 10.10.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 10.10.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 83–92.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 83–92.

Научная статья
УДК 332.12
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-83-92

ШОРЦЫ ХАКАСИИ: ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

Ольга Леонидовна Лушникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия, oltolt@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1440-1505

Аннотация. Многие представители коренных малочисленных народов сохраняют традиционный образ жизни и занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности. В современных условиях сохранение самобытного уклада нередко находится под угрозой из-за различных факторов: урбанизации, миграционных и глобализационных процессов. Помимо этого, существуют и региональные факторы, влияющие на трансформацию хозяйственного уклада коренных народов. Особенно эта проблема актуальна для этнических групп, проживающих отдаленно от региона, где сосредоточена основная часть народа. Один из таких примеров – шорцы, проживающие в Хакасии (большинство шорцев расселены в Кемеровской области). На территории республики шорцы проживают компактно в нескольких населенных пунктах. Места их традиционного проживания расположены в таежной и горно-таежной местности, поэтому в основном они сохраняют самобытные виды промысловой деятельности: занимаются собирательством, охотой, ловлей рыбы. Однако сегодня места их исторического расселения активно осваиваются золотопромышленными компаниями, которые наносят вред природному ландшафту. Поскольку для большинства шорцев промыслы – основной источник существования, то деятельность таких компаний препятствует осуществлению промыслов. Из-за этого у шорцев уменьшаются возможности заработка, и, соответственно, ухудшается материальное положение и снижается качество жизни. Среди шорцев довольно много бедных, кому средств едва хватает на питание. Шорцы занимаются ведением личного подсобного хозяйства, однако в этой деятельности они не очень активны, держат немного скота и не ориентируются на рост поголовья. Ведение хозяйства затруднено из-за природно-климатических условий (таежной местности), препятствующих разведению большого количества скота. Свой уровень адаптации к современным социально-экономическим условиям шорцы оценивают невысоко. По мнению шорцев, хорошо приспособились люди старшего возраста, а молодежи приходится сложно. Оптимизм шорцев вызывает уважение, хотя в основном он связан с надеждой на государство, в руках которого будущее этого коренного малочисленного народа.

Ключевые слова: Хакасия, шорцы, коренные малочисленные народы, этническая экономика, этноэкономика, промыслы, собирательство, охота, рыболовство.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, № 23-28-00307, https://rscf.ru/project/23-28-00307/

Для цитирования: Лушникова О. Л. Шорцы Хакасии: хозяйственные практики и социальное самочувствие // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 83–92. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-83-92.

Сведения об авторе: *О. Л. Лушникова* – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23.

© Лушникова О. Л., 2023

Scientific Article
UDC 332.12
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-83-92

KHAKASS SHORS: ECONOMIC PRACTICES AND SOCIAL WELL-BEING

Olga L. Lushnikova

Khakass Research Institute for Language, Literature and History
Abakan, Russia, oltolt@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1440-1505

Abstract. Many representatives of small indigenous minorities preserve their traditional way of life and engage in traditional economic activities. However, the preservation of the original way of life is under threat due to various factors: urbanization, migration and globalization processes in contemporary conditions. In addition, there are also regional factors affecting the transformation of the economic structure of indigenous peoples. This problem is especially relevant for ethnic groups living far from the region where the large part of the people is concentrated. Shors living in Khakassia are one such example; most of the Shors are settled in the Kemerovo region. The Shors live compactly in several settlements on the republic territory. The places of their traditional residence are located in the taiga and mountain-taiga areas, so they mostly preserve their original types of activities. They are engaged in gathering, hunting, and fishing. However, today gold mining companies are actively developing the sites of their historical settlement, damaging the natural landscape. For the majority of Shors, fishing and hunting are the main source of livelihood, but the activities of such companies hinder the fisheries. Because of this, the Shors have fewer opportunities to earn money and, consequently, their financial situation and quality of life deteriorates. Among the Shors there are quite a lot of poor people, who barely have enough money for food. The Shors are also engaged in private subsidiary farming, but they keep few livestock and are not oriented towards herd growth. Farming is difficult due to the natural and climatic features (taiga terrain) that prevent the breeding of a large number of livestock. Shors assess their level of adaptation to modern socio-economic conditions as low. According to the Shors, older people have adapted well, while young people have difficulties. The optimism of the Shors is respectable but it is mainly associated with hope in the government, in whose hands the future of this small indigenous people lies.

Keywords: Khakassia, Shors, indigenous peoples, ethnic economy, ethno-economics, crafts, gathering, hunting, fishing.

Acknowledgements: the study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00307, https://rscf.ru/project/23-28-00307/

For citation: Lushnikova, OL 2023, 'Khakass Shors: Economic Practices and Social Well-being', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 83–92, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-83-92 (in Russ.)

Information about the Author: *Olga L. Lushnikova* – PhD in Sociology, Senior Research Fellow of the Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature and History, 23, Schetinkina Str., Abakan, 655017, Russia.

© Lushnikova O. L., 2023

Введение

Коренные малочисленные народы находятся под угрозой исчезновения, поэтому их проблемам уделяется большое внимание, как со стороны государства, так и со стороны исследователей [1; 5; 11]. С одной стороны, сегодня отмечается интерес к традиционным видам хозяйствования коренных народов [11], повышение их престижа [4, с. 93], трансформации в этническое предпринимательство [7; 12]. Но, с другой стороны, места проживания коренных народов активно осваиваются промышленными компаниями, которые влияют на трансформацию традиционных хозяйственных практик [5; 8], в том числе и негативно [10]. Такая ситуация сложилась у шорцев, проживающих в Хакасии.

Основная часть этого коренного малочисленного народа проживает в Кемеровской области. В Хакасии, по данным последней переписи, шорцев насчитывается всего 1445 чел. [2]. Они проживают относительно компактно на территории двух районов: Аскизского и Таштыпского (Бискамжинский поссовет, Балыксинский, Анчульский и Матурский сельсоветы) [9]. В местах их традиционного проживания ведется активная добыча полезных ископаемых: только в 2022 г. Отделом геологии и лицензирования по Республике Хакасия Департамента по недропользованию по Центрально-Сибирскому округу выдано более 20 лицензий на геологическое исследование, разведку и добычу полезных ископаемых на территории Балыксинского сельсовета Аскизского района. Присутствие добывающих компаний на территориях проживания шорцев влияет на возможности осуществления ими традиционных видов промысловой деятельности. *Цель* данной статьи – выявить проблемы хозяйственных практик шорцев Хакасии и оценить социальное самочувствие представителей этого коренного малочисленного народа. К хозяйственным практикам мы относим не только промысловую деятельность, но и ведение личного подсобного хозяйства, в том числе выращивание овощей и разведение скота.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили данные социологического опроса 2023 г., который проводился под руководством автора статьи в рамках проекта РНФ № 23-2800307 (для полевых работ привлекались интервьюеры). Объектом исследования выступили проживающие на территории Хакасии русские, хакасы и шорцы (n=566). Для подготовки данной статьи использовались данные только по шорцам (n=186). Опрос проводился в сельских поселениях, отнесенных к местам традиционного проживания шорцев на территории республики. Однако ввиду малочисленности фактически проживающих в сельской местности шорцев в перечень сел также были включены близлежащие села. По этой же причины квоты не вводились, поэтому выборка носит невероятностный характер. Опрос проводился по месту жительства, использовался метод «снежного кома», также поиск респондентов осуществлялся в местах скопления людей (почта, магазин, рынок и т.п.). География опроса: села Матур, Анчул, Верх-Таштып, Балыкса, Бискамжа, пос. Неожиданный, д. Николаевка, ст. Шора. Опросный лист составлялся автором, он включает и закрытые, и открытые вопросы. Для обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 19.

Результаты

В Хакасии шорцы проживают в основном таежной местности, соответственно их образ жизни тесно связан с промысловой деятельностью: собирательством, охотой, ловлей рыбы. Конечно, современные шорцы вовлечены в формальные трудовые отношения, однако, по данным проведенного опроса, среди них высокий удельный вес не имеющих работу (57,5 %), среди которых не только собственно безработные (12,4 %) и пенсионеры (22,0 %), но и иждивенцы (23,1 %). Причина высокой безработицы среди шорцев связана не только с отсутствием рабочих мест в местах их проживания

(хотя это тоже имеет место), но и с особенностями законодательства в отношении коренных малочисленных народов. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.10.2015 г. № 1049 шорцы могут претендовать на социальную пенсию по старости, однако право ее получать могут только официально безработные. Поэтому распространенной практикой среди шорцев является теневая занятость (с неофициальным трудоустройством и «серой» зарплатой).

Вместе с тем абсолютное большинство, как имеющих работу, так и безработных, занимается промысловой деятельностью (91,9 %) (рис. 1).

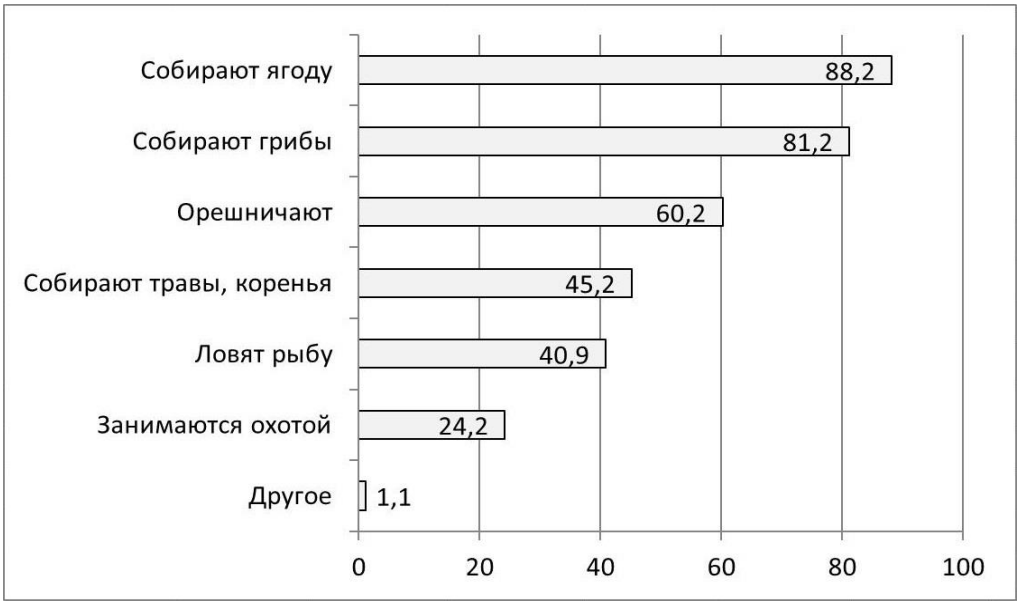

Рис. 1. Виды промысловой деятельности шорцев, в % опрошенных

Однако сегодня территории традиционного природопользования шорцев находятся под угрозой из-за активной деятельности золотопромышленных компаний, которые наносят непоправимый урон местам традиционного проживания шорцев. Эта проблема активно обсуждается в СМИ: *Только на Магазинском участке пробурено более сотни скважин. Он превращен в решето, но ни одна скважина не затампонирована, что является причиной загрязнения подземных вод…как результат, кристально чистые реки – словно мутная жижа, а на месте пышного кедра, березы и сосны – голая израненная земля* [15]. *По поводу золотодобытчиков не то что волнуются, а уже плачут люди…речки грязные…лес пилят, валят, ломают…у нас здесь столько артелей золотодобывающих, копают, их столько много развелось. И все их больше, и больше, а деревня живет все хуже и хуже* [3].

По словам самих шорцев, «золотари» (так их называют шорцы между собой) вырубают лес, загрязняют реку, нарушают источники питьевой воды, уничтожают покосы, а также редкие цветы, занесенные в Красную книгу. Помимо экологического вреда, присутствие золотодобывающих компаний затрудняет ведение шорцами промысловой деятельности и снижает возможности для заработка. Во-первых, «золотари» перекапывают тяжелой техникой лес, из-за чего уничтожаются, дикоросы, кедр, зверь мигрирует далеко в тайгу, уходит рыба. Во-вторых, доступ в тайгу становится затруднительным: «золотари» перекрывают дороги, ставят ограждения, шлагбаумы, а охраняющие их собаки распугивают зверя. В-третьих, увеличиваются расходы на промысловую деятельность, так как шорцам приходится преодолевать значительно большее расстояние, уходить далеко в тайгу (нужно больше бензина,

больше провиантов и т.п.). В целом, прибыль от промыслов значительно уменьшилась. Респонденты отмечали: *«на орехах» раньше делали деньги, а сейчас невозможно»* (женщина, 56 лет, с. Балыкса), «*ягодные, грибные места уничтожены*» (мужчина, 23 года, д. Николаевка), «*много больного зверя*» (мужчина, 43 года, п. Неожиданный), «*рыбы не осталось, воды не станет на 20 лет*» (мужчина, 37 лет, с. Балыкса). Каждый десятый шорец отмечал ухудшение жизни за последние три года (11,3 %), и столько же затруднились с ответом на этот вопрос (10,2 %), что можно интерпретировать и как отказ давать оценку изменений своей жизни из-за их неоднозначности, и как неопределенность, связанную с противоречивым характером таких изменений.

Затруднение также вызвал и вопрос об оценке своего материального положения (рис. 2).

Рис. 2. Уровень материального положения, в % опрошенных

Состоятельных шорцев, которые могут позволить себе такие крупные покупки, как машину или дом, оказалось немного (9,7 %). Зажиточных шорцев тоже немного – это те, кому средств хватает не только на удовлетворение основных потребностей, но и на более крупные покупки, например, бытовую технику (15,1 %). Обеспеченные составляют треть от опрошенных: они обеспечивают себя необходимым (едой, одеждой, обувью), но позволить крупные покупки не могут. К категории бедных себя отнес каждый четвертый шорец: имеющихся у них денег едва хватает на питание. В ходе опроса шорцы часто отмечали уменьшение возможностей зарабатывать промысловым способом из-за золотодобывающих компаний, а для большинства из них промыслы – главный источник дохода.

Конечно, помимо промысловой деятельности шорцы также занимаются ведением хозяйства, хотя в этом они не очень активны (рис. 3).

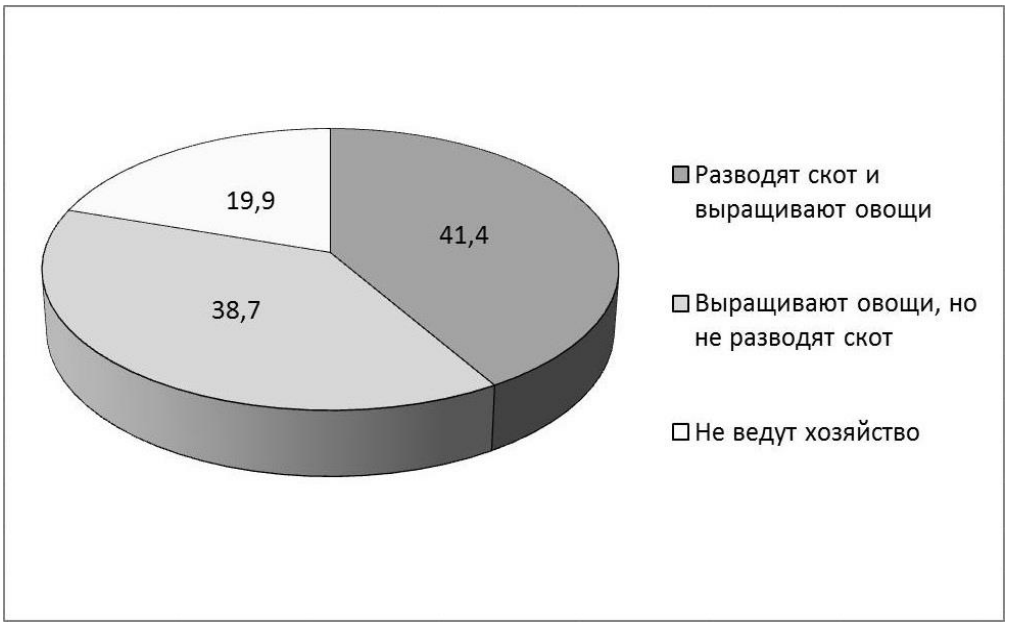

Рис. 3. Хозяйственная деятельность шорцев, в % опрошенных

Шорцы не склонны разводить много скота, что связано, в том числе и с географическими особенностями их расселения – таежной и горно-таежной местности, не располагающей к разведению скота. Они держат коров (31,2 %), свиней (19,9 %) или птицу (18,3 %). Но шорцы не ориентированы на товарное производство: выращенную продукцию в основном используют для себя (89,3 %). В целом, можно сказать, что ведение личного подсобного хозяйства для шорцев не является основным источником существования: они не планируют его развивать (47,7 %) и низко оценивают свои возможности прожить только за счет продукции со своего подворья или приусадебного участка (20,8 %).

В целом, свой уровень адаптации к социально-экономическим условиям шорцы оценивают невысоко: каждый пятый считает, что шорцы скорее или совсем не адаптировались к современным условиям (19,4 %). Некоторые шорцы полагают, что успешность адаптации зависит от возраста: *«пожилые хорошо приспособились, а молодые нет»* (мужчина, 43 года, п. Неожиданный). Вполне вероятно, это связано с мерами государственной поддержки шорцев в качестве коренных малочисленных народов, а именно социальной пенсией по старости, которая назначается женщинам, достигшим возраста 50 лет, а мужчинам – 55 лет. Для жителей сельских территорий такое пособие – дополнительный стабильный (хоть и небольшой) источник дохода. Кроме того, шорцы более старшего возраста в большинстве своем уже успели «встать на ноги», накопили определенный капитал, а молодым это еще только предстоит.

Трудности социально-экономического характера в свою очередь влияют на настроения шорцев (рис. 4). Примерно половина из них выражает надежду на лучшее (48,4 %), и еще треть опрошенных полагает, что все останется, как и прежде.

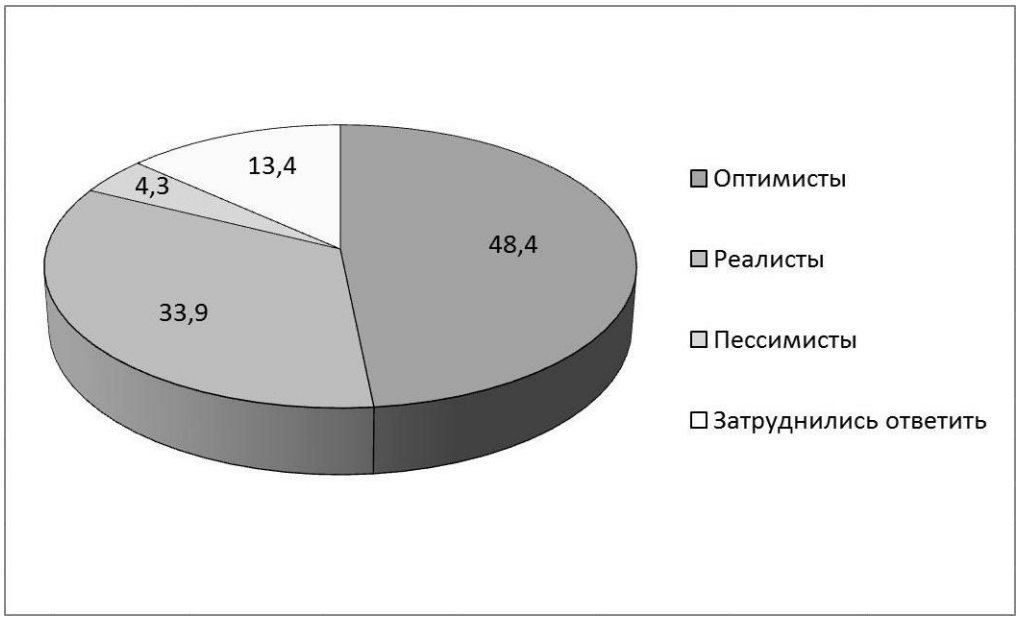

Рис. 4. Социальные настроения шорцев, в % опрошенных

Казалось бы, пессимистов среди шорцев немного (4,3 %), но, учитывая высокий уровень безработицы среди них, трудности адаптации и низкий уровень материального достатка, сложно сделать однозначный вывод о позитивных настроениях этого коренного малочисленного народа.

Заключение

Проживающие в Хакасии шорцы в целом сохраняют ориентацию на исторически сложившиеся виды своей хозяйственной деятельности – собирательство, охоту, рыболовство. И работающее население, и безработные активно занимаются промысловой деятельностью, причем для многих их них промыслы являются основным видом занятости и источником заработка. Из-за географических особенностей и пространственного расположения мест их проживания возможности заниматься промысловой деятельностью в основном ограничены территориями традиционного природопользования.

Однако в современных условиях существует угроза сохранения традиционного образа жизни шорцев из-за золотодобывающих компаний, которые наносят огромный вред исконной среде обитания шорцев и препятствуют осуществлению промысловой деятельности. Сужение возможностей заработка за счет даров тайги влияет на их материальное благополучие, которое за последние три года существенно ухудшилось. Конечно, существуют и другие факторы, влияющие на уровень и качество жизни – это, прежде всего, проблемы социально-экономического характера, связанные с высокой безработицей в сельских территориях, проблема ветхости жилищного фонда, изношенности инфраструктуры. Из-за удаленного проживания актуализируется проблема транспортной доступности по причине низкого качества дорог (гравийная дорога), что затрудняет маятниковую трудовую миграцию в соседние села. В таких условиях более доступными способами существования являются хозяйственные практики (промыслы и ведение личного подсобного хозяйства). Однако из-за географических особенностей местности (тайга и горы) последнее менее доступно и перспективно, поэтому шорцы держат немного скота и в целом не рассматривают продукцию с подворья в качестве основного источника дохода.

По мнению исследователей, география расселения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока оказалось в настоящее время неудачной

для ведения традиционного хозяйства, их вытесняют промышленные предприятия [14, с. 77]. Несмотря на это, шорцы смотрят в будущее с оптимизмом, хотя в основном этот оптимизм связан с надеждой на государство, в руках которого будущее этого коренного малочисленного народа. В этом заключается противоречивый характер сложившейся ситуации.

Список источников и литературы

1. *Вячеславов Д. А.* Отдельные проблемы коренных малочисленных народов Севера // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2023. № 1 (23). С. 4–5.
2. *Всероссийская перепись населения 2020* // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 11.01.2023).
3. *Мазунина Л.* Известно, кто запускает в Хакасию «золотых» убийц // Информационное агентство Хакасия : офиц. сайт. URL: https://19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/162807-izvestno-kto-zapuskaet-v-khakasiyu-zolotykh-ubijts?template=ia19042021&is_preview=on. Дата публикации: 08.10.2021.
4. *Малышева М. С., Самсонова И. В.* Проблемы традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера республики Саха (Якутия). Пути их решения. DOI 10.17513/vaael.703 // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9-1. С. 89–94.
5. *Меркулина И. А., Петров И. В., Майдибор Д. О.* Оценка влияния добывающей деятельности на традиционные промыслы коренных малочисленных народов Арктики. DOI 10.14451/1.214.153 // Экономические науки. 2022. № 9 (214). С. 153–158.
6. *Неустроева А. Б., Самсонова И. В.* Проблемы современных коренных малочисленных народов севера (по данным исследования в республике Саха (Якутия)). DOI 10.31857/S013216250014318-2 // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 88–96.
7. *Новикова Н. И.* Аборигенное предпринимательство в России: ресурсы, технологии и социальные институты. DOI 10.33876/2311-0546/2019-46-2/5-18 // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). С. 5–18.
8. *Перевалова Е. В., Киссер Т. С.* Недропользователи и коренное население Таймыра: партнерство и проектность. DOI: 10.17223/2312461X/38/10 // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 176–194.
9. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.05.2009 г. № 631-р (ред. от 21.07.2014) «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации»* // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87690/ (дата обращения: 11.01.2023).
10. *Роньжина О. В.* Права коренных народов севера на пользование природными ресурсами: двойные стандарты в правовом регулировании. DOI 10.7256/2454-0706.2019.1.27872 // Право и политика. 2019. № 1. С. 20–31.
11. *Рунова Н. Ю.* Этническое предпринимательство: анализ основных определений. DOI 10.18334/epp.11.2.111589 // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 323–332.
12. *Санжиева Л. В.* Современные проблемы сохранения традиций коренных малочисленных народов Арктики. DOI 10.53115/19975996_2023_01_033-037 // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 1 (66). С. 33–37.
13. *Этническое предпринимательство и местное бизнес-сообщество: опыт взаимодействия на потребительском рынке региона* / С. Г. Симонов [и др.]. DOI 10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171 // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 18, № 1. С. 162–171.
14. *Софронов П. А.* Хозяйственно-бытовая специфика коренных малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия) в современных условиях // Архонт. 2021. № 4 (25). С. 75–77.

15. *Хакасская катастрофа*. Золотодобытчики рискуют уничтожить коренные народы тайги // Шанс. Регион : сетевое издание. URL: https://shansonline.ru/index.php/istorii/item/13271-khakasskaya-katastrofa-zolotodobytchiki-riskuyut-unichtozhit-korennye-narody-tajgi. Дата публикации: 07.10.2021

References

1. Vyacheslavov, DA 2023, 'Otdelnyye problemy korennykh malochislennykh narodov Severa' (Individual problems of indigenous minorities of the North), *Traditsionnyye natsionalno-kulturnyye i dukhovnyye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii* (Traditional national-cultural and spiritual values as innovative development basis of Russia), no. 1 (23), pp. 4–5. (In Russ.)
2. 'Vserossiyskaya perepis naseleniya 2020' (All-Russian Population Census 2020), *Federal State Statistics Service*, viewed 11 January 2023, https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (In Russ.)
3. Mazunina, L 2021, 'Izvestno, kto zapuskayet v Khakasiyu «zolotykh» ubiyts' (It is known who launches the "golden" killers in Khakassia), *IA Khakassia*, viewed 4 September 2023, https://19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/162807-izvestno-kto-zapuskaet-v-khakasiyu-zolotykh-ubijts?template=ia19042021&is_preview=on (In Russ.)
4. Malysheva, MS & Samsonova, IV 2019, 'Problemy traditsionnoy khozyaystvennoy deyatelnosti korennykh malochislennykh narodov severa respubliki Sakha (Yakutiya). Puti ikh resheniya' (Problems of traditional economic activity of the indigenous peoples of the north of the republic of Sakha (Yakutia). ways to solve them), *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, no. 9-1, pp. 89–94, doi: 10.17513/vaael.703 (In Russ.)
5. Merkulina, IA, Petrov IV & Maidibor, DO 2022, 'Otsenka vliyaniya dobyvayushchey deyatelnosti na traditsionnyye promysly korennyh malochislennyh narodov Arktiki' (Assessment of the impact of extractive activities on the traditional crafts of indigenous peoples of the Arctic), *Economic Sciences*, no. 214, pp. 153–158, doi: 10.14451/1.214.153 (In Russ.)
6. Neustroeva, AB & Samsonova, IV 2022, 'Problemy sovremennykh korennykh malochislennykh narodov Severa (po dannym issledovaniya v respublike Sakha (Yakutiya))' (Problems of indigenous peoples of the North (based on the materials of the republic of Sakha (Yakutia))), *Sociological Studies*, no. 7. pp. 88–96, doi: 10.31857/S013216250014318-2 (In Russ.)
7. Novikova, NI 2019, 'Aborigennoye predprinimatelstvo v Rossii: resursy, tekhnologii i sotsialnyye instituty' (Aboriginal entrepreneurship in Russia: resources, technologies and social institutes), *Herald of anthropology*, no. 2 (46), pp. 5–18, doi: 10.33876/2311-0546/2019-46-2/5-18 (In Russ.)
8. Perevalova, EV & Kisser, TS 2022, 'Nedropolzovateli i korennoye naseleniye Taymyra: partnerstvo i proyektnost' (Subsoil users and indigenous population of Taymyr: partnerships and projects), *Siberian historical research*, no. 4, pp. 176–194, doi: 10.17223/2312461X/38/10 (In Russ.)
9. 'Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 08.05.2009 g. № 631-r (red. ot 21.07.2014) «Ob utverzhdenii perechnya mest traditsionnogo prozhivaniya i traditsionnoy khozyaystvennoy deyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii i perechnya vidov traditsionnoy khozyaystvennoy deyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii»' (Russian Federation Government resolution No. 631-r dated 8 May 2009 "On approval of the list of places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous peoples of the Russian Federation and the list of types of traditional economic activities of indigenous peoples of the Russian Federation Federation"), *Konsultant Plyus*, viewed 11 January 2023, https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87690/ (In Russ.)
10. Ronzhina, OV 2019, 'Prava korennykh narodov Severa na polzovaniye prirodnymi resursami: dvoynyye standarty v pravovom regulirovanii' (Rights of the indigenous peoples of the North to natural resources management: double standards in legal regulation), *Law and Politics*, no. 1, pp. 20–31, doi: 10.7256/2454-0706.2019.1.27872 (In Russ.)
11. Runova, NYu 2021, 'Etnicheskoye predprinimatelstvo: analiz osnovnykh opredeleniy' (Ethnic entrepreneurship: an analysis of the main definitions), *Ekonomika, predprinimatel'stvo i*

pravo (Journal of Economics, Entrepreneurship and Law), vol. 11, no. 2, pp. 323–332, doi: 10.18334/epp.11.2.111589 (In Russ.)
12. Sanzheeva, LV 2023, 'Sovremennyye problemy sokhraneniya traditsiy korennykh malochislennykh narodov Arktiki' (Modern problems of preserving the traditions of the indigenous peoples of the Arctic), *Society. Environment. Development*, no. 1 (66), pp. 33–37, doi: 10.53115/19975996_2023_01_033-037 (In Russ.)
13. Simonov, SG, Yamova, OV, Khamathanova, MA & Arynova, ZA 2020, 'Etnicheskoye predprinimatelstvo i mestnoye biznes-soobshchestvo: opyt vzaimodeystviya na potrebitel'skom rynke regiona' (Ethnic Entrepreneurship and Local Business Community: Experience of Interaction in the Consumer Market in the Region), *Herald of Omsk University. Series "ECONOMICS"*, vol. 18, no. 1, pp. 162–171, doi: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171. (In Russ.)
14. Sofronov, PA 2021, 'Khozyaystvenno-bytovaya spetsifika korennykh malochislennykh narodov severa Respubliki Sakha (Yakutiya) v sovremennykh usloviyakh' (Economic and household specifics of the indigenous small-numbered peoples of the north of the republic of Sakha (Yakutia) in modern conditions), *Arkhont*, no. 4 (25), pp. 75–77. (In Russ.)
15. 'Hakasskaya katastrofa. Zolotodobytchiki riskuyut unichtozhit korennyye narody taygi' (The Khakass catastrophe. Gold miners risk destroying the indigenous peoples of the taiga), *Shans. Region*, viewed 4 September 2023, https://shansonline.ru/index.php/istorii/item/13271-khakasskaya-katastrofa-zolotodobytchiki-riskuyut-unichtozhit-korennye-narody-tajgi (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.08.2023
Одобрена после рецензирования: 04.09.2023
Принята к публикации: 19.09.2023

The article was submitted: 16.08.2023
Approved after reviewing: 04.09.2023
Accepted for publication: 19.09.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 93–100.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 93–100.

Научная статья
УДК 94(47).081+94(47).082
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-93-100

ДЕЛОВАЯ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (ПО ДАННЫМ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА ФИСКАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ)

Никита Алексеевич Биленко

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nikitabilenko@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-4666-4553

Аннотация. Статья посвящена анализу деловой активности предпринимателей Тульской губернии во второй половине XIX в. Целью работы стало определение зависимости периодов активной хозяйственной деятельности провинциальных предпринимателей и циклов экономического развития Российской империи. Основу исследования составили данные статистического учета фискально-административной документации (на основе материалов справочных изданий – «Обзоров Тульской губернии» и «Памятных книжек»). В ходе исследования была установлена динамика выдачи торговых свидетельств в Тульской губернии, определены тренды динамических рядов для трех наиболее востребованных видов документов – свидетельств на мелочный торг, на мещанские промыслы, купеческих II гильдии. Выявлена неравномерность выдачи торговых документов по годам на протяжении рассматриваемого периода, установлена тенденция сокращения численности купеческих свидетельств при одновременном росте промысловых, что свидетельствует о потере значимости сословных привилегий для акторов хозяйственного развития. Установлено, что деловая активность предпринимателей Тульской губернии во второй половине XIX в. слабо коррелировала с циклами экономического развития Российской империи, мировыми экономическими трендами. Определено, что хозяйственная деятельность местных предпринимателей в большей степени зависела от прямого административного воздействия государства, налоговой политики и состояния сельскохозяйственного производства. Предпринимателями отдавалась приоритетность тем торговым свидетельствам, которые предоставляли торгово-промышленные права в пределах отдельных уездов. Данный вывод свидетельствует о наличии особых тактик и стратегий хозяйственного поведения провинциальных предпринимателей в различных местностях в условиях кризисов и периоды экономического благополучия без учета ими общероссийской экономической конъюнктуры.

Ключевые слова: предпринимательство, социальный состав, торговля, промышленность, город, модернизация.

Для цитирования: Биленко Н. А. Деловая активность предпринимателей Тульской губернии второй половины XIX в. (по данным статистического учета фискально-административной документации) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 93–100. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-93-100.

Сведения об авторе: *Н. А. Биленко* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Биленко Н. А., 2023

Scientific Article
UDC 94(47).081+94(47).082
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-93-100

BUSINESS ACTIVITY OF ENTREPRENEURS TULA PROVINCE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (ACCORDING TO STATISTICAL DATA FISCAL AND ADMINISTRATIVE DOCUMENTATION)

Nikita A. Bilenko

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, nikitabilenko@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-4666-4553

Abstract. The article is devoted to the analysis of the business activity of entrepreneurs of Tula province in the second half of the XIX century. The purpose of the work was to determine the dependence of periods of active economic activity of provincial entrepreneurs and cycles of economic development of the Russian Empire. The basis of the study was the data of statistical accounting of fiscal and administrative documentation (based on the materials of reference publications - "Reviews of the Tula province" and "Commemorative books"). In the course of the study, the dynamics of the issuance of trade certificates in the Tula province was established, the trends of the dynamic series for the three most popular types of documents were determined - certificates for petty bargaining, for petty–bourgeois crafts, merchant guilds II. The unevenness of the issuance of trade documents by year during the period under review was revealed, a tendency was established to reduce the number of merchant certificates with a simultaneous increase in commercial certificates, which indicates the loss of importance of class privileges for actors of economic development. It is established that the business activity of entrepreneurs of Tula province in the second half of the XIX century was poorly correlated with the cycles of economic development of the Russian Empire, world economic trends. It was determined that the economic activity of local entrepreneurs was more dependent on the direct administrative impact of the state, tax policy and the state of agricultural production. Entrepreneurs gave priority to those trade certificates that granted commercial and industrial rights within individual counties. This conclusion indicates the presence of special tactics and strategies of the economic behavior of provincial entrepreneurs in various localities in the conditions of crises and periods of economic well-being without taking into account the all-Russian economic conjuncture.

Keywords: entrepreneurship, social composition, trade, industry, city, modernization.

For citation: Bilenko, NA 2023, 'Business Activity of Entrepreneurs Tula Province of the second half of the XIX Century (According to Statistical Data Fiscal and Administrative Documentation)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 93–100, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-93-100 (in Russ.)

Information about the Author: *Nikita A. Bilenko* – PhD in History, Associate Professor of the Department of the History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Bilenko N. A., 2023

Введение

В российской историографии прочно зарепилось представление о цикличности экономического (в первую очередь – промышленного и финансового) развития Российской империи второй половины XIX в., что связывалось с влиянием мировых экономических кризисов (1847, 1857, 1866, 1873, 1890 и 1900 гг.), объснялось кризисами перепроизводства, целенаправленной кредитно-финансовой политикой государства, общественными изменениями в России [33, с. 414–458; 35, с. 78–88]. Фиксируя периоды «роста» и «спада» экономики, историки опирались на объективные показатели масштабов товарооборотов, объемы экспорта и импорта ключевых промышленных товаров и зерновых культур, численность действующих фабрик, заводов и мануфактур.

Помимо цикличности развития экономики России в пределах широких временных лагов (вторая половина XIX – начало XX вв.) ученые, руководствуясь данными по отдельным губерниям, областям и регионам государства, обращают внимание на сезонность организации (в пределах отдельных лет) промышленного прозводства, его зависимость от тенденций развития сельского хозяйства [32, с. 71–75; 34, с. 79–80].

Однако фиксация, к примеру, периодов спада ключевых экономических показателей не исключает сохранение деловой активности предпринимателей, не устанавливает смену экономических тактик и стратегий хозяйствующих субъектов, особенно тех, кого не включают в группу крупнейшей буржуазии империи – провинциальных предпринимателей. Ответ на вопрос, имеется ли корреляция между большими циклами развития экономики Российской империи и хозяйственным поведением провинциальных предпринимателей, ориентированных на удовлетворение потребностей населения отдельных местностей или даже локальных общностей, требует, как минимум, установления соответствия кризисных периодов и периодов роста экономики периодам активизации или замедления деловой активности средних и мелких предпринимателей.

Источниковая база

Основу исследования составили статистические материалы промыслового налогообложения, опубликованные в справочных изданиях («Обзорах Тульской губернии» и «Памятных книжках») или содержащиеся в нарядах ведомостей Тульского губернского статистического комитета к ежегодным губернаторским отчетам [2, л. 58–63; 26, с. 170–177; 3, л. 103–107; 27, с. 232–235; 4, л. 73–75; 11, с. 7–8; 12, с. 6–7; 13, с. 6–7; 14, с. 5–6; 15, с. 7; 5, л. 91–93; 16, с. 8; 17, с. 9; 6, л. 202–219; 18, Вед. 21; 19, Вед. 21; 20, Вед. 21; 21, Вед.21; 22, Вед.23; 23, Вед. 16; 24, Вед. 15; 25, Вед.10.]. Материалы статистики промыслового обложения уже неоднократно использовались учеными для решения целого комплекса проблем социально-экономической истории России второй половины XIX в.: для изучения влияния системы налогообложения на развитие фабрично-заводского производства; при изучении форм, масштабов и географии мелкой крестьянской промышленности; организации внутренней торговли в стране [1; 30; 31]

Данные податной статистики представляются пригодными для анализа деловой активности предпринимателей т.к. налогообложение торговых и промышленных заведений, предприятий сферы услуг в Российской империи второй половины XIX в. базировалось на патентной системе. С 1863 г. предприниматель ежегодно приобретал торговое свидетельство (купеческое или промысловое), которое предоставляло ему определенный набор торгово-промышленных прав (таблица 1). Причем свидетельства выбирались в зависимости от внешних признаков предпринимательской деятельности (рода торга – оптового, розничного, мелочного, количества помещений в заведении, численности рабочих и торговых служащих, местности, в

пределах которой велась торговля или организовывалось промышленное производство). Таким образом, анализ динамики выдачи торговых свидетельств различных видов в Тульской губернии во второй половине XIX в. позволяет определить с одной стороны – масштабность организационных форм торгово-промышленной деятельности, с другой – периоды деловой активности участников торгово-рыночных отношений в пределах Тульской губернии.

Таблица 1

Торговые документы и предоставляемые ими права на предпринимательскую деятельность в 1863 – 1884 гг.

Виды торговых документов		**Торгово-промышленные права, предоставляемые по торговым свидетельствам**	**Территория, в пределах которой разрешена реализация прав**
Купеческие	I гильдии	1) право производить оптовую торговлю русскими и иностранными товарами лично и через приказчиков; 2) содержать для этого в городах и селениях конторы, склады, амбары с платой за каждый билет на них; 3) право производить во всех городских и сельских поселениях розничную торговлю русскими и иностранными товарами из лавок и магазинов; 4) право содержать фабрики, заводы и ремесленные заведения с платой за каждый билет на них; 4) право принимать подряды и откупа без ограничения суммы.	по всей империи по всей империи в том уезде, где взято с видетельство по всей империи
	II гильдии	1) право производить розничную торговлю русскими и иностранными товарами из лавок и магазинов; 2) содержать фабрики, заводы и ремесленные заведения с платой за каждый билет на них; 3) право принимать подряды, поставки и откупа на сумму не свыше 15000 руб.	в том уезде, где взято свидетельство
Промысловые	На мелочный торг	1) право содержать лавки в гостиных дворах, рядах и других публичных помещениях, для реализации товаров по «Росписи Е»; 2) право содержать мелочные лавочки, для продажи товаров по «Росписи Ж»; 3) право содержать торговые бани, рыбные садки, трактирные заведения, платящие в городской доход менее 200 руб.; 4) содержать фабрики, заводы и ремесленные заведения, на которых работает не более 4х человек; 5) принимать подряды, поставки и откупа на сумму не более 1200 руб.	в том уезде, где взято свидетельство
	На развозный торг	1) право торговать вне городов, селений и местечек мануфактурными и колониальными товарами.	в том уезде, где взято свидетельство
	На разносный торг	1) право торговать вне городов, селений и местечек мануфактурными и колониальными товарами.	в том уезде, где взято свидетельство
	На мещанские промыслы**	1) право самостоятельно без наемных работников при помощи только членов своих семей заниматься ремеслами.	в том уезде, где взято свидетельство

**Составлено по: Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Статьи 20, 22, 67, 82 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отд-ние 1. 1865. Т. XL. № 41779. СПб., 1867. С. 160, 161, 167, 169.*

*** В 1884 г. свидетельства на мещанские промыслы были заменены промысловыми свидетельствами 3-х разрядов для фабрик, заводов, мастерских, на которых не использовался машинный труд. Промысловое свидетельство 1 разряда обязан был приобрести хозяин предприятия, на котором работало от 10 до 16 человек, 2 разряда – для предприятий с 5 – 9 работниками, 3 разряда – для заведений, на которых трудилось от 2 до 4 рабочих.*

Результаты

С 1862 г. по 1868 г. рост количества выданных торговых свидетельств в Тульской губернии составил почти 376 %. Многократное увеличение численности предпринимателей в первое пятилетие после принятия «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1863/65 гг. отвечало интересам правительства. Министр финансов М. Х. Рейтерн и его последователи стремились поощрять частную инициативу, видя в ней основу экономического развития страны [7, с. 78; 9, с. 38–39]. Однако «взрывной» рост числа выданных торговых документов второй половины 1860-х гг. сменился неравномерностью ежегодной выдачи торговых документов (Рис. 1).

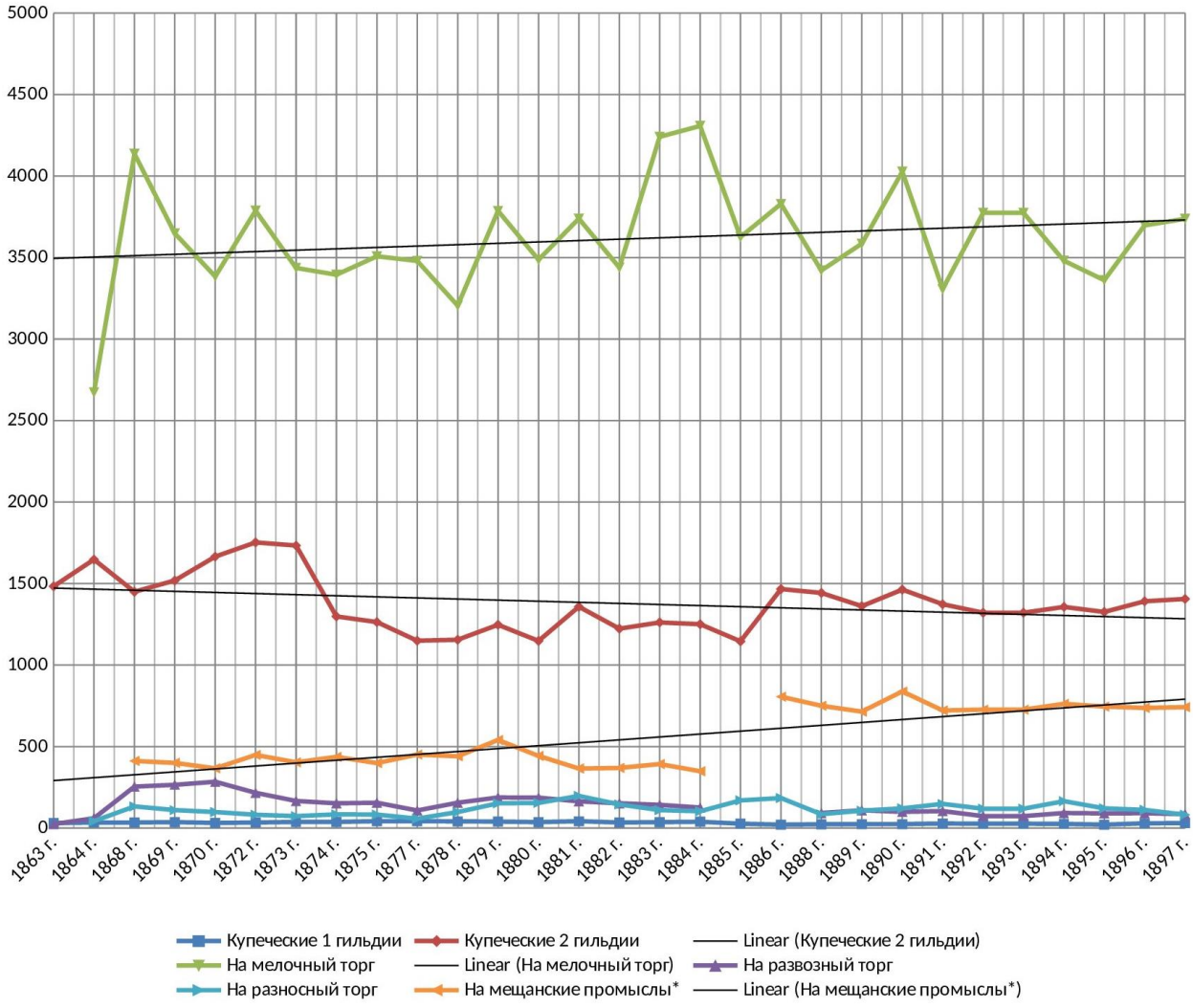

Рис. 1. Динамика выдачи торговых свидетельств в Тульской губернии во второй половине XIX в.

Неравномерность выдачи торговых документов можно признать существенной. Амплитуда вариации количества выданных торговых свидетельств на мелочный торг составляет 1460 документов, купеческих свидетельств II гильдии – 558. Данное обстоятельно затрудняет определение тенденций деловой активности предпринимателей Тульской губернии. Произвольное сравнение численности выданных торговых документов за отдельные годы может привести к ложным выводам. Во избежание этого были определены тренды динамических рядов для трех наиболее

многочисленных видов свидетельств: купеческих II гильдии, на мелочный торг и мещанских промысловых (позднее – промысловых 3-х разрядов). Установлено, что с 1863 г. по 1897 г. наблюдается постепенное увеличение численности выданных свидетельств на мелочный торг, а также на мещанские промыслы (промысловых 3х разрядов) при одновременном сокращении купеческих II гильдии.

Динамика выдачи торговых документов в Тульской губернии в 1860–1890-е гг. отображает динамику деловой активности предпринимателей. Но чем были обусловлены большие ежегодные колебания численности выданных торговых свидетельств различных видов? Почему вплоть до конца XIX столетия наиболее востребованными оставались торговые документы, по которым разрешалось содержать самые малые формы организации предпринимательской деятельности? Для ответа на эти вопросы, во-первых, необходимо выделить годы, в которые происходило наиболее заметное сокращение количества свидетельств у предпринимателей. К таким можно отнести: 1870, 1874, 1878, 1880, 1882, 1885, 1888, 1891, 1895 гг. Из приведенного ряда четыре года (1874, 1880, 1882 и 1885 гг.) приходятся на то время, когда вводились новые налоги или повышались цены на уже существовавшие патенты. Два года (1870 и 1891 гг.) приходятся на время больших неурожаев. А 1888 и 1895 гг. наоборот – на очень урожайные годы, в которые наблюдались чрезвычайно низкие цены на продукты сельского хозяйства в Европейской России. Уменьшение количества выданных торговых документов в 1878 г. совпало с общероссийским экономическим кризисом, вызванным русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Выявленная динамика совпадает со средними данными по Российской империи, полученными И. Я. Рудченко [29, с. 364–366]. Смену резкого снижения численности выданных торговых документов резким ростом исследователь связывал это с адаптацией предпринимателей к новым фискальным условиям или законодательным нововведениям.

Отказ тульских предпринимателей от приобретения купеческих свидетельств следует признать типичным для Российской империи второй половины XIX в. Так, Б. Н. Миронов отмечал падение привлекательности звания купца в пореформенный период, вызванное постепенным сокращением купеческих привилегий (к примеру, со второй половины 1870-х гг. принадлежность к купеческому званию не позволяла избежать службы в армии) [10, с. 116]. Одновременно с 1874 г. увеличивалась налоговая нагрузка на купеческие свидетельства. По данным И. Н. Лобачевой численность истинного гильдейского купечества во второй половине XIX в. снизилась в среднем по губернии на 39,8 %, что свидетельствует о меньшей значимости для сельских и городских жителей сословных привилегий по сравнению с экономическими преимуществами [8, с. 27]. Постепенное же увеличение количества выданных промысловых свидетельств в Тульской губернии на протяжении второй половины XIX в. отображает реальное экономическое положение в провинции и в стране в целом – господство мелких форм предпринимательской деятельности.

Заключение

Таким образом, деловая активность предпринимателей Тульской губернии во второй половине XIX в. слабо коррелировала с циклами экономического развития Российской империи, мировыми экономическими трендами. Динамика выдачи торговых документов свидетельствует о том, что на хозяйственную деятельность местных предпринимателей в большей степени влияло административное воздействие государства, налоговая политика и состояния сельскохозяйственного производства. Предпринимателями отдавалась приоритетность тем торговым свидетельствам, которые предоставляли торгово-промышленные права в пределах отдельных местностей (уездов или губернии). В свою очередь, это свидетельствует о наличии особых тактик и стратегий хозяйственного поведения провинциальных предпринимателей в

различных местностях в условиях кризисов и периоды экономического благополучия.

Список источников и литературы

1. *Галахов В. В.* Некоторые вопросы изучения статистических материалов промыслового обложения. 1885 – 1898 гг. // Исторические записки. Т. 109. М., 1983. С. 238–261.
2. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее ГУ ГАТО) Ф. 52. Оп. 1. Д. 128.
3. ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 146.
4. ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 229.
5. ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 236.
6. ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 370.
7. *Зайцева Л. И.* Экономическая политика и народное оскудение (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2016. № 4 (19). С. 77–84.
8. *Лобачева И. Н.* Социодемографические характеристики тульского купечества в период конца 50 – 80-х годов XIX века // Вестник МГПУ. Серия Исторические науки. 2014. № 3 (15). С. 27.
9. *Мартынов С. Д.* Государство и экономика: система Витте. СПб.: Наука, 2002. 405 с.
10. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 547 с.
11. *Обзор Тульской губернии за 1878 год.* Тула: Типография Губернского правления, 1879. 79 с.
12. *Обзор Тульской губернии за 1879 год.* Тула: Типография Губернского правления, 1880. 129 с.
13. *Обзор Тульской губернии за 1880 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1881. 93 с.
14. *Обзор Тульской губернии за 1881 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1882. 85с.
15. *Обзор Тульской губернии за 1882 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1883. 70 с.
16. *Обзор Тульской губернии за 1884 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1886. 75 с.
17. *Обзор Тульской губернии за 1885 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1887. 73 с.
18. *Обзор Тульской губернии за 1888 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1889. 79 с.
19. *Обзор Тульской губернии за 1889 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1890. 80 с.
20. *Обзор Тульской губернии за 1890 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1891. 90 с.
21. *Обзор Тульской губернии за 1891 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1892. 92 с.
22. *Обзор Тульской губернии за 1893 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1894. 119 с.
23. *Обзор Тульской губернии за 1894 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1895. 124 с.
24. *Обзор Тульской губернии за 1895 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1896. 196 с.
25. *Обзор Тульской губернии за 1897 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1898. 120 с.
26. *Памятная книжка Тульской губернии на 1871 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1870. 472 с.
27. *Памятная книжка Тульской губернии на 1876 год.* Тула: Типография Губернского Правления, 1876. 439 с.
28. *Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г.* // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отд-ние 1. 1865. Т. XL. № 41779. СПб., 1867.
29. *Рудченко И. Я.* Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистике. СПб.: Тип. В. Кришбаума, 1893. 462 с.
30. *Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60 – 80-е годы XIX в.). М.: Наука, 1966. 263 с.
31. *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России (1850 – 1880 гг.). М.: Наука, 1978. 295 с.
32. *Симонова Е. В.* Города Тульской губернии в процессе социальных трансформаций начала XX века. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2015. 265 с.
33. *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 514 с.
34. *Терещенко А. А.* Промышленность городов российской провинции во второй половине XIX – начала XX века (на примере Курской губернии) // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: V Междунар. науч. конференция. Белгород, 23-24 янв. 2009 г.: сб. науч. тр. / отв. ред. И. Т. Шатохин. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. С. 78–82.
35. *Хадонов Е. Е.* Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861 – 1904 гг.). М.: Юпапс, 1997. 240 с.

References

1. Galakhov, VV 1983, 'Nekotoryye voprosy izucheniya statisticheskikh materialov promyslovogo oblozheniya. 1885 – 1898 gg.' (Some issues of studying statistical materials of commercial taxation. 1885 – 1898), in *Istoricheskiye zapiski*, vol. 109, Moscow, pp. 238-261. (In Russ)
2. *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye "Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti" (GU GATO) (State Institution "State Archive of the Tula region")*, fund 52, inventory 1, file 128. (In Russ)

3. *GU GATO*, fund 52, inventory 1, file 146. (In Russ)
4. *GU GATO*, fund 52, inventory 1, file 229. (In Russ)
5. *GU GATO*, fund 52, inventory 1, file 236. (In Russ)
6. *GU GATO*, fund 52, inventory 1, file 370. (In Russ)
7. Zaytseva, LI 2016, 'Ekonomicheskaya politika i narodnoye oskudeniye (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)' (Economic Policy and National Impoverishment (Second Half of XIX - Early XX Centuries)), *Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management*, vol 4 (19), pp. 77-84. (In Russ)
8. Lobacheva, IN 2014, 'Sotsiodemograficheskiye kharakteristiki tul'skogo kupechestva v period kontsa 50 – 80-kh godov XIX veka' (Social-Demographic Characteristics of Tula Merchants in the Period from the End of the 50th to the 80th of the XIX Century), *MCTTU Vestnik. Series «Historical Studies»*, vol 3 (15), p. 27. (In Russ)
9. Martynov, SD 2002, *'Gosudarstvo i ekonomika: sistema Vitte'* (State and Economy: Witte's system), Nauka Publ, St. Petersburg. (In Russ)
10. Mironov, BN 2000, *'Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t'* (Social History of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century)), 2nd edn, vol. 1, Dmitry Bulanin Publ, St. Petersburg. (In Russ)
11. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1878 god'*(Review of Tula province in 1878) 1879, Tula. (In Russ)
12. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1879 god'*(Review of Tula province in 1879) 1880, Tula. (In Russ)
13. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1880 god'*(Review of Tula province in 1880) 1881, Tula. (In Russ)
14. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1881 god'*(Review of Tula province in 1881) 1882, Tula. (In Russ)
15. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1882 god'*(Review of Tula province in 1882) 1883, Tula. (In Russ)
16. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1884 god'*(Review of Tula province in 1884) 1886, Tula. (In Russ)
17. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1885 god'*(Review of Tula province in 1885) 1887, Tula. (In Russ)
18. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1888 god'*(Review of Tula province in 1888) 1889, Tula. (In Russ)
19. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1889 god'*(Review of Tula province in 1889) 1890, Tula. (In Russ)
20. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1890 god'*(Review of Tula province in 1890) 1891, Tula. (In Russ)
21. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1891 god'*(Review of Tula province in 1891) 1892, Tula. (In Russ)
22. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1893 god'*(Review of Tula province in 1893) 1894, Tula. (In Russ)
23. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1894 god'*(Review of Tula province in 1894) 1895, Tula. (In Russ)
24. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1895 god'*(Review of Tula province in 1895) 1896, Tula. (In Russ)
25. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1897 god'*(Review of Tula province in 1897) 1898, Tula. (In Russ)
26. *'Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii na 1871 god'*(Memorial book of the Tula province for 1871) 1870, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
27. *'Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii na 1876 god'*(Memorial book of the Tula province for 1876) 1876, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
28. *'Polozheniye o poshlinakh za pravo torgovli i drugikh promyslov 1865 g.'* (Regulations on duties for the right to trade and other crafts of 1865) 1867, Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2. Otdeleniye 1. 1865 (Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Issue 1. 1865), vol. XL, no. 41779, St. Petersburg. (In Russ)
29. Rudchenko, IYa 1893, *'Istoricheskiy ocherk oblozheniya torgovli i promyslov v Rossii, s prilozheniyem materialov po torgovo-promyshlennoy statistike'* (Historical outline of the taxation of trade and crafts in Russia, with the application of materials on trade and industrial statistics), Tipografiya V. Krishbauma Publ, Saint Petersburg. (In Russ)
30. Ryndzunsky, PG 1966*, 'Krest'yanskaya promyshlennost' v poreformennoy Rossii (60 – 80-ye gody XIX v.)'* (Peasant industry in post–reform Russia (60 - 80s of the 19th century)), Nauka Publ, Moscow. (In Russ)
31. Ryndzunsky, PG 1978, *'Utverzhdeniye kapitalizma v Rossii (1850 – 1880 gg.)'* (The establishment of capitalism in Russia (1850 – 1880)), Nauka Publ, Moscow. (In Russ)
32. Simonova, EV 2015, *'Goroda Tul'skoy gubernii v protsesse sotsial'nykh transformatsiy nachala XX veka'* (Cities of Tula province in the process of social transformations of the beginning of the 20th century), Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L.N. Tolstogo Publ, Tula. (In Russ)
33. Strumilin, SG 1966, *'Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR'* (Essays on the Economic History of Russia and the USSR), Nauka Publ, Moscow. (In Russ)
34. Tereshchenko, AA 2009, 'Promyshlennost' gorodov rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX – nachala XX veka (na primere Kurskoy gubernii)' (Industry of the cities of the Russian province in the second half of the 19th – early 20th century (on the example of the Kursk province)) in IT Shatokhin (ed.) *Yug Rossii i Ukraina v proshlom i nastoyashchem: istoriya, ekonomika, kul'tura*, 23–24 January 2009, Belgorod, Izdatelstvo BelGU Publ, Belgorod, pp. 78-82. (In Russ)
35. Khadonov, EE 1997*, 'Ocherki iz istorii finansovo-ekonomicheskoy politiki poreformennoy Rossii (1861 – 1904 gg.)'* (Essays from the history of financial and economic policy of post–reform Russia (1861–1904)), Yupaps Publ, Moscow. (In Russ)

Статья поступила в редакцию: 10.10.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 10.10.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. Материалы Вторых Зиминских чтений

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 101–108.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 101–108.

Научная статья
УДК 81'37
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-101-108

ТАКТИКИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» В. И. ЗИМИНА

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, grig72@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2362-0902

Аннотация. В статье рассмотрена проблема идентификации личности на примере «Воспоминаний» известного фразеолога Валентина Ильича Зимина. Под идентификацией понимается процесс категоризации личности с какой-либо социальной группой, её характеризация, оценивание. В ходе исследования установлено, что когнитивным результатом процесса идентификации является пропозиция. В зависимости от идентифицирующего субъекта выделена самоидентификация (субъективная идентификация) и объективная идентификация. В первом случае она осуществляется самим человеком и воплощена в пропозиции Я есть Х, во втором – другими субъектами и отражена пропозицией – Он есть Х. Установлено, что процессы идентификации осуществляются на протяжении всей жизни человека, поскольку они отражают ментальную деятельность коллектива и самопознания. Идентификация личности может осуществляться эксплицитно и имплицитно. В первом случае пишущий использует характеризующие высказывания. Имплицитный способ располагает разнообразным арсеналом средств объективации данной коммуникативной тактики. Определены два способа идентификации: опосредованный и непосредственный. Анализ текста «Воспоминаний» позволил выделить следующие тактики самоидентификации: *Я младший в семье. Я крестьянин. Я устроитель жилища. Я борец. Я беженец. Я спортсмен. Я штатский, не военный человек. Я столяр, трубочист. Я соответствую культурным нормам, принятым в обществе. Я не приспособленец, не конформист. Я лектор, общественный деятель. Я беспартийный. Я великодушный человек.* К косвенным тактикам самоидентификации отнесена *Я не прагматичный, не честолюбивый человек*. К идентифицирующим пропозициям, которые генерированы другими людьми, отнесены следующие. *Он половец. Он партизан. Он не такой, как все.* Выделенные пропозиции можно привести к нескольким пропозициональным функциям, имеющим следующее содержание: «личность сочетает в себе контрастные признаки: крестьянина, разнорабочего и интеллигента; физически слабого и имеющего спортивные достижения, простого, понятного и оригинального. Зимин – человек, проживший по своим правилам, скорректированными обыденной нравственностью, совестью.

Ключевые слова: прагматика, текст, языковая личность, речевая тактика, идентификация, пропозиция.

Для цитирования: Токарев Г. В. Тактики идентификации в «Воспоминаниях» В. И. Зимина // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 101–108. https://doi.org/ 10.22405/2712-8407-2023-3-101-108.

Сведения об авторе: *Г. В. Токарев* – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Токарев Г. В., 2023

Scientific Article
UDC 81'37
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-101-108

IDENTIFICATION TACTICS IN V. I. ZIMIN'S "MEMOIRS"

Grigoriy V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, grig72@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2362-0902

Abstract. The article considers the problem of identity identification on the example "Memoirs" of Valentin Zimin, a well-known phraseologist. Identification refers to the process of categorizing a person with any social group, its characterization, evaluation. The study has found that the cognitive result of the identification process is a proposition. Depending on the identifying subject, self-identification (subjective identification) and objective identification are distinguished. Self-identification is embodied in the proposition I am X and is carried out by the person himself. Objective identification reflects the proposition – He is X and is carried out by other subjects. The paper has established that identification processes are carried out throughout a person's life, since they reflect the mental activity of the collective and self-knowledge. Identification of a person can be carried out explicitly and implicitly. In the first case, the writer uses characterizing statements. The implicit method has a diverse arsenal of means for objectification of this communicative tactic. Two ways of identification are defined: direct and indirect. The analysis of the "Memories" allows to identify the following tactics of self-identification: *I am the youngest in the family. I am a peasant. I am the organizer of the dwelling. I am a fighter. I am a refugee. I am an athlete. I am a civilian, not a military man. I am a carpenter, a chimney sweep. I conform to the cultural norms accepted in society*. *I am not a temporizer, not a conformist. I am a lecturer, a public figure. I am nonparty man. I am a generous person.* Indirect self-identification tactics are as follows: *I am not a pragmatic, ambitious person*. Identifying propositions generated by other people include the following: *He is a Cuman. He is a partisan. He is not like the others.* The selected propositions reflect several propositional functions with the following content: "a person combines contrasting characteristics: a peasant, a labourer and a member of intelligentsia; physically weak and having athletic achievements, simple, understandable and original. Zimin is a man who lived by his own rules, adjusted by ordinary morality, conscience.

Keywords: pragmatics, text, linguistic persona, speech tactics, identification, proposition.

For citation: Tokarev, GV 2023, 'Identification Tactics in V. I. Zimin's "Memoirs"', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 101–108, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-101-108 (in Russ.)

Information about the Author: *Grigoriy V. Tokarev* – Professor, Doctor of Science (Philology), Head of the Department of Document Science and Russian Language Stylistics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Tokarev G. V., 2023

Введение

Проблема вербальной идентичности, идентификации личности входит в число актуальных вопросов современного языкознания. Её изучение интересно и в содержательном аспекте, и в плане средств и способов объективации идентификации. Данная проблема значима для различных современных областей знания, среди которых когнитивистика, лингвокультурология, психолингвистика, лингвоперсонология и др. Изучение процесса идентификации осуществляется как в теоретическом, так и в эмпирическом ключах. Во втором случае исследованию подлежат культурные типажи, знаковые личности. На наш взгляд, не менее интересно описание идентификации, осуществляемой обычным человеком. Данная задача решается, как правило, на материале обыденного дискурса, нашедшего выражение в дневниках, мемуарах. В этой статье мы попытаемся осветить проблему идентификации личности на материале «Воспоминаний» доктора филологических наук, фразеолога В. И. Зимина. Безусловно, Валентин Ильич не был обычным человеком. Он прожил долгую, нелёгкую, интересную жизнь, много сделал для людей и для науки. Сумел мужественно, красиво пройти через все испытания, сохранить себя, свои жизненные принципы, совесть, честь и достоинство. Конечно, имя Зимина в филологической среде было известным. Многие его боялись за принципиальность. Не все его принимали, но, во всяком случае, все признавали его авторитет. Запомнилось удивление одного преподавателя, который узнал, что Валентин Ильич не имел учёного звания профессора. (Не знаем, получил ли он его впоследствии). Валентин Ильич не был тщеславным человеком. Звания, должности, награды не представляли для него ценности. Возвращаясь к ранее данному определению «обычный», заметим, что Валентина Ильича не оскорбило бы это слово. Именно обычным, понятным, близким, нужным он хотел быть и был. Мы стали приятельствовать с Валентином Ильичом с 2007 года. Он приезжал в Тулу на конференции, выступал с лекциями перед студентами и учителями, не только рассказывал о фразеологии, но и делился воспоминаниями о своей жизни. Как-то я сказал Валентину Ильичу, что хорошо бы было всё это записать. Он ответил, что у него есть такие записи и через некоторое время прислал их мне. В этой работе мы будем опираться на изданную книгу «Воспоминаний». Для чего она написана? Точно не для того, чтобы рассказать всему свету, какой Валентин Ильич хороший. Книга интересна в разных аспектах. Один из них – идентификация пишущего. Не ставя задачи ответить на вопрос *кто я?,* Валентин Ильич косвенно говорил об этом, описывая каждый этап своей жизни.

Целью настоящей статьи является выявление идентифицирующих пропозиций в «Воспоминаниях» В. И. Зимина.

Поставленная цель достигается методами контекстуального, концептуального, прагматического анализа, пропозициональной функции.

Под идентификацией мы понимаем «самоопределение, самоузнавание, самопостижение личности, отождествление себя со своими и противопоставление чужим с опорой на средства языка и культуры» [6, с. 13]. Идентификация предполагает категоризацию личности с какой-либо социальной группой, отождествления с ней, характеризацию, оценивание. Результатом идентификации является идентичность, которую Н. А. Косолапов определяет как «…в разной степени артикулированное, остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к ‘своему’ миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями; весьма высокая потребность в одобрении своих действий самой личности (группы) со стороны такой среды и ее авторитетов; чувство неотъемлемой принадлежности к генетическим, историко-культурным, духовным корням этой среды; ощущение и осознание неразрывной связи своего собственного будущего с перспективами этой среды» [3, с. 102]. Л. А. Смолькина отмечает: «…Идентичность –

это нечто такое, что может выбираться, что может быть сконструировано…» [5, с. 68]. Когнитивный результат процесса идентификации может быть представлен в виде пропозиции. В зависимости от идентифицирующего субъекта можно выделить самоидентификацию (субъективную идентификацию) и объективную идентификацию. М. А. Лаппо самоидентификацию определяет «не только как процесс поиска, формирования идентичности (конструирование), но и маркирование своей – уже найденной или только становящейся – идентичности в целях ее сохранения» [4, с. 17]. В первом случае она осуществляется самим человеком и воплощена в пропозиции *Я есть Х*, в во втором – другими и отражена пропозицией – *Он есть Х*.

Следует отметить, что процессы идентификации осуществляются на протяжении всей жизни человека, поскольку они отражают ментальную деятельность коллектива и самопознания, саморефлексии. Данный факт даёт основания для исследования процесса идентификации в динамическом, эволюционном аспекте.

Самоидентификация личности может осуществляться эксплицитно и имплицитно. В первом случае пишущий использует характеризующие высказывания. Имплицитный способ располагает разнообразным арсеналом средств объективации данной коммуникативной тактики.

Можно также говорить о непосредственном способе идентификации, который предполагает очевидность коммуникативных интенций, и опосредованном способе, косвенном, дополнительном. В данном случае интенция идентификация является вторичной, дополнительной, неосновной.

В ходе концептуального анализа высказываний возможно моделировать идентификационные стратегии, имеющие вид: *Х есть У*.

Исследование

Перечислим идентификационные пропозиции, которые представлены в «Воспоминаниях» В. И. Зимина. Поскольку они использованы в дискурсе, мы их определяем как тактики, то есть конструкты, направленные на решение отдельной коммуникативной задачи, связанной с объективацией знания.

Я младший в семье. Данная пропозиция отражает ощущение заботы матери о каждом своём ребёнке, представления о сплочённости семьи. *Когда мама распределяла что-нибудь сладкое (сахар, конфеты, мёд и т. п.), мне всегда не хватало. Мама так и говорила: «Дети, а Валеку не хватило, дайте ему по половинке». Мне все давали по половине того, что получали от мамы, и у меня оказывалось много этого. Теперь я давал это всем, оставляя себе немного. Все меня благодарили. Я не сразу понял, что это была мамина шутка. А когда я это понял, то мама перестала «шутить», мне давала столько же, сколько и другим детям. Но мои братья и сёстры всё равно давали мне, особенно сладости: всё-таки я был самый маленький* [2].

Я крестьянин. Значение характеризующего слова обладает коннотативными семами ‘тяжёлый труд, простота, связь с народом’. *…Я родился в семье крестьян, и предки мои на много поколений вглубь веков тоже, наверное, были крестьяне…* [2]. К родной деревне, физически или в мыслях, Валентин Ильич возвращается на протяжении всей жизни. Так, после запрета в 1970 году командировки в Финляндию он едет на родину, чтобы найти успокоение. Однако здесь он себя уже не чувствует полноправным селянином. Это косвенно подтверждает такая деталь, как *белая рубаха,* используемая в идентификации. Валентин Ильич пишет, что был одет в белую рубаху. Чтобы её не запачкать, односельчане дали ему накинуть на неё что-то сверху. Эта деталь подчеркнула, что он стал уже другим, городским человеком.

Данная пропозиция актуальна на протяжении всей жизни Валентина Ильича. В устах москвича, доктора наук эта характеристика приобретает новое звучание: с одной стороны, простоты, с другой – эпатажности.

Я устроитель жилища. Данная тактика связана с периодом партизанщины. *В нашей семье основным строителем шалашей был я* [2]. Данная пропозиция указывает на ответственность подростка перед своей семьёй, раннее, вынужденное взросление, маскулинное чувство заботы о своей семье.

Я борец. Эта тактика воплощает жизненную силу, любовь к жизни. Данная стратегия объективирована в рассказе Валентина Ильича об одном случае, произошедшем во время войны. Валентин Ильич при переправе через реку попал под обстрел. Чуть не утонул, потерял сознание: *...в глазах стало темно, и тут я сказал-выдохнул фразу, которой не могу простить себе всю жизнь: «Мама, я больше никуда не пойду* [2]. Оценка сказанного *не могу не простить* указывает на порицание собственной слабости. О радости жизни, глубоком понимании её ценности Валентин Ильич пишет, когда вспоминает о войне. *Радость была невероятная. Мне до сих пор кажется, что основная радость – это та, что ты остался жив, остался жить, ты живёшь!* [2]. Данную тактику также следует отнести к жизненным доминантам, принципам.

Я беженец. Значение характеризующего слова ‘тот, кто покинул место своего жительства, спасаясь от бедствия (войны, голода и т. п.)’ [1] обладает негативными коннотативными семами. Эта тактика актуализируется во время возвращения в родные места из партизанщины. *Мы шли в своё село Полевые Новосёлки. Мы были беженцами, которые возвращаются на родину*. [2] Данная пропозиция апеллирует к представлениям о лишениях.

Я спортсмен. О спортивных достижениях Валентин Ильич начинает упоминать, описывая школьную жизнь. *В девятом классе я был уже настоящим лыжником* [2]. Затем он рассказывает о своих спортивных достижениях в студенческое время, во время работы за рубежом. Данная пропозиция также основана на жизненном парадоксе. Валентин Ильич вспоминал, что война подорвала ему здоровье. Занятия спортом стали жизненной необходимостью, желанием борьбы с обстоятельствами.

Я штатский, не военный человек. Данная идентификационная тактика актуализирована, когда Валентин Ильич вспоминает о своём поступлении в Суворовское училище. *Поначалу мои братья хотели устроить меня в суворовское училище. Я очень не хотел туда идти, но не возражал. Стали меня туда оформлять. Но слава Богу, я не прошёл медицинскую комиссию: наверное, после той бомбёжки в партизанах, когда меня ударило об сосну, у меня стало слабое зрение. Я радовался, что не получилось ничего с поступлением в суворовское училище. Не люблю войну и военных, не люблю их язык: ведь у них в языке нет людей, есть рядовой, сержант, лейтенант и т.п. У них нет рек: есть водные преграды, у них нет гор и холмов, есть высоты (безымянная высота, высота номер N и т.д.)* [2]. Эта тактика открывает такие особенности характера Валентина Ильича, как свободолюбие, оригинальность.

Я столяр, трубочист. Значения приведённых характеризующих слов имеют коннотации ‘тяжёлый труд’. Нелёгкая послевоенная жизнь заставила Валентина Ильича научиться зарабатывать деньги. Он делал вместе со своими старшими братьями ту работу, которой они профессионально владели. *Год жил у Александра Ильича, у мастера на все руки. Он меня учил слесарному, плотницкому и столярному делу. Вместе с Александром Ильичом я ещё работал. ... Мы с ним зарабатывали деньги тем, что чистили трубы на заводах, фабриках, институтах и т.п. Я не без гордости могу сказать, что я работал трубочистом* [2]. Эта стратегия отражает уважение к любому труду, понимание его ценности, опять же некую эпатажность (ведь об этом пишет доктор филологических наук, преподаватель московского вуза!).

Я соответствую культурным нормам, принятым в обществе. Пишущий разграничивает нормы общепринятые, обыденные и нормы официальные, навязанные человеку государством. *Отец, из меня вышел нормальный человек, тебе не было*

бы стыдно за меня [2]. Нормам официальным, по мнению пишущего, он не соответствует. Данная тактика самоидентификации воплощена в пропозиции: *Я не приспособленец, не конформист*. Эту тактику можно отнести к магистральным в жизни Валентина Ильича. Особо он упоминал своего научного руководителя Бергатаева Трофима Алексеевича. *За это я бесконечно благодарен Трофиму Алексеевичу, хотя и много-много пострадал за то, что у меня никогда не было этого самого конформизма* [2].

Я лектор, общественный деятель. Эта тактика идентификации актуализирована после того, как Валентин Ильич продемонстрировал свои ораторские способности. *…Райкомовские товарищи быстро мобилизовали меня быть у них лектором и распространять поэзию В. В. Маяковского среди населения* [2].

Я беспартийный. Партию Валентин Ильич воспринимал как социальную среду для получения привилегий, карьерного продвижения. *Не принимал основных идей коммунистической партии: «не хотел идти в коммунизм». Крайне не приветствовал то, что члены коммунистической партии присвоили себе право иметь привилегии* [2].

Я великодушный человек. В «Воспоминаниях» Валентин Ильич рассказывает, как минимум, о двух случаях, о своей рефлексии на них, в которых отражено такое его качество, как великодушие. Первый касается утверждения его диссертации экспертным советом ВАК, второй – его отношения с начальством в РУДН. Следуя научной этике, мы не называем здесь фамилий. Важна реакция Валентина Ильича, объективирующая данную тактику: *Что я скажу Х? Ничего не скажу, нет у меня никакого зла на него, просто есть мысль, что так поступать с людьми не стоит* [2].

Кроме того, можно выделить косвенные тактики самоидентификации. Одной из них является характеристика себя как человека, чуждого мещанства. Так, вспоминая свою жизнь в Южной Корее, он пишет о том, что покупал для жизни самое необходимое. *Я не люблю обрастать вещами, строго исполняю советы великого натуралиста и путешественника Виталия Бианки «Отправляясь в поход, не бери с собой то, что может пригодиться, бери только то, без чего нельзя обойтись»* [2].

Косвенной идентификационной тактикой является *Я не прагматичный, не честолюбивый человек*. Так, Валентин Ильич очень скромно оценивает свой период жизни в Камбодже, указывая на то, что ничего значительного для людей в это время он не сделал. *По возвращении в Москву я, конечно, думал о Камбодже. Что я там делал? Почти ничего* [2].

К идентифицирующим пропозициям, которые генерированы другими людьми, следует отнести следующие.

Он половец: Я происхожу из половцев. Так думают мои друзья-языковеды… [2], *Крестьяне не пишут своих родословных. Но мои друзья думают иначе* [2]. Данную стратегию следует охарактеризовать как ироничную, отражающую желание близких людей подшутить над активностью Валентина Ильича. Половцы в наивном сознании связаны с представлениями о чужом, ином, активном (они совершали набеги на Русь).

Он партизан. Уже после переезда в Москву, как писал Валентин Ильич, в школе, во дворе его идентифицировали как партизана, героя. Данная тактика связана с положительной оценкой личности, её эталонизацией. *Ореол «партизана» как-то выделял меня среди ребят, все со мной хотели дружить, что-нибудь делать* [2].

Он не такой, как все. В «Воспоминаниях» Валентин Ильич рассказывает о характеристике, которую ему дали представители советского посольства в Камбодже: *…мне приписали гордячество…* [2]. Валентин Ильич так разъяснил эту характеристику: *Я понимаю гордячество как необоснованную гордость, когда гордиться соб-*

ственно нечем, а человек всё равно гордится [2]. Тем самым, данная тактика идентификации из отрицательной трансформируется в положительную. К этой же тактике примыкает характеристика *Он не выездной*: *«за мной закрепилось звание "невыездного"»* [2]. Валентин Ильич пишет о том, что почти тридцать лет не мог выезжать за рубеж для преподавательской деятельности. Значение данного слова включает в себя семы ʻнеблагонадёжный, ʻне такой, как все'.

Завершая анализ пропозиций, отметим, что «Воспоминания» отражают полную ответственность рассказчика за всё происходящее с ним. Даже о своём рождении он пишет, что сам определил его дату: *Я выбрал 3 апреля* [2].

Заканчиваются воспоминания В. И. Зимина фразой Вольтера, которая имеет идентифицирующий характер. *Как говорил Вольтер, «старый поэт, старый любовник, старый певец и старая лошадь никуда не годятся». Но я не поэт, не певец и тем более не старая лошадь* [2]. Валентин Ильич был очень жизнелюбивым человеком. Он цеплялся за жизнь, принимал как должное все её уроки. Не стал злым, обиженным на людей и на судьбу. В свои девяносто Валентин Ильич закончил воспоминания так: *Я же хочу ещё пожить, посмотреть, что выйдет из моих внуков и правнуков, как изменится мир. Последними умрут мои желания* [2].

Заключение

Выделенные пропозиции можно привести к нескольким пропозициональным функциям, имеющим следующее содержание: «личность сочетает в себе контрастные признаки: крестьянина, разнорабочего и интеллигента; физически слабого и имеющего спортивные достижения, простого, понятного и оригинального, образца для подражания и порицания. Зимин – человек, проживший по своим правилам, скорректированным обыденностью, нравственностью, совестью. Следует сказать о стабильности в выборе самоидентификационных тактик на протяжении всей жизни Валентина Ильича. Анализ «Воспоминаний» демонстрирует различные способы идентификации личности, подтверждает, что они осуществляются на протяжении всей жизни человека, свидетельствуют о его внутреннем развитии, степени саморефлексии. Сами «Воспоминания» в целом являются актом идентификации зрелой личности.

Список источников и литературы

1. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково- словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.
2. *Зимин В. И.* Воспоминания. М., 2020. 220 с.
3. *Косолапов Н. А.* Идентичность // Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН, 2003. С. 102.
4. *Лапто М. А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
5. *Смолькина Л. А.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура // Актуальные проблемы обеспечения устойчивого экономического и социального развития регионов : сб. материалов X междунар. науч.-практ. конференции. Махачкала: Апробация, 2015. С. 68–69.
6. *Токарев Г. В.* Словарь лингвокультурологических терминов. Тула: ТППО, 2022. 57 с.

References

1. Yefremova, TF 2000 *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo- slovoobrazovatelnyy: v 2 t.* (New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
2. Zimin, VI 2020, *Vospominaniya* (Memoirs), Moscow. (In Russ.)

3. Kosolapov, NA 2003, 'Identichnost' (Identity), *Glossariy po politicheskoy psikhologii* (Political psychology glossary), RUDN publ, Moscow, p. 102. (In Russ.)
4. Lappo, MA 2013, *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovyye resursy* (Self-identity: semantics, pragmatics, and linguistic resources), Izd-vo NGPU publ, Novosibirsk. (In Russ.)
5. Smol'kina, LA 2015, 'Regionalnaya identichnost kak forma kollektivnoy identichnosti i yeyo struktura' (Regional identity as a form of collective identity and its structure), *Aktualnyye problemy obespecheniya ustoychivogo ekonomicheskogo i sotsialnogo razvitiya regionov*, Makhachkala, pp. 68–69. (In Russ.)
6. Tokarev, GV 2022, *Slovar lingvokulturologicheskikh terminov* (Dictionary of linguistic and cultural terms.), TPPO publ, Tula. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.08.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023
Принята к публикации: 19.09.2023

The article was submitted: 16.08.2023
Approved after reviewing: 19.09.2023
Accepted for publication: 19.09.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 109–124.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 109–124.

Научная статья
УДК 81’373
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-109-124

МНОГОУРОВНЕВАЯ СИНКРЕТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ «СЛОВАРЯ-ТЕЗАУРУСА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК И МЕТКИХ ВЫРАЖЕНИЙ» В. И. ЗИМИНА (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ «ДЕРЕВО ДЕРЖИТСЯ КОРНЯМИ, А ЧЕЛОВЕК – ДРУЗЬЯМИ»)

Ольга Ивановна Авдеева

Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия, olavd@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0006-8215-5664

Аннотация. В статье рассмотрена проблема проявления принципа синкретичности в построении словарной статьи в «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина. В качестве материала исследования используется словарная статья «Дерево держится корнями, а человек – друзьями». Цель исследования – выявить особенности построения словарной статьи, показать роль принципа синкретичности как основного принципа её построения в исследуемом Словаре и как средства создания феномена живой разговорной русской речи, но в то же время сохраняющей необходимый для научного издания уровень толкования в словарной статье, в результате чего каждая словарная статья представляет собой вербализацию фрагмента наивной русской языковой картины мира. В результате исследования было выявлено, что принцип синкретичности проявляется как в отборе языкового материала, так и в его представлении в рассматриваемом Словаре. Отобранный для представления в Словаре языковой материал состоит из пословиц, поговорок, фразеологических единиц и других «метких выражений»: молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок, чёткое научное определение которых, однако, в Словаре не дано. Но синкретичность самого языкового материала бесспорна. Кроме того, принцип синкретичности наблюдается и в подаче языкового материала: он выявлен в сочетании парадигматического и синтагматического подходов к представлению паремиологических и фразеологических единиц, в организации единого фразео-паремиологического семантического поля, объединяющего 27 семантических групп, с разных сторон характеризующих дружбу, а также – при когнитивном и лингвокультурологическом анализах, что проявляется в синкретичности гештальтов, фреймов и сценариев при вербализации концепта «дружба» и синкретичности различных культурных кодов: антропоморфного, акционального, биоморфного, фетишного, анимического - при вербализации стереотипов дружеских отношений. Благодаря этому исследуемая словарная статья представляет собой образец живой разговорной русской речи, вербализующей фрагмент наивной русской языковой картины мира.

Ключевые слова: паремиология, фразеология, паремия, пословица, фразеологизм, словарь-тезаурус, семантическое поле, семантическая группа, синонимия, концепт, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, фразеография.

Для цитирования: Авдеева О. И. Многоуровневая синкретичность как основной принцип построения «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина (на примере словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 109–124. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-109-124.

Сведения об авторе: *О. И. Авдеева* – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания имени И. Г. Добродомова, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, стр.1.

© Авдеева О. И., 2023

Scientific Article
UDC 81'373
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-109-124

MULTILEVEL SYNCRETISM AS THE MAIN PRINCIPLE OF V. ZIMIN'S "THESAURUS OF RUSSIAN PROVERBS, SAYINGS AND APT EXPRESSIONS" CONSTRUCTION (ON THE EXAMPLE OF THE DICTIONARY ENTRY "TREES ARE SUPPORTED BY ROOTS, AND A PERSON – BY THEIR FRIENDS")

Olga I. Avdeeva

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia, olavd@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0006-8215-5664

Abstract. The article examines the problem of the syncretism principle in the V. Zimin's "Thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions" construction. The material of the study is the dictionary entry "Trees are supported by roots, and a person - by their friends". The aim of the study is to identify the features of the dictionary entry construction, to show the role of the syncretism principle as the main principle of this process in the Thesaurus under study. It is also important to show the role of the syncretism principle as a means of creating the phenomenon of living colloquial Russian speech, but at the same time preserving the necessary scientific level of interpretation in the dictionary entry. As a result, each dictionary entry is a verbalization of a fragment of the naive Russian linguistic worldview. The author concludes that the syncretism principle works both in the selection of linguistic material and in its presentation in the Thesaurus under study. The language material selected for presentation in the Thesaurus consists of proverbs, sayings, phraseological units and other "apt expressions": sayings, proverbs, riddles, omens, counting rhymes etc. However, there is no clear scientific definition of these units in the Thesaurus. Nevertheless, the syncretism of the linguistic material itself is undeniable. In addition, the syncretism principle is also observed in the presentation of linguistic material. It is revealed in the combination of paradigmatic and syntagmatic approaches to the representation of paremiological and phraseological units, in the organization of a single phraseo-paremiological semantic field uniting 27 semantic groups characterizing friendship from different sides. It is also revealed in cognitive and linguocultural analyses, and it is manifested in the syncretism of gestalts, frames and scenarios in the verbalization of the concept "friendship" and the syncretism of different cultural codes: anthropomorphic, actional, biomorphic, fetish, animic - in the verbalization of stereotypes of friendly relations. Thanks to this, the dictionary entry under study is a sample of living colloquial Russian speech, verbalizing a fragment of the naive Russian linguistic worldview.

Keywords: paremiology, phraseology, paremia, proverb, phraseological unit, dictionary-thesaurus, semantic field, semantic group, synonymy, concept, cognitive linguistics, linguoculturology, phraseography.

For citation: Avdeeva, OI 2023, 'Multilevel Syncretism as the Main Principle of V. Zimin's "Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions" Construction (on the Example of the Dictionary Entry "Trees Are Supported by Roots, and a Person – by their Friends")', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 109–124, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-109-124 (in Russ.)

Information about the Author: *Olga I. Avdeeva* – PhD in Philology, Associate Professor of the I. G. Dobrodomov Department of General Linguistics, Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia.

© Avdeeva O. I., 2023

Введение

Каждый исследователь, знакомясь со «Словарём-тезаурусом русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина [5], отмечает его особенный, не похожий ни на какой другой словарь, стиль изложения материала [12; 15]. Перед нами живой русский язык – не научный, а тот, на котором говорит народ. Эта особенность заставляет исследователя задуматься, с каким типом словаря мы имеет дело. Словарная статья представляет собой небольшой рассказ, поясняющий значение заглавной пословицы, причем с использованием большого количества других пословиц, фразеологизмов и метких выражений. Благодаря этому словарная статья представляет собой вербализацию фрагмента наивной русской языковой картины мира.

В Словаре В. И. Зимина есть толкования пословиц, поговорок и фразеологизмов, но его нельзя признать толковым в строгом смысле этого термина. В нем есть синонимичные пословицы, поговорки и фразеологизмы, но это не словарь паремиологических и фразеологических синонимов. В нём налицо синтагматика данных единиц, но это не словарь сочетаемости. Бесспорно, что словарь является тезаурусом, но идеографический принцип тоже нельзя признать строго выдержанным в научном понимании этого термина, потому что в словарной статье содержатся не только синонимичные единицы, как это принято в идеографическом словаре, и отражены не только оттенки одного или нескольких значений языковой единицы, а рассматриваются разные аспекты одного явления, обозначенного лингвистической единицей. Это, на наш взгляд, сближает лингвистический словарь с энциклопедическим, что является новым словом во фразеографии.

Цель нашего исследования – выявить особенности построения словарной статьи в «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина (2017 г.) на примере словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями», показать роль принципа синкретичности как основного принципа построения словарной статьи в исследуемом словаре как средства создания феномена живой разговорной русской речи, но в то же время сохраняющей необходимый для научного издания уровень толкования в словарной статье, в результате чего каждая словарная статья представляет собой вербализацию фрагмента наивной русской языковой картины мира.

Задачи исследования определяются его целью и заключаются в необходимости исследования принципов отбора лингвистического материала, вошедшего в состав словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями», а также в необходимости исследования структуры и принципов построения исследуемой словарной статьи в различных лингвистических аспектах для выявления феномена создания в толковании пословицы эффекта живой разговорной русской речи и в то же время сохранения в ней необходимого для словарного толкования лингвистического научного уровня, выявить механизм этого феномена.

Материал и методы

Данное исследование проводится с использованием следующих общенаучных методов: наблюдения, анализа, сравнения, синтеза, описания, а также с использованием таких лингвистических методов, как метод толкования лингвистических единиц, контекстуальный, метод оппозиционного анализа, метод полевого анализа, когнитивно-дискурсивный метод, приём идентификации фразеологических единиц. Перечисленные методы используются как в процессе анализа самого лингвистического материала, включённого в словарную статью «Дерево держится корнями, а человек – друзьями», так и в процессе анализа принципов построения исследуемой словарной статьи в различных лингвистических аспектах.

Материалом исследования послужила словарная статья «Дерево держится корнями, а человек – друзьями» из «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина [5, с. 315–319]

Из истории создания Словаря

История создания этого Словаря необычна, что вынуждает нас дать небольшую историческую справку.

В Предисловии к Словарю есть посвящение, озаглавленное «Памяти друга и коллеги», в котором Валентин Ильич Зимин пишет: «У истоков этого словаря стоял Алексей Семёнович Спирин… Этого словаря могло бы и не быть, если бы Алексей Семёнович не оставил своего материала по пословицам и поговоркам» [5].

Алексей Семёнович Спирин не был лингвистом, он был писателем. Но, заинтересовавшись русскими пословицами, поговорками и фразеологизмами, стал исследовать их значения, сопоставлять их толкования в различных словарях, что позволило ему сделать много интересных и тонких наблюдений, найти и исправить неточности в толковании этих единиц. Как любитель-исследователь он выпустил первый вариант словаря в Ростове-на-Дону в 1985 году под названием «Русские пословицы» [13]. В публикации этого словаря ему оказал содействие профессор Ростовского государственного университета Гвоздарёв Юрий Анатольевич, увидев немалую ценность в собранном материале. В Предисловии к Словарю А. С. Спирина профессор Ю. А. Гвоздарёв написал: «…материал, собранный А. С. Спириным, может быть использован различными специалистами, поскольку он отражает язык определенного периода его развития, может послужить не только любителям русского фольклора и русской словесности, но и принести большую пользу учёным, специалистам в области гуманитарных наук» [13, с. 10]. К моменту выхода в свет первого издания Словаря Алексея Семёновича Спирина уже не стало.

Затем работа Валентина Ильича Зимина над материалами Словаря А. С. Спирина привела к значительной переработке этого материала: была сделана его лингвистическая правка, изменён принцип подачи лингвистического материала – появились словарные статьи-рассказы, содержащие пословицы, поговорки, фразеологизмы и другие меткие выражения русского языка. В результате этой работы вышел в свет Словарь в соавторстве В. И. Зимина и А. С. Спирина под названием «Пословицы и поговорки русского народа» [8, 7, 6]. В 2008 году В. И. Зимин публикует Словарь в значительно переработанном виде, его объём был увеличен почти в полтора раза, изменено многое в содержании, получился новый лингвистический труд, поэтому он был опубликован под другим названием – «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» [4] и затем много раз был переиздан. Отмечая большой труд В. И. Зимина по пополнению и совершенствованию Словаря, В. М. Мокиенко писал: «Будучи не просто наблюдателем, а заинтересованным собеседником В. И. Зимина в этом многотрудном деянии, я имел возможность убедиться в постоянном креативном совершенствовании этого паремиологического тезауруса» [11, с. 13].

Наше исследование проведено по материалам «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений», выпущенного в 2017 году [5]. Безусловно, была проделана огромная работа по переработке любительских записей в словарные статьи лингвистического словаря. Даже объём материала свидетельствует о значительном дополнении и переработке: если первое издание Словаря А. С. Спирина, датированное 1985 годом, содержало 208 страниц, последующие издания – 544 страницы, то в последней редакции Словаря уже 736 страниц.

Своё посвящение «Памяти друга и коллеги» Валентин Ильич Зимин заканчивает такими словами: «В ходе переработки словаря я значительно пополнил фактический материал из своей картотеки, снабдил его этимологическим, историческим и лингвострановедческим комментарием, дал объяснение семантически устаревших

слов и историзмов, переписал заново многие части рассказа о пословицах и поговорках, так что получился существенно новый лингвистический по своему характеру труд, который и посвящаю светлой памяти моего покойного друга» [5].

Исследование

Исследуемая словарная статья «Дерево держится корнями, а человек – друзьями» содержит 155 единиц, причём это не только пословицы и поговорки, типа *Хороший друг лучше плохой родни, Верный друг лучше сотни слуг, Человек без друзей, что дерево без корней. На пиру друзей много* и др., но и фразеологические единицы, типа *стоять горой, ручаться головой, (идти) рука об руку* и др. Такой подход к отбору лингвистического материала позволил автору использовать при составлении словарной статьи богатые выразительные возможности не только русской паремиологии, но и фразеологии, благодаря чему создаётся эффект образной разговорной русской речи. Таким образом, в отборе самого исследуемого материала проявляется принцип синкретичности.

Рассмотрим подробнее структуру самой словарной статьи и взаимоотношение единиц в ней в нескольких аспектах. Для выявления значений пословиц, поговорок и фразеологических единиц используется приём идентификации, предложенный для определения значений фразеологических единиц Шарлем Балли [2, с. 101] и подробно описанный Ю. А. Гвоздарёвым Сущность данного приёма заключается в подборе «абстрактного слова или словосочетания, выражающего данную мысль в ее простейшей форме» [3, с. 191].

Первый аспект. Структура исследуемой словарной статьи характеризуется синкретичностью парадигматического и синтагматического подходов к подаче лингвистического материала.

Анализ значений единиц, входящих в состав исследуемой словарной статьи, позволил выявить в её составе как синонимичные, так и антонимичные единицы. Синонимичными являются, например, пословицы: *Хороший друг лучше ста родственников, Хороший друг лучше плохой родни, Верный друг лучше сотни слуг* и др., и также фразеологические единицы: *[Он готов за друга] лечь костьми, трупом лечь, сложить голову* и др. Антонимичными единицами, например, являются пословицы: *Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду скажет* (о ценности справедливой критики) и *Скажешь правду – потеряешь дружбу* (об опасности справедливой критики); или: *Хорошую дружбу и топором не разрубишь* (о верных, надёжных друзьях) и *Денег не стало – и друзей не бывало* (о ложных, ненадёжных друзьях). Следует отметить, что антонимичные единицы всегда относятся к разным семантическим группам, о чем будет сказано далее.

Таким образом, наблюдаемые в структуре данной словарной статьи отношения синонимии и антонимии единиц реализуют парадигматический подход к подаче языкового материала.

Однако сгруппированные по парадигматическому принципу единицы в структуре словарной статьи составляют связный рассказ, реализуя таким образом синтагматический подход к подаче лингвистического материала. Причём, для реализации данного подхода автор использует, наряду с пословицами, поговорками и фразеологизмами, связующие фразы: «**Конечно, можно подумать, что** *Где пирожок, там и дружок*. **Ведь –** *Коль есть брага и пирожки, найдутся и дружки. На пиру друзей много*. **И всё же –** *Жалеть мешка – не завести дружка*. **Но находятся люди, которые к дружбе относятся по-особому:** *Будь друг, да без убытку. Дружба дружбой, а деньгам счёт. Дружба дружбой, а табачок врозь*» [5, с. 317].

Таким образом, синкретичность парадигматического и синтагматического подходов к подаче лингвистического материала в структуре исследуемой словарной статьи бесспорна.

Второй аспект. С этой точки зрения анализ словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями» проведён в аспекте теории семантического поля. В этом аспекте данная словарная статья рассмотрена нами как единое фразео-паремиологическое семантическое поле (ФПСП), сформированное архисемой «дружба», которая присутствует в составе каждой единицы, входящей в состав данной словарной статьи.

Далее на основе дифференциальных сем выделяются семантические группы – паремиологические (ПСГ), фразеологические (ФСГ) и фразео-паремиологические (ФПСГ), внутри которых наблюдаются отношения синонимии единиц, причём, синонимия может быть как полной, так и неполной. Полные синонимы характеризуются близким значением, сходной внутренней формой и сходной логической и частично – грамматической - структурой. Неполные синонимы характеризуются близким значением, но при этом имеют разную внутреннюю форму и отличную друг от друга логическую и грамматическую структуры. Некоторые семантические группы в структуре исследуемого поля оказались антонимичными.

Внутри каждой семантической группы выделяются единицы, относящиеся к ядру семантического поля, и единицы, формирующие его периферию. Ядерными являются единицы, основное значение которых совпадает со значением поля. Периферийными считаются единицы, у которых основное значение не совпадает со значением поля, а совпадает второе, как правило – переносное, значение либо данная единица может быть контекстуально использована в значении поля.

В результате исследования в структуре данного поля нами были выделены 27 семантических групп. Рассмотрим их в том порядке, в котором они представлены в исследуемой словарной статье.

1) Паремиологическая семантическая группа (ПСГ) «ценность друга» основана семой ‘друг как ценность', она включает 12 пословиц, среди которых можно выделить 2 синонимических ряда, образованных полными синонимами: *Хороший друг лучше плохой родни – Хороший друг лучше ста родственников – Верный друг лучше сотни слуг* и *Человек без друзей, что дерево без корней – Без друзей, без связи – что телега без мази*. Остальные паремии являются неполными синонимами, например: *Дерево держится корнями, а человек – друзьями – Верному другу цены нет – Не имей сто рублей, а имей сто друзей – Друг дороже денег* и др.

Ядро данной ПСГ образует большинство пословиц, входящих в данную семантическую группу, т.к. значение ‘ценность друга’ является основным значением этих пословиц. Периферию данной семантической группы образуют 2 пословицы: *Друзья прямые – братья родные* (в ней основное значение – ‘ценность прямолинейного друга, т.е. того, кто может высказать правду в глаза’, и только второстепенное значение - ‘ценность друга’) и *Любовь братская крепче каменных стен* (в ней основное значение – ‘ценность любви брата’, а второстепенное значение - ‘ценность любви друга, похожей на любовь брата’, за что и ценится настоящий друг. В русской традиции часто мужчины при общении с друзьями используют обращение *брат*).

2) Фразео-паремиологическая группа (ФПСГ) «ценность дружбы» образована семой ‘дружба как ценность'. Она включает 2 пословицы: *Хорошую дружбу и топором не разрубишь, Хорошая дружба крепче каменных стен* и 1 фразеологическую единицу (ФЕ): (их) *и водой не разольёшь*. Причём, и пословицы, и ФЕ относятся к ядру данной семантической группы, т.к. основное значение ФЕ – ‘очень дружны, в тесной дружбе; неразлучны, всегда вместе’ [17, с. 382].

3) ПСГ «взаимоотношения друзей» создана на основе семы ‘хорошее отношение друзей друг к другу', она включает 4 пословицы, которые являются неполными синонимами: *Живут душа в душу, Куска хлеба не съедят друг без друга, Последний*

кусок разделят пополам, У них даже лён не делён. Причём, все эти пословицы являются периферийными, т.к. первая пословица, прежде всего, характеризует отношения супругов, а уже потом – друзей. Остальные пословицы также могут характеризовать отношения не только друзей, но и супругов и других членов семьи.

4) Фразеосемантическая группа (ФСГ) «отношение человека к другу» образована семой ‘любовь к другу, готовность постоять за него’, она включает 7 ФЕ: *души не чает, стоять горой, заложить душу, ручаться головой, лечь костьми, трупом лечь, сложить голову*.

Полными синонимами являются следующие ФЕ: *лечь костьми, трупом лечь, сложить голову*. Остальные ФЕ находятся в отношениях неполной синонимии.

Причём, ядерными ФЕ являются 3 единицы: *души не чает, стоять горой, заложить душу*, т.к. их основное значение следующее: *души не чает (не чаять)* – ‘очень сильно, безгранично любить кого-либо’(друга) [17, с. 494], *стоять горой* – ‘всеми силами, всячески защищать, отстаивать кого-либо или что-либо’(друга) [17, с. 438-439], *заложить душу* – ‘пожертвовать для кого-либо (для друга) самым дорогим’. Остальные ФЕ относятся к периферии, т.к. имеют другое значение в качестве основного: *ручаться головой (отвечать головой)* – ‘брать на себя полную ответственность; быть готовым поплатиться жизнью’ [17, с. 385, с. 287], *лечь костьми* – ‘погибнуть в бою, в сражении, умереть’ [17, с. 216], *трупом лечь, сложить голову (класть голову)* – ‘погибать, умирать, жертвовать собой’ [17, с. 414, с. 190].

5) ФПСГ «надёжность друга» сформирована семой ‘друг, которому можно доверять’ и включает 3 пословицы: *Пойти с ним в огонь и в воду, Поехать с ним хоть на край света, На такого друга можно положиться как на каменную стену* и 1 ФЕ: (это) *его правая рука*.

Все они являются неполными синонимами. К ядру данной семантической группы относится пословица *На такого друга можно положиться как на каменную стену*. Остальные единицы образуют её периферию, т.к. пословицы могут использоваться не только по отношению к другу, но и к любимому человеку, коллеге, родственнику и др., а ФЕ (это) *его правая рука* означает первый помощник, главное доверенное лицо’ [17, с. 377].

6) ФСГ «совместность жизни друзей» образована на основе семы ‘общность друзей в жизни и в поступках’ и включает 2 ФЕ: (Друзья постоянно ощущают) *чувство локтя, идут рука об руку*. Они являются неполными синонимами. К ядру данной семантической группы относится ФЕ *чувство локтя*, т.к. имеет основное значение ‘взаимная поддержка, верность товариществу’ [17, с. 506], а ФЕ *идут рука об руку* относится к периферии данной семантической группы, т.к., имея 2 значения: 1) ‘взявшись за руки (идти, двигаться, гулять и т.п.’, 2) ‘вместе, как единомышленники (действовать, жить и т.п.’ [17, с. 378], реализует в рамках данной ФСГ второе значение, но оно оказывается шире значения всей группы: данная ФЕ может использоваться не только по отношению к другу.

7) ПСГ «жертвенность в дружбе» образована семой ‘жертва для друга’ и включает 2 пословицы: *Для милого дружка и заветного не жалко, Для милого дружка и серёжка из ушка*, которые являются полными синонимами. Однако обе они относятся к периферии данного семантического поля, т.к. их основное значение – это ‘отношение к любимому человеку’ и только второстепенное значение – ‘отношение к другу’.

К этой группе близка по своему значению еще одна пословица: *Для друга нет круга (нет запрета)*, т.е. другу дозволено всё, человек готов выполнить всё, что нужно другу, иначе говоря, для дружбы нет границ. Однако в этой пословице ослаблено значение жертвенности, оно является второстепенным, поэтому данная пословица на может быть отнесена к ПСГ «жертвенность в дружбе».

8) ПСГ «для друзей неважны расстояния» основана семой ‘преодоление пространства друзьями’ и содержит 5 пословиц: *Хороший друг всегда приходит [в гости] вовремя* (где бы он ни был), *Где мило, семь вёрст не криво [и в обход пойдёшь]*, *Мил друг – семь вёрст не крюк, К милому [другу][идти] семь вёрст не околица, Пловом плыть, а у него быть.*

Все перечисленные пословицы находятся в отношениях неполной синонимии.

Ядро данной семантической группы образуют пословицы: *Хороший друг всегда приходит [в гости] вовремя, Пловом плыть, а у него быть.* Остальные пословицы входят в периферийную зону, т.к. прежде всего характеризуют отношение к любимому человеку и только во вторую очередь – к другу.

9) ПСГ «ценность справедливой критики со стороны друга» основана семой ‘высокая оценка справедливой критики друга’ и содержит 8 пословиц, 3 из которых находятся в отношениях полной синонимии: *Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду скажет – Не тот друг, кто в беде не оставит, а тот, кто на ум наставит – Не тот друг, кто потакает, а тот, кто на ум наставляет.* Остальные пословицы находятся друг с другом в отношениях неполной синонимии: *Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь, За правду-матку не гневись, а скинь шапку и поклонись, Без хорошего друга не узнаешь своих ошибок, Друг спорит, а недруг поддакивает, Не люби потаковщика, а люби встрешника* (встрешник, встречник – устар., диал. – ‘противник в споре’).

Пословицы *Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь, За правду-матку не гневись, а скинь шапку и поклонись, Не люби потаковщика, а люби встрешника* относятся к периферии данной семантической группы, т.к. могут характеризовать справедливую критику не только со стороны друга, но и со стороны других людей, т.е. их значение оказывается шире значения семантической группы. Остальные пословицы данной ПСГ являются ядерными, т.к. их основное значение совпадает со значением всей семантической группы.

К рассмотренной ПСГ примыкает ПСГ «характеристика человека, боящегося критики», которая включает 2 поговорки: *Критики боится трус, Критики боятся дураки,* находящиеся в отношениях неполной синонимии.

Интересно, что 1 пословица, характеризующая обиженного на критику человека*: На зеркало нечего (на зерцало неча) пенять, коли рожа крива* - является своеобразным переходом – «мостиком» к следующей ПСГ, антонимичной рассмотренной выше группе.

10) ПСГ «опасность критики для дружбы» основана семой ‘критика разрушает дружбу’ и включает 4 пословицы: *Правда глаза колет, Скажешь правду – потеряешь дружбу, Правду говорить – дружбу не нажить, Горы рушит ветер, а дружбу – слова,* между которыми наблюдаются отношения неполной синонимии. Пословица *Правда глаза колет* относится к периферии данной семантической группы, т.к. её основное значение – ‘критика, даже справедливая, никому не нравится’, а значение всей семантической группы для данной пословицы является второстепенным. Остальные пословицы относятся к ядру семантической группы.

11) ПСГ «необходимость бережного отношения к другу» основана семой ‘друга надо беречь’ и включает 3 пословицы: *Нет друга – зови, потерял – ищи, Нет друга – ищи, нашёл – береги, Есть друг – береги, потерял – ищи,* которые находятся между собой в отношениях неполной синонимии, т.к. отличаются оттенками значения. Все перечисленные пословицы относятся к ядру данной семантической группы.

12) ПСГ «необходимость бережного отношения к старому другу» основана семой ‘старый друг особенно ценен’ и включает 5 пословиц, 2 из которых являются полными синонимами: *Одежда лучше новая, а друг – старый – Вещь хороша новая,*

а друг – старый. Остальные пословицы находятся по отношению друг к другу и к перечисленным пословицам в отношениях неполной синонимии: *Новых друзей наживай и старых не забывай, Для нового друга не чурайся старым, Старый друг лучше новых двух*. Все эти пословицы относятся к ядру семантической группы.

13) ФПСГ «ценность старой дружбы» сформирована семой ‘старая дружба особенно ценна’ и включает 3 пословицы: *Друзья встречаются вновь, Старая любовь не ржавеет, Старая хлеб-соль не забывается* и 1 ФЕ: *по старой памяти*. Все они являются неполными синонимами. Пословица *Старая хлеб-соль не забывается* относится к ядру, т.к. характеризует именно старую дружбу, а остальные единицы относятся к периферии семантической группы, т.к. их основное значение не совпадает со значением группы.

14) ПСГ «сомнение в надёжности нового друга» антонимична 12 и 13 семантическим группам, она сформирована семой ‘новый друг может быть ненадёжен’ и включает 5 пословиц: *Не изведан друг – друг, изведан – два, Неиспытанный друг, что нерасколотый орех, Вешний ледок обманчив, новый дружок ненадёжен, Человека узнать – [вместе] пуд соль съесть, Не хвались другом в три дня, а хвались в три года*. Эти пословицы являются неполными синонимами. Пословицы *Человека узнать – [вместе] пуд соль съесть, Не хвались другом в три дня, а хвались в три года* относятся к периферии данной семантической группы, т.к. их основное значение следующее - ‘чтобы узнать человека, нужно время’. Остальные пословицы являются ядерными.

15) ПСГ «ситуация проверки надёжности друга» основана семой ‘как проверяется надёжность друга’ и включает 7 пословиц, из них 2 находятся в отношениях полной синонимии: *Друг познаётся в беде – Друзья познаются в напасти да в ненастье*, остальные пословицы являются неполными синонимами, например: *Без беды друга не узнаешь, Когда загорелся мой стог, я познакомился с моими друзьями, Храбрый узнаётся на войне, мудрый в гневе, друг в беде* и др. Все пословицы этой семантической группы являются ядерными.

Далее представлены семантические группы, характеризующие плохих друзей и ненадёжную дружбу.

16) ПСГ «ненадёжность дружбы, основанной на корысти» сформирована семой ‘ненадёжность корыстолюбивого друга’ и включает 13 пословиц, из них 4 синонимических ряда образованы полными синонимами: первый ряд - *Счастья не стало – и друзей мало – В кармане пусто – и друзей не густо – Денег не стало – и друзей не бывало – Хлеба нет – и друзей не бывало;* второй ряд – *Друзья – до чёрного дня – Плохой друг – до чёрного дня;* третий ряд – *Золото познаётся огнём, а друг – золотом – Золото пробуют кислотой, а человека – золотом*; четвёртый ряд – *Где пирожок, там и дружок – Коль есть брага и пирожки, найдутся и дружки* (четвертый ряд расположен в словарной статье дистанционно, но по значению относится к данной семантической группе). Данные ряды между собой находятся в отношениях неполной синонимии, как и оставшиеся 2 пословицы: *С таким другом в разведку не ходи, Мы с тобою – как рыба с водою: ты на дно, а я на берег* и 1 поговорка – *На пиру друзей много*.

В данной ПСГ 2 пословицы относятся к периферии группы: *С таким другом в разведку не ходи* (основное значение – ‘плохой друг, ненадёжный’), *Мы с тобою – как рыба с водою: ты на дно, а я на берег* (основное значение – ‘у людей разные взгляды, интересы’). Значение исследуемой семантической группы у данных единиц – неосновное. Остальные пословицы относятся к ядру семантической группы.

17) ПСГ «богатство разрушает дружбу» сформирована семой ‘стал богатым – забыл друзей’ и включает 4 пословицы: *Избыл н´ужду – забыл и дружбу, Полез в богатство – забыл и братство, Богатый друзей не узнаёт, Хоронится от них* (от

друзей), *как собака от мух*. Все эти пословицы являются неполными синонимами и входят в ядро семантической группы.

18) ПСГ «дружба богатого и бедного» сформирована семой ‘богатый может обратиться к бедному’ и включает 3 пословицы: *Может случиться, что и богатый к бедному постучится, Беда сдружит и собаку с кошкой, Постучит беда в окошко – подружится собака с кошкой*. Вторая и третья пословицы являются полными синонимами, первая соотносится с ними как неполный синоним. Первая пословица входит в ядро семантической группы. Вторая и третья относятся к периферии, т.к. имеют более широкое значение, чем обозначение дружбы богатого и бедного друзей: они могут характеризовать отношения не только друзей, но и родственников, соседей, коллег и т.д., понятие беды не всегда сводится к потере богатым человеком материальных благ, это понятие гораздо шире.

19) ПСГ «прагматизм в дружбе» сформирована семой ‘дружба должна быть экономически независимой’ и включает 10 пословиц, из них 6 пословиц образуют 3 пары полных синонимов: *Дружба дружбой, а деньгам счёт - Дружба дружбой, а табачок врозь; Счёт дружбы не портит – Счёт дружбе не помеха; Чаще счёт – крепче дружба – Короткий счёт – длинная дружба*. Остальные пословицы находятся в отношениях неполной синонимии: *Будь друг, да без убытку, Хлеб-соль вместе, а табачок каждый свой курит, Дорога вместе, а табачок пополам* (каждый свой кури)*, У кого табачок, у того и праздничек*. Все пословицы этой семантической группы входят в её ядро, кроме одной, которая относится к периферии: *У кого табачок, у того и праздничек;* основное значение её - ‘состоятельный человек – хозяин ситуации’.

20) ПСГ «отсутствие прагматизма в дружбе» антонимична 19 семантической группе и сформирована семой ‘дружба должна не иметь счёта’. Она включает 4 пословицы, которые являются неполными синонимами: *Свои люди – сочтёмся, Что за счёты между своими, Сочтёмся - на том свете угольками, Волк в брянском лесу тебе свой*. Причём, две последние пословицы носят юмористический или сатирический оттенок, вплоть до сарказма. Последняя пословица - *Волк в брянском лесу тебе свой* – является периферийной, т.к. её основное значение – ‘ты мне чужой’. Остальные пословицы образуют ядро группы.

21) ПСГ «сходство друзей» сформирована семой ‘влияние друзей друг на друга’ и включает 4 пословицы, из них 2 являются полными синонимами: *С кем поведёшься, от того и наберёшься – С кем познаешься, от того и нахватаешься*. Две остальные по отношению друг к другу и к вышеперечисленным являются неполными синонимами: *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, С собакой ляжешь – с блохами встанешь*. Последняя пословица может характеризовать не только отношения друзей, но и неудачную личную жизнь (любовь, супружество), поэтому она относится к периферии данной семантической группы. Остальные пословицы входят в её ядро.

22) ПСГ «вражда – оборотная сторона дружбы» сформирована семой ‘разрушенная дружба порождает вражду’ и включает 7 пословиц, из них 2 пары являются полными синонимами: *Дружба – как стекло: разобьёшь – не склеишь – Дружба – что стекло: сломаешь – не починишь* и *Бывший друг – злейший враг – Друг до поры – тот же недруг*. Остальные 3 пословицы – неполные синонимы: *Дружба от недружбы близко живет, От любви до ненависти один шаг, Неверный друг опаснее врага*.

К периферии данной семантической группы относятся пословицы *Дружба – как стекло: разобьёшь – не склеишь, Дружба – что стекло: сломаешь – не починишь*, которые в первую очередь говорят о хрупкости дружбы, возможное появление вражды в них только подразумевается. Сюда же относится пословица *От любви до*

ненависти один шаг, основное значение которой характеризует отношения влюбленных, и только потом – отношения друзей. Остальные пословицы составляют ядро данной семантической группы.

23) ПСГ «противопоставление врага и друга» сформирована семой ‘порядочный враг менее опасен, чем плохой друг’ и включает 2 пословицы: *Лучше честный враг, чем коварный друг, Не бойся врага умного, бойся друга глупого*, которые являются неполными синонимами и составляют ядро данной группы.

24) ПСГ «противопоставление официальных отношений и дружбы» сформирована семой ‘на службе нет места дружеским отношениям’ и включает 2 пословицы: *На службе нет дружбы, Дружба дружбой, а служба службой*, которые являются неполными синонимами и составляют ядро данной семантической группы.

25) ПСГ «характеристика отношений друзей» сформирована семой ‘близкая дружба’ и включает 3 пословицы: *Он с ним на короткой ноге, Они между собой на дружеской ноге, Бывают друг с другом на «ты»*. Первые две пословицы являются полными синонимами, третья – по отношению к ним является неполным синонимом. Все пословицы составляют ядро данной семантической группы.

26) ФПСГ «мошенничество в дружбе» сформирована семой ‘на вид – дружба, а по сути – обман’ и включает 1 пословицу: *У корысти всегда рожа бескорыстна* и 1 ФЕ: *Печки-лавочки* (Знаем мы эти *печки-лавочки* (нас не проведёшь)). Данные единицы являются контекстуальными синонимами и относятся к периферии семантической группы, т.к. имеют разные основные значения: пословица имеет более широкое значение, чем значение всей семантической группы, она говорит о скрытой корысти, которая может быть не только среди друзей, но и среди супругов, родственников, коллег, соседей и т.д.; основное значение ФЕ *Печки-лавочки* – ‘близкое, короткое знакомство’ [17, с. 306] и лишь в переносном значении – ‘мошенничество в дружбе’.

27) ПСГ «сохранение традиций рода в дружбе» сформирована семой ‘уважение к друзьям отца’ и включает 2 пословицы: *Своих друзей наживай и отцовых не забывай, Со своими друзьями водись и отцовых не оставляй*, которые являются полными синонимами и составляют ядро данной семантической группы.

Кроме вышеупомянутых семантических групп, в структуре рассмотренного семантического поля со значением ‘дружба' выделены и одиночные пословицы, поговорки и ФЕ, характеризующие друзей и дружбу.

Таким образом, структура фразео-паремиологического семантического поля «Дерево держится корнями, а человек – друзьями» характеризуется синкретичностью рассмотренных фразеосемантических, паремиологических семантических, фразео-паремиологических семантических групп и отдельных паремий и фразеологизмов, в разных аспектах раскрывающих понятия друга и дружбы.

Третий аспект. С этой точки зрения анализ словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями» проведён в аспекте когнитивной и лингвокультурологической лингвистики. Вся словарная статья представляет собой вербализацию концепта «дружба».

Общепризнано, что основное различие таких близких терминов, как *концепт* и *понятие* состоит в «наличии или отсутствии в них субъективного элемента» [1, с. 75]. Как отмечает Ю. С. Степанов, для концепта, в отличие от понятия, характерно наличие двух черт: 1) определенного уровня субъективности и 2) наличие многоярусной организации [14, с. 41].

Г. В. Токарев отмечает три основных подхода к пониманию концепта в современной лингвистике: 1) когнитивный и, как следствие, - психолингвистический, являющийся его продолжением (Е. С. Кубрякова [9]); 2) синкретичный, совмещающий основные положения когнитивного и лингвокультурологического подходов

(Н. Ф. Алефиренко [1]); и 3) собственно лингвокультурологический (Ю. С. Степанов [14]) [16, с. 6–16].

Рассмотрим репрезентацию концепта «дружба» с точки зрения синкретичного подхода как наиболее полно отражающего природу языкового материала и сочетающего когнитивный и лингвокультурологический подходы. «Входящие в концепт смыслы структурируются в виде гештальта, фрейма, сценария» [16, с. 6–16].

Под *гештальтом*, вслед за Д. Лакоффом, понимается «целостный образ, совмещающий в себе чувственное и рациональное» [10]. Концепт «дружба» репрезентируется следующими *гештальтами*: «друг» «друзья», «враг», «недруг».

Под фреймом, «вслед за М. Минским, Т. А. Ван Дейком, Ч. Филлмором и др., мы понимаем социально обусловленную структуру знаний, представляющую тот или иной концепт (или его составляющую)» [16, с. 44]. Причём, фреймы состоят из слотов, для которых характерно обязательное наличие экстенсионала при отсутствии интенсионала, что даёт определённую свободу в их заполнении: не каждый фрейм заполнен всеми возможными слотами. Концепт «дружба» репрезентируется следующими *фреймами*: «дружба», «ценность дружбы», «совместность», «жертвенность», «старый друг», «новый друг», «корыстолюбие в дружбе», «прагматизм в дружбе», «отсутствие прагматизма в дружбе», «вражда», «служба и дружба», «характеристика отношений друзей», «мошенничество в дружбе».

С фреймом связаны *сцены, сценарии и скрипты*, в основе которых лежит понятие ситуации. Ситуация, в свою очередь, «предполагает систему внешних по отношению к субъекту условий» [16, с. 45]. Совокупность таких компонентов нашего сознания, как образы участников ситуации, их функции, обстоятельства ситуации образуют *сцену*. Совокупность последовательно сменяющихся сцен составляют *сценарий*. А типичный сценарий называется *скриптом*. Наибольшее распространение имеют сценарии. Концепт «дружба» репрезентируется следующими *сценариями*: «взаимоотношения друзей», «отношение человека к другу», «надёжность друга», «преодоление пространства друзьями», «справедливость критики друга», «опасность критики», «необходимость бережного отношения к другу», «ситуация проверки надёжности друга», «богатство разрушает дружбу», «влияние друзей друг на друга», «сохранение традиций рода в дружбе».

Таким образом, для репрезентации концепта «дружба» характерна синкретичность гештальтов, многочисленных фреймов и сценариев, которые вербализуются в Словаре в соответствующих дискурсах.

Вербализация стереотипов дружеских отношений осуществляется посредством различных культурных кодов: антропоморфного, акционального, биоморфного, фетишного, анимического [16, с. 98–133].

Г. В. Токарев отмечает, что «*антропоморфный* культурный код продуцирует понимание действительности в форме олицетворения» [16, с. 98], т.е. концепт «дружба» осмысляется через гештальт «человек», причем, данный гештальт может вербализовываться в виде соматизмов: *Хороший друг лучше ста родственников* (родственник), *Друзья прямые – братья родные* (брат), *Друг спорит, недруг поддакивает* (друг – недруг), *Бывший друг – злейший враг* (друг – враг), *Друг до поры – тот же недруг* (друг – недруг), *Они между собой на дружеской ноге* (использован соматизм нога), *Это его правая рука* (использован соматизм рука), *Они как брат с сестрой* (брат, сестра) и др.

Акциональный культурный код «продуцирует квазистереотипы, отражающие те или иные виды деятельности» [16, с. 108], причём, в составе концепта «дружба» данные квазистереотипы продуцируют, в основном, положительные эмотивно-оценочные коннотативные семы, которые создают образ надёжной дружбы: *Хорошую*

дружбу и топором не разрубишь (не разрубить), *Их и водой не разольёшь* (не разлить), *Последний кусок разделят пополам* (разделить), *Души не чает* (не чаять), *Стоять горой* (стоять), *Поехать с ним хоть на край света* (поехать) и др.

Биоморфный культурный код «актуализирует в сознании образы животных, птиц, насекомых, растений» [16, с. 117]. В этом случае во внутренней форме единицы появляются биоморфные компоненты, продуцирующие в сознании реципиентов образы живого мира: *Человек без друзей, что дерево без корней* (дерево, корни), *Дерево держится корнями, а человек – друзьями* (дерево, корни), *Конь узнаётся в езде, друг – в беде* (конь), *Добрый конь не без седока, честный человек не без друга* (конь), *Мы с тобой - как рыба с водой: ты на дно, а я на берег* (рыба), *Волк в брянском лесу тебе свой* (волк), *С собакой ляжешь – с блохами встанешь* (собака, блохи) и др.

Фетишный культурный код актуализирует в сознании реципиентов «образы неодушевленных предметов, придавая им сверхъестественные свойства» [16, с. 124]. В данном культурном коде выделяется 3 вида когнитивных моделей: человек подобен предмету (*Друг дороже денег* (деньги), *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* (рубли), *Без друзей, без связи – что телега без мази* (телега, мазь), *Одежда лучше новая, а друг старый* (одежда), *Золото познаётся огнём, а друг – золотом* (золото) и др.), отвлеченное понятие подобно предмету (*Хорошая дружба крепче каменных стен* (стены), *Хорошую дружбу и топором не разрубишь* (топор), *Дружба дружбой, а табачок врозь* (табачок), *Дружба – как стекло: разобьёшь – не склеишь* (стекло) и др.), предмет подобен предмету. В формировании концепта «дружба» участвуют первые два вида когнитивных моделей, что объясняется логически: сам концепт «дружба» репрезентируется концептами «человек» (друг, недруг, враг и т.д.) и «отвлечённое понятие» (дружба, вражда, надёжность, совместность, жертвенность и т.д.), но не может репрезентироваться концептом «предмет».

Анимический культурный код продуцирует «матрицы внутренних форм, отражающих те или иные природные стихии» [16, с. 131], это могут быть реальные природные стихии, типа: вода, воздух, ветер, огонь, могут быть географические объекты, типа: море, горы, долины и т.д., возможно использование вымышленных стихий: подземное царство, сказочные чудовища и т.д. Чаще всего при репрезентации концепта «дружба» возникают образы воды (*Их водой не разольёшь*), воды и огня (*Пойти с ним в огонь и в воду*), природного ландшафта - гор (Он готов за друга *стоять горой*), гор и ветра (*Горы рушит ветер, а дружбу – слово*), образного наименования местности – очень далёкого места – край света (*Поехать с ним хоть на край света*), большого расстояния – семь вёрст (*К милому [другу] [идти] семь вёрст – не околица, Мил друг – семь вёрст не крюк, Где мило, семь вёрст не криво [и в обход пойдёшь])* и др.

Вербализация стереотипов дружеских отношений исследуемого концепта характеризуется синкретичностью различных культурных кодов: антропоморфного, акционального, биоморфного, фетишного, анимического.

Заключение

В процессе разноаспектного исследования словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями» выявлено, что одним их основных принципов отбора материала в Словаре, его представления и анализа является принцип синкретичности. Он наблюдается в следующих аспектах.

1. Словарная статья содержит синкретичный языковой материал, включающий не только паремиологические, но и фразеологические единицы. Таким образом, принцип синкретизма наблюдается в отборе самого языкового материала.
2. В структуре словарной статьи наблюдается синкретизм парадигматического и синтагматического подходов к представлению языкового материала.

3. Рассмотрение словарной статьи как единого фразео-паремиологического семантического поля позволило выявить проявление принципа синкретичности в структуре данного поля.

Во-первых, в результате исследования в составе данного поля нами были выявлены 27 семантических групп, характеризующих проявления дружбы иногда в очень далёких друг от друга аспектах. Словарная статья объединяет их в единое целое.

Во-вторых, исследуемое фразео-паремиологическое семантическое поле включает паремиологические семантические группы (ПСГ), фразеосемантические группы (ФСГ) и фразео-паремиологические семантические группы (ФПСГ), внутри которых наблюдаются отношения синонимии единиц, причём, синонимия может быть как полной, так и неполной.

Некоторые семантические группы в структуре исследуемого поля оказались антонимичными.

Внутри каждой семантической группы выделяются единицы, относящиеся к ядру семантического поля, и единицы, формирующие его периферию.

4. Анализ словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями», проведённый в аспекте когнитивной и лингвокультурологической лингвистики, выявил, что вся словарная статья представляет собой вербализацию концепта «дружба», для репрезентации которого характерна синкретичность гештальтов, фреймов и сценариев.

Кроме того, для вербализации стереотипов дружеских отношений исследуемого концепта характерна синкретичность различных культурных кодов: антропоморфного, акционального, биоморфного, фетишного, анимического.

Таким образом, благодаря механизму многоуровневого использования принципа синкретичности в «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина создаётся феномен живой разговорной русской речи, но в то же время сохраняющей необходимый для научного издания уровень толкования в словарной статье. Благодаря этому с когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической точек зрения словарная статья «Дерево держится корнями, а человек – друзьями» представляет собой вербализацию фрагмента наивной русской языковой картины мира.

Список источников и литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта : Наука, 2009. 344 с.
2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка : учебное пособие. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
3. *Гвоздарёв Ю. А.* Основы русского фразообразования : монография. Ростов-на-Дону : Логос, 2010. 246 с.
4. *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 736 с.
5. *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. 736 с. (Настольные словари русского языка).
6. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. 544 с.
7. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. 544 с.
8. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.
9. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова и [др.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 245 с.
10. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры / под ред.

Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
11. *Мокиенко В. М.* Паремиологическое поле Валентина Ильича Зимина // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее», посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. Валентина Ильича Зимина, г. Москва, 26 ноября 2021 г. / под общ. ред. О. И. Авдеевой. М., 2022. С. 11–21.
12. *Ничипорчик Е. В.* О стратегиях составителей фразеологических и паремиологических словарей // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. М., 2022. С. 37–43.
13. *Спирин А. С.* Русские пословицы: сб. русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1985. 208 с.
14. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
15. *Токарев Г. В.* Вклад В. И. Зимина в развитие лингвокультурологии // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. М., 2022. С. 54–58.
16. *Токарев Г. В.* Концепт как объект лингвокультурологии: (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 233 с.
17. *Фразеологический словарь русского языка (свыше 4000 единиц)* / сост. Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. М.: АСТ, 2006. 524 с.

References

1. Alefirenko, NF 2009, *«Zhivoye» slovo: Problemy funktsional'noy leksiko-logii* (“Living” word: Problems of functional lexicology), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Bally, Ch 1955, *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* (General linguistics and issues of the French language), trans. E. V. Ventzel, T. V. Ventzel, ed. R. A. Budagova, Izd-vo inostr. lit publ, Moscow. (In Russ.)
3. Gvozdarev, YuA 2010, *Osnovy russkogo frazoobrazovaniya* (Basics of Russian phrase formation), Logos publ, Rostov-na-Donu. (In Russ.)
4. Zimin, VI 2008, *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* (Thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions), AST-PRESS KNIGA publ, Moscow. (In Russ.)
5. Zimin, VI 2017, *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* (Thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions), AST-PRESS SHKOLA, Moscow. (In Russ.)
6. Zimin, VI & Spirin, AS 2006, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bolshoy obyasnitel'nyy slovar'* (Proverbs and sayings of the Russian people. Large explanatory dictionary), Feniks publ, Rostov-na-Donu. (In Russ.)
7. Zimin, VI & Spirin, AS 2005, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bolshoy tolkovyy slovar'* (Proverbs and sayings of the Russian people. Large explanatory dictionary), Feniks publ, Rostov-na-Donu. (In Russ.)
8. Zimin, VI & Spirin, AS 1996, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* (Proverbs and sayings of the Russian people), Syuita publ, Moscow. (In Russ.)
9. Kubryakova, ES 1996, *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A brief dictionary of cognitive terms), Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow. (In Russ.)
10. Lakoff, D & Johnson, M 1990, ‘Metafory, kotorymi my zhivyom’ (Metaphors that we live by), *Teoriya metafory, Moscow, pp. 387–415. (In Russ.)*
11. Mokiyenko, VM 2022, ‘Paremiologicheskoye pole Valentina Il'icha Zimina’ (Valentin I. Zimin’s paremiological field), *Obshchaya i russkaya frazeologiya: iz proshlogo v budushcheye*, 26 November 2021, Moscow, pp. 11–21. (In Russ.)
12. Nichiporchik, EV 2022, ‘O strategiyakh sostaviteley frazeologicheskikh i pa-remiologicheskikh slovarey’ (On the strategies of the compilers of phraseological and paremiological dictionaries), *Obshchaya i russkaya frazeologiya: iz proshlogo v budushcheye*, 26 November 2021, Moscow, pp. 37–43. (In Russ.)

13. Spirin, AS 1985, *Russkiye poslovitsy: sb. russkikh narodnykh poslovits i pogovorok, pris-lovits, molvushek, prigovorok, priskazok, krylatykh vyrazheniy literaturnogo pro-iskhozhdeniya* (Russian proverbs: collection. Russian folk proverbs and sayings, proverbs, popular expressions of literary origin), Izd-vo Rostov. un-ta publ, Rostov-na-Donu. (In Russ.)
14. Stepanov, YuS 1997, *Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* (Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience), Yazyki russkoy kul'tury publ, Moscow. (In Russ.)
15. Tokarev, GV 2022, 'Vklad V. I. Zimina v razvitiye lingvokul'turologii' (V.I. Zimin's contribution of in the development of linguoculturology), *Obshchaya i russkaya frazeologiya: iz proshlogo v budushcheye*, 26 November 2021, Moscow, pp. 54–58. (In Russ.)
16. Tokarev, GV 2003, *Kontsept kak obyekt lingvokul'turologii: (na materiale reprezentatsiy kontsepta «Trud» v russkom yazyke* (Concept as an object of linguoculturology (Based on the representation of the concept "Labor" in the Russian language), Peremena publ, Volgograd. (In Russ.)
17. Voynova, LA 2006, *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka (svyshe 4000 yedinits)* (Phraseological dictionary of the Russian language (over 4000 units), ed. A.I. Molotkov, AST publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 18.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 125–134.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 125–134.

Научная статья
УДК 81'42
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134

ДЕЙКСИС КАК ОТРАЖЕНИЕ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ «ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ РУССКОГО НАРОДА» В. И. ЗИМИНА И А. С. СПИРИНА)

Ирина Ивановна Чумак-Жунь

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия, chumak@bsu.edu.ru
https://orcid.org/0000-0001-6790-1418

Аннотация. В работе на материале Большого объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зимина и А. С. Спирина интерпретирована дихотомия «свой / чужой» в аспекте ее концептуального содержания. Рассмотрена паремиологическая репрезентация *своих / чужих* как способ воплощения наивной картины мира. *Свой и чужой* – это местоименные исходы, высокая абстрактность значения которых при меняющемся конкретном содержании дает возможность увидеть многие особенности национального сознания. Представленные в словаре паремии указывают на антропогенный характер данного явления. Основой формирования внутренней формы оппозиции *свой / чужой* выступает дейксис, причем в зависимости от частеречной принадлежности дейктический вектор семантики по-разному формирует соответствующие фрагменты картины мира. Реализация когнитивного потенциала дейктических единиц наглядно представлена в лексикографическом источнике: так, данные словаря подтверждают, что субстантиват *свои* в идиоме *свои люди* предполагает конкретные денотаты, а в местоименной дихотомии *свой / чужой* в первую очередь проявляются отношения между оппозитивными единицами. Анализ «паремиологического содержания» глав дает читателю возможность наполнить каждое из названий конкретными смыслами, восходящими к понятиям материального и духовного мира. Доказано присутствие в представлении о *своем* всех компонентов противопоставления – *мой, твой, его и свой* – и их потенциальная способность актуализироваться в зависимости от контекста употребления корреляции. *Свой / чужой* – концептуальная база словаря, при этом эти дейктические маркеры выстраивают целую парадигматическую «ось», основанную на двух векторах дейксиса как «скелетах» семантики.

Ключевые слова: дейксис, паремия, лексикография, национальное сознание, оппозиция свой-чужой.

Для цитирования: Чумак-Жунь И. И. Дейксис как отражение наивной картины мира в лексикографическом источнике (на материале объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зимина и А. С. Спирина) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 125–134. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134.

Сведения об авторе: *И. И. Чумак-Жунь* – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

© Чумак-Жунь И. И., 2023

Scientific Article
UDC 81'42
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134

DEIXIS AS A REFLECTION OF A NAIVE WORLDVIEW IN A LEXICOGRAPHIC SOURCE (BASED ON THE EXPLANATORY DICTIONARY «THE PROVERBS AND SAYINGS OF THE RUSSIAN PEOPLE» BY V. I. ZIMIN AND A. S. SPIRIN)

Irina I. Chumak-Zhun

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia, chumak@bsu.edu.ru
https://orcid.org/0000-0001-6790-1418

Abstract. The article presents the interpretation of the *ours-others* dichotomy in the aspect of its conceptual content on the material of the Big explanatory dictionary "Proverbs and sayings of the Russian people" by V. I. Zimin and A. S. Spirin The paremiological representation of ours / others is considered as a way of embodying a naive picture of the world. *ours-others* are pronominal outcomes, the high abstractness of the meaning of which, with changing specific content, makes it possible to see many features of national consciousness. The paremias presented in the dictionary indicate the anthropogenic nature of this phenomenon. The basis for the formation of the internal form of the opposition of *ours-others* is deixis, and depending on the part-of-speech belonging, the deictic vector of semantics forms the corresponding fragments of the worldview in different ways. The realization of the cognitive potential of deictic units is clearly presented in the lexicographic source. Thus, the dictionary data confirm that the substantive *ours* in the idiom *our people* presupposes specific denotations. In the pronominal dichotomy *ours-others*, the relationship between oppositional units manifests itself first. The analysis of the «paremiological content» of the chapters gives the reader the opportunity to fill each of the titles with specific meanings that go back to the concepts of the material and spiritual world. The article proves the presence of all the components of the opposition (mine, yours, his and his) in the idea of his and their potential ability to be actualized depending on the context of the use of correlation. *Ours-others* is the conceptual base of the dictionary, while these deictic markers build an entire paradigmatic «axis» based on two deixis vectors as the «skeletons» of semantics.

Keywords: deixis, paremia, lexicography, national consciousness, opposition of ours-others.

For citation: Chumak-Zhun, II 2023, 'Deixis as a Reflection of a Naive Worldview in a Lexicographic Source (Based on the Explanatory Dictionary «The Proverbs and Sayings of the Russian People» by V. I. Zimin and A. S. Spirin)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 125–134, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134 (in Russ.)

Information about the Author: *Irina I. Chumak-Zhun* – Professor, Doctor of Science (Philology), Head of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia.

© Chumak-Zhun I. I., 2023

Введение

Язык, подобно зеркалу, отражает и фиксирует не только мысли, но и поступки людей – как отдельно взятой личности, так и целого этноса, имеющего свою государственность. Один из источников, который в наиболее обобщенной форме представляет эту информацию, — словарь, особенно словарь фразеологический или паремиологический.

Словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зимина, А. С. Спирина занимает среди паремиологических словарей особое место. В посвящении соавтору В. И. Зимин пишет, что они не облекли свой труд в традиционные одежды лексикографического жанра – и с этим сложно не согласиться. Этот необычный словарь не раз был предметом обсуждения коллег-лингвистов, так, блестящий анализ словаря предлагает в своей статье В. М. Мокиенко [9].

В подзаголовке уточняется жанр: словарь объяснительный. Действительно, авторы выступают как повествователи, которые неторопливо и мудро беседуют с читателем, показывая ему мир глазами русского человека, вернее, средствами русского языка. Словарь разделен на главы, что преимущественно характерно для повествовательных жанров – в этом тоже его специфика. Это мини-рассказы о тех жизненных ситуациях, которым русское коммуникативное сознание дает оценку в виде паремий.

Справедливо подчеркивая, что «доминантой – как концептуальной, так и классификационной – этого собрания пословиц и поговорок является оправданное представление об их всепроникающей антропоцентричности», В. М. Мокиенко ссылается на слова А. Н. Тихонова из предисловия к словарю, который, в свою очередь, обращается к высказыванию выдающегося русского лингвиста и паремиолога Ф. И. Буслаева, подметившего, что пословицы в основном являются характеристикой человека и круга его деятельности [9, с. 4–5]. Позволим себе процитировать: «Главным достоинством любого большого паремиологического собрания является его материал. И здесь – можно сразу сказать – рецензируемая книга представляет собой самостоятельный тезаурус русских пословиц и поговорок в самом широком их понимании» [9].

Однако материал словаря позволяет не только ощутить, по образному определению М. А. Шолохова, «безграничный полет крылатой мудрости», но и дает пищу для наблюдения над лингвистическими явлениями, среди которых и терминология фольклористики, и тонкости паремиологической таксономии, и прецедентность (многие названия глав и их частей представляют собой современные прецеденты), и семантико-словообразовательная игра (названия *проголодавшийся и голодный*, *подарки и отдарки*), и этимологический анализ, и «страноведческая информация с диахроническим подтекстом» [9].

В немалой степени повествовательный стиль словаря формируют прономинативные единицы, что дает возможность наблюдения над таким сложным и «глубинным» грамматико-семантическим явлением, как дейксис, который представлен здесь как вектор, определяющий особенности паремиологических номинаций. В исследованиях о соотношении номинации и дейксиса (Н. Ю. Шведова [14], А. Н. Гвоздев [4], Л. Я. Маловицкий [8], А. А. Буров [3], И. И. Чумак-Жунь [15] и др.) этот аспект не развернут, что и дало импульс к его дальнейшему рассмотрению.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели – описать дейктические векторы как основу формирования внутренней формы прономинативов *свой и чужой* –используются методологические принципы антропоцентризма, направленные на интерпретацию лексикографического материала в аспекте его концептуального представления. Для практической реализации данной методологическойустановки наиболее эффективными являются следующие используемые намиметоды и приёмы: (а) метод лексикографического анализа словаря с элементами лингвистической герменевтики; (б)

метод концептуального моделирования – направлен на деятельность по формальному описанию фрагментов наивной картины мира, представленных в словаре. Выявление смысла осуществляется черезэкспликацию скрытых дейктических маркеров в конкретной паремиологической группе. В качестве материала исследования были взяты словарные дефиниции из паремиологических и толковых словарей русского языка, в частности из лексикографического труда В. И. Зимина и А. С. Спирина [5].

Исследование

В наиболее «чистом» виде дейксис, как известно, выражается различными видами местоимений. Участвуя в формировании номинации за счет указания на участников речевого акта, дейксис позволяет показать мир в разной проекции. Несомненно, дейксис и есть та внутренняя форма, которая определяет состояние «бытие в местоимении = местоименность». С точки зрения Н. Ю. Шведовой, местоимения – это «слова, которые ничего не называют (не именуют): они означают смыслы, восходящие к понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы…» [14, с. 7]. Особенно показательны местоимения как дейктические маркеры в заглавиях глав и подглав словаря – их использование в автосемантичной позиции позволяет проследить за ходом повествования и за векторами «писательского мемуарного эссе».

Именно с помощью местоимений осуществляется языковая фиксация тех смыслов, которые в коммуникативном сознании отражают специфику концептосферы наивной картины мира носителей русского языка. Разнообразие представленных в словаре дейктических вариантов характерно для нарратива русской культуры.

Дейксис в заголовках глав характеризует внеязыковую действительность, выражая ее через:

1) рефлексию, выраженную притяжательными местоимениями: *Язык мой – враг мой, Мой дом – моя крепость*;

2) императив-поучение*: Других не суди*, *Не всякому слуху верь*;

3) описание действий группы, ограниченной каким-либо признаком: *Кто как напивается, Что делают глупые;*

4) характеристику группы, ограниченной каким-либо признаком (многочисленные заголовки, построенные по модели «местоимение-коррелят + анафорический элемент, который распространяется содержательной частью паремий»): *О тех, кто от роду плох*, *О том, кто ростом мал*, *О тех, кто трудится спозаранку*, *О том, что плохо лежит*;

5) трюизмы, с одной стороны содержащие характерную для народного сознания абсолютизацию признака, выраженную местоимениями *весь* или *всякий (Все в прошлом, Всякому нужен обед и ужин, К старости все напасти)*, с другой же – необходимость его, абсолютного признака, ограничения (*Не всякое молчание золото, Не все можется, что хочется);*

6) оппозицию *свой / чужой*: *Свой дом родной, Чужое горе, Свое горе, Свой ум, Свое дитя*.

Следует подчеркнуть, что дихотомия *свои / чужие* представлена в словаре особому. Кроме вышеуказанных названий подглавок, в лексикографическом источнике есть две главы, включающие в себя большой паремиологический материал, названия которых содержат дейктический маркер, – лексему *свой,* часть единой и неделимой, по мнению множества ученых, дихотомии *свои / чужие, свой / чужой, свое / чужое*. Это главы 21 и 22 – «Свои люди» и «Свое и чужое».

Свой и чужой – это местоименные исходы (по Н. Ю. Шведовой), высокая абстрактность значения которых при меняющемся конкретном содержании дает возможность увидеть многие особенности национального сознания, причем своеобразная, весьма оригинальная классификация, представленная в словаре, как и

отмечаемая В. М. Мокиенко «хронологическая дальнобойность» сборника, позволяет детализировать и дифференцировать описываемые паремии. Анализ «паремиологического содержания» глав дает читателю возможность наполнить каждое из названий конкретными смыслами, восходящими к понятиям материального и духовного мира.

Класс русских местоимений – это «арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом» [14, с. 8]. Так называемые исходные местоимения, или исходы, организуют в качестве неких «краеугольных камней» самые основы коммуникативного бытия живого и неживого в их признаках – приписываемых, сущностных, принадлежностных и др. Расчленение исходных понятий «демонстрирует реально существующие ступени и структуру человеческого познания..., < а также> ... сложившееся у людей представление о противопоставленности предела, средоточия, «точки» и отсутствия предела, несосредоточенности, «неточечности»: сравн. *этот* и *тот*, *это* и *то*, *тут* и *там*, *сюда* и *туда*, *досюда* и *дотуда*, ***мой, твой, его* и *свой***... (выделено нами – *И.Ч.-Ж.*)» [14, с. 7–8]. Выделенное противопоставление ***мой, твой, его*** и ***свой*** представляет две группы смыслов: «признака сущностного и приписываемого, собственности и несобственности» [14, с. 8] и косвенно соотносится с понятием «живого и неживого, личности и неличности» [там же].

Толковый русского языка Ефремовой Т. Ф. [6] фиксирует современное употребление слова ***свой*** как субстантивата (1) и как местоимения (2).

Свой

1. ***м. разг.*** Тот, кто находится в родственных, дружественных отношениях с кем-л., связан местом жительства, совместной работой, общими убеждениями и т. п.

2. **местоим.**

1) Принадлежащий себе, имеющий отношение к себе.

2)

а) Собственный, составляющий чье-л. личное достояние.

б) *разг.* Домашнего изготовления, производства и т. п.; не купленный.

3) Свойственный только чему-л. одному, данному; своеобразный.

4) Соответствующий определенным обстоятельствам; надлежащий, должный.

5)

а) Находящийся в родственных, дружественных отношениях, связанный местом жительства, совместной работой, общими убеждениями.

б) *разг.* Не заимствованный; отечественный.

В корреляции *свой / чужой* реализация когнитивного потенциала во многом определяется характером дейктического вектора семантики, что отражается в частеречной характеристике компонентов. Местоимение *свой* в названиях глав «*Свои люди»* и «*Свое и чужое»* предполагают разновекторный дейксис, так как в первом случае это субстантиват (представленный как идиома), во втором – собственно местоимение. Стоит сказать, что субстантиват ***свой*** актуализирует денотативный предметный ресурс, – дается ***характеристика*** ближнего, *своего* круга, в корреляции же *свое-чужое* акцент переносится на ***отношения*** *своих* и *чужих*.

В названии главы «Свои люди» значение лексемы *свой* соотносится с первым значением современного употребления слова *свой*, представленном в словаре – это представление о *своих* как о людях, которые находятся в родственных, дружественных отношениях с кем-л., связаны местом жительства, совместной работой, общими убеждениями и т. п.

Но обобщающим тезисом этой части словаря является фраза: «Близкие люди, в том числе друзья-приятели, говорят, что они – свои люди», которое содержит слово *близкие*, в идиоме реализующее значение ‘связанный с кем-л. дружбой, симпатией, любовью’.

Дейктический компонент *свой* имплицирован в любой из фразеономинаций, представленных в главе, как вектор ее внутренней формы, определяющий характер атрибуции и направление динамики мотивации именования в атрибутивном признаке (группе признаков). Указательный вектор внутренней формы номинации *свой* как базового субстантивата представлен в названиях подглавок, при этом *свои* характеризуются с точки зрения:

1) родственных связей: «Семья», «Родня», «Седьмая вода на киселе»;
2) отношений: «Любовь», «Страсти-мордасти», «Друзья», «Дружба дружбе рознь»;
3) традиции: «Жених и невеста», «Сосед», «Гость», «Шапочное знакомство»;
4) ситуации: «Сватовство», «Свадьба», «“Цепи” Гименея», «О супружеской верности и ревности», «Ссора», «Ссора красна мировою», «Не сошлись характерами», «Близок локоток, да не укусишь», «Одному и в раю не рай»;
5) поступка: «Подарки и отдарки», «Помощь», «Займы», «Просьба», «Кукиш с маслом», «Лучше дать, чем просить», «Добром не попрекают», «За добро добром и платят», «Черная неблагодарность».

Паремиологические репрезентанты концептов однозначно свидетельствуют о несомненной важности *своего*, причем отношения между *своими* в любом из вышеназванных кластеров представлены широчайшей палитрой.

Так, абсолютное по своей ценности ассоциативное поле представлено в концептуальных пространствах «Любовь», «Дружба» и «Семья» в виде характерной для русской ментальности традиционной символики (*без солнышка нельзя пробыть, без любви нельзя прожить; без любви – как без солнца, при солнышке тепло, при матери добро; человек без друзей, что дерево без корней*), образности *(сердце сердцу весть подает, любовь с первого взгляда; любовь – стекло, разобьешь – не склеишь; любовь до гробовой доски, подобрать ключи к сердцу, сердце не камень, любит, как душу, трясет, как грушу, дружба – что стекло, разобьешь, не склеишь*), устойчивой перцепции (*любовь – не пожар, а загорится – не потушишь, любовь – костер, на красный цветок летит и мотылек, на красный цветок и пчела летит*).

Отношения между *своими* представлены с позиции народной мудрости, народного знания, и описаны они совсем не однозначно и прямолинейно, а многовекторно и разнообразно. Если использовать паремиологический код словаря, то можно сказать, что в этой главе представлены как *свои люди*, так и *свои, да не свои* или *свои, да не совсем*.

В каждой категории *своих* маркируют семантические ограничители, которые зависят от базового репрезентанта и смыслов, обусловленных культурной традицией.

Так, ограничение для *своих* в сферах «Любовь», («Страсти-мордасти», «Жених и невеста», «О супружеской верности и ревности») накладывают семантические операторы ‘возраст’ (*видима беда, коль у старого жена молода, не для себя старик на молодой женился*), ‘измена’ (*чужую жену полюбить — свою погубить*), ‘искушение’ (*в чужую жену черт ложку меда кладет*), ‘свобода’ (не верь ветру в поле, а жене в воле), ‘расстояние’ (*с глаз долой – из сердца вон*).

Для русского сознания характерна свобода и необъяснимость выбора *своего* в любовном дуэте (*любовь зла, полюбишь и козла, любовь слепа, не славится красавица, а кому что нравится, не по хорошему мил, а по милому хорош*). Особенно отчетливо ценность любимого как *своего* представлена в оппозиции *милый (свой)-немилый (не свой)*, которая не имеет никакого рационального объяснения (*тошно жить без милого, а с немилым еще тошней, лучше нужа да стужа, чем жить с немилым мужем, с немилым жить – век губить, с немилым жить – только маяться, с немилым спать – тесна кровать, не мил телом – не угодлив и делом),*

напротив, наличие *своего* компенсирует возможные жизненные трудности *(был бы милый по душе, проживешь и в шалаше, с милым и под елью найдешь келью, лучше жить в бедности, да с милым, чем в богатстве, да с постылым*).

Паремии, представляющие *ситуации* и *поступки*, отражают пограничное состояние между своими-и-не-своими, например, *ссора* (*раздружится друг – хуже недруга*), *подарок* – искренний (*не дорог подарок, дорога любовь*) и не очень (*жадный дарит – будто от сердца отрывает*).

Таким образом, в 21-й главе «Свои люди» дейктический элемент представлен субстантиватом *свои*, который включает представление о конкретных денотативных группах. *Свои* – близкие люди, которые объединены кровной связью, отношениями, национальными традициями, *свои* могут быть связаны определенными ситуациями и совершать друг по отношению к другу различные поступки.

В 22-й главе «Своё и чужое» лексема *свое* – это местоимение в значении ‘принадлежащий себе, имеющий отношение к себе’, ‘собственный, составляющий чье-л. личное достояние’. Если в предыдущей главе речь шла о группе своих, ее составе и отношениях внутри нее, то в этой главе, по словам автора, «самое главное <…> – отразить отношения между своим и чужим». Все пословичные контексты в данной части эксплицитно или имплицитно содержат антитезу, при этом местоимения *свое* и *чужое* образуют тесную семантическую пару, когда употребление одного из них неизбежно предполагает домысливание ситуации, создающейся другим, что поддерживается в ряде контекстов компонентом в форме сравнительной степени.

«Противопоставление “свой-чужой” исторически обусловлено первичностью психологической категории “*они” (“другие”, “чужие” в данном случае мы рассматриваем как синонимы*) и вторичностью категории “*мы” как “не они”*» [11, с. 12]. Очевидно, объективное существование «своего-чужого» и его субъективное отражение в сознании человека – параллельные, одновременные процессы. Формирование своеобразной программы регулируемых отношений «своего-чужого» являются рефлексией над содержанием собственного сознания. Стремление людей к объединению со «своим / своими» и дистанцированию от «чужого / чужих» предполагает осознание соответствующих отношений [11, с. 13].

Дейксис способствует развитию местоименного вектора внутренней формы прилагательного *чужой* в корреляции *свой-чужой*. Представление о *чужом* определяется множеством факторов, в том числе теми глубинными процессами, которые имплицированы во внутренней форме слова. Это как этимология, так и историческое развитие класса местоимений.

Этимология каждой из единиц дихотомии, представленная в словаре Макса Фасмера [13], подтверждает мысль о, указательном векторе внутренней формы слова.

Свой. общеслав. суф. производное от той же основы, что свобода (см.), др.-инд. svas «собственный», готск. swēs – тж., латышск. savs – тж., без в – собственный, себе.

Чужо́й. общеслав. суф. производное (суф. -j-, ср. рыжий) от *tjudъ «народ», заимств. из готск. яз. (ср. нем. deutsch «немецкий»); tj > ч, dj > ж, ой < ый после падения редуцированных. Чужими называли сначала готов (т. е. не свой народ). Отсюда чужой – «не свой, иной»; ср. чужеземец, чужеродный. См. чушь.

С другой стороны, формирование указательного вектора внутренней формы номинаций *свой–чужой* как признаковых слов, становящихся базовыми субстантиватами как языковыми репрезентатами концептов, на наш взгляд, связано с историческим развитием класса собственно дейктических слов-местоимений. Известно, что в древности взаимодействие личных и неличных местоимений [2] и формирование трехчленной парадигмы лица местоимения в процессе развития позиции 3-го лица

(недиалогического = монологического) бывшее указательное ОНЪ (ОНА, ОНО) сохранило свой семантический признак ‘отдаленный, другой, ЧУЖОЙ’, приобретя семантический признак ‘не-Я и не-ТЫ, но СВОЙ’.

Согласно психолингвистической (и психологической) концепции, реальный мир через посредство «своей» культуры отражается в сознании личности в виде образа мира, воспринимаемого личностью как единственно верное, объективное мировидение. Кажется вполне объяснимым, что *именно «свой» образ мира предстает как истинный*: мы убеждены, что объективно воспринимаем суть окружающих нас реалий, не осознавая, что на самом деле включаем их в схемы и отношения, заданные собственной культурной традицией.

В главе словаря «Своё-чужое» представлены определенные модели взаимодействия *своих / чужих*, причем оценка членов оппозиции осуществляется через признак соответствия-несоответствия норме (которую возможно интерпретировать как систему эталонов действия, сущности или состояния объекта или явления, формирующуюся у индивида в процессе социализации при присвоении образцов национальной культуры) [12].

Отмечено, что если «свой» воспринимается как норма, то «чужой» часто подразумевает ее нарушение. Особенности оппозиции «свой-чужой» таковы, что соответствующее представление о «чужом» и его негативное восприятие возможны даже при отсутствии или недостатке контактов и соответствующей информации, то есть объективных причин для формирования отрицательного мнения о «чужом»…» [1]. Оценочность оппозиции «свой-чужой» означает, что «они» – восприятие (или «они» – представление) происходит через «мы» – ощущение. Направление оценки происходит от «мы» к «они». Разные проявления отношения к чужому практически без исключений встраиваются в систему координат «норма» – «антинорма», которая, впрочем, знает исключения.

Норма в наивной картине мира, например:

– высокая оценка *своего*.

Свое всегда оценивается положительно: *каждый кулик своё болото хвалит*. О субъективности оценки говорить не приходится – и в том случае, когда действие соответствует норме, и в том, когда не соответствует, поступок *своего*, как правило, оказывается простительным, а чужого – нет (*свой дурак дороже чужого умника, чужаяй грязь грешнее, чужая вина виноватее)*.

– осознание важности *своего*, безразличие к *чужим проблемам*.

Свое важнее, чем чужое: *всякому своя обида горька; своя болячка больней болит; чужую печаль с хлебом съешь, а своя и с мёдом нейдет; чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу*; *наше дело – сторона*.

– зависть к чужому: *смотрит, как мышь на крупу; смотрит, как волк на сало; в чужом огороде огурцы вкусней; в чужих руках ломоть толще*.

С другой стороны, антинорма:

– интерес к *чужому* (делу, пространству, горю). *Чужие* не важны, рекомендовано их делами не интересоваться: *всяк мети перед своими воротами; не твоя печаль чужих детей качать; в чужие карты не заглядывай; в чужую спальню не заглядывай; в чужом хлеву овец не считают; любопытной Варваре в трамвае нос оторвали*.

– владение чужим добром (богатством): *на чужое добро не зарься; чужого не бери и своего не отдавай; трудовой сухарь дороже краденого каравая*.

В этой же системе координат выстраиваются и другие правила отношения к чужому: норма – независимость от *чужого (надо меньше пить, да свое купить)*, антинорма – обсуждение *чужого* (*грех не беда, молва нехороша*) и т.д.

Таким образом, анализ словаря подтверждает, что оппозиция *свой-не-свой* – концептуальная база, где *не-свой* может быть представлен как *иной, другой, чужой* и т. д., на этой оппозиции выстраивается целая парадигматическая «ось», основанная на двух векторах дейксиса как «скелетах» семантики.

Выводы

Дейксис изначально, можно сказать, генетически, связан в первую очередь с местоимением. Во внутренней форме именования всегда динамически уровновешены дейктический и номинативный векторы. Дейктический вектор, или план внутренней формы именующего знака, может актуализировать основную, первичную функцию – вербализацию смысла и обозначение денотата, но может актуализировать и функции вторичные, например, прономинативные, когда употребляются синонимы разного типа, возникает именное перефразирование, в том числе метафорическое и метонимическое.

Мы считаем, что дейктический компонент имплицирован в любой, в том числе фразеологической номинации как вектор ее внутренней формы, определяющий специфику атрибуции и направление и характер номинационно-грамматической (синтаксической) динамики мотивации именования в атрибутивном признаке (группе признаков).

Дейктический компонент является вектором, определяющим взаимодействие когнитивного и собственно языкового компонентов номинации и формирование того ресурса коммуникации, который определяет употребление наименования как «части речи», как пространства синтаксического отрезка (фрагмента текста определенной структурной формы), необходимого и достаточного для решения собственно номинативных, коммуникативных и эстетических задач.

Список источников и литературы

1. *Балясникова О. В.* "Свой-чужой" в языковом сознании носителей русской и английской культур : дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Балясникова Ольга Вениаминовна. М., 2003. 224 с.
2. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М.: URSS : КомКнига, 2006. 511 с.
3. *Буров А. А.* Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Буров Александр Архипович. Ставрополь, 2000. 413 с.
4. *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
5. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 544 с.
6. *Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г.* Словарь грамматических трудностей русского языка: более 2 500 слов. М.: Астрель, 2009. 379 с.
7. *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
8. *Маловицкий Л. Я.* Значение и обозначение // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда: Изд-во ВГПИ, 1981. С. 183–190.
9. *Zimin V. I., Spirin A. S.* Пословицы и поговорки русского народа, Moskva, [comte-rendu] // Revue des études slaves. 2000. Т. 72, № 3-4. P. 612–622. Рец. на кн.: Мокиенко В. М. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.
10. *Потебня А. А.* Мысль и язык // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
11. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.
12. *Тарасов Е. Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1985.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М. Фасмер. М.: АСТ, 2009. 864 с.
14. *Шведова Н. Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

15. *Чумак-Жунь И. И.* Когнитивная оппозиция Свой/Чужой как компонент поэтического мировидения и фактор дискурсивного противодействия // Русский язык в поликультурном мире : I междунар. симп., Ялта, 8-12 июня 2017 г. : сб. науч. ст. : в 2 т. Симферополь, 2017. Т. 1. С. 439–444.

References

1. Balyasnikova, OV 2003, "Svoy-chuzhoy" v yazykovom soznanii nositeley russkoy i angliyskoy kul'tur ("Friend or foe" in the linguistic consciousness of speakers of Russian and English cultures), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
2. Borkovskiy, VI & Kuznetsov, PS 2006, *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* (Historical grammar of the Russian language), KomKniga publ, Moscow. (In Russ.)
3. Burov, AA 2000, Substantivnaya sintaksicheskaya nominatsiya v russkom yazyke (Substantive syntactic nomination in Russian language, doctoral thesis, Stavropol. (In Russ.)
4. Gvozdev, AN 1965, *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* (Essays on the stylistics of the Russian language), Prosveshcheniye publ, Moscow, viewed 28 June 2023, https://geum.ru/next/art-148235.leaf-13.php (In Russ.)
5. Zimin, VI & Spirin, AS 2006, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bol'shoy ob"yasnitel'nyy slovar'* (Proverbs and sayings of the Russian people. Large explanatory dictionary), Feniks publ, Moscow. (In Russ.)
6. Efremova, TF & Kostomarov, VG 2009, *Slovar' grammaticheskikh trudnostey russkogo yazyka: boleye 2 500 slov* (Dictionary of grammatical difficulties of the Russian language: more than 2,500 words), Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
7. Kostomarov, VG 2005, *Nash yazyk v deystvii: Ocherki sovremennoy russkoy stilistiki.* (Our language in action: Essays on modern Russian stylistics), Moscow. (In Russ.)
8. Malovitskiy, LYa 1981 'Znacheniye i oboznacheniye' (Meaning and designation), *Grammaticheskaya semantika yazykovykh edinits* (Grammatical semantics of linguistic units), Izd-vo VGPI publ, Vologda, pp. 153–168 (In Russ.)
9. Mokiyenko, VM, Zimin, VI & Spirin, AS 1996, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* (Proverbs and sayings of the Russian people), Syuita publ, Moscow. (In Russ.)
10. Potebnya, AA 1989, 'Mysl' i yazyk' (Thought and language), *Slovo i mif* (Word and myth), Pravda publ, Moscow, pp. 17–200. (In Russ.)
11. Porshnev, BF 1979, *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* (Social psychology and history), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. Tarasov, EF 1985, *Tendentsii razvitiya psikholingvistiki* (Trends in the development of psycholinguistics), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Fasmer, M 2009, *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Etymological Dictionary of the Russian Language), AST publ, Moscow. (In Russ.)
14. Shvedova, NYu 1998, *Mestoimeniye i smysl. Klass russkikh mestoimeniy i otkryvayemyye imi smyslovyye prostranstva* (Pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces they open), Azbukovnik publ, Moscow. (In Russ.)
15. Chumak-Zhun', II 2017, 'Kognitivnaya oppozitsiya Svoy/Chuzhoy kak komponent poeticheskogo mirovideniya i faktor diskursivnogo protivodeystviya' (Cognitive opposition Friend/Stranger as a component of the poetic worldview and a factor of discursive opposition), *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire*, vol.1, 8-12 June 2017, Yalta, Simferopol, pp. 439–444. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 15.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 135–148.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 135–148.

Научная статья
УДК 811’371’42:811.161.3’374:004.9:398.91(=161.3)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-135-148

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ТЕМЫ «РОЗУМ. КЕМЛІВАСЦЬ. ДУРАСЦЬ» В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Елена Владимировна Ничипорчик

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
Гомель, Республика Беларусь, evnich@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1284-6236

Аннотация. Анализируется организация тематического объединения белорусских пословиц об уме и глупости в электронном паремиологическом словаре. Это сводный паремиологический словарь, создаваемый на материале 9 белорусских провербиальных собраний, различающихся по своему объему, принципам составления, наличию / отсутствию толкования фиксируемых единиц.

Цель автора статьи состоит в раскрытии внутренней связи пословиц об уме и глупости, представляющих соответствующее тематическое объединение в электронном паремиологическом словаре.

Последовательность расположения пословиц об уме и глупости в электронном словаре подчинена соединению двух логик – логики членения человеческого бытия на сферы и логики оценочной квалификации. Объединение этих логик выявляется по цикличному взаимодействию категорий, лежащих в основе паремиологической концептуализации мира. Согласно логике оценочной квалификации, ум не обладает безусловной положительной, а глупость – безусловной отрицательной значимостью. В разных видах отношений, детерминированных логикой жизни (ум / глупость ↔ физически характеристики человека (возраст, сила, красота и др.), ум / глупость ↔ счастье; ум / глупость↔ богатство / бедность; ум / глупость ↔ слово; ум / глупость ↔ дело; ум / глупость ↔ одиночество / коллективизм; ум / глупость ↔ семья; ум / глупость↔ свое / чужое; ум / глупость ↔ время и др.), вскрываются положительные характеристики умных людей и некоторые минусы в жизни обладателей ума, отрицательные характеристики глупых людей и некоторые плюсы принадлежности человека к категории глупцов.

Последовательность объединения пословиц об уме и глупости, выстроенная в словаре с учетом данных отношений, проливает свет на системные связи паремиологических единиц, делает прозрачной для пользователя словаря логику осмысления мира продуцентами паремий.

Ключевые слова: пословица, словарь, тематическое объединение, оценка, системные связи, отношения.

Благодарности: работа выполнена в рамках финансируемой темы «Белорусско-русские фразеологические и паремиологические параллели в словаре и интернет-коммуникации», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

Для цитирования: Ничипорчик Е. В. Логика развития темы «Розум. Кемлівасць. Дурасць» в электронном словаре белорусских пословиц // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 135–148. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-135-148.

Сведения об авторе: *Е. В. Ничипорчик* – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, 246019, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, д. 104.

© Ничипорчик Е. В., 2023

Scientific Article
UDC 811’371’42:811.161.3’374:004.9:398.91(=161.3)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-135-148

THE LOGIC OF THE DEVELOPMENT OF THE THEME “MIND. QUICK-WITTEDNESS. STUPIDITY” IN THE ELECTRONIC DICTIONARY OF BELARUSIAN PROVERBS

Elena V. Nichiporchik

Francisk Skorina Gomel State University
Gomel, Belarus, evnich@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1284-6236

Abstract. The article analyses the organization of the thematic association of Belarusian proverbs about intelligence and stupidity in the electronic paremiological dictionary. This is a consolidated paremiological dictionary created on the material of 9 Belarusian proverbial collections, that differ in their volume, principles of drawing up, compilation, presence/absence of interpretation of fixed units.

The purpose of the author of the article is to reveal the inner connection of proverbs about the intelligence and stupidity, representing the corresponding thematic association in the electronic paremiological dictionary.

The sequence of proverbs about intelligence and stupidity in the electronic dictionary is subordinated to the combination of two logics – the logic of dividing human life into spheres and the logic of evaluative qualification. The unification of these logics is revealed by the cyclical interaction of the categories underlying the paremiological conceptualization of the world. According to the logic of the evaluative qualification, the intelligence has not only a positive connotation, and stupidity has not only a negative one. In different types of relations, determined by the logic of life (intelligence/stupidity ↔ physically human characteristics (age, strength, beauty, etc.), intelligence/stupidity ↔ happiness; intelligence/stupidity ↔ wealth/poverty; intelligence/stupidity ↔ word; intelligence/stupidity ↔ work; intelligence/stupidity ↔ loneliness/collectivism; intelligence/stupidity ↔ family; intelligence/stupidity ↔ one’s own/someone else’s; intelligence/stupidity ↔ time, etc.). The article reveals positive characteristics of intelligent people and some disadvantages of their life, negative characteristics of stupid people and some advantages of belonging to the category of fools.

The sequence of combining proverbs about intelligence and stupidity, built in the dictionary taking into account these relations, sheds light on the systemic connections of paremiological units, makes the logic of comprehension of the world by the producers of paremia transparent for the dictionary user.

Keywords: proverb, dictionary, thematic association, value, system connections, relationships.

Acknowledgement: The work was carried out within the framework of the funded topic “Belarusian-Russian phraseological and paremiological parallels in the dictionary and Internet communication”, state registration number 20212044, state registration date 06/02/2021.

For citation: Nichiporchik, EV 2023, ‘The Logic of the Development of the Theme “Mind. Quick-wittedness. Stupidity” in the Electronic Dictionary of Belarusian Proverbs’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 135–148, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-135-148 (in Russ.)

Information about the Author: *Elena V. Nichiporchik* – Professor, Doctor of Science (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics, Francisk Skorina Gomel State University, 104, Sovetskaya Str., Gomel, 246019, Belarus.

© Nichiporchik E. V., 2023

Введение

Составление тематического словаря пословиц – задача сложная и невероятно трудоемкая. Задача, правда, столь же увлекательная, так как позволяет еще и еще раз убедиться в том, что паремиологическая картина мира – зеркало жизни человека во всех ее проявлениях, плод дискретного и в то же время целостного восприятия мира. Это картина мира, в которой каждой пословице, формирующей в совокупности всех своих связей системное образование, отводится свое место. Системность паремиологических единиц каждого из этнических паремиофондов зиждется на разного рода связях и отношениях (подробнее об этом в [14]). Если исходить из ключевого тезиса синергетики о системности и целостности мира как такового, «об общности закономерностей развития объектов всех уровней материальной и духовной организации, глубинной взаимосвязи порядка и хаоса, необходимости и случайности» [13, с. 154], а также принять во внимание отражательную способность сознания, то системность паремиологических единиц не требует доказательства. Каждая пословица, выступающая знаком типовой ситуации, обозначение которой зачастую представлено кластером синонимичных пословиц, – это определенная точка напряжения, связанная с той или иной жизненной проблемой, и организация паремиопространства в целом отражает взаимосвязь этих проблем в реальной действительности.

Значительный вклад в раскрытие организующих основ русского паремиологического пространства внес известнейший лексикограф и паремиограф В. И. Даль. Во-первых, В. И. Даль отмечает стихийность возникновения провербиальных знаков в лингвокультуре. В «Напутном» к своему паремиологическому словарю В. И. Даль подчеркивает, что пословицы не сочиняется, а «**вынуждается силою обстоятельств**, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души», это – «целые изречения, **сбитые в один ком, в одно междометье**» (выделение наше – Е. Н.) [4, с. 11]. Во-вторых, В. И. Даль указывает на прямую связь содержания паремий с направленностями человеческих интересов, этническими ценностями, стимулирующими продуцирование паремиологических единиц и формирование провербиального пространство: «“**Что не болит, то и не плачет**”; что не дошло до народа, не касалось житья-бытья его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет; **что впуталось, добром либо лихом, в быт его**, то найдете и в пословице» (выделение наше – Е. Н.) [4, с. 11]. В-третьих, В. И. Даль неоднократно акцентирует внимание на единстве провербиальных знаков, цельности паремиологической картины мира. По В. И. Далю, чтобы «распознать» семиотическую специфику паремий и «дойти до верных посему заключений о быте народном», «нужен не цветник пословиц, не выборка того, что нам нравно, а **полный сборник** <…> (выделение наше – Е. Н.) [4, с. 11]. В-четвертых, В. И. Даль обращает внимание на то, что в пословицах «сближаются противоположности» [4, с. 6] и столкновение контрастных оценок и противоречивых мнений неизбежно в силу многофокусности отражения действительности в пословицах: «Разве можно обнять предмет многосторонний одним взглядом и написать ему приговор в одной строке? В том-то и достоинство сборника пословиц, что он дает не однобокое, а полное и круглое понятие о вещи, собрав все, что об ней, по разным случаям, было высказано» [4, с. 15]. Столетием спустя российский паремиолог Г. Л. Пермяков, увидев, вслед за В. И. Далем, во «взаимной противоречивости пословичных изречений» особую логику – логику здравого смысла, в соответствии с которой ситуации, обозначаемые пословицами, могут быть противоположны по стечению жизненных обстоятельств [18, с. 38], – убедительно доказывает и другой тезис: любая пословица в своей содержательной основе непременно имеет отношение к двум противоположным сущностям. «Подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки, – пишет Г. Л. Пермяков, – яв-

ляется не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [19, с. 107]. В этой особенности смысловой организации паремий усматривается проявление древнейшего способа моделирования мира – способа, основанного, по мысли К. Леви-Стросса, на различениях и оппозициях [10, с. 325]. И эта особенность смысловой организации паремий подмечается В. И. Далем и отражается в названии многих тематических объединений в составленным им словаре пословиц русского народа: «Богатство – Убожество»; «Бережь – Мотовство»; «Правда – Кривда»; «Жизнь – Смерть»; «Молодость – Старость»; «Родина – Чужбина»; «Одиночество– Женитьба»; «Здоровье – Хворь»; «Ум – Глупость»; «Работа – Праздность»; «Воля – Неволя» и др. [5].

Изучение Напутного слова к словарю «Пословицы русского народа», а также внимательное чтение самого словаря убеждает в значительной теоретической и практической ценности, избранной В. И. Далем стратегии составления словаря. Тематическая организация паремиологического словаря вскрывает системные связи паремий, дает возможность и паремиологу, и читателю словаря «зримо» представить те отношения, на основании которых паремии притягиваются друг к другу, формируя цельную картину мира. Примечательно, что все этапы работы В. И. Даля по упорядочиванию пословичных единиц венчались определенного рода открытием, приближающим к видению структуры паремиопространства. Когда В. И. Даль «расстриг десятки тысяч, собранных в течение десятков лет, пословиц, поговорок и тому подобных речений и, вынимая их из короба, как они попадались, обозначал на каждой одним словом значение, смысл, предмет, к коему каждая относится», то оглавки разрядов, по замечанию самого В. И. Даля, составились «сами собою, без всякого предварительного умствования» [4, с. 15]. Данный факт свидетельствует о том, что лежащие в основе смысловой организации паремий концепты-стимулы не плод субъективной интерпретации содержания провербиальных единиц, а организующее начало паремиопространства. После отнесения каждой пословицы к тому или иному тематическому разряду составителю словаря нужно было определить внутренний порядок пословиц в каждом разряде. «Затем я принялся снова за каждый разряд и старался подобрать в нем пословицы в некоторой последовательности и связи, по тому же их значению», – пишет В. И. Даль [4, с. 15]. Опора на семантический анализ пословиц вновь привела к блестящему результату: каждое тематическое объединение пословичных единиц давало целостную картину той или иной части человеческого бытия, при соединении же этих частей формировалось общее полотно, объективирующее коллективные представления о жизни человека сквозь призму обыденного сознания. «При таком расположении довольно полного сборника, – с удовлетворением отмечает составитель словаря, – я уже не только тешусь остротою той либо другой пословицы, **но вижу в них одну общую и цельную картину, в которой есть более глубокий смысл и значение, чем в одиночных заметках**» (выделение наше – Е. Н.) [4, с. 15].

Действительно, В. И. Далю удалось вскрыть сеть взаимосвязей пословиц внутри русского паремиопространства, о чем свидетельствует логичное объединение пословиц в цепочки, а также расположение цепочек однородных пословиц в определенной последовательности. Заметим, что современные паремиографы В. Боджоне и Л. Массобрио в тематически организованном словаре итальянских пословиц [26] пошли дальше и, расшифровав внутреннюю взаимосвязь пословиц в тематических объединениях, отразили эту взаимосвязь в названиях мелких объединений паремиологических единиц внутри каждой из тем (см подробнее об этом в [17]).

Аналогичная задача стоит сейчас и перед нашим коллективом, который занимается составлением сводного электронного словаря белорусских пословиц. В рамках настоящей статьи обсуждению подлежит логика развития темы «Розум. Кемлівасць. Дурасць» в данном словаре. Цель заключается в раскрытии этой логики, показе внутренней взаимосвязи пословиц анализируемого тематического объединения.

Материалы и методы

Сводный электронный словарь белорусских пословиц составляется с использованием 9 паремиологических словарей. В их числе 4 тематических словаря (это словари, составителями которых являются М. Я. Гринблат [20]; В. К. Касько [8]; Е. Н. Рапанович [2]; Ф. М. Янковский [3]; в трех из этих словарей внутри тематических объединений пословицы размещаются не по внутренней связи, а по алфавиту); один алфавитный словарь (составитель В. И. Рабкевич [22]); 3 толковых словаря с алфавитным расположением пословиц (составители А. С. Аксамитов [1]; А. Зайка [7]; И. Я. Лепешев, М. А. Яколцевич [11];) и один толковый словарь, в котором использован принцип расположения пословиц по ключевому слову (составители Н. А. Данилович, М. А. Яколцевич [6]).

Самый объемный тематически организованный словарь белорусских пословиц – это словарь, составленный М. Я. Гринблатом [20]. Это единственный тематический словарь белорусских пословиц из числа использованных нами, в котором для расположения пословиц внутри тематических объединений избран не алфавитный принцип. Тематическое членение словаря, предложенное М. Я. Гринблатом, взято за основу тематической организации сводного электронного словаря белорусских пословиц. Мы следовали и общей линии отражения структуры белорусского паремиофонда, представленной в данном словаре, в значительной степени стремились сохранить и логику развития темы внутри каждого из тематических объединений. В то же время нами было изменено количество макро- и микротем в словаре, отчасти изменена и последовательность тематических блоков. Существенно приросло и количество пословиц в каждой из макро- и микротем. Так, если в словаре М. Я. Гринблата в тематическом объединении «Розум. Кемлівасць. Дурасць» насчитывается 401 пословица, то в сводном электронном словаре белорусских пословиц таких единиц 945. Более девятисот паремий были расположены в определенной последовательности, отчасти воспроизводящей порядок сопряжения микротем в словаре М. Я. Гринблата.

Для определения последовательности расположения пословиц в данном тематическом словаре использовались методы семантического анализа, а также интерпретационный и сравнительно-сопоставительный методы. Метод теоретических обобщений и описательно-аналитический метод положены в основу подготовки настоящей статьи.

Результаты

Если обращаться к очень высокой степени обобщения значений пословиц, то пословицы тематического объединения «Розум. Кемлівасць. Дурасць» можно разделить на 7 групп:

1. Пословицы, в которых непосредственно утверждается ценность ума без аргументирующих квалификаций;
2. Пословицы, в которых выражается отрицательная оценка глупости без аргументирующих квалификаций;
3. Пословицы, в которых раскрываются положительные свойства умных людей, положительно значимые причинно-следственные связи, обусловленные наличием ума у человека;

4. Пословицы, в которых говорится о некоторых отрицательных свойствах обладателей ума, отрицательно значимых причинно-следственных связях, обусловленных наличием ума у человека;

5. Пословицы, в которых раскрываются отрицательные свойства глупцов, отрицательно значимые причинно-следственные связи, обусловленные глупостью человека;

6. Пословицы, в которых говорится о некоторых положительных свойствах глупцов, положительно значимых причинно-следственных связях, обусловленных глупостью человека;

7. Пословицы, в которых раскрываются положительные/отрицательные свойства умных/глупых людей в сопоставительном плане, рекомендуется выбор приоритетной модели поведения с умными/глупыми людьми.

Выделенные группы пословиц неравнообъемны. Представленные в пословицах об уме и глупости логемы, как показывают наши предшествующие исследования [15], являются типичными для паремийников разных языков, так как воплощают базовые оценочные смыслы. К их числу относятся: «1) определение свойств хороших / плохих «вещей»; 2) определение положительных следствий, каузируемых хорошей «вещью» / отрицательных следствий, каузируемых плохой «вещью»; 3) безусловная квалификация «вещей» как хороших / плохих; 4) определение условий, детерминирующих квалификацию «вещей» как хороших / плохих; 5) определение лучшей / худшей «вещи» [16, с. 8].

Логика, вскрывающая общие закономерности оценочной квалификации материальных и идеальных объектов, учитывалась нами при определении последовательности расположения пословиц внутри тематического объединения «Розум. Кемлівасць. Дурасць», в то же время эта логика гармонично соединялась с еще одной логикой, детерминированной упорядоченностью человеческого бытия, членением этого бытия на определенные сферы. При семантическом анализе паремий, образующих частные объединения, выделяемые на основании общности микротемы, выявилось, что, в каком бы ракурсе человек ни рассматривался и какая бы понятийная категория, имеющая непосредственное отношение к ценностям или антиценностям, ни оказывалась бы при этом профилированной, данная категория определяется через взаимосвязь с другими категориями [15, с. 176, 204, 230]. Иными словами, в содержании пословиц так или иначе отражается взаимосвязь характеристик человека, взаимосвязь параметров аксиологической квалификации мира. Разумеется, мысль о том, что пословицы являются своеобразным аксиологическими кодами культуры и что ценности формируют основу параметризации паремиологии выражается многими паремиологами [23; 9; 12; 24 и др.]. В частности, исследователь Н. Ю. Тразанова пишет: «В паремиологии кодифицируются модели образа действия и нормативного отношения к миру и другим людям в виде совокупности нормативов – «кодексов»: мировоззренческого, социального, морально-нравственного, трудового, дидактически-воспитательного, семейного, эстетического, религиозного, любовного характера» [24, с. 8]. Исследования паремиофондов убеждают в том, что данные кодексы далеко не автономны и в семантике пословиц циклично объективируется перекрещивание понятийных категорий, положенных в основание оценок. К примеру, при оценке здорового либо больного человека непременно идет обращение к таким категориям, как «богатство»/«бедность», «труд»/«лень», «счастье»/«несчастье», «молодость»/«старость», «свое»/«чужое», «семья», «пища». Этим объясняется нередкое использование ключевых имен одних концептов в качестве инструментов для утверждения ценностной значимости других концептуализируемых сущностей [15, с. 236]. Отмеченная закономерность, естественно, прослеживаются и в пословицах об умных и глупых людях. Покажем это, обращаясь к

конкретному содержанию пословиц, представляющих тематическое объединение «Розум. Кемлівасць. Дурасць».

Итак, тематическое объединение начинается с пословиц, в которых утверждается ценность ума без аргументирующих квалификаций, выражается положительная оценка людей, руководствующихся разумом, звучит непосредственный призыв руководствоваться разумом: *Розум – найлепшае багацце* [2, с. 181; 3, с. 156]; *Галава ўсяму галава* [21, с. 230]; *Добрая галава тая, што розум мае* [2, с. 176]; *Маеш галаву, дык май і розум* [21, с. 230]. И здесь мы наблюдаем отражение древнейших стереотипов интерпретации мира, проявляющихся, по мнению О. М. Фрейденберг, в процедурах отождествления и повторения [25, с. 51] (‘ум’ = ‘богатство’, ‘голова’ = ‘ум’, ‘ум’ = ‘добро’), в том числе отождествления причины и следствия (‘<если есть> голова’ = <то должен быть> ум’). Пословицы в данном случае призывают нас верить оценке и следовать рекомендации без доказательства.

Своеобразным переходным мостиком к очень большой группе пословиц, в которых раскрываются положительные характеристики умных людей, положительно значимые каузации обладания умом (выгоды, обусловленные наличием ума) являются пословицы, предупреждающие о том, что люди отличаются по своему уму: *Кожная галава свой розум мае* [7, с. 55; 3, с. 155]; *Розум на розум не прыходзіцца* [21, с. 230]; *Колька галоў, толька й вумоў* [21, с. 230]; *Што ні край, то абычай, што ні сяло, то нораў, а што ні чалавек, то розум* [8, с. 334]. Такой предупреждающий посыл в самом начале развития темы важен, так как в определенном смысле подготавливает читателя к тому, что в основу пословичной картины мира положено диалектическое осмысление действительности, предполагающее установление как сходств, так и различий и, соответственно, использование структур, репрезентирующих как утверждение, так и отрицание тождества: ‘голова’ = ‘ум’, ‘голова^{1}’ ≠ ‘голова^{2}’, ‘ум^{1}’ ≠ ‘ум^{2}’.

Первый тип отношений, в которых раскрываются положительные свойства носителей ума, это отношения, представляющие оппозицию «ментальное»/ «физическое» в природе человека. Согласно обыденным представлениям о человеке, сила уступает уму; не силой следует решать проблемы, а умом; применение силы тоже требует ума (основополагающая идея ‘сила’ ≠ ‘ум’): *Сіла розуму ўступае* [21, с. 231; 2, с. 181]; *Вострае галавы і меч не бярэ* [1, с. 280]; *Не сілай бяры, а розумам* [2, с. 179]; *І да булавы трэба галавы* [21, с. 236; 11, с. 227]. В то же время для успешного использования ума важна активность человека, его живость, целеустремленность, поэтому физическая активность, деловитость человека ассоциируется с разумностью (‘энергия’ = ‘ум’): *Хто дасужы, той разумны* [21, с. 231].

Метафорическое описание тела разумного человека проливает свет на разнообразные достоинства того, кто умен: умный человек умелый, проницательный, пособому видит мир, знает то, что не знают другие (‘ум’ = ‘умелые руки’, ‘ум’ = ‘всевидящие глаза’, ‘ум’ = ‘всезнание’ и др.): *У разумнай галавы – сто рук* [2, с. 183]; *За разумнаю галавою і рукам лёгка* [3, с. 154]; *У розума тысяча вачэй* [2, с. 183]; *У разумнага вочы і на патыліцы сядзяць* [11, с. 504]; *І не глядзіць, а ўсё бачыць* [2, с. 195; 3, с. 282]; *На зямлі і пад зямлёй усё бачыў, усё знаў і нікога не пытаў* [8, с. 324]; *Ведае, як трава гаворыць* [21, с. 234]; *Больш у яго розуму ў пяце, як у це ў галаве* [21, с. 234]; *Можа ўсім нос падцерці* [8, с. 58].

Далее следуют пословицы о связи возраста человека с умом, и здесь, несмотря на заключение *Якія годы, такі і розум* [6, с. 36], оценочные суждения оказываются противоречивыми (‘молодость ≠ ‘ум’; ‘молодость’ = ‘ум’; ‘старость’ =‘ум’; ‘старость’ ≠‘ум’), сравн.: *Як малады, то дурны* [11, с. 600]; *Малады розум – палявы вецер: бяжыць і гудзіць* [21, с. 231]; *Хоць малады гадамі, ды стары розумам* [2, с. 183]; *Што старэй, то разумней* [2, с. 173]; *Стары воўк знае толк* [2, с. 170; 22, с. 194];

Стары як сабака, а дурны як пень [8, с. 65]; *Волас сівее, розум слабее* [11, с. 112]; *Чалавека паважаюць не за гады, а за розум* [2, с. 183].

Наиболее важными в иерархии ценностей для обыденного человека являются счастье и материальное благополучие, поэтому далее в тематическом объединении пословиц об уме и глупости развиваются соответствующие микротемы. Ум и счастье, ум и богатство в обыденном сознании сопряжены причинно-следственной связью, однако направление зависимостей, устанавливаемых между умом и счастьем, умом и богатством, оказывается различным (‘<если будет> счастье’ = <то будет> ум’; ‘<если есть>ум’ = <то будет> счастье’; ‘<если есть> богатство’ = <то есть> ум’; ‘<если есть>ум’ = <то есть/будет> богатство’; ‘<если есть>ум’ ≠ <то есть> богатство’): *Прыйдзе шчасце – розум будзець* [21, с. 231]; *Калі ёсць розум, то і шчасце знойдзеца* [2, с. 177]; *Як шчаслівы, то багаты, як багаты, то разумны* [6, с. 132]; *Хто багаты, той і разумны* [2, с. 34]; *Быў бы ум, то будзе рубль; не будзе ума, не будзе рубля* [21, с. 232]; *Розум ёсць, ды грошай няма* [22, с. 179]. Несмотря на двойственный характер зависимостей, устанавливаемых между наличием материального благополучия и наличием ума, в пословицах императивного характера и пословицах со значением предпочтения утверждается приоритетность ума над богатством: *Не жыві дабром, а жыві вумом* [2, с. 178]; *Лаўчэй галяку, чымся дураку* [1, с. 191]. Ценность ума подчеркивается и в рекомендациях отдавать предпочтение умному человеку, а не тому, кто хорошо одет или внешне привлекателен (‘одежда’ ≠ ‘ум’, ‘красота’ ≠ ‘ум’): *Па адзенню страчаюць, а па вуму праважаюць* [21, с. 233]; *Не глядзі, што на галаве, а паглядзі, што ў галаве* [21, с. 237]; *Капелюшом галавы не ўпрыгожыш, калі яна пустая* [2, с. 177]; *Зверху шоўкавыя хусткі, а ў галаве – пусткі* [21, с. 242]; *Красата прыглядзіцца, а розум прыгадзіцца* [22, с. 97]; *З тварам – да вянца, а з розумам – да канца* [6, с. 117]; *На харошага глядзець хораша, а з разумным жыць лёгка* [3, с. 179; 6, с. 120].

Отдельную микротему представляют пословицы, в которых выражается положительная оценка сообразительности (‘сообразительность’ = ‘добро’), вскрываются основания такой оценки: *Разумнаму шмат талкаваць не трэба* [3, с. 156]; *Разумнай галаве даволі і пары слоў* [1, с. 159]; *Разумнаму латво радзіць* [21, с. 234]. В пословицах отмечается, что особой сообразительностью и догадливостью характеризуются бедные люди, подчеркивается, что сообразительные люди нигде не пропадут и все необходимое для себя достанут (‘бедность’ = ‘сообразительность’, ‘сообразительность’ = ‘благополучие’): *Голь на выдумку вострая* [11, с. 133]; *Кемлівы ні ў горадзе, ні ў лазе не прападзе* [3, с. 106]; *Хто розум мае, той сам прамышляе* [21, с. 233]; *Той усё дабудзе, у каго вум будзе* [21, с. 233].

Как мы уже отмечали выше, в соответствии с обыденным восприятием мира в каждом положительном явлении продуценты пословичных выражений находят непременно и что-то отрицательное, и это в принципе не противоречит логике жизни. Так, в пословицах об уме, с одной стороны, выражаются одобрительные оценки общения с мудрыми людьми (во многих случаях усиленные сопоставлением – ‘общение с умным’ = ‘приобретение’, <а> ‘общение с глупым’ = ‘потеря’): *Разумнае слова прыемна і паслухаць* [2, с. 180]; *З разумным разгаварыцца, усё роўна як мёду напіцца* [6, с. 100]; *З разумным пагавары – розуму набярэшся, а з дурнем – і свой страціш* [3, с. 205]; *З разумным пасварышся – розуму набярэшся, а з дурнем – і свой згубіш* [8, с. 231]; *Разумны навучыць, а дурань намучыць* [21, с. 238; 2, с. 180]. С другой стороны, отмечаются некоторые девальвирующие свойства умных людей. Пословицы иронизируют над чересчур разумными людьми, предупреждают, что большой ум доводит до безумия (‘ум’ = ‘глупость’): *Такі разумны, што за розумам і свету не бачыць* [8, с. 330]; *Толькі і розуму, што ў цябе* [8, с. 281]; *Хто надта разумуе, то найдурней выходзіць* [21, с. 234]; *З вялікага розуму часам дурнеюць* [2, с.

176].

Завершается развитие темы об умных людях пословицами о самой важной характеристике ума – ‘ум не приобрести’. Особую убедительность данной идее придает уподобление и разуподобление ума и объектов, наделенных вещной/вещественной природой (‘ум’ ≠ ‘вещь’): *Розуму не прыкупіш* [21, с. 235; 2, с. 181; 3, с. 156]; *Розум не кулеш, у галаву не ўвальеш* [3, с. 156; 11, с. 441]; *Розум не сякера – не пазычыш* [3, с. 156; 11, с. 441]; *Золата і ў краме дастанеш, а розуму не прыставіш* [1, с. 250; 3, с. 154]; *Свайго розуму нікому не ваб’еш* [21, с. 236]; *Дурному і лапатай розуму ў галаву не накладзеш* [2, с. 142]. Пословицы осуждают тех, кто живет чужим умом, предупреждают, что чужим умом долго не прожить, советуют прислушиваться к чужому мнению, в то же время и на свой ум рассчитывать (‘чужой ум’ ≠ ‘свой ум’): *На лейцах і конь разумны* [3, с. 155]; *Чужым розумам век ні пражывеш* [1, с. 117]; *Людзей слухай, а свой розум май* [8, с. 323; 2, с. 177].

Переход к развитию темы о глупцах составляют пословицы со сравнительными характеристиками умных и глупых людей (‘ум’ ≠ ‘глупость’; ‘ум’ =‘молчание’, <а> ‘глупость’ = ‘крик’; ‘ум’ = ‘дело’, <а> ‘глупость’ = ‘слово’ и др.): *За аднаго разумнага даюць дзесяць дурных* [21, с. 237]; *Адзін разумны больш варт за дзесяць неразумных* [21, с. 237]; *Разумны маўчыць, а дурань крычыць* [2, с. 180; 6, с. 100]; *Разумны гаворыць справамі, а дурань языком* [2, с. 152]; *Што дурань сапсуе, разумны паправіць, што разумны сапсуе, ніхто не паправіць* [3, с. 157]. И вновь контраст: с одной стороны, пословицы призывают предпочесть «ущербный» ум «возвеличенной» глупости – *Лепей разумным нагам пакланіцца, як дурной галаве* [21, с. 239; 2, с. 146; 22, с. 103], а с другой стороны, предупреждают, что доля умных людей незавидная, в то время как глупые живут в благополучии: *Разумны сохне і гніе, а дурны жыве* [21, с. 239]; *Дурнога лечаць, а разумнага і пад плотам пакалечаць* [6, с. 49].

Блок пословиц о глупых людях начинается с выражения общей отрицательной оценки отсутствия ума и утверждения приоритета ментального над физическим (‘без ума голова’ ≠ ‘голова’; ‘без ума’ хуже, чем ‘без здоровья’): *Без ума галава калчышка* [21, с. 237]; *Без ума голова шабола* [1, с. 188]; *Без розуму горш, чым без здароўя* [21, с. 237]. К данным пословицам примыкает значительное количество пословичных единиц, проникнутых иронической тональностью: *Разумная галава, ды дурню дасталася* [11, с. 439]; *Разумная галоўка, ды ўсаджана нялоўка* [22, с. 178]; *Умен, як поп Семен* [1, с. 140]. Далее следуют пословицы, в которых конкретизируются проявления отрицательных качеств глупцов: от глупцов нет никакого толку, они подобны слепым и глухим, неспособны совершать элементарные действия (‘глупость’ = ‘бесталанность’; ‘глупость’ = ‘слепота, глухота’): *Толку з яго, як з меднай капейкі* [2, с. 155]; *Яго хоць пірагамі акладай, то няма нічога* [21, с. 240]; *Сляпы, глухі, дурны – усё роўна* [21, с. 241]; *Думай, думай, дзюбу тры, колькі будзе два і тры* [6, с. 45]. В то же время глупый человек оказывается не одиноким, а в паре (‘глупость’ ≠ ‘одиночество’): *Благая з дурнем рада* [3, с. 265]; *Няхай сабе й дурань, абы не злодзей* [21, с. 240]; дураков на свете много: *На свеце многа дурняў: да Масквы не перавешаеш* [21, с. 240]; *На наш век дуракоў хваціць* [21, с. 240]; дураки о себе не забывают (‘глупость’ = ‘корысть’): *Усякі дурань сабе цягня* [1, с. 105]; *Дурны, дурны, а сала любіць* [6, с. 50]; *Бача вока, дзе пячэцца кока* [1, с. 20].

Далее представлены пословицы, в которых дана характеристика речи глупцов (‘глупость’ = ‘дурная речь’; ‘глупость’ = ‘непродуктивное общение’): *Дурань, што ні скажа, то ўсё не так* [6, с. 49]; *Дурню кажы – усё роўна, што гарох на сцену кідай* [21, с. 241]; *Ему каже пра Івана, а ён талкуець пра балвана* [1, с. 147]. Пословицы говорят о том, что глупые всему верят, не способны отличить дурное от хорошего (‘глупость’ = ‘доверчивость’; ‘глупость’ = ‘непритязательность’): *Дурны ўсяму ўверыць* [21, с. 245]; *Дурному ўсяк увойдзецца* [21, с. 241]; *Дурню і сем вёрст не кры-*

вулькі [21, с. 241; 2, с. 142]; *Не купіў бацька шапкі, няхай вушы мерзнуць* [8, с. 144; 11, с. 361].

Следующую микротему представляют пословицы, в которых глупость рассматривается во временном контексте (‘глупость сегодня’ = ‘глупость завтра’ = ‘глупость навсегда’): *Дурак дураком ва векі вяком* [21, с. 239]; *Дурнем нарадзіўся, дурнем і памрэ* [2, с. 141]; *П’яніца праспіцца, а дурань ніколі* [21, с. 241; 11, с. 435]. Микротема развивается в пословицах, построенных на контрасте большого и малого: большого роста / большой головы / большого лба и малого ума: *Вялікі вырас, а вума не вынес* [2, с. 139]; *Вырас да неба, а дурны больш, чым трэба* [7, с. 25]; *Рост чалавечы, а розум авечы* [21, с. 243]; *Галава вялікая, а розуму мала* [7, с. 26; 3, с. 178]; *Лоб што лапата, а розуму небагата* [6, с. 73].

Так же, как и в блоке пословиц об умных людях, в пословицах о глупцах затрагивается тема особенностей восприятия и понимания мира недалекими людьми: глупец характеризуется как неспособный адекватно воспринимать мир (‘глупость’ =‘невидящие глаза’): *Дурню ад вачэй мала карысці* [21, с. 251]; *Далёка дурню да вока* [21, с. 246]; *Добрыя мае вочы: трапіў і ўночы* [3, с. 202]. Глупец везде себя выдает: и глупой радостью, и глупым смехом, и тем, что у него все дурное (‘глупость’ = ‘любовь к красному’; ‘глупость’ = ‘глупый смех’; ‘глупость’ = ‘дурное’: *Дурня і ў касцеле пазнаюць* [6, с. 50]; *Дурань – варона, любіць чырвона* [21, с. 245]; *Па чом пазнаць дурнога, як ні па смеху ёга* [21, с. 244]; *У дурнога ўсё дурноя* [1, с. 100]; *Дурню дурное сніцца* [21, с. 249]. Досада, недовольство окружающих выливается в то, что глупого человека везде бьют, над ним потешаются: *На дурака не жалей кулака* [21, с. 242]; *Дурня і ў касцёле б’юць* [6, с. 51; 22, с. 65]; *З дурня смяюцца – і дурань смяецца* [6, с. 51].

Уничижительный портрет глупца дополняется разнообразными описаниями его бестолковых действий, предупреждениями о беспочвенности надежд на то, что дурак способен выполнить какие-либо поручения, может стать компаньоном в каком-либо деле (‘акции глупого’ = ‘алогичность’; ‘акции глупого’ = ‘дурной результат’; ‘акции с глупым’ = ‘дурной результат’: *Пень тлее, а дурань плечы грэе* [21, с. 248]; *Уперад выстрале, а тады цэліцца* [21, с. 246]; *На лёдзе дурань хату ставіць* [2, с. 224]; *Кажух ляжыць, а дурань дрыжыць* [21, с. 247; 3, с. 291; 11, с. 241]; *Дурень сабака на свой хвост брэшыць* [1, с. 226]; *Пашлі дурака па быка, дык ён цялушку прывядзе* [11, с. 415]; *Застаў дурня Богу маліцца, ён лоб паб’е* [2, с. 143]; *Пашлі дурня на рыбу, дык ён жаб наловіць* [2, с. 151]; *Разумны работу зробіць, а дурань і мяла зломіць* [21, с. 246]; *Дурная помач горш за немач* [3, с. 267; 11, с. 181]; *З дурнем ні знайсці, ні згубіць* [2, с. 144; 1, с. 40]; *Лепей ніткі разблытваць, чым з дурнем за справу брацца* [3, с. 270]; *З дураком звяжыся – сам дураком астанешся* [21, с. 250].

Группа пословиц, в которых говорится о некоторых преимуществах, которые есть у глупцов, предваряется в словаре пословицами о том, что дураки не виноваты в своей горькой участи, они такими рождаются (‘глупость’ = ‘природа’): *Дура не дура, а такава яе натура* [21, с. 250]; *Дурняў не араць, не сеюць, яны самі родзяцца* [11, с. 183]. Этим объясняются преференции, которые есть у глупцов (‘глупость’ = ‘наличие куратора’): глупых оберегает Бог, о слабоумных заботятся, глупым везет, на глупцов законы не распространяются, глупцам все уступают: *За дурнямі Бог* [21, с. 251]; *Дурному дае Бог шчасце* [8, с. 159]; *Дурню сам чорт памагае* [8, с. 317]; *Дурням закон не пісан* [11, с. 183]; *Дурны законаў не чытае – свае мае* [2, с. 142]; *Дурню і чорт з дарог саступае* [1, с. 246]; *Уступі дурню – спасенне заслужыш* [21, с. 253]; *Разумны дурному саступіць павінен* [7, с. 90]. Более того, согласно обыденному видению мира, дурни порой оказываются хитрее, ловче, разумнее других людей, поэтому имеет смысл иногда прислушаться и к мнению дурака (‘глупость’ = ‘хитрость’; ‘глупость’ = ‘находчивость’): *Дурань, як варона, а хіцёр, як чорт* [21, с. 251]; *Дурань вузел завя-*

жа, разумны не развяжа [21, с. 238; 8, с. 144]; *Тое, што дурны за раз прынясе, разумны – за два* [21, с. 238];*Часам дурань разумней за ўсіх* [21, с. 252]; *Нічога не завадзіць, як дурны разумнаму парадзіць* [21, с. 251; 3, с. 156].

Завершается тематическое объединение пословицами, в которых выражается отрицательная оценка глупости без каких-либо аргументаций. Глупость определяется как крайнее зло для человека (‘отсутствие ума’ = ‘неполноценность’): *Калі Бог захоча чалавека пакараць, дык перш розум адбярэ* [1, с. 46]; *Вума няма – лічы калека* [1, с. 243]; *Няма горшай рэчы, як розум авечы* [8, с. 237].

Заключение

Итак, наблюдения показывают, что организация паремиопространства подчинена двум логикам, выступающим в единстве: логике членения человеческого бытия на сферы и логике оценочной квалификации. Объединение этих логик выявляется по цикличному взаимодействию категорий, лежащих в основе паремиологической концептуализации мира.

Схематично отношения, которыми стягиваются паремии об уме и глупости в белорусском паремиопространстве можно представить следующим образом: ум = добро ↔ глупость = худо; ум ≠ безусловное добро ↔ глупость ≠ безусловное худо; ум‘+’/глупость‘-’ ↔ физические характеристики человека‘+’/‘-’ (возраст, рост, тело и его части, сила, красота); ум‘+’/‘-’/глупость‘-’/‘+’ ↔ счастье‘+’; ум‘+’/‘-’/глупость‘-’ ↔ богатство‘+’/бедность‘-’/‘+’; ум‘+’/глупость‘-’ ↔ слово‘+’/‘-’; ум‘+’/глупость‘-’ ↔ дело‘+’/‘-’; ум‘+’/глупость‘-’/‘+’ ↔ одиночество‘-’/ коллективизм‘+’; ум‘+’/глупость‘-’/‘+’ ↔ семья‘+’; ум‘+’/глупость‘-’/‘+’ ↔ свое‘+’/чужое‘-’; ум‘+’/глупость‘-’ ↔ время; ум‘+’/глупость‘-’/‘+’ ↔ природа; ум‘+’/глупость‘-’/‘+’ ↔ Бог.

Последовательность объединения паремий об уме и глупости, выстроенная в словаре с учетом данных отношений, проливает свет на системные связи паремиологических единиц, делает прозрачной для пользователя словаря логику осмысления мира продуцентами паремий.

Список источников и литературы

1. *Аксамітаў А. С.* Прыказкі і прымаўкі : тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з архіваў, кафедр. збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. 2-е выд., дапрац. Мінск: Бел. навука, 2002. 320 с.
2. *Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі* / скл. Я. Рапановіч. Мінск: Вышэйшая школа, 1974. 384 с.
3. *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы* / скл. Ф. Янкоўскі. 3-е выд., дапрац., дап. Мінск : Навука і тэхніка, 1992. 491 с.
4. *Даль В. И.* Напутное // Пословицы русского народа. М., 2005. С. 5–16.
5. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2005. 616 с.
6. *Даніловіч М. А., Якалцэвіч М. А.* Тлумачальны слоўнік рэгіянальных прыказак Гродзеншчыны. Гродна: ЮрСАПрынт, 2020. 144 с.
7. *Зайка А.* Прыказкі і прымаўкі, жарты і каламбуры, прагаворкі і языкаломкі, вясельныя прыгаворкі пры дзяльбе каравая, вітанні і зычэнні, ветлівыя і ласкавыя выразы, засцярогі і прысяганні, праклёны і адкляцці, жартоўныя праклёны і дражнілкі-кепікі, зневажанні і параўнанні, прыкметы народнага календара з Косаўшчыны. Мінск: Тэхналогія, 2015. 286 с.
8. *Касько У. А.* Палескі дзівасіл: Беларускія народныя прыказкі, пры-маўкі, выслоўі: са скрабніцы А. К. Сержпутоўскага. Мінск: Выш. шк., 2005. 383 с.
9. *Кумахова Д. Б.* Оценочная категоризация действительности в посло- вичной картине мира : на материале кабардино-черкесского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кумахова Джульетта Борисовна. Нальчик, 2010. 164 с.
10. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. М.: Терра–Книжный клуб : Республика, 1999. 392 с.

11. *Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А.* Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск: Беларуская навука, 2002. 511 с.
12. *Малкова А. С.* Разработка представления семантики ценностно-ориентированных текстов в базе знаний: на материале русских пословиц : дис. … канд. техн. наук : 05.13.17 / Малкова Анастасия Сергеевна. М., 2011. 205 с.
13. *Михневич А. Е.* Выбраныя працы / агульн. рэд. С. А. Важник. Минск: Права и эканомика, 2006. 231 с.
14. *Ничипорчик Е. В.* К вопросу о границах паремиологии и системности паремиологических единиц // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2018. № 1 (106). С. 75–82.
15. *Ничипорчик Е. В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях : монография. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. 358 с.
16. *Ничипорчик Е. В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ничипорчик Елена Владимировна. Минск, 2016. 54 с.
17. *Ничипорчик Е. В.* Тематический принцип составления паремиологических словарей как отражение структуры провербиального пространства // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. Вып. 1. С. 270–274.
18. *Пермяков Г. Л.* Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М.: Наука, 1968. 376 с.
19. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
20. *Прыказкі і прымаўкі* : ў 2-х кн. / скл. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. 560 с.
21. *Прыказкі і прымаўкі* : ў 2-х кн. / скл. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. Мінск : Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. 616 с.
22. *Рабкевич В.* Паслухай, што людзі кажуць. Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. 270 с.
23. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.
24. *Тразанова Н. Ю.* Параметризация паремиологии как аксиологического кода лингвокультуры : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Тразанова Наталья Юрьевна. Иркутск, 2012. 255 с.
25. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра / ред. и коммент. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
26. *Boggione V., Massobrio L.* Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi. Torino: UTET, 2007. 654 p.

References

1. Aksamitaŭ, AS 2002, *Prykazki i prymavki : tlumach. slovn. bel. prykazak i prymavak z arhivav, kafedr. zborav, red. vyd. XIX i XX stst* (Proverbs and sayings: explanatory dictionary of Belarusian proverbs and sayings from the archives, cathedral collections, rare publications of the 19th and 20th centuries), Bel. Navuka publ, Minsk. (In Belarus.)
2. Rapanovich, Ya 1974, *Belaruskiya prykazki, prymavki i zagadki* (Belarusian proverbs, sayings and riddles), Vyshejshaya shkola publ, Minsk. (In Belarus.)
3. Yankoŭski, F 1992 *Belaruskiya prykazki, prymavki, frazealagizmy* (Belarusian proverbs, sayings, phraseological units), Navuka i tekhnika publ, Minsk. (In Belarus.)
4. Dal, VI 2005, 'Naputnoe'(Preface), *Poslovitsy russkogo naroda* (Proverbs of the Russian people), Moscow. (In Russ.)
5. Dal, VI 2005, *Poslovitsy russkogo naroda* (Proverbs of the Russian people), Moscow. (In Russ.)
6. Danilovich, MA & Yakalcevich, MA 2020, *Tlumachal'ny sloŭnik regiyanal'nyh prykazak Grodzenshchyny* (Explanatory dictionary of regional proverbs of Grodno region), YurSAPrynt publ, Grodna. (In Belarus.)

7. Zayka A 2015, *Prykazki i prymaŭki, zharty i kalambury, pragavorki i yazykalomki, vyasel'nyya prygavorki pry dzyal'be karavaya, vitanni i zychenni, vetlivyya i laskavyya vyrazy, zascyarogi i prysyaganni, praklyony i adklyacci, zhartoŭnyya praklyony i drazhnilki-kepiki, znevazhanni i paraŭnanni, prykmety narodnaga kalendara z Kosaŭshchyny* (Proverbs and sayings, jokes and puns, interjections and tongue twisters, wedding sayings when breaking the bread, greetings and wishes, polite and affectionate expressions, warnings and oaths, curses and contracurses, humorous curses and teasing jokes, insults and comparisons, signs of the folk calendar from Kosovshchina), Tekhnologiya publ, Minsk. (In Belarus.)
8. Kas'ko, UA 2005, *Paleski dzivasil: Belaruskiya narodnyya prykazki, pry-maŭki, vysloŭi: sa skrabnicy AK Serzhputoŭkaga* (Poleski divasil: Belarusian folk proverbs, sayings, vyslovi: from the treasury of A. K. Serzhputovka), Vysh. Shk publ, Minsk. (In Belarus.)
9. Kumakhova, DB 2010, Otsenochnaya kategorizatsiya deystvitel'nosti v poslovichnoy kartine mira : na materiale kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov (Evaluative categorization of reality in the proverbial worldview: based on the material of the Kabardian-Circassian and Russian languages), PhD thesis, Kabardino-Balkar. gos. un-t, Nalchik. (In Russ.)
10. Lévi-Strauss, C 1999, *Pervobytnoye myshleniye* (The Savage Mind), trans. A. Ostrovskiy, Terra–Knizhnyy klub publ, Respublika publ, Moscow. (In Russ.)
11. Lepeshaŭ, IYa & Yakalcevich, MA 2002, *Sloŭnik belaruskih prykazak* (Dictionary of Belarusian Proverbs), Belaruskaya navuka publ, Minsk. (In Belarus.)
12. Malkova AS 2011, Razrabotka predstavleniya semantiki tsennostno-oriyentirovannykh tekstov v baze znaniy: na materiale russkikh poslovits (Development of the representation of the semantics of value-oriented texts in the knowledge base: based on Russian proverbs), PhD thesis, Rossiysk. gos. guman. un-t, Moscow. (In Russ.)
13. Mihnevich AE 2006, *Vybranyya pracy* (Selected works), ed. S. A. Vazhnik, Prava i ekanomika publ, Minsk. (In Russ.)
14. Nichiporchik, EV 2018, 'K voprosu o granitsakh paremiologii i sistemnosti paremiologicheskikh yedinits' (On the question of the boundaries of paremiology and the consistency of paremiological units), *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*, no.1 (106), pp.75–82. (In Russ.)
15. Nichiporchik, EV 2015, *Otrazheniye tsennostnykh oriyentatsiy v paremiyakh* (Reflection of value orientations in proverbs), GGU im. F. Skoriny, Gomel. (In Russ.)
16. Nichiporchik, EV 2016, Otrazheniye tsennostnykh oriyentatsiy v paremiyakh: lingvokognitivnyy, sopostavitel'nyy i sotsiopsikholingvisticheskiy aspekty (Reflection of value orientations in proverbs: linguocognitive, comparative and sociopsycholinguistic aspects), doctoral thesis, Belorusskij. gos. un-t, Minsk. (In Russ.)
17. Nichiporchik, EV 2011, 'Tematicheskiy printsip sostavleniya paremiologicheskikh slovarey kak otrazheniye struktury proverbial'nogo prostranstva' (The thematic principle of compiling paremiological dictionaries as a reflection of the structure of the proverbial space), *Slavyanskaya frazeologiya v sinkhronii i diakhronii,* no.1, ed. V. I. Koval', GGU im. F. Skoriny publ, Gomel', pp. 270–274. (In Russ.)
18. Permyakov, GL 1968, *Izbrannyye poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka* (Selected proverbs and sayings of the peoples from East), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
19. Permyakov, GL 1988, *Osnovy strukturnoy paremiologii.* (Fundamentals of structural paremiology), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
20. Grynblat, MYa 1976 *Prykazki i prymaŭki* (Proverbs and sayings), vol. 1, ed. A. S. Fyadosik. Navuka i tekhnika publ, Minsk. (In Belarus.)
21. Grynblat, MYa 1976 Prykazki i prymaŭki (Proverbs and sayings), vol. 2, ed. A . S. Fyadosik, Navuka i tekhnika publ, Minsk. (In Belarus.)
22. Rabkevich V 1985 *Pasluhaj, shto lyudzi kazhuc'* (Listen to what people are saying), Mastackaya literatura publ, Minsk. (In Belarus.)
23. Savenkova, LB 2002 *Russkaya paremiologiya: semanticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* (Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects), Izd-vo Rost. un-ta publ, Rostov-na-Donu. (In Russ.)

24. Trazanova, NYu 2012, Parametrizatsiya paremiologii kak aksiologicheskogo koda lingvokul'tury (Parameterization of paremiology as an axiological code of linguistic culture), PhD thesis, Irkutsk. gos. lingv. un-t, Irkutsk. (In Russ.)
25. Freydenberg, OM 1997, *Poetika syuzheta i zhanra* (Poetics of plot and genre), ed. N. V. Braginskaya, Labirint publ, Moscow. (In Russ.)
26. Boggione, V & Massobrio, L 2007, *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi* (Dictionary of proverbs. Italian proverbs organized by themes), UTET publ, Torino. (In Ital.)

Статья поступила в редакцию: 13.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 13.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 149–163.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 149–163.

Научная статья
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-149-163

ОБРАЗНОЕ ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО КАК СТРУКТУРНО-КОМПАРАТИВНЫЙ ВАРИАНТ УСТОЙЧИВОГО СРАВНЕНИЯ

***Екатерина Васильевна Огольцева*[1, 2]**

[1] Московский педагогический государственный университет
[2] Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия, tertiumcomp@mail.ru

Аннотация. Объект анализа – компаративно-производные слова – прилагательные, наречия и глаголы, образованные от имён существительных разных лексико-семантических групп и характеризующиеся семантикой образного сравнения. В качестве языкового материала используются главным образом зоонимы и наименования веществ. Цель статьи – доказать правомерность рассмотрения дериватов типа *змеиный, по-змеиному, змеиться* как структурно-компаративных вариантов устойчивых сравнений. Автор рассматривает разные аспекты структурно-семантической соотносительности синтетических и аналитических единиц, выражающих сравнение. В структуре деривата образное ядро выражено производящей основой, а функцию показателя компаративных отношений выполняет словообразовательный аффикс. Показано, что в русском языке существует целая система компаративных гнезд, объединяющих разноуровневые единицы с общей образной основой: компаративные фразеологизмы (устойчивые сравнения) и производные слова разных частей речи и разных моделей. При этом, если для реализации сравнительной семантики прилагательного необходим минимальный контекст – определяемое слово, то образные значения наречий и глаголов очевидны и без контекста. В статье также рассмотрены факторы, способствующие или, наоборот, препятствующие семантической соотносительности компаративных единиц разных уровней: единство / различие основания сравнения; совпадение / несовпадение объекта образной характеристики; различия в степени идиоматичности и др. Автор статьи приходит к выводу, что 1) наиболее сложное взаимодействие прототипической компаративной структуры и производных слов наблюдается при многозначности устойчивого сравнения и многокомпонентности образного гнезда; 2) адекватное осмысление того или иного языкового образа может быть получено только при условии анализа всей совокупности компаративных структур, с учетом всех структурно-компаративных вариантов.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, компаративный фразеологизм, структурно-компаративный вариант, компаративно-производное слово, компаративное гнездо, аналитическая компаративная единица, синтетическая компаративная единица, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Огольцева Е. В. Образное производное слово как структурно-компаративный вариант устойчивого сравнения // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 149–163. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-149-163.

Сведения об авторе: *Е. В. Огольцева* – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, стр. 1; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 115184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая д. 23Б.

© Огольцева Е. В., 2023

Scientific Article
UDC 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-149-163

FIGURATIVE DERIVED WORD AS A STRUCTURAL-COMPARATIVE VARIANT OF A STABLE COMPARISON

***Ekaterina V. Ogoltseva*[1, 2]**

[1] Moscow State Pedagogical University
[2] Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities
Moscow, Russia, tertiumcomp@mail.ru

Abstract. The object of analysis is comparative-derived words – adjectives, adverbs and verbs formed from nouns of different lexico-semantic groups and characterized by the semantics of figurative comparison. The linguistic material used is mainly zoonyms and names of substances. The purpose of the article is to prove the validity of considering derivatives of such types as the *zmeinyy (snake), po-zmeinomu (snake-like), zmeit'sya (to meander like a snake)* as structurally comparative variants of stable comparisons. The author considers various aspects of the structural-semantic correlation of synthetic and analytical units expressing comparison. In the derivative structure, the derivational base expresses the figurative nucleus. The word-forming affix performs the function of the comparative relations indicator. The article shows that the Russian language has a whole system of comparative nests that unite different-level units with a common figurative basis: comparative phraseological units (fixed similes) and derived words of different parts of speech and different models. At the same time, if a minimal context - the defined word - is necessary for the actualization of the comparative semantics of an adjective, the figurative meanings of adverbs and verbs are obvious even without a context. The article also considers the factors contributing to or, on the contrary, hindering the semantic correlation of comparative units of different levels: unity / difference of the basis of comparison; coincidence / inconsistency of the object of figurative characteristics; differences in the degree of idiomaticity, etc. The author of the article comes to the conclusion that 1) the most complex interaction between the prototypical comparative structure and derivative words is observed in case of multivaluedness of the stable comparison and multicomponent of the figurative nest; 2) if the whole totality of comparative structures is analyzed, taking into account all structural-comparative variants.

Keywords: fixed simile, comparative phraseology, structural-comparative variant, comparative-derived word, comparative nest, analytical comparative unit, synthetic comparative unit, associative experiment.

For citation: Ogoltseva, EV 2023, 'Figurative Derived Word as a Structural-Comparative Variant of a Stable Comparison', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 149–163, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-149-163 (in Russ.)

Information about the Author: *Ekaterina V. Ogoltseva* – Associate Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia; Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 23B, Novokuznetsk Str., Moscow, 115184, Russia.

© Ogoltseva E. V., 2023

Введение

Варьирование – один из ярких признаков структуры и семантики компаративных фразеологизмов, или устойчивых сравнений (далее УС): *бегать, носиться, метаться / как угорелая кошка; работать, трудиться / как водовозная [старая, загнанная, измученная, разбитая] кляча; лазить, прыгать, скакать / как коза (козочка); жить / как король (королева); вести себя / как (словно, точно) шут <гороховый>; красный / как (словно, точно) из (после бани); изящный, правильной формы / как точёный [выточенный].* Как видим, в системе УС проявляются те же типы варьирования, что и в системе русской фразеологии в целом: лексическое, грамматическое и словообразовательное. В структуре сравнительной части (показатель сравнения m + образ сравнения B) возможны также необязательные (факультативные) компоненты. Широкие возможности варьирования в системе устойчивых сравнений связаны с характером их внутренней формы, которая в большинстве случаев как бы «лежит на поверхности», не нуждаясь в специальных этимологических разысканиях. Подобная внутренняя форма может быть присуща и не компаративным фразеологическим единицам. В. И. Зимин в одной из своих работ назвал такую живую, обнажённую внутреннюю форму «синхронной»: «Синхронная внутренняя форма представляет собой <…> 1) «вещно», пространственно представимый образ: *вешать лапшу на уши, поворачиваться спиной* <…>; 2) образ, не вызывающий ассоциации с конкретным представлением, но мыслимый, «умозрительный»: *задавать тон* <…>» [5, с. 544]. Внутренняя форма УС в силу самой специфики компаративного значения почти всегда представляет собой «вещный» образ, вызывающий ассоциацию с конкретным представлением (исключениями являются некоторые компаративные фразеологизмы с образной основой, требующей этимологического комментария: врать / *как сивый мерин;* кричать, вопить / *как оглашенный* и т. п.).

Охватывая все компоненты логической структуры сравнения (то, что сравнивается, – объект образной характеристики (А); то, с чем осуществляется сравнение, – образ (В); общий признак сравниваемых предметов или явлений (С)), вариативность наглядно свидетельствует о диалектической связи устойчивости и динамичности в системе компаративных фразеологических единиц [14; 16; 17]. Помимо модификаций отдельных компонентов, устойчивые сравнения проявляют совершенно особый тип варьирования, который охватывает всю компаративную структуру в целом, то есть компаративную **модель.**

Некоторые типы подобных структурно-компаративных вариантов были описаны нами ранее, в частности конструкции с формой винительного падежа [13]: ***как коломенская верста*** (‘длинный, высокий при худобе, худощавости’) – ‘***с (в) коломенскую версту*** – ростом; вырасти, вытянуться’[1]; ***как булавочная головка*** (‘маленький, мелкий’) –‘***с булавочную головку***’; ***как гора*** (‘*огромный, высокий,* громоздкий; *возвышаться* над чем- или кем-либо: о предмете; о животном, человеке’) – ‘**с гору** – величиной’; ***как маковое зёрнышко*** ‘м*аленький, мелкий, крохотный*’ – ‘***с маковое зёрнышко’***. [9] Ср. также: *как капусту – в капусту* (изрубить); *как колокольня – с колокольню* (высокий); *как спичечная коробка (коробок) – со спичечную коробку* (маленький); *как нитка [ниточку] – в нитку (ниточку)* (тоненький); *как (словно, точно) рюмочка [рюмка] – в рюмочку* (о тонкой или сильно перетянутой талии); *как стелька – в стельку* (пьяный); *как телёнок – с телёнка* (ростом) и мн. др. Нетрудно заметить, что во всех подобных случаях основание сравнения остается незыблемым, хотя изменяется компаративная конструкция в целом. Перед нами вариант, семантически эквивалентный инварианту, но характеризующийся иным способом выражения сравнительных отношений. В данном случае это предложно-падежная форма существительного, выражающего образ сравнения. Наблюдения над функционированием устойчивых компаративных структур нагляд-

но свидетельствуют о том, что в русском языке, помимо приведённого выше случая, есть целая система структурно-грамматических вариантов: это и «творительный сравнения (*выть волком*), и модель «компаратив + форма родительного падежа существительного» (*мрачнее тучи*), и редупликативная модель «форма именительного падежа + форма творительного падежа» (*змея змеёй*). В рамках нашей статьи мы остановимся подробнее ещё на одном, чрезвычайно широко распространенном случае такого варьирования – производных словах с семантикой образного сравнения.

Предпосылки сопоставительного описания разноуровневых компаративных единиц языка находим в идее гнездового описания фразеологии, впервые высказанной ещё в 60-е годы [1]; в размышлениях дериватологов о необходимости изучения словообразовательных связей слов в процессе метафоризации [3]; в концепции единой системы лексических и фразеологических единиц языка, взаимосвязанных в диахронном аспекте, коррелирующих в структурно-семантическом отношении и взаимодействующих в процессе коммуникации [2].

Дериваты с семантикой образного сравнения до сих пор изучались в словообразовательном аспекте – в русле типологии мотивированности: сравнивались понятия «метафорическая мотивация», «образная мотивация», «ассоциативная мотивация» [7; 20] Некоторая часть производных слов с семантикой образного сравнения нашла отражение в специальных словарях [6].

Большое значение для углубления научных представлений о производном слове-метафоре имели и работы фразеологов, сопоставлявших словесные метафоры и метафоры фразеологические (так называемые фразеологические единства), изучавших факторы, учёт которых необходим при анализе мотивировки метафорического значения слова. В частности, В. И. Зимин отмечает, что «для изучения метафоры важным и существенным являются: значение слова, принадлежность слова к той или иной части речи, не только общекатегориальное значение <…>, но и другие, более частные, семантические категории <…>. Важны категории качественности и относительности у прилагательных» [4, с. 31]. Во многих своих работах учёный указывает на первостепенную роль нарицательного имени существительного с предметной семантикой в формировании языковых метафорических значений и на вторичный характер семантических переносов прилагательных, наречий и глаголов.

Анализ словообразовательных метафор, изучение типов семантической деривации, поиск критериев разграничения относительных и качественных прилагательных – все эти направления научного поиска, конечно, учитываются нами при анализе компаративно-производных слов (далее КПС).

Цель настоящей статьи – аргументировать возможность рассмотрения этих слов в границах «компаративного поля» посредством демонстрации их семантической соотносительности с системой устойчивых сравнений русского языка.

Общая характеристика системы компаративно-производных слов

Семантику сравнения могут выражать отсубстантивные прилагательные (*зверский*), наречия (*по-зверски*) и глаголы (*звереть, зверствовать*). Именно такие компаративно-производные слова и составляют **объект** нашего анализа.

Примечательно, что в Словаре устойчивых сравнений русского языка [11] зафиксировано лишь 14 подобных производных слов, и это исключительно имена прилагательные (относительные или притяжательные): *как у быка – бычья* (об очень большой силе человека); *как василёк – васильковые* (о голубых, синих глазах); *как на каторге – каторжная* (жизнь – очень тяжёлая); *как каторжник (каторжница)* трудиться – *каторжный* (труд); *как у лошади – лошадиные* (о больших, крупных зубах человека); *как у медведя – медвежья* (сила); *как обезьяна – обезьянья* (ловкость); *как у обезьяны – обезьяньи* (о длинных руках); *как у орла – орлиный* (нос с горбинкой); как у осы – осиная (о тонкой талии); *как осёл* (упрямый) – *осли-*

ное (упрямство); *как у рака – рачьи* (о глазах навыкате); *как у собаки – собачье* (о тонком обонянии человека; о хорошо развитой интуиции); *как у ястреба – ястребиный* (о дерзком, хищном взгляде или об остром, загнутом книзу носе человека).

Однако следует подчеркнуть, что основной массив дериватов с семантикой образного сравнения остаётся за рамками специальных словарей; между тем они образуют в русском языке сложную разветвленную систему, которая свидетельствуют о богатом образном потенциале русской производной лексики [12; 15].

Приведём некоторые наблюдения, сделанные нами на материале компаративно-производных слов, образованных на базе существительных-зоонимов и коррелирующих с устойчивыми сравнениями.

1. Явление структурно-семантической соотносительности устойчивых сравнений и производных слов носит системный характер. Так, в сфере анималистических образов оно охватывает большую группу существительных. Помимо родового наименования *зверь,* это анимализмы *баран, бирюк, бык, волк, голубь, гусь, ёж, ёрш, жеребёнок, жук, журавль, заяц, бык, верблюд, вол, волк, воробей, ишак, козёл, комар, кошка, лебедь, курица, лев, змея, индюк, морж, орёл, паук, пиявка, тюлень* и проч.

2. Значительная часть компаративно-производных слов, образованных от зоонимов – это притяжательные прилагательные, как правило, с суффиксом *-ий / -ый* : бараний – по-бараньи; журавль – журавлиный; кошка – кошачий. В текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) можно встретить немало примеров употребления подобных прилагательных в образных значениях, эквивалентных раздельно оформленным компаративным структурам с союзами *как, словно, точно, будто.*

[Шаляпин] сидел у себя в уборной, в руках у него был сорванный им парик, и он яростно чесал его гребешком. «Завили меня, ***как барана****! – говорил он* (В. А. Субботин. Жизнь поэта. Рассказ Андронникова); *Среди них двигался Никифор Ляпис, очень молодой человек с* ***бараньей*** *причёской и нескромным взглядом (И. Ильф, Е. Петров).*

Очевидно, что сравнения «бараний» и «как баран» однофункциональны в коммуникативном отношении: они выражают признак «кудрявый, завитой» и характеризуют причёску человека. В учебных пособиях по морфологии подобные случаи рассматриваются как примеры «окачествления» притяжательных прилагательных и квалифицируются как явление семантической деривации, в результате которого происходит метафорический перенос. Этот подход нашёл отражение и в «Русской грамматике» (1980), авторы которой отмечают, что оттенок качественности присутствует во всех относительных прилагательных, хотя и в разной степени: в бóльшей степени развитие качественных значений присуще собственно относительным, притяжательным, порядковым и местоименным прилагательным. В этой группе в свою очередь выделяются притяжательные прилагательные: «Среди притяжательных прилагательных способность приобретать качественное значение отличает прежде всего прилагательные на *-ий*. Прилагательные с этим суффиксом имеют значение ‘свойственный (реже – принадлежащий) тому, кто назван мотивирующим словом’: *рыбий, кошачий, собачий, телячий, человечий.* В условиях контекста такие прилагательные легко приобретают качественные значения. В сочетаниях *рыбий темперамент, кошачья походка, собачья преданность, телячьи нежности* относительные прилагательные выступают как качественные <…>» [18, с. 543]. Ни в коей мере не сомневаясь в правомерности такого подхода, который опирается на богатую лингвистическую традицию, мы хотим лишь показать возможность иного, «компаративного», ракурса рассмотрения подобных «качественных» значений, регулярно развивающихся у отсубстантивных имён прилагательных.

3. Значение образного сравнения может быть реализовано в двух и даже в трёх–четырёх прилагательных, образованных по разным словообразовательным моделям. Ср.: «бирюковатый» и «бирючий» от *бирюк;* «быковатый» и «бычий» от *бык;* «ежастый» и «ежистый» от *ёж;* «жуковатый» и «жуковидный» *от жук;* «бычий» и «бычачий» от *бык;* «козловатый» и «козлиный» *от козёл;* «лебяжий» и «лебединый» от *лебедь;* «змеиный», «змейчатый», «змеистый», «змеевидный» *от змея;* «паучий» и «паучиный» *от паук*. Такие прилагательные могут быть фактически абсолютными синонимами (к примеру, *ежастый* и *ежистый, жуковидный* и *жуковатый*), а могут различаться семантическими оттенками, связанными со спецификой суффикса, а также объектом образной характеристики. Например, *слоновый* или *слоновий* употребляются в основном по отношению к походке, тяжелой поступи человека, а слоноватый – по отношению к неуклюжему, бесформенному, эстетически неприглядному строению. Прилагательное *козлиный* выступает в текстах движений или голоса человека как характеристика его исключительного упрямства, а *козловатый* – почти исключительно признак голоса – тонкого, некрасивого, высокого: *Рябой был косноязычен и с трудом вытаскивал из себя корявые слова, но что-то дразнящее пряталось в его* ***козловатом*** *голосе, и толпа, густо темнея, сдвигалась кругом*. (А. Серафимович. Город в степи). Ср. с употреблением в той же функции устойчивого сравнения: *Песня подходит к концу. Стихает голос за голосом, давая простор Ложкину. И тот легко и задумчиво доводит песню до конца. – А у тебя голос,* ***как у козла****. Га! – смеётся Резанчик* (С. Воронин. Две жизни).

4. В пользу нашего тезиса о возможности подхода к подобным прилагательным как к одному из способов языковой реализации образного устойчивого сравнения свидетельствует тот факт, что далеко не всегда появление образного значения можно трактовать как результат «метафорического переноса». Если в семантической структуре прилагательных с суффиксами *-ий* или *-ов(ый)* действительно есть «опора» для переноса – прямое относительное (или притяжательное) значение, то у слов типа *слоноватый, звероватый, козловатый* или *медвежеватый, скотский* или *зверский* такой опоры нет. Они являются образными в своем единственном значении, что наводит на мысль, что образность рождается в таких случаях в результате словообразовательного акта.

Ещё более радикальный случай – имена прилагательные с аффиксоидами *-образный*, *-видный*, *-подобный*: *зверовидный, звероподобный, зверообразный,* синонимичные дериватам *звериный, звероватый* или *зверский* (близость к тому или иному синониму определяется исключительно условиями контекста). По этим продуктивным моделям в силу остаточной семантики корней (-вид-, -образ-, -подобн-) могут быть образованы только слова с компаративным значением: *Здравствуй, чистильщик сапог, болгарин* ***жуковидный*** *на углу Кривоарбатского* (Б. Зайцев. Белый свет); *Сказочными показываются померанцевые, фиговые, оливковые сады <…>, лес каких-то* ***змееподобных*** *деревьев* (И. С. Соколов-Микитов. Сад Черномора). В обоих случаях дериваты с аффиксоидами соотносятся с устойчивыми сравнениями, имеющими близкие значения: *черный, черноволосый, смуглый /* ***как жук*** (о человеке) и *извиваться, виться, тянуться /* ***как змея*** (о предметах).

5. Сравнение-прилагательное зачастую оказывается далеко не единственным дериватом, которое функционирует как своего рода семантический эквивалент устойчивого сравнения. Формируются своего рода образно-компаративные гнезда с вершинами – устойчивыми сравнениями. Именно последние занимают главенствующую позицию в гнезде, поскольку в них эксплицирован показатель компаративных отношений (m – сравнительный союз). Простейшие гнезда трёхчленны: устойчивое сравнение, притяжательное (реже относительное) прилагательное и сравнительно-

уподобительное наречие: как баран – бараний – по-бараньи; как волк – волчий – по-волчьи; как голубь – голубиный – по-голубиному; как гусь – гусиный – по-гусиному; как жеребёнок – жеребячий – по-жеребячьи; как журавль – журавлиный – по-журавлиному:

Длинный корнет Краузе, ***как журавль,*** *высоко поднимая ноги, тоже ходил, но в другой стороне от Арбузова* (М. Арцыбашев. У последней черты); <…> *Рыжий шляхтич прошёл важною* ***журавлиной*** *походкой, руки в карманах балахона, опустя рыжие огненные усы чуть не до земли, и скрылся* (Г. Данилевский. Воля); *Молодой человек в круглой шляпе шёл ровным шагом, выступая немного* ***по-журавлиному****, как ходят люди, выработавшие свою походку в кабинете* (В. Короленко. Фёдор Бесприютный). Во всех трёх случаях реализуется одно и то же компаративное значение: ‘Ходить, шагать, широко переступая длинными ногами. О человеке – мужчине’ [11, с. 183].

6. Самые разветвлённые компаративные гнезда включают в свой состав, помимо имён, ещё и глаголы, которые образованы суффиксальным, префиксально-суффиксальным и префиксально-суффиксально-постфиксальным способами. Это модели с… *-и(ть)/ся*, *о-… и(ть)/ся*, *на… -и(ть)/ся*, *-и(ть)*, *-е(ть)*, *-и(ть)/ся*, *-ствовать (ть)*: *сбычиться, набычиться; озвериться; ишачить; звереть; ершиться; петушиться; змеиться; зверствовать*. Подобные глаголы также обнаруживают закономерные связи с системой устойчивых сравнений: *Ты вот, всё того, Илья, <…>* ***ершишься,*** *злобишься, ну, напрасно это, по-мое. (А. М. Горький. Трое); Вы оторвались от жизни, от общества, у вас нет к обществу уважения. – Это к какому обществу? – неожиданно для самого себя ощетинился,* ***как ёрш,*** *Амелька и подмигнул своим (В. Шишков. Странники).*

7. От глаголов с компаративным значением образуются причастия и деепричастия, естественным образом «наследующие» это значение: *Пётр, не дожидаясь, когда* ***набычившийся*** *Семён кинется на него, сам выступил вперед и хлестко дал ему в челюсть* (В. Шукшин Там, вдали…); *С какого-то момента он уже не отрывал от неё взгляда и смотрел мрачно,* ***сбычившись****, чуть ли не зло* (А. Битов. Путешествие к другу детства). В этих контекстах реализуется значение «нагнувший (нагнув) голову и смотрящий (глядя) исподлобья, мрачно, недобро, выражая согласие или угрозу» (ср. одно из значений УС-полисеманта *как бык)* [11, с. 79].

8. О системном характере словообразовательных моделей, выражающих образное сравнение, свидетельствуют многочисленные случаи реализации потенциальных возможностей языка: в художественных текстах можно встретить немало производных прилагательных, наречий, глаголов, компаративные значения которых не отражены в толковых словарях: *Но теперь на стуле его сидел какой-то лыка не вязавший россиянин. Ещё молодой, толстогубый, одетый с купеческим шиком. А в него уже* ***вклещились*** *агенты тайной охранки и слёзно упрашивали: <…> «Расскажите, что знаете!»* (В. Пикуль. На задворках Российской империи). Значение глагола «вклещиться», несомненно, окказиональное, не зафиксированное в лексикографических источниках тем не менее легко «прочитывается» благодаря ассоциативной связи с устойчивым сравнением *вцепиться, впиваться в кого-либо,* ***как клещ:*** очевидно, что «вклещиться» – его абсолютный синоним, принадлежащий, правда, другому уровню языковой системы.

Другой пример подобной окказиональности – глагол «индючиться»: *И однажды Маринка чисто по-селянски послала его ко всем чертям. Юра долго* ***индючился,*** *ходил по техникуму оскорблённый, независимый. Потом все-таки пришёл с поклоном* (И. Ф. Стаднюк. Люди не ангелы). Индивидуально-авторское производ-

ное слово «индючиться» соотносится с одним из значений УС *как индюк* – «дуться, надуться (надутый); обижаться на кого-либо, иметь сумрачный вид».

Во многих случаях грань между потенциальным и узуальным словообразованием провести затруднительно. Это касается в частности сравнительно-уподобительных наречий, образующихся почти беспрепятственно по модели с приставкой *по-* и суффиксами *-ому/ему*, а также с суффиксами *-ски*, *-ьи*: *по-женски, по-детски, по-деревенски; по-звериному, по-комариному, по-ослиному; по-человечьи, по-воловьи, по-слоновьи.* Предельно высокой степенью потенциальности характеризуются также упомянутые выше модели с суффиксоидами. В обоих случаях наряду с устойчивыми структурами – вариантами реализации прототипических моделей УС с союзами *как, словно, точно, будто* в художественных текстах широко употребляются и авторские образования. Последние могут быть сопряжены как с расширением круга производящих, которые участвуют в подобных актах компаративного словообразования, так и с заменой признака-основания. Так, в художественных текстах довольно часто можно встретить прилагательное *паукообразный*, однако оно практически никогда не обнаруживает семантической соотносительности с устойчивым сравнением ***как паук*** (‘опутывать, запутывать в свою паутину, тенета, сети кого-либо. Создавать для кого-либо безвыходно зависимое от себя положение') [9, с. 453]; ср.: *паукообразный механизм* (А. и Б. Стругацкие); *паукообразный Сонин почерк* (В. В. Набоков); *паукообразный человек* (С. Н. Сергеев-Ценский) и проч. Если устойчивое сравнение *как паук* является частью идеографического поля «отношения между людьми», выражая зависимость одного человека от другого (других), то компаративно-производное слово *паукообразный* выражает лишь внешнее сходство (образность, однако, базируется на той же ассоциации «расходящиеся в разные стороны лапы паука»).

Обратим внимание на тот факт, что компаративные значения отзоонимных прилагательных, глаголов и наречий строятся, как правило, на вполне реальных, знакомых каждому признаках того или иного животного (птицы, насекомого). Это, как правило, внешние, эмпирически наблюдаемые характеристики – размер, строение тела и форма отдельных его частей, особенности передвижения, звуки, которые издает животное, повадки, поведение, присущее животному в природе. Рассматривая проблему мотивации метафорического значения слова, В. И. Зимин справедливо утверждал: «Чтобы понять метафору, недостаточно знать только соответствующее значение слова, надо знать и предмет, явление, видеть его во всех разнообразных свойствах и отношениях» [4, с. 18]. То же самое, но с ещё большим правом можно сказать и по отношению к образному сравнению.

На основании сделанных нами наблюдений можно утверждать, что компаративное значение (от лат. comparativus – *сравнительный*) весьма богато и разнообразно представлено на словообразовательном уровне. Значительная часть устойчивых сравнений находит соответствие в системе предикатной производной лексики (в прилагательных, наречиях, глаголах). В случаях, когда вокруг общей мотивирующей основы – имени существительного – группируются компаративные значения, выраженные устойчивым сравнением и несколькими дериватами, образованными по разным словообразовательным моделям, можно говорить об **«образно-компаративном гнезде».**

Структурно-семантическая специфика производного слова с семантикой образного сравнения

Компаративно-производное слово характеризуется образностью, поскольку в его семантике имеет место сема уподобления одного предмета (выраженного определяемым существительным) другому (выраженному производящей основой). Как и устойчивые сравнения, такие дериваты индивидуализируют предмет описания, вы-

деляют его в ряду однородных предметов действительности. Для реализации всех логических элементов сравнения производному прилагательному, как правило, необходим минимальный контекст: слово, подвергающееся образному определению. Так, в словосочетании *золотистые волосы* отражены: предмет сравнения (*A*), образ сравнения (*B*), основание сравнения (*C*). Кроме этих основных элементов, сравнение включает в свой состав особое средство, указывающее на факт компаративных отношений – показатель сравнения (*m*). В структуре производного слова роль такого показателя выполняет суффикс. Образные сравнительные значения наречий и глаголов, как правило, ясны и без контекста; в их структуре оказывается выраженными только главные компоненты сравнения: показатель (m) и образ (B).

Устойчивые сравнения представляют собой **аналитические (раздельнооформленные) компаративные структуры** – они характеризуются устойчивой, то есть воспроизводимой всем языковым коллективом, связью трех обязательных элементов: предмета, образа и основания сравнения: *как мел* ‘белый, бледный; побелеть, побледнеть: о человеке (лице человека)' [11, с. 347].

Таким же постоянством связей логических компонентов, закрепленных в коллективном сознании носителей русского языка как родного, характеризуются и **синтетические (цельнооформленные) компаративные единицы** – производные слова с семантикой образного сравнения, или «компаративно-производные слова». В семантической структуре прилагательного *воск-ов-ой* суффикс *-ов* выполняет ту же функцию, что и союз *как* в структуре УС *как воск*: «Компаративно-деривационные семантические отношения есть не что иное, как отношения между элементами образного сравнения, а структура компаративно-производного слова представляет собою лишь особую конструктивную разновидность языкового, то есть образного сравнения» [10, с. 6]. Высказанная фразеологами ещё в конце семидесятых годов XX века, эта идея получила дальнейшее развитие в веке XXI, когда стали появляться первый попытки системного анализа образной деривации.

Как мы уже наблюдали на примере КПС, образованных от зоонимов, слово, обозначающее элемент *B* устойчивого сравнения, может выступать в качестве производящей базы для нескольких производных, образованных по разным моделям и принадлежащих к разным частям речи. Такие слова вместе с соотносительными устойчивыми сравнениями составляют своего рода компаративные гнёзда, в которых представлены как «аналитические», так и «синтетические» единицы.

Идея о компаративных гнёздах в какой-то мере перекликается с мыслями В. М. Никитевича об изоморфности разноуровневых способов образования номинативных единиц языка: «Номинативная деривация функционально объединяет словообразование с аналитическими и синтетическими способами создания номинативных единиц»: *смельчак – смел – тот, кто смел – смелый* [9, с. 2]. Положение В. М. Никитевича о том, что «словообразование является лишь фасадом здания номинативной деривации» [8, с. 3], вполне актуально и для наших компаративных гнёзд. Например: волосы <рыжие, блестяще-желтого отлива> – волосы ***как золото***; *золотые* волосы; *золотистые* волосы; *золотистость* волос; волосы *золотятся*; *золотящиеся* [на солнце] волосы; *волосы – золото*; *золотоволосый* и т. п.

Полной аналогии между сопоставляемыми явлениями языковой семантики, конечно, быть не может: целью компаративных единиц является не столько «называние» признака, сколько его «выражение», образная индивидуализация.

Однако интересно здесь именно то, что коммуникативная эквивалентность разноуровневых единиц языка может быть сопряжена не только с единством номинативного (денотативного) значения, но и с единством образа-представления, лежащего в основе номинации.

Закономерности структурно-семантической коррелятивности УС и КПС

Очевидно, что структурно-семантическое соответствие между устойчивыми сравнениями и компаративно-производными словами наблюдается далеко не всегда и не в равной мере. Отношения разноуровневых языковых единиц в корреляции «устойчивое сравнение – компаративно-производное слово» можно назвать взаимодополняющими: несмотря на явную семантическую близость этих единиц, при их функционировании в речи имеет место явление, которое сначала в фонологии, а затем и в семасиологии стали называть «дополнительной дистрибуцией»

Как нам кажется, сопоставительный анализ структурных особенностей и функций аналитических и синтетических компаративных единиц представляет новую и актуальную научную проблему современной лексикологии, словообразования, фразеологии. Покажем некоторые аспекты этой проблемы на материале фразеологических и словообразовательных единиц с общим «образным стержнем» – наименованием вещества (минерала, продукта питания).

Как показало наше исследование, около 60 наименований веществ используются в качестве компонента *В* и системой компаративной фразеологии, и системой образной деривации. При этом около 50 % составляют случаи «мнимой соотносительности», когда фразеологические и словообразовательные единицы, использующие один и тот же образ, не коррелируют между собою в содержательном плане. Рассмотрим некоторые факторы, которые могут препятствовать проявлению семантической соотносительности разноуровневых компаративных единиц.

- Различие основания сравнения. Например, *ртуть* в системе компаративной фразеологии – образ живого, подвижного, исполненного энергии человека:

Юра, по определению своего воспитателя, был «сорвиголова», *живой*, ***как ртуть***, главный коновод шалостей, способный, но ленивый и рассеянный ученик (И. В. Одоевцева. На берегах Сены).

В системе компаративной деривации используется иной, «цветовой» признак: *ртутный* ‘<…>? 2. Серебристо-белый, цвета ртути’. Таким образом, УС служит образной характеристике поведения, темперамента человека, а производное слово выражает внешний, «физический» признак предмета[2].

- Несовпадение «объектов приложения» синтетического и аналитического сравнения. Этот фактор часто бывает связан с аморфностью основания сравнения в семантической структуре компаративно-производного слова при его определенности в семантике УС. Например, УС *как чугун* в своем первом значении (‘1. *перен.* тяжелый, отяжелевший вследствие усталости, болезни’) характеризует исключительно тело человека или часть тела (голову, лицо, руки, ноги), а во втором значении (‘2. темный, черный’) – лицо и части тела человека. Компаративное значение прилагательного *чугунный* характеризуется неясным, неопределенным основанием – эврисемичностью (‘1. <…> //? Похожий на чугун, напоминающий чугун по виду, цвету или по тяжести, твердости’) и может сочетаться как с наименованиями конкретных предметов и их совокупностей (*чугунная* мебель / очень тяжелая), так и с соматизмами (*чугунная* рука), с веществами (*чугунная* грязь).

УС *как студень* (‘дрожать, подрагивать, трястись; зыбкий, рыхлый’) употребляется по отношению к человеку, его лицу, телу, щекам. Соотносительное прилагательное *студенистый* (‘похожий на студень, желе’) может характеризовать не только часть тела, но и человека в целом, вещество, отвлеченное явление; сравните в НКРЯ: *студенистый человек* (Д. Рубина), *студенистый свет* (О. Славникова), *студенистый туман* (И. Бояшов), *студенистый край* (А. Битов), *студенистый Млечный путь* (И. Бунин).

В обоих случаях различие в проявлении элемента А – круга предметов, способных выступать в качестве объекта приложения сравнительной характеристики – не создает серьезного препятствия для проявления семантической близости УС и КПС, однако оно делает эту корреляцию относительной, неполной, красноречиво свидетельствуя о специфике двух способов выражения образа в языковой системе.

- Различие в степени идиоматичности. Например, значения УС *как патока* (о сладком напитке), *как резина* (об эластичном, упругом предмете, веществе) и метафор *паточные* интонации (‘чрезмерно ласковые, нежные, слащавые’), *резиновая* резолюция (‘допускающая различные толкования’). Очевидно, что семантической соотносительности сопоставляемых единиц препятствуют в этих случаях фразеологизированность актуального образного значения производных слов, их удаление от первоначальной внутренней формы.

С другой стороны, могут быть выявлены условия, способствующие полной (структурно-семантической и функциональной) соотносительности разноуровневых единиц с семантикой образного сравнения. Так, проявления межуровневой синонимии наиболее ярко прослеживаются при однозначности устойчивого сравнения:

- *как (словно, точно) жемчуг* (‘блестящие и ровные; блестеть [белизной]: о зубах человека’) – *жемчужный* (‘блестяще белый: о зубах человека’);

- *как (словно, точно) янтарь* (‘желтый, прозрачный, чистый; прозрачно-жёлтый: о напитке, жидкости, веществе или предмете) – *янтарный* (‘<…> 2. Золотисто-желтый, цвета янтаря’);

- *как (словно, точно) атлас* (‘гладкий, нежный, эластичный; лосниться, блестеть: преимущественно о теле, коже человека, коже, шерсти животных’) – *атласный / атласистый* (‘*перен.* гладкий, блестящий, похожий на атлас’).

В случае многозначности УС разные его значения могут коррелировать с соответствующими образными значениями производного слова-полисеманта. Например, первое значение УС *как сталь* (‘1. твердый, прочный, крепкий: о веществе, материале, предмете’) соотносится со вторым, переносным значением прилагательного *стальной* (‘<…> 2. *Перен.* сильный, крепкий: стальные мускулы’), а второе значение (‘<…> *перен.* твердый: духовно сильный, мужественный, непреклонный’) – с оттеночным значением того же прилагательного (‘2. <…> // стойкий, непоколебимый, непреклонный: стальная воля’). «Репертуар» образных возможностей синтетической компаративной единицы оказывается в данном случае богаче по сравнению с единицей аналитической. Так, прилагательное *стальной*, помимо уже отмеченных, располагает оттеночным компаративным значением «напоминающий сталь, похожий на сталь по цвету», а также оттеночными связанными значениями «твердый, уверенный (о голосе)» и «жесткий, холодный, недружелюбный (о взгляде)».

В других случаях с образным значением компаративно-производного слова соотносится лишь одно из значений УС-полисеманта. Например, УС *как паутина (паутинка)* во втором своем значении (‘2. Тонкий: о ткани, покрове, слое чего-либо’) обнаруживает соотносительность с прилагательным *паутинный* (‘<…> 2. такой, как паутина; очень тонкий, прозрачный’). Первое же значение УС (тонкий: о протяженном предмете’) не находит «семантического отклика» в системе образной деривации.

Характерной особенностью данной системы образов («вещественные существительные») является их участие в системе компаративной фразеологии в двух ипостасях: в исходном субстантивном проявлении и в качестве мотиватора отсубстантивного прилагательного: *как резина – как резиновый; как железо – как железный, как дерево – как деревянный; как чугун – как чугунный, как свинец – как свинцовый; как золото – как золотой*. В этих случаях возникают особенно сложные и разнообразные отношения сопоставляемых единиц, прихотливо распределяющих

между собой признаки – основания сравнений на базе одного исходного образа. Например, образ *свинца* используется и в системе компаративной фразеологии, и в системе образной деривации для выражения тяжести предмета или вещества (кулаки тяжелые *как свинец – свинцовые* кулаки – *как свинцом налитые* кулаки). Прилагательное *свинцовый*, так же, как и УС с этим компонентом (*как свинцовый*), помимо отмеченного выше, выражает более сложное, фразеологизированное значение: «болезненно-отяжелевший, инертно-неподвижный».

Сложные комбинации всех отмеченных проявлений структурного и структурно-семантического взаимодействия устойчивых сравнений и производных слов образно-компаративной семантики наблюдаются в случаях, когда фактор многозначности УС сочетается с фактором разветвленности и многокомпонентности образного гнезда. Например, богатое значениями устойчивое сравнение *как камень* соотносится с целым образным гнездом дериватов: *каменный, каменно, каменеть, окаменеть, закаменеть, окаменелый, закаменелый, окаменело, закаменело* и т. д. При этом наблюдается прихотливое распределение семантических связей между значениями УС и КПС. Общими для фразеологических и словообразовательных компаративных единиц являются признаки «твердый, жесткий» / *каменеть* (1), *окаменеть, окаменелый* (оттенки при первом значении), *закаменелый, закаменеть* (1) и «неподвижный, застывший, безжизненный» / *каменный* (2), *каменеть* (2), *окаменеть* (2), *окаменелый* (2), *закаменеть* (2). Признаки «бесчувственный, равнодушный, безучастный», которые также проявляются в семантической структуре почти всех дериватов данного ОГ, определяют лишь одно из значений другого УС – *как (словно, точно) каменный* (‘<…> 4. холодный, равнодушный, безучастный: сидеть, стоять безучастно, не реагируя на что-либо’).

В целом система значений УС, базирующихся на образе «камень», оказывается намного богаче по сравнению с системой компаративно-производных слов. Так, не находят семантического соответствия в системе КПС следующие значения УС *как камень*: ‘<…> 5. молчать, не произносить ни слова; упорно не отвечать на вопросы; быть молчаливым; 6. падать, лететь вниз – быстро, стремительно; 7. идти на дно (ко дну), тонуть, погружаться в воду – стремительно, сразу’.

В условиях реального функционирования проявляется тенденция к расширению образного потенциала как синтетических, так и аналитических языковых компаративных структур, что приводит в свою очередь к «приращению» фактов их структурно-семантической соотносительности.

Заключение

Представленный нами фрагмент анализа производных слов с семантикой образного сравнения как структурно-компаративных вариантов УС позволяет сделать ряд выводов.

1. Компаративно-производные слова наряду с «творительным сравнения», конструкциями с формами винительного и родительного падежей могут быть рассмотрены как структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений. Деривaты с семантикой образного сравнения образуются по разным словообразовательным моделям; они могут принадлежать к трем частям речи – прилагательным, наречиям, глаголам. Группируясь вокруг инварианта («прототипической структуры» с союзами *как, словно, точно, будто*) они формируют **образно-компаративное гнёздо** – совокупность образно-компаративных структур с единым компонентом В (образом сравнения).

2. Взаимодействие разноуровневых (фразеологических и словообразовательных) языковых единиц с семантикой образного сравнения проявляется в двух основных формах: 1) параллельное использование одного и того же образа в УС КПС, характеризующихся разными значениями (**структурная соотносительность**

синтетических и аналитических единиц); 2)«межуровневая синонимия», то есть использование одного и того же образа в коммуникативно эквивалентных единицах разных языковых уровней (**структурно-семантическая соотносительность** синтетических и аналитических единиц).

3. Анализ тех языковых условий, которые препятствуют семантической соотносительности устойчивых сравнений и компаративно-производных слов, позволяет сформулировать (от противного) те условия, которые, наоборот, способствуют проявлению коммуникативной однофункциональности сопоставляемых образных единиц, их полной структурно-семантической соотносительности: 1) однозначность УС; 2) наличие в семантической структуре образного деривата единственного образного значения; 3) компаративный характер образного значения деривата, ясность его внутренней формы; 4) определенность признака-основания в семантической структуре компаративно-производного слова; 5) совпадение «объекта приложения» образной характеристики, выражаемой разноуровневыми компаративными единицами.

4. Констатируя наличие / отсутствие семантической соотносительности сопоставляемых образных единиц языка, мы должны помнить о том, что объектом сопоставления является семантическая структура в целом, во всей сложности значений, их оттенков и отношений между ними. Поэтому естественно, что на отдельных участках одна из сопоставляемых единиц может оказаться в «семантическом одиночестве» (возможны «солирующие» значения устойчивых сравнений, не проявляющиеся у КПС, и наоборот). И, напротив, на некоторых участках этой системы может обнаружиться полная семантическая соотносительность, гармония, «согласие» значений разноуровневых компаративных единиц. Анализ первого фактора дает возможность обогатить список потенциальных значений КПС. Анализ второго расширяет список соотносительных УС и КПС.

Представленные здесь наблюдения подтверждают нашу гипотезу о том, что УС и КПС взаимодополняют друг друга в выполнении общей языковой функции – образного выражения признака. Каждое из этих основных языковых средств выражения компаративной семантики имеет и определенные ограничения, и преимущества, которыми не располагает соответствующая единица другого уровня.

Думается, что этот вывод вполне применим и к другим структурно-компаративным вариантам устойчивых сравнений.

Примечания

1. Устойчивые сравнения русского языка, их варианты, а также толкования их значений извлечены из следующего лексикографического источника: [11].
2. Лексические значения образных дериватов здесь и далее приводятся по источнику: [19].

Список источников и литературы

1. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1964. 315 с.
2. *Балакай А. Г.* Фразеологическая единица как единица лексико-фразеологического гнезда // Фразеология-2000: материалы Всероссийской науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. С. 228–232.
3. *Бродская Б. А.* Метафорические связи слов в словарном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы республиканской науч. конфер. (12-15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972. С. 276–288.

4. *Зимин В. И.* О мотивировке метафорических значений слов // Лексико-грамматические записки. М., 1976. С. 12–31.
5. *Зимин В. И.* Синхронический и диахронический аспекты рассмотрения внутренней формы фразеологизмов русского языка // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., 17-19 марта 2006 г. М.: Элпис, 2006. С. 543–546.
6. *Козинец С. Б.* Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов: Саратовский источник, 2011. 283 с.
7. *Лопатин В. В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Вып. 1. С. 53–57.
8. *Никитевич В. М.* Основы номинативной деривации. Минск: Высшая школа, 1986. 157 с.
9. *Никитевич В. М.* Словообразование и деривационная грамматика. Ч. 2. Гродно, 1982. 24 с.
10. *Огольцев В. М.* Модели компаративного словообразования : учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Пермский ун-т, 1978. 62 с.
11. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: Русские словари, 2001. 800 с.
12. *Огольцева Е. В.* Образный потенциал словообразовательной системы современного русского языка: отсубстантивное словообразование : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Огольцева Екатерина Васильевна. М., 2007. 792 с.
13. *Огольцева Е. В.* Компаративные конструкции с размерно-оценочным значением (*толщиной с палец, величиной с напёрсток*) // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина). Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 585–591.
14. *Огольцева Е. В.* Лексическое варьирование в системе устойчивых сравнений // Учёные записки Орловского государственного университета. 2015. № 3 (66). С. 162–168.
15. *Огольцева Е. В.* Образное значение в системе отсубстантивной деривации (структурно-семантический аспект). М.: ФЛИНТА, 2019. 296 с.
16. *Огольцева Е. В.* Факультативные компоненты как проявление структурно-семантической динамики устойчивых сравнений // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : междунар. конф. V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12-15 окт. 2014 г.). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2015. Т. 1. С. 263–266.
17. *Огольцева Е. В.* Формально-грамматическое варьирование в системе устойчивых сравнений русского языка // Теоретические и методологические проблемы филологии : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра филол. наук, проф. Л. К. Жаналиной. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2015. С. 254–262.
18. *Русская грамматика*. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
19. *Словарь русского языка*. В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1884.
20. *Ширшов И. А.* Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. № 1. С. 41–54.

References

1. Arkhangel'skiy, VL 1964, *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke: Osnovy teorii ustoychivykh fraz i problemy obshchey frazeologii* (Set expressions in modern Russian. Fundamentals of the theory of set expressions and problems of general phraseology), Izd-vo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-na-Donu. (In Russ.)
2. Balakay, AG 2000, ‘Frazeologicheskaya yedinitsa kak yedinitsa leksi-ko-frazeologicheskogo gnezda’ (Phraseological unit as a unit of lexical and phraseological nest), *Frazeologiya-2000. Frazeologiya na rubezhe vekov: dostizheniya, problemy, perspektivy,* Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo publ, Tula, pp. 228–232. (In Russ.)
3. Brodskaya, BA 1972, ‘Metaforicheskiye svyazi slov v slovarnom gnezde’ (Metaphorical connections of words in a dictionary nest), *Aktual'nyye problemy russkogo slovoobrazovaniya*, 12-15 September 1972, Samarkand, pp. 276–288. (In Russ.)

4. Zimin, VI 1976, ‘O motivirovke metaforicheskikh znacheniy slov’ (On the motivation of metaphorical meanings of words), *Leksiko-grammaticheskiye zapiski* (Lexico-grammatical notes), Moscow, pp. 12–31. (In Russ.)
5. Zimin, VI 2006, ‘Sinkhronicheskiy i diakhronicheskiy aspekty rassmotreniya vnutrenney formy frazeologizmov russkogo yazyka’ (Synchronic and diachronic aspects of the consideration of the internal form of phraseological units of the Russian language), *The Problems of Semantics of Spoken Language in its Cultural Context*, 17-19 March 2006, Elpis publ, Moscow, pp. 543-546. (In Russ.)
6. Kozinets, SB 2011, Slovar' slovoobrazovatel'nykh metafor russkogo yazyka’ (Dictionary of word-forming metaphors of the Russian language), Saratovskiy istochnik publ, Saratov. (In Russ.)
7. Lopatin, VV 1975, ‘Metaforicheskaya motivatsiya v russkom slovoobrazovanii’ (Metaphorical motivation in Russian word formation), *Aktual'nyye problemy russkogo slovoobrazovaniya*, no.1, pp. 53–57. (In Russ.)
8. Nikitevich, VM 1986, *Osnovy nominativnoy derivatsii* (Fundamentals of nominative derivation), Vysshaya shkola publ, Minsk. (In Russ.)
9. Nikitevich, VM 1982, *Slovoobrazovaniye i derivatsionnaya grammatika* (Word formation and derivational grammar), part 2, Grodno. (In Russ.)
10. Ogoltsev, VM 1978, *Modeli komparativnogo slovoobrazovaniya* (Models of comparative word formation), Permskiy un-t publ, Perm. (In Russ.)
11. Ogoltsev, VM 2001, *Slovar' ustoychivykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiy)*(Dictionary of fixed similes of the Russian language), Russkiye slovari publ, Moscow. (In Russ.)
12. Ogoltseva, EV 2007, Obraznyy potentsial slovoobrazovatel'noy sistemy sovremennogo russkogo yazyka: otsubstantivnoye slovoobrazovaniye (Figurative potential of the word-formation system of the modern Russian language: substantive word formation), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
13. Ogoltseva, EV 2016, ‘Komparativnyye konstruktsii s razmer-no-otsenochnym znacheniyem (tolshchinoy s palets, velichinoy s naporstok)’ (Comparative constructions with dimensional and evaluative value (finger-thick, thimble-sized)), *Scientific heritage of B.N. Golovin in the light of current problems of modern linguistics» (on the 100th anniversary of the birth of Boris Golovin)*, DEKOM publ, N. Novgorod, pp. 585–591.(In Russ.)
14. Ogoltseva, EV 2015, ‘Leksicheskoye var'irovaniye v sisteme ustoychi-vykh sravneniy’ (Lexical variation in the structure of stable comparisons), *Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (66), pp. 162–168. (In Russ.)
15. Ogoltseva, EV 2019, *Obraznoye znacheniye v sisteme otsubstantivnoy derivatsii (strukturno-semanticheskiy aspekt)* (Figurative meaning in the system of substantive derivation (structural and semantic aspect)), FLINTA publ, Moscow. (In Russ.)
16. Ogoltseva EV 2015, ‘Fakul'tativnyye komponenty kak proyavleniye strukturno-semanticheskoy dinamiki ustoychivykh sravneniy’ (Facultative components as a manifestation of the structural and semantic dynamics of stable comparisons), *J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics,* vol.1, 12-15 October 2014, Kazan feder.un-t, Kazan, pp. 263-266. (In Russ.)
17. Ogoltseva, EV 2015, ‘Formal'no-grammaticheskoye var'irovaniye v sisteme ustoychivykh sravneniy russkogo yazyka’ (Formal-grammatical variation in the system of stable comparisons of the Russian language), *Teoreticheskiye i metodo-logicheskiye problemy filologii*, KazNPU im. Abaya publ, Almaty, pp. 254–262. (In Russ.)
18. *Russkaya grammatika* (Russian grammar) 1980, vol.1, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
19. *Slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language) 1981–1884, Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
20. Shirshov, IA 1995, ‘Tipy slovoobrazovatel'noy motivirovannosti’ (Types of word-formation motivation), Philological Sciences, no. 1, pp. 41–54. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.08.2023 | The article was submitted: 26.08.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023 | Approved after reviewing: 19.09.2023
Принята к публикации: 19.09.2023 | Accepted for publication: 19.09.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 164–178.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 164–178.

Научная статья
УДК 81`37
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-164-178

«ТУДА НЕ СМОТРИ, СЮДА НЕ ХОДИ...». СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ПЕРЕДРАЗНИВАНИЯ

Анна Владимировна Павлова

Майнцский университет
имени Иоганна Гутенберга
Майнц, Германия
anna.pavlova@gmx.de

Аннотация. В статье подробно рассматриваются фразеологизмы-конструкции, применяемые как ироничные имитации собеседника (передразнивания) или псевдопередразнивания (когда говорящему только кажется, что он кого-то передразнивает, или он намеренно искажает мысль собеседника или третьего лица). Дается подробное определение понятия «передразнивание» как лингвистического термина, выявляются ключевые аспекты и свойства передразнивания как акта коммуникации. В фокусе внимания находится предложенная в статье классификация фразеологизмов-конструкций, представляющих передразнивания или включающих в себя элементы передразнивания. Классификация построена на единой системе классификационных критериев. В статье также уделяется внимание анализу семантики и прагматики указанных фразеологизмов-конструкций, в ней исследуются как структура и значение самой синтаксической модели, так и ее коммуникативные функции в различных контекстах, в первую очередь – иллокуции. Основываясь на широком объеме лингвистических данных и примеров, автор подробно исследует использование фразеологизмов-конструкций с семантикой передразнивания в разнообразных речевых ситуациях и стилях, демонстрируя их диалогическую природу. Это исследование вносит вклад в понимание роли и значимости передразнивания в рамках фразеологии и языковой коммуникации.

Ключевые слова: передразнивание, фразеологизм-конструкция, фразеосхема, синтаксическая идиоматика, иллокуция.

Благодарности: Настоящая статья написана в рамках проекта COST Action CA 22115 «A Multilingual Repository of Phraseme Constructions in Central and Eastern European Languages (PhraConRep)» (см. Action CA22115 - COST). Пользуюсь возможностью выразить благодарность Н. Д. Светозаровой, Д. О. Добровольскому и Л. Э. Найдич за ценные соображения и замечания.

Для цитирования: Павлова А. В. «Туда не смотри, сюда не ходи...». Синтаксические фразеологизмы-передразнивания // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 164–178. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-164-178

Сведения об авторе: *А. В. Павлова* – кандидат филологических наук, доцент факультета переводоведения и культурологии, Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга, 76726, Германия, Гермерсхайм, Высшая школа 2.

© Павлова А. В., 2023

Scientific Article
UDC 81`37
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-164-178

«DON'T LOOK THERE, DON'T COME HERE...». SYNTACTIC PHRASEOLOGISMS-IRONIC IMITATIONS

Anna V. Pavlova

The Johannes Gutenberg University Mainz
Mainz, Germany
anna.pavlova@gmx.de

Abstract. The article deals with phraseological constructions used as ironic imitations of the interlocutor or pseudo-imitations (when the speaker only seems to be imitating someone, or he deliberately distorts the thought of the interlocutor or a third person). The author gives a detailed definition of the ironic imitation as a linguistic term, identifies key aspects and properties of ironic imitation as an act of communication. The focal point of the article is the proposed classification of phraseological constructions that represent ironic imitations or include their elements. This classification is based on a unified system of classification criteria. The article also pays attention to the analysis of the semantics and pragmatics of the mentioned phraseological constructions. It investigates both their structure and the meaning of the syntactic model itself, as well as their communicative functions in various contexts, primarily their illocutions. Based on a wide range of linguistic data and examples, the author thoroughly explores the use of phraseological constructions with ironic imitation semantics in diverse speech situations and styles, demonstrating their dialogic nature. This study contributes to understanding the role and significance of ironic imitation within the framework of phraseology and language communication.

Keywords: ironic imitation, phraseological construction, phraseoscheme, syntactic idiomatics, illocution.

Acknowledgement: The present article is written within the framework of the COST Action CA 22115 'A Multilingual Repository of Phraseme Constructions in Central and Eastern European Languages (PhraConRep) ' project (see Action CA22115 – COST). I would like to express gratitude to Natalia Svetozarova, Dmitriy Dobrovolskiy and Larisa Naiydich for their valuable insights and comments.

For citation: Pavlova, AV 2023, '«Don't Look There, Don't Come Here...». Syntactic Phraseologisms-Ironic Imitations', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 164–178, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-164-178 (in Russ.)

Information about the Author: *Anna V. Pavlova* – PhD in Philology, Associate Professor of the Faculty of Translation Studies, Linguistics, and Cultural Studies, The Johannes Gutenberg University Mainz, 2 An der Hochschule, Germersheim, 76726, Germany.

© Pavlova A. V., 2023

1. Введение

Под фразеологизмами-конструкциями (ФК) понимаются фразеологические построения с частично фиксированным, а частично вариативным составом. Эти языковые структуры были описаны для русского языка ещё Н. Ю. Шведовой [14; 15], хотя она пользовалась другой терминологией и обозначила интересующие нас объекты терминами «фразеологизированные построения» или «фразеологизированные конструкции». Вообще терминов, используемых для обозначения феномена, о котором здесь идет речь, в целом немало: синтаксическая фразема, фразеосхема, синтаксическая идиома и некоторые другие. Термин «фразеологизм-конструкция» был предложен в [3, с. 9; 4, с. 86–90].

В данной работе термином «фразеологизм-конструкция» обозначается синтаксическая модель (паттерн), принадлежащая к языковой системе, в то время как в заполненном виде в речи мы имеем дело с конструктами. Фиксированные элементы ФК обозначаются термином «якорь», а вакантные места для заполнения в речи – термином «слот». Сами заполнители обозначаются термином «филлер».

2. О проекте создания переводного словаря фразеологизмов-конструкций

В настоящее время в среде GitHub создаются два онлайн-словаря (или две базы данных) «Фразеологизмы-конструкции и их перевод» с участием 35–40 исследователей из разных стран. Основная цель – описание 300 фразеологизмов-конструкций и их переводов на другие языки. Исходными языками одного из двух словарей является русский, а переводным –немецкий; другой словарь содержит в качестве исходного языка немецкий, а целевыми являются различные языки Центральной и Восточной Европы (польский, чешский, хорватский и др.).

В качестве источников примеров используются художественные и публицистические тексты, интернет-блоги и форумы, сериалы, фильмы, видео, радиопередачи, частные разговоры и публичные выступления. Основным источником примеров служат текстовые корпусы; для русского – прежде всего Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – как основной, так и подкорпусы. Кроме того, поиск примеров производится в корпусе Sketch Engine. Для поиска переводных примеров в первую очередь используются так называемые параллельные текстовые корпусы. Если нужные переводы в них не отыскиваются, мы обращаемся в библиотеки. Если желаемая информация недоступна и там, мы переводим примеры сами и аннотируем перевод как «собственный перевод». В последнее время достаточно удачные переводы начинает предлагать и искусственный интеллект ChatGPT.

Целевой аудиторией для создаваемых словарей являются люди, изучающие языки, преподаватели иностранных языков, преподаватели перевода, переводчики и лингвисты. Изучающим язык нужно дать возможность не только понимать смысл ФК и конструктов, но и показать пути правильного и активного использования ФК. Активный характер словаря обеспечивается созданием всестороннего «профиля» ФК, охватывающего как можно больше аспектов, а именно:

1) структура ФК и ее варианты (если имеются); 2) значение (или несколько значений, если наблюдается полисемия ФК); 3) примеры на исходном языке без перевода; 4) морфологические характеристики; 5) синтаксис; 6) семантические ограничения и рекомендации по поиску филлеров; 7) просодия; 8) стиль; 9) использование в текстах; 10) примеры с переводами и комментариями к переводам; 11) общие рекомендации по эквивалентности и вариантам перевода; 12) полные синонимы (если отыскиваются); 13) неполные синонимы, или квази-синонимы (если имеются); 14) омонимы (если имеются); 15) паронимы (если имеются); 16) фразы-формулы, построенные по тому же образцу (если имеются); 17) идиомы, построенные по тому же образцу (если имеются); 18) дополнительная информация (при необходимости); 19)

ссылки на сходные ФК в том же репозитории (если таковые имеются); 20) ссылки на сходные ФК в других онлайн-источниках (если таковые отыскиваются).

Семантика ФК и ее описание непосредственно связаны с прагматикой: сложно отделить одно от другого, особенно когда описание семантики сводится к описанию иллокуции конструкта-высказывания как речевого акта.

Словарь с одной стороны соответствует направлению лингвопрагматики, с другой – лингводидактики.

3. Передразнивание как лингвистический термин

Основная задача статьи – продемонстрировать и описать некоторые фразеологические конструкции русского языка, коммуникативное назначение которых состоит в передразнивании собеседника, когда повторяется одно или несколько слов из его реплики в диалоге по типу «эха» или в виде синонима, или когда слова собеседника подаются в искаженном виде, так как говорящему кажется, что его собеседник говорил именно таким образом или по крайней мере имел нечто подобное в виду (псевдоцитация).

В Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой [2] термин «передразнивание» отсутствует. В 30-томном Большом академическом словаре русского языка (БАС) словарная статья к лемме «Передразнивание» короткая: это «действие по значению глаголов *передразнивать* и *передразниваться*». В статье к лемме «Передразнивать» сказано: «подражая кому-либо в мимике, телодвижениях, манере говорить и т. п., представлять его в смешном, комическом виде». А глагол *передразниваться*, согласно БАС, означает: «1. передразнивать друг друга. 2. страд. к передразнивать» [5]. Если исходить из этих пояснений, конструкции типа *от дурака слышу; сам дурак; то ей подай, это принеси; спешит она, как же; какая я тебе Танечка* и многие другие не являются передразниваниями, так как не служат для представления кого-либо в смешном, комическом виде, а выражают такие иллокуции, как отпор, обида, раздражение, недоверие.

В лингвистической литературе о передразнивании отыскивается совсем немного сведений. Чаще всего этот вид коммуникации упоминается вскользь, в контексте перечисления и описания способов речевого манипулирования, речевой агрессии, некооперативного речевого поведения [7; 10; 11]. Передразниванию не дается определений: этот термин вводится в текст как нечто известное, не требующее дополнительных пояснений.

В обширном исследовании, посвященном различным ксенопоказателям [12], упоминаются некоторые способы и виды передразнивания (например, речевые модели, начинающиеся с междометий или частиц «ах», «так и так мол» или включающие показатели чужой речи в середине фраз «видите ли», «да» с повтором цитируемого слова и др.), но не используется термин «передразнивание».

В работе Н. Д. Арутюновой «Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи)» [1] описано целое поле коммуникативных стратегий, объединяемых термином «экспрессивная цитация». Передразнивание можно рассматривать как подтип экспрессивной цитации, но не все случаи экспрессивной цитации представляют передразнивание чужой речи. В [8, с. 263–264] передразнивание обозначено как «неодобрительное цитирование».

4. Передразнивание как коммуникативная стратегия: определение

Для целей данной работы требуется развернутое определение, в котором были бы названы основные отличительные признаки передразнивания.

Передразнивание – это встречающийся в диалогической речи риторический прием и коммуникативная стратегия, заключающаяся в точном или искаженном повторении слова, словосочетания или короткой фразы из реплики собеседника или третьего лица, иногда с удвоением или даже с утроением повторяемой единицы.

Цитироваться может непосредственно предшествующая реплика или реплика (или даже множество реплик), когда-то ранее слышанная говорящим, о которой он вспомнил. Бывает и так, что цитируются (обычно неточно, искаженно) множество разрозненных, произнесенных ранее в разное время реплик, обобщаемых термином «псевдопередразнивание».

Фраза, содержащая передразнивание, не обязательно состоит только из цитаты, но может включать в себя и другие лексические и грамматические элементы.

Высказывания, состоящие из передразнивания или включающие его в себя как составной элемент, являются речевыми актами с определенным набором иллокуций. Иллокуции речевого акта-передразнивания могут быть разными: насмешка, скепсис, недоверие, удивление, отпор, возражение, раздражение и многие другие; в самом общем виде их объединяет семантика обиды, досады, недовольства.

ФК-передразнивание – это закрепленный на уровне языковой системы способ (модель) проявления обиды говорящего на собеседника или стремления обидеть собеседника или третье лицо. В передразнивании может также выражаться недовольство самим собой, собственным поведением (передразнивание самого себя). Важную роль в оформлении речевых актов данного типа играет просодия: у каждой ФК своя просодическая модель, куда входит не только мелодический контур, но и место фразового ударения, его сила, место пауз, особенности акустической реализации пауз, а также, возможно, ритм, тембр, иногда растягивание гласных. Имеются ФК, которые могут быть реализованы при помощи нескольких просодических моделей. Хотя некоторые из этих моделей соответствуют одному из семи типов интонационных конструкций, описанных Е. А. Брызгуновой [13] (ИК-1, ИК-2… ИК-7), очевидно, что семи ИК для описания всего разнообразия просодических моделей ФК недостаточно. К сожалению, рамки статьи не позволяют углубиться в тему просодии.

5. Передразнивание – стратегия ведения диалога?

Передразнивания встречаются в первую очередь в диалогической речи. Исключение составляет монологическая речь (нарратив), в которой говорящий передразнивает третье лицо или самого себя. В диалоге реплика, обращенная к собеседнику и содержащая передразнивание, несет, как правило, деструктивную функциональную нагрузку, препятствуя спокойному и конструктивному течению диалога. Она далеко не всегда свидетельствует об агрессии и не обязательно приводит к прерыванию диалога. В первую очередь она является реакцией на какие-то слова собеседника и представляет собой акт обратной связи: собеседнику в той или иной форме посылается сигнал, что он был услышан.

Передразнивание собеседника не означает, что говорящий не воспринимает его всерьез или не придает его мнению значения. Напротив, как правило, передразнивание свидетельствует о том, что слова собеседника значимы для говорящего: он в той или иной форме на них реагирует, повторяя одно или несколько слов из речи собеседника. Если говорящий обижен, задет, протестует, дает отпор (например: *Какой я тебе братишка! Нашёл братишку!*) – даже в этом случае диалог далеко не всегда прерывается. Реплики-передразнивания часто служат для поддержания или восстановления статуса говорящего в глазах собеседника, они могут выполнять функцию перераспределения ролей в акте коммуникации, отрезвлять собеседника, призывать его к сохранению дистанции, сигнализировать о границах личного пространства и выполнять иные важные функции психологического и социального характера. Тем не менее передразнивания являются, несомненно, помехой для доброжелательного, открытого и доверительного контакта и в этом смысле представляют собой противоположность фатическим речевым актам.

Можно было бы назвать передразнивание одной из стратегий ведения диалога, если бы оно ограничивалось только употреблением в диалогической речи, в от-

ветных репликах в адрес собеседника. Однако передразнивание распространяется и на третье лицо, в том числе когда это лицо лишено возможности воспринимать соответствующее высказывание-передразнивание и быть участником акта коммуникации. Например: *То ей подай, это принеси* – фраза, которая звучит в диалоге или в монологе, в ситуации, когда «она» отсутствует в поле зрения и не слышит данную фразу. Передразнивание осуществляется, таким образом, как в глаза, так и за глаза – последнее, например, имеет место при передразнивании-жалобе, как в приведенном примере.

Передразнивать можно и самого себя; назовем этот вид передразнивания термином «эгопередразнивание». Эгопередразнивание – подтип эгоцитации. Последняя имеет место либо в диалоге, когда говорящий повествует о собственном речевом поведении в прошлом, либо в монологе-нарративе. Эгоцитата может вводиться специальными средствами, например: *А я ему / ей: …* (*А я ему: «Хватит врать-то!»*) или *А я-то всё: …* (*А я-то всё: женись да женись*). Эгопередразнивание – частный случай эгоцитации, когда говорящий представляет самого себя в ироничном ключе, подтрунивая над собой (например, над собственной наивностью, прекраснодушием, доверчивостью).

Передразнивание может рассматриваться как одна из стратегий ведения диалога в первую очередь в тех случаях, когда оно касается второго лица. Конечно, в диалогах могут встречаться передразнивания и себя самого, и третьего лица, когда собеседники его обсуждают, однако термин «стратегия диалога» касается прежде всего выстраивания реплик по отношению к собеседнику и во взаимодействии с ним.

Передразнивание встречается и в нарративе. В таком случае затруднительно говорить о стратегии ведения диалога. При этом передразнивание по своей природе диалогично в принципе: даже если говорящий передразнивает третье лицо или самого себя в монологе, такой монолог диалогичен: говорящий кому-либо о ком-либо рассказывает и в своем рассказе использует элемент диалога или беседует сам с собой, что тоже является по сути одной из форм диалога.

6. Типы ФК-передразниваний

Рассмотрим несколько ФК, которые само́й своей структурой предназначены для выполнения ими коммуникативной функции «передразнивание». Все ФК разделим на типы по критерию «степень искажения»: 1. ФК, в которых цитация осуществляется точно, то есть слово или словосочетание из реплики собеседника воспроизводится «один к одному»; 2. ФК, в которых присутствуют искажения (неточное цитирование и даже псевдоцитирование); 3. ФК, допускающие оба типа цитирования или позволяющие вовсе обойтись без цитаты (и, следовательно, без передразнивания); 4. ФК, в которых цитата (или псевдоцитата, то есть выдуманная цитата) сопровождается ее намеренным искажением в целях достижения эффекта языковой игры. По этим четырем типам и будет структурирован материал данного раздела. Из соображений объема будет представлено только небольшое количество ФК из общего массива и приведен минимум их характеристик.

6.1. ФК – передразнивания с точной цитацией

6.1.1. **X', X'[… / !]** или (вариант) **[всё / только] X' да X'[… / !]**: *А он только «му» да «му»…* (Корней Чуковский. Телефон)

Говорящий передразнивает собеседника, дважды повторяя одно из (обычно последних) слов из реплики собеседника (по типу «эха»). Конструкт нередко вводится глаголом *заладить* или выражением *Ну что ты всё: …* или *А она всё: …; А ты всё: …; А ты только: …* например:

(1) «Тьфу! Надоела! Заладила одно и то же – **сходи да сходи**. Ну, схожу, схожу! Отстань!» (Тамара Уманская. Граница. Таежный роман).

(2) Слышал, отец? А ты всё: **женись да женись**. (Юлия Григорьева. Погоня за сокровищем).

(3) Что же ты всё – **уйди да уйди**! (Николай Коляда. Колдовка).

В структурах *ну что ты всё…* или *а он всё…*, *а он только…* выпущен глагол: он додумывается (*говорить, повторять, твердить* и т. п.). Обычно конструкт передаёт раздражение или нетерпение говорящего в связи с тем, что собеседник спрашивает или просит его об одном и том же более одного раза на протяжении некоторого времени. Бывает и так, что вопрос задаётся собеседником всего один раз, но говорящий прибегает к конструкту, чтобы продемонстрировать своё раздражение, вызванное данным вопросом. Например: *«Куда ты идёшь?» – «Куда, куда! А тебе какое дело?»*. Обычно повторяется либо одно слово, либо короткое словосочетание; может повторяться и короткая фраза (например, *«Как вам не стыдно, как вам не стыдно!»*). Ср.:

(4) Поликсена: Что там у тебя? Покажи, что!
Филицата: **Что да что**! Тебе что за дело! Ну, телеграф.
Поликсена: Как телеграф? Какой телеграф?
Филицата. **Какой телеграф да какой телеграф**! Отстань ты! (А. Н. Островский. Правда – хорошо, а счастье лучше).

Если фраза собеседника относительно длинная (более четырёх слов), то из неё выхватывается только одно слово или короткое словосочетание (чаще всего последнее, но в случаях вопросов это обычно вопросительное слово: *куда, что, когда* и проч.). Например:

(5) «Папа, подожди. Скажи мне, как ты мог отдать “Верещагино”»? – спросил Леша. «Алеша, ну что ты заладил: **как ты мог, как ты мог?** Как попугай, ей-богу», – устало отозвался Самойлов. (Елена Веснина. Большие перемены)

Иногда (как в приведенном примере) говорящему кажется, что он слышал некоторые соображения собеседника, высказанные неоднократно, в то время как тот высказал свою мысль (или вопрос) всего лишь единожды. Тем самым повтор является искажением реальности, особенно если для введения цитаты используются глагол *заладил* или структуры *ну что ты всё* или *ты опять…*

Реплика-передразнивание может относиться на к собеседнику, а к третьему лицу, которого говорящий передразнивает в своем монологе-нарративе. Классический пример передразниваний такого рода – миниатюра Аркадия Райкина «В Греческом зале» по мотивам сатирического текста Михаила Жванецкого (см. https://www.youtube.com/watch?v=-FuGuJ3u5EE), откуда передразнивания *В Греческом зале, в Греческом зале! Ах, Аполлон, ах, Аполлон!*, произносимые с неподражаемой интонацией, прочно вошли в виде крылатых фраз в русский язык.

Цитация может быть отнесена и к животному, когда человек дважды повторяет звук, издаваемый животным, средствами своего языка, например, в детской поэме Корнея Чуковского «Телефон»: *А он только «му» да «му»*. Несмотря на то, что медведь не произносит «му», Чуковский цитирует звук, который издает медведь по телефону, не имея намерения его исказить, то есть все-таки хотя бы относительно точно.

6.1.2. **какой / какая / какие я / мы / он / она / они вам / тебе X? / !:** *Какая я вам милая?* (Сергей Довлатов. Заповедник)

Говорящий недоволен тем, как к нему или к третьему лицу обратились или как его назвали, и требует изменить это обращение или обозначение. Конструкт строится по типу реплики-эха: в нем непременно имеется прямая цитата из предыдущей реплики собеседника. Реплика-конструкт может явиться серьёзной помехой для продолжения диалога в конструктивном ключе. Ср.:

(6) **Какой я вам братец**! Оставьте меня. (А. Н. Островский. Доходное место)

(7) «Врёшь, дюшка», – сказал Переделов. – «**Какая я вам дюшка**, чтой-то такое, насмешники этакие!» – закричала Клавдия (Фёдор Сологуб. Мелкий бес).

6.1.3. **Х он / она / они (в любом падеже) [, как же / видали? / слыхали?]:** «*Я знаю. Не волнуйся*». – «*Знает она…*».

Реплика-эхо, выражающая недоверие или просто недовольство в адрес собеседника, обозначаемого здесь непосредственно в диалоге личным местоимением третьего лица. Говорящий подхватывает какое-то слово или словосочетание из реплики собеседника и повторяет его. Обозначение собеседника местоимением третьего лица представляется наиболее необычным признаком данной ФК. Например: *«Готовь парадный костюм, я устрою тебя на работу». – «Устроит он!»* Конструкт часто сопровождается чем-то вроде недовольного ворчания или реплика сама и есть ворчание. Недостоверность сказанного собеседником может быть подчёркнута и словами *да ладно* перед повтором лексического элемента из реплики собеседника или *как же* после повтора. Говорящий передразнивает собеседника, повторяя его реплику, но в третьем лице и с характерной особой интонацией (сильно понижая тон), как будто не обращается к собеседнику, а рассказывает о нём кому-то незримому, какому-то невидимому зрителю. Иногда говорящий как бы приглашает эту незримую публику разделить с ним его недоверие, неодобрение, презрение или ироническое отношение к сказанному и через сказанное к самому передразниваемому добавляя структурные элементы *видали* или *слыхали* даже если никаких свидетелей диалога в пределах досягаемости нет. Таким образом, говорящий ведёт себя в этих случаях так, как будто он актёр на сцене. По-видимому, его переполняет потребность поделиться с кем-либо своими эмоциями. Конструкт можно рассматривать как один из способов передразнивания с точным цитированием.

Филлером может быть любое слово из предыдущей реплики диалога, которое непосредственно касается действия или качеств собеседника, которого говорящий цитирует (чаще всего это предикат предшествующей реплики). Примечательно, что может в том числе использоваться слово с обязательной, но не заполненной в реплике-конструкте валентностью. Например, по-русски нельзя сказать просто *кто-либо устремил*, а нужно обязательно добавить, что именно (обычно *взгляд, взор, глаза*) и куда именно (например, *на море, вдаль, на неё*) кто-либо устремил. Но в рамках конструкта, служащего как способ передразнивания, один глагол устремил в сочетании с подлежащим *он* или *она* употребить вполне допустимо: *Устремил он…* – главное, чтобы этот глагол был произнесён в предыдущей реплике собеседника. В зависимости от части речи филлера, а также от формы, в которой соответствующее слово употребляется в предыдущей реплике, может меняться форма местоимения *он / она / они*; якорь-местоимение может употребляться в том числе после предлога, например, *у него / за ней / к нему / за ними* и т. д. Главное, что используется личное местоимение третьего лица, несмотря на ситуацию диалога. Если филлером является глагол, то и в этом случае глагол-филлер стоит в конструкте перед местоимением, а не после него, как в обычной фразе: *Не просил он!; Сожалеет она!* (ср. обычный порядок слов в неидиоматической фразе: *Он не просил…; Она сожалеет…*). Ср.:

(8) «Я всё решу!» – «**Решит он…**» (Сериал «Условный мент», 4-й сезон, 26-я серия)

Несмотря на большую популярность данной конструкции в разговорной речи, в письменных текстах она встречается крайне редко; причиной является, по-видимому, её крайняя невыразительность на письме: значение ФК почти полностью

определяется просодией – низким тоном и монотонностью, напоминающей бормотание «себе под нос».

6.2. ФК – псевдопередразнивания

Некоторые ФК являются как бы резервуарами для неточной или искажённой цитации – разного рода передёргиваний, преувеличений, намеренных искажений. Говорящему либо кажется, что ему нечто говорили или говорят, хотя на самом деле, скорее, всего, в действительности он не слышал подобных формулировок, либо он обобщает и искажает слова человека, кого он недолюбливает, не уважает, хочет унизить хотя бы мысленно для себя или перед другими – в случае, если его слова не достигают того человека, которого он осуждает.

6.2.1. **X [ему / ей / им / вам] [не] V imp?**: *Сло́ва ему поперёк не скажи…*

В адрес кого-либо за глаза выражается недовольство, критика или жалоба в виде псевдокосвенной речи, как если бы критикуемое лицо приказывало говорящему или второму (третьему) лицу что-либо сделать (V) или, наоборот, чего-либо не делать (не V), в форме императива. Говорящий выступает здесь либо от своего имени (если его самого кто-либо обижает, кто-либо им помыкает и т. д.), либо от имени третьего (реже второго) лица, за которое он таким весьма косвенным образом, обычно за глаза, заступается. Иными словами, говорящий выступает в роли жертвы или от имени жертвы. В действительности говорящий лишь интерпретирует поведение критикуемого лица (реже животного, которое также способно предъявлять требования к хозяину и капризничать), словно бы перевоплощаясь в него и отдавая приказания от его имени – в том числе приказания, которые критикуемый «тиран» в действительности никогда не отдавал или отдавал иными словами, не столь откровенно или далеко не так уж часто, как это хочет изобразить говорящий. Таким образом, конструкт можно рассматривать как косвенное передразнивание и в то же время (обычно неправомочное) обобщение – и тем самым как гиперболу. Примечательно, что в передразниваниях и обобщениях такого рода чаще участвуют несколько глаголов (обычно два или три), валентность которых заполняется неопределёнными местоимениями, используемыми парами: *то, это, сё, туда, сюда, там, сям*, например: *То не бери, это не тронь* или *Туда не ходи, сюда не суйся*. Иногда один и тот же глагол повторяется с разными местоимениями: *Подай то, подай сё* или употребляются глаголы-синонимы: *Подай то, принеси это*. Примечательно, что в конструкте может участвовать местоимение первого лица *я*, которое вообще-то с формой императива обычно не сочетается, ср.: *Я и на стол подай, я и в магазин сходи*. Если в конструкт включено личное местоимение в дательном, то оно обозначает обычно того человека (или животное), кто якобы требует от говорящего или от того лица, которое говорящий представляет, выполнить определённое действие. Например: *Я ему и диссертацию защити, и детей воспитывай*. Диссертацию обычно не защищают кому-либо, у выражения *защитить диссертацию* вообще отсутствует валентность «дательный падеж». Под *ему* подразумевается тот человек, который якобы отдаёт подобные приказания. Ср.:

(9) Редко когда высунешь нос из своего подполья. Ты не знаешь, какая она… **Слова поперёк не скажи… То не делай, туда не ходи**… И на всё её воля. Ну, что я ей сделала?! Ну, за что она меня прокляла?! (Вероника Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел бесплатно).

(10) Простенькая графика и нарочитый визуальный примитивизм: картонные фигурки персонажей, тройные мускулы и круглые ножки, раскинутые на пол-лица глазища… **Но возражать не моги** – стиль (igromania.ru).

(11) Вот молодежь пошла: **слова-то ей не скажи, экзамен с зачетом не прими…** (aspirantura.spb.ru/forum).

Семантических ограничений на использование глаголов в роли филлеров нет, однако чаще всего употребляются глаголы, обозначающие действия, неприятные для любого человека, когда он чувствует, что им самим или вторым (третьим) лицом помыкают. В целом фразы-императивы в рамках данного конструкта всегда кратки. Глаголы-филлеры могут быть как несовершенного, так и совершенного вида. Чрезвычайно частотен глагол *подай* или *подавай*, причём *подай* обозначает непосредственную доставку какого-либо предмета или лица, а *подавай* обычно означает ориентацию «жертвы» приказов на продолжительные поиски и на большие затраты. В данной ФК может участвовать форма совершенного вида *скажи* с отрицанием: *то не скажи, это не скажи* или *ничего ему не скажи*, хотя сочетание отрицательной частицы *не* и / или отрицательного местоимения *ничего* с императивом совершенного вида – скорее редкость. Можно встретить даже грамматически ненормативную форму императива *не моги* в полушутливых фразах, имитирующих чей-то запрет (хотя, возможно, этот запрет существует лишь в воображении говорящего).

6.3. Смешанная группа

В этой группе ФК могут встречаться и точные, и искаженные цитаты. Кроме того, в ФК этой группы цитаты (а значит, и передразнивание) могут и вовсе отсутствовать.

6.3.1. **от N слышу:** *Дурак! – От дурака слышу!*

Реакция (реплика-эхо) на неуместное или глупое замечание или обидную с точки зрения говорящего реплику. Конструкт обычно является ответом на инвективу и сам представляет собой прямую инвективу; тем самым он может явиться серьёзной помехой для протекания диалога в конструктивном ключе. В качестве филлера конструкт содержит повтор (полный или частичный) слова или словосочетания, которые показались говорящему особенно обидными или неуместными в замечании собеседника (слово-стимул). Филлер – всегда существительное. Цитация обычно точная, без каких-либо искажений. Исключения составляют переделки единственного числа на множественное (или наоборот), формы мужского рода на форму женского (или наоборот). Вот пример, где слово-стимул женского рода превращается в ответной реплике в слово женского рода:

(12) «Мне вас всех жалко, дурочка». – «**От дурачка слышу**. Уходи, а то огрею чем-нибудь по загривку-то – враз жалеть перестанешь». (Шукшин. Живет такой парень).

Возможна переделка услышанного – например, в виде стяжения нескольких слов в одно (создается эффект языковой игры), как в следующем примере:

(13)«Где ты у самолета ногу видела?» – полюбопытствовала я. – «Там же, где и у тебя», – огрызнулась она. – «Ума палата», – постучала я себя по лбу. – «**От умыпалаты слышу**», – полезла в драку сестра (Наринэ Абгарян. Всё о Манюне).

После прямой цитации могут встречаться добавления, цитатами не являющиеся, как в следующем примере:

(14) «Вот падло какое», – сказал Ваксон Нинке и показал большим пальцем на человеческую глыбу. – «**От падлы слышу!** – не выдержал Юрченко и дальше полностью сорвался: – **От врага, от предателя, троцкиста-фашиста еврейского**!» Развернулся отчаянный скандал (Василий Аксенов. Таинственная страсть).

Иногда в ответной реплике и вовсе нет цитаты, а имеется новое слово (обидное, негативно-оценочное), которое приходит в голову говорящему, когда он придумывает свой ответ как реакцию на обидную для него реплику-стимул, например:

(15)«Мародёрка!» – «**От каракатицы слышу**!» (Н. В. Нестерова. Зефир в шоколаде).

Такие случаи мы не можем отнести к передразниванию: в них отсутствует феномен повтора. Тем не менее первая реплика является и в них стимулом для реакции. Слово *каракатица* хотя и не синоним слова *мародёрка*, но последнее пробуждает в говорящем, реагирующем на однословную реплику, обиду и, как следствие, агрессивность, а выбранное для ответа слово негативно-оценочно коннотировано, что сближает его со словом-стимулом, хотя и не делает его синонимом.

6.3.2. **[да] сам [ты] / [да] сами [вы] X!:** *Дурак! – Сам дурак!*

ФК представляет собой реакцию на неуместное, неверное или глупое замечание (утверждение) или обидную с точки зрения говорящего реплику. Является прямой инвективой и может оказаться серьёзной помехой для протекания диалога в конструктивном ключе. В качестве филлера конструкт содержит повтор (полный или частичный) или синоним слова, которое показалось говорящему особенно обидным или неуместным в замечании собеседника (реплика-эхо). Можно рассматривать эту реплику-конструкт как содержащую передразнивание. Интересно, что цитата может следовать не сразу за репликой-стимулом, а отстоять от нее на некотором расстоянии. Особенно часто такие случаи наблюдаются, если говорящего по-настоящему обидело какое-то негативно-оценочное слово в его адрес. Говорящий может отреагировать на него не мгновенно, а с некоторой задержкой. По-видимому, ему требуется некоторое время, чтобы осознать, прочувствовать обиду. А возможно, он раздумывает, стоит ли на нее реагировать. Ср.:

(16) «Худая ты баба, вот что… Тебе кануны по упокойникам говорить, а не на конях ездить». – «И ты хорош, заводский варнак! – вскипел Анфим. – Сколько разов-то вывалил сам? Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала… **Сам ты баба!**..» (Мамин-Сибиряк. Хлеб).

ФК *сам ты X* отличается от сходной с ней ФК *от N слышу!* тем, что в конструктах, построенных на этой модели, чаще встречаются цитаты неточные, даже искажённые, синонимичные или вовсе выдуманные. Ср.:

(17)«Вы тоже американец? Нет? Меня не обманешь: я сразу понял, что вы любите носить разные шляпы». – «**Сам ты старая шляпа!**» (Андрей Битов. Преподаватель симметрии).

Второй участник диалога подхватывает слово *шляпа* из реплики собеседника не в той форме, в какой оно содержится в данной реплике, и добавляет к нему эпитет, которого не только нет в речи собеседника, но который собеседник вовсе не имел в виду. Кроме того, в реплике-конструкте слово *шляпа* обретает метафорически-оценочное значение (*вялый, неэнергичный человек или человек, не умеющий воспользоваться удобным случаем*), в то время как в реплике-стимуле значение у слова *шляпы* прямое.

Искажения могут быть и более существенными. Например, глагол в реплике-стимуле дает толчок к появлению существительного с тем же корнем в реплике-ответе:

(18) Не извольте безобразничать. – **Сам ты безобразник**! (Достоевский. Преступление и наказание).

Вот пример цитаты-синонима:

(19) Ска-атина, брат, ты… – **Сам ты животное** (Глеб Успенский. Сторона наша убогая).

Кроме того, конструкт, построенный по данной модели, может быть реакцией не только на инвективу, как это наблюдается для ФК *от N слышу*, но и на любое неверное или неуместное (с точки зрения говорящего) утверждение. Например:

(20) Вон там в траве змея! – **Сам ты змея**. Это безногая ящерица! (Из частного бытового диалога).

(21)Греми в бар-рабан и – не бойся… «**Сам ты барабан**…» – с раздражением подумал Фома (Максим Горький. Фома Гордеев).

(22) Ну что ж, тебе и карты в руки. – **Сам ты карта**! (Из частного бытового диалога.)

В последнем из этих примеров имеет место искажение: из фразеологизма *кому-либо карты в руки* выхватывается одно слово, меняется его форма и слово приобретает совсем иное значение, чем оно имело внутри фразеологизма. Примечательно, что цитации подвергается не последнее слово (*руки* или *рука*), а неконечный элемент предшествующей реплики. Ср. повтор начального слова из реплики-стимула:

(23) «С норвежцем вместе пришли, да и хозяйничают», – заметил Вадим. – «**Сам ты норвежец**», – громко ответил ему зуек, оправившись от могучего надавливания руки Вадимовой (К. К. Случевский. Черная буря).

Филлер может быть представлен не только существительным, как в ФК *от N слышу!*, но и словом любой другой части речи. Например, глаголом:

(24) «Нет, врешь, ты этого не можешь сказать!» – «Нет, брат, сам ты врешь!» (Гоголь. Мертвые души).

Или наречием:

(25) «Батьку дорогу! – кричали другие; толкая в плечи прохожих. – Позаливали себе очи и ничего не видят! Эй, пьяницы, набок!» – «**Сам ты набок!**» – отбранивались те (М. П. Старицкий. Молодость Мазепы).

В данном примере интересно то, что отвечающие цитируют не обидное для них обращение *пьяницы*, а наречие *набок*, которое, казалось бы, не содержит обидной для них семантики.

Вообще вопрос о том, какое именно слово из целой фразы является наиболее вероятным кандидатом для цитирования, пока не исследован.

6.3.3. **я / он / она / мы / они [вам / тебе / ему / ей / им] не X:** *Я вам не ведьма!* (Ксения Алексеенко. Заголовок романа).

Данная ФК может рассматриваться как аналог и полный синоним ФК **какой / какая / какие я / мы / он / она / они вам / тебе X? / !** *(Какая я тебе бабка!),* когда конструкт используется по типу реплики-эха. И в этой ситуации мы имеем дело с передразниванием в виде точной цитаты. Однако данная ФК не обязательно содержит цитацию: она часто используется для формулирования оценки ситуации, для называния отношения другого человека (или животного) к говорящему и одновременно как сигнал отпора, протеста против такого отношения. Например:

(26) Препирательство в кабинете продолжалось. «Онокодзи, **я вам не дойная корова**!» (Борис Акунин. Алмазная колесница).

Никто не называл в ситуации, описываемой Акуниным, произносящего данную реплику дойной коровой: его просят о выдаче немалой денежной суммы. А он оценивает отношение к своей персоне посредством идиомы *дойная корова* и реагирует на подобное отношение отпором. Здесь перед нами не передразнивание.

6.4. ФК с цитатами – полными и намеренными искажениями как тип языковой игры

6.4.1. **X-Y:** *умер-шмумер*

Конструкт представляет собой неточное удвоение какого-либо слова, где второе слово конструкта является коверканьем первого и отсутствует в словаре. Смысл конструкта в том, чтобы предложить вниманию собеседника или аудитории рифму,

которая звучит смешно и одновременно часто выражает презрение или пренебрежение к референту первого слова или к тем людям, которые относятся к этому референту всерьёз. Иногда конструкт выражает пренебрежение или ироничное отношение к человеку, который просто произнёс в своей реплике слово X: говорящий, сочиняя рифму к этому слову, занимается прямым передразниванием. Передразнивание может быть и псевдопередразниванием: например, когда говорящий предполагает, что некто, кого он якобы цитирует, на самом деле ничего подобного не говорил, но, наверное, мог бы сказать или хотя бы подумать. Говорящий как бы вкладывает в чьи-то уста некую цитату, которая на самом деле является псевдоцитатой. Например:

(27) Чехия – чудесная страна, с интересной историей, богатой архитектурой и уникальной культурой. Однако для многих туристов вся эта **культура-шмультура** – приятное дополнение к… пиву! (dzen.ru).

Путем коверканья слова *культура* и удвоения с использованием рифмы автор данного примера косвенно выражает свое презрение по отношению к туристам, которые в Чехии интересуются в первую очередь пивом.

Чаще всего для сочинения несуществующего слова Y используются начальные буквы *ш, шм* или *м*[1]. Данные буквы могут вытеснить первые буквы слова X или добавиться к нему слева: *культура-шмультура* или *культура-мультура, маятник-шмаятник*. Слово, придуманное говорящим, должно вызывать улыбку. Ср.:

(28) Мошенники пытались узнать, кто я и откуда, после отказа в информации кинули трубку, прикинулись каким-то **медиа-шмедия** (rucolumb.ru).

(29) Нет, я, конечно, понимаю, **форум-шморум** там всяческий. Собрались, поговорили, выпили и закусили. Но народ же тоже должен удовольствие получить (dzen.ru).

Обычно слово, придуманное «в рифму», просто бессмысленно, но изредка вызывает ассоциации (и его использование навеяно, видимо, теми же ассоциациями). Так, для слова *полиция*, встречаются рифмы: *полиция-шмолиция* или *полиция-шмалиция*: в этих парах прослеживается ассоциация с глаголом *шмолять*, или *шмалять* ('стрелять', блатной жаргон).

В принципе данная конструкция продолжает давно бытующую традицию придумывания осмысленных или бессмысленных, но забавных, занятных рифм к самым разным словам, благодаря чему создаются пары типа *фокус-покус, страсти-мордасти, руки-крюки, любовь-морковь, Маша-растеряша* и многие другие. Некоторые встречаются в детских считалочках, например: *шишел-мышел, эники-бэники*. В русском дискурсе бытуют также стандартные и грубые по стилю рифмованные дразнилки-ответы типа *«Где? – В Караганде!»; «Кто? – Конь в пальто!»; «Как твой муж?» – «Муж объелся груш»* и т. п. А высказывание *Ай, умер-шмумер, лишь бы был здоров!* – крылатая фраза, вошедшая в русской язык из еврейского анекдота и передающая смысл: 'полное невнимание к словам собеседника'. Имеется даже словарь подобных реплик-ответов: [6]. Некоторые рифмованные «дразнилки» можно найти и в [9].

Заметно, что примеры, отобранные для соответствующей словарной статьи, взяты из интернет-порталов (преимущественно форумов и иных социальных сетей). Подобные примеры практически отсутствуют в художественной литературе – тем более, переводной. Для перевода приходится обращаться к собственным ресурсам или к искусственному интеллекту. Приведем здесь один пример перевода:

(30) Организм сыроеда самостоятельно способен синтезировать абсолютно все необходимые витамины, поэтому ему никакие **витамины-шмитамины** не нужны (leafleta.livejournal.com) / Der Körper eines Roh-

köstlers ist in der Lage, alle notwendigen Vitamine eigenständig zu synthetisieren, daher benötigt er keine **Vitamine-Schmitamine**. (Пер.: ChatGPT).

7. Заключение

В статье рассмотрены некоторые виды передразниваний и псевдопередразниваний, основанных на синтаксических фразеологизмах-конструкциях (ФК). Для отбора, описания и классификации представленных здесь ФК понадобилось сформулировать развернутое определение передразнивания как коммуникативной стратегии. Было показано, что передразнивание по природе своей диалогично, хотя встречается не только в диалогах.

Все представленные здесь ФК были сгруппированы по критерию «степень искажения»: ФК с точной цитацией, ФК с псевдоцитацией, смешанные случаи и ФК, служащие для создания языковой игры на основе цитации.

Описание ФК было кратким: в базе данных, которая в настоящий момент составляется для русских ФК и их переводов на немецкий, сведений о них значительно больше.

Кроме того, в статье в связи с ее темой сформулировано несколько вопросов, которые можно рассматривать как стимул для продолжения исследований в направлении лингвопрагматики и изучения диалогического дискурса.

Примечания

1. Сочетание шм, возможно, восходит к языку идиш.

Список источников и литературы

1. *Арутюнова Н. Д.* Диалогическая цитация: (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50–64.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 569 с.
3. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии М.: Знак, 2008. 656 с.
4. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Основы фразеологии (краткий курс) : учебное пособие. М.: Флинта, 2014. 307 с.
5. *Большой академический словарь русского языка* (БАС) : [в 30 т.]. М.; СПб.: Наука, 2004– .
6. *Бондаренко В. П.* Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2013. 339 с.
7. *Верещака Н. Ю.* Вербальные и невербальные компоненты коммуникации, используемые при обращении к словам оппонента в ситуации конфликта // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 409–413.
8. *Гришина Е. А.* О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды междунар. конф. «Диалог 2010». М.: ИЦ РГГУ, 2011. С. 257–272.
9. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа: Большой объяснительный словарь. М.: Феникс, 2008. 590 с.
10. *Костяев А. П.* Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 19. С. 101–109. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=18344454 (дата обращения: 15.07.2023).
11. *Купина Н. А., Михайлова О. А.* Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 591 с.
12. *Левонтина И. Б.* Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 52–77.
13. *Русская грамматика* : в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 95–104.

14. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Академия наук СССР, 1960. С. 270–279.
15. *Шведова Н. Ю.* О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 93–100.

References

1. Arutyunova, ND 1986, 'Dialogicheskaya tsitatsiya (k probleme chuzhoy rechi)' (Dialogic quotation (Towards the problem of other people's speech)), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 50–64. (In Russ.)
2. Akhmanova, OS 1966, *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms), Sov. Entsikl publ, Moscow. (In Russ.)
3. Baranov, AN & Dobrovolskiy, DO 2008, *Aspekty teorii frazeologii* (Aspects of the phraseology theory), Znak publ, Moscow. (In Russ.)
4. Baranov, AN & Dobrovolskiy, DO 2014, *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs)* (The basics of phraseology. Short course), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
5. *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka v 30 t.* (Large Academic Dictionary of the Russian Language in 30 volumes) 2004. Nauka publ, Moscow, St.Petersburg. (In Russ.)
6. Bondarenko, VP 2013, *Otvetnyye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi* (Response lines in Russian dialogue speech), Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta publ, Tula. (In Russ.)
7. Vereshchaka, NYu 2020, 'Verbalnyye i neverbalnyye komponenty kommunikatsii, ispol'zuyemyye pri obrashchenii k slovam opponenta v situatsii konflikta' (Verbal and non-verbal components of communication as reaction to an opponent's words in a conflict situation), *The world of science, culture and education*, no. 3 (82), pp. 409–413. (In Russ.)
8. Grishina, EA 2011, 'O mul'timodal'nykh klasterakh v ustnoy rechi' (Multimodal clusters in oral speech), *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, ITS RGGU publ, Moscow, pp. 257–272. (In Russ.)
9. Zimin, VI & Spirin, AS 2008, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda: Bol'shoy obyasnitel'nyy slovar'* (Proverbs and sayings of the Russian people: Large explanatory dictionary), Feniks publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kostyayev, AP 2010, 'Diskursivnyye markery verbal'noy agressii v professional'noy kommunikatsii' (Discursive markers of verbal aggression in professional communication), *World of Linguistics and Communication*, no.2(19), viewed 15 July 2023, http://tverlingua.ru/archive/019/9 19.pdf. (In Russ.)
11. Kupina, NA & Mikhaylova, OA 2004, *Kulturnyye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* (Cultural practices of tolerance in speech communication), Izd-vo Ural. un-ta publ, Ekaterinburg. (In Russ.)
12. Levontina, IB 2020, 'Ob arsenale ksenopokazateley v russkom yazyke' (On the arsenal of xeno-indicators in the Russian language), *Voprosy Jazykoznanija*, no.3, pp. 52–77. (In Russ.)
13. Shvedova, NYu (ed.) 1980, Russkaya grammatika (Russian Grammar), vol. 1, Nauka publ, Moscow, pp. 95–104. (In Russ.)
14. Shvedova, NYu 1960, *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* (Essays on the syntax of Russian colloquial speech), Akademiya nauk SSSR publ, Moscow, pp. 270–279. (In Russ.)
15. Shvedova, NYu 1958, 'O nekotorykh tipakh frazeologizirovannykh konstruktsiy v stroye russkoy razgovornoy rechi' (About some types of phraseological constructions in the structure of Russian colloquial speech), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 93–100. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 13.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 179–194.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 179–194.

Научная статья
УДК 81’373
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-179-194

ФУНКЦИОНАЛ МЕСТОИМЕННОЙ НЕГАЦИИ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ

Людмила Борисовна Савенкова

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия, savenkova@sfedu.ru
https://orcid.org/0000-0002-2637-679X

Аннотация. В кругу маркеров семантики обобщенности ученые выделяют отрицательные местоимения. В русском паремиологическом пространстве обнаруживается немногим менее 400 пословиц и поговорок с местоимениями *никто, некого, ничто, нечего, никакой*. В статье ставится вопрос о функционале прономинальной негации в изречениях потенциально-дидактической направленности; дается общий обзор активности использования отдельных отрицательных местоимений в составе паремий. Основное внимание уделяется анализу единиц с местоимением *никто*: рассматриваются особенности его семантики и возможности функционирования в ролях семантического субъекта и семантического объекта предложения (выявляется, что позиция субъекта оказывается для него в два раза более частотной, чем роль объекта), при этом сочетаемость местоимения *никто* с предикатом указывает на преобладание у предложенческой семантики опоры на событийную пропозицию, а предикативные части, воплощающие логическую пропозицию, обнаруживаются намного реже. Анализ демонстрирует, что за счет местоимения *никто* паремии описывают либо равноценную невозможность реализации ситуации, достижения цели и т. п. для любого индивида (*никто* – это вообще ни один человек), либо противопоставленность одного лица остальным членам социума или малой социальной группы (*никто* – это ни один человек из числа потенциально способных взаимодействовать с индивидом). В большинстве случаев местоимение *никто* реализует частное отрицание, усиливая общее, которое передается предикатом с частицей или приставкой *не*. Однако есть и конструкции, в которых неполнота предложения не позволяет эксплицировать общее отрицание через предикат (тогда эту функцию дополнительно берет на себя местоимение). В единичных случаях в паремиологическом пространстве сохраняются полные предложения с общим отрицанием, которое реализуется предикатом без отрицания.

Ключевые слова: паремия, пословица, структура, семантический субъект, семантический объект, негация, отрицательное местоимение, пустое множество, сочетаемость.

Благодарности: автор благодарит профессора кафедры русского языка Южного федерального университета Н. В. Изотову за ценные рекомендации по характеристике грамматической структуры исследуемых в статье паремий.

Для цитирования: Савенкова Л. Б. Функционал местоименной негации в русской паремике // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 179–194. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-179-194.

Сведения об авторе: *Л. Б. Савенкова* – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93.

© Савенкова Л. Б., 2023

Scientific Article
UDC 81'373
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-179-194

THE RANGE OF FUNCTIONS OF PRONOMINAL NEGATION IN RUSSIAN PAREMICS

Lyudmila B. Savenkova

Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia, savenkova@sfedu.ru
https://orcid.org/0000-0002-2637-679X

Abstract. Among the semantic markers of generality, scholars distinguish negative pronouns. In Russian paremiological space there are about 400 proverbs and sayings with pronouns *nobody, nothing, nothing* (*никто, некого, ничто, нечего, никакой*). The article investigates the range of functions of pronominal negation in potentially didactic sayings, and offers a general overview of different use of negative pronouns as parts of paremias. The author focuses on the analysis of units with the pronoun *nobody*. The peculiarities of its semantics and possibilities of functioning in the roles of semantic subject and semantic object of the sentence are considered. It is revealed that the subject position is twice as frequent as the object role. At the same time, the combination of the pronoun *nobody* with the predicate indicates the predominance of the propositional semantics of the reliance on the event proposition, while predicative parts embodying the logical proposition are found much less frequently. The analysis demonstrates that due to the pronoun *nobody*, paremias describe either the equivalent impossibility of any proceeding, achieving a goal, etc. for any individual (*nobody* in general), or the opposition of an individual to the rest of the society or a small group (*nobody* is any person from among those potentially able to interact with an individual). In most cases, the pronoun *nobody* implements a particular negation, reinforcing the general one, which is conveyed by a predicate with a particle or prefix. However, there are also constructions in which the incompleteness of the sentence does not allow explication of the general negation through the predicate (then the pronoun additionally takes over this function). In isolated cases in paremiological space, complete sentences with a general negation expressed through a non-negative predicate are used.

Keywords: paremia, saying, structure, semantic subject, semantic object, negation, negative pronoun, empty set, compatibility.

Acknowledgement: the author thanks N. V. Izotova for valuable recommendations on the characteristics of the grammatical structure of the paremias under investigation.

For citation: Savenkova, LB 2023, 'The Range of Functions of Pronominal Negation in Russian Paremics', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 179–194, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-179-194 (in Russ.)

Information about the Author: *Lyudmila B. Savenkova* – Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Russian Language Department, Southern Federal University, 93, Universitetskiy lane, Rostov-on-Don, 344006, Russia.

© Savenkova L. B., 2023

Введение

Размышляя вслед за филологами XIX столетия И. М. Снегиревым [20, с. IX–XIV], В. И. Далем [8, т. 1, с. 13], Ф. И. Буслаевым [6, с. 79–95], А. А. Потебней [16, с. 98–100] о пословицах как ядерном типе паремий, то есть составных языковых знаках со структурой предложения, призванных прямо или косвенно выполнять дидактическую функцию (см., например, [18, с. 67; 5, с. 12–13; 3, с. 69; 19, с. 20–21; 14, с. 10; 1, с. 171–173] и др.), ученые чаще всего справедливо сосредоточивают внимание на том, какие ценности народное сознание выдвигает на первый план, что стремится подчеркнуть как достойное, что – как осуждаемое. Известно, что в паремиях не проявляется единства мнений, в них порой выражаются противоположные взгляды на одну и ту же сущность или хотя бы находится аргументация неодинаковых предпочтений, ср.: *Держи копеечку, чтоб не укатилась* и *На деньгу обрати не накинешь*; *От огня и вода ключом бьет* и *Огнем вода ключом кипит, а водою и огонь заливают*; *Одна голова не бедна, а и бедна, да одна* и *Холостой – полчеловека* и др. Тем не менее в большинстве своем паремии утверждают либо рекомендуют, советуют нечто как признаваемое значимым для всех. В части таких изречений для этого используются эксплицитные лексические маркеры всеобщности типа *все, всякий, каждый, всё, всегда*, ср.: ***Все*** *бобры добры до своих бобрят*; ***Всяк*** *сверчок знай свой шесток*; *Сколько волка ни корми, он* ***всё*** *в лес глядит*; *На обеде* ***все*** *соседи; а пришла беда, они прочь, как вода*; ***Каждая*** *река своим устьем в море впала*; *В поле пшеница годом родится, а добрый человек* ***всегда*** *пригодится* и т. п. Однако, наряду с подобными словами, своеобразными маркерами всеобщности выступают и слова, заключающие в себе мысль о негации, – отрицательные местоимения и местоименные наречия. На то, что в семантике таких единиц с частицей *ни* заключено именно значение обобщения, указывает В. В. Виноградов: «Употребляемая в качестве привеска к относительным местоименным словам частица *ни* является лишь омонимом отрицательно-усилительной частицы *ни*. Она придает обобщающее значение соответствующим местоимениям: *какой – ни, где – ни, кто – ни, куда – ни, откуда – ни* и т. п.» [7, с. 525]. Однако идею обобщения они все же сочетают с маркировкой пустого множества. По сути, можно было бы сказать, что никто – это отсутствующие все, а ничто – отсутствующее всё. Именно это позволяет А. М. Червоному демонстрировать подобную обобщенность значения у отрицательного местоимения *никто* путем идентификации высказываний с ним и высказываний с определительным местоимением *все*, ср.: «:1) ***Никто*** *не хочет войны*, т. е. все хотят мира. 2) ***Никто*** *никого не нагибает и не нагнет* (А. Лукашенко), т. е. все равноправны и находятся в равных условиях» [21, с. 438].

По сути, квалифицируемые русской грамматикой как отрицательные, местоимения с *ни-*, как и местоимения с *не-*, указывают на наличие частного отрицания в высказывании, отсылая к семантическим субъекту или объекту (в понимании этих сущностей исследование опирается на статьи Е. М. Лазуткиной из энциклопедии «Русский язык» [11, с. 411–412, 752–754]), атрибуту и т. д., а местоимение *нечего* даже способно трансформироваться в слово категории состояния и выступать в роли предиката – маркера общего отрицания, ср.: «НЕЧЕГО, *в функц. сказ.* (*с инф.*). *Разг.* Не приходится, не следует; не полагается. *На работе спать нечего.* <…> Не надо, незачем <…> *Нечего стоять под дождем*» [10, с. 648]. В целом отрицание, реализуемое местоимениями, оказывается усиливающим обобщающую семантику паремий и позволяет выявить акцентуацию народного сознания на тех аспектах типовых ситуаций отсутствия, невозможности, неспособности и т. п., которые ему видятся наиболее существенными в жизни людей. Между тем, насколько известно, до настоящего времени не предпринималось специальных исследований, посвященных уточнению функционала прономинальной негации в русской паремике.

В соответствии со сказанным в настоящем сообщении объектом исследования выступают паремии, в состав которых включены местоимения *никто, ничто, некого, нечего, никакой*, а предметом являются особенности местоименной семантики негации в структуре пословиц и поговорок.

Цель исследования – на фоне обзора отрицательных местоимений, входящих в русские паремии, оценить потенциал одного из них (*никто*) в трансляции семантики обобщения через отображение пустых множеств при характеристике взаимосвязей индивида и социума.

Задачи исследования заключаются в определении степени активности разных отрицательных местоимений в образовании русских пословиц и поговорок, их роли в создании общего смысла изречения, в выявлении особенностей пустых множеств, на которых фокусируется внимание в паремиях благодаря использованию местоимения *никто*, а также синтагматических условий его реализации в их составе.

Материал и методы

Материал исследования составила выборка пословиц и поговорок (отметим, что в интерпретации автора исследования поговорки отличаются от пословиц отсутствием переносного смысла высказывания, см. об этом в вышеупомянутой монографии [18, с. 67], а также в [17, с. 444–445]) из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [7] общим объемом в 378 единиц (без учета вариантов). Условием включения в выборку было наличие в составе паремии отрицательного местоимения.

Основные методы исследования, представляющиеся наиболее рациональными для решения его задач, – методы семантического, контекстуального, синтагматического, структурно-синтаксического анализа.

Обсуждение результатов

Если обратить внимание на степень интенсивности участия каждого из пяти вышеперечисленных местоимений в процессе образования паремий, то можно увидеть, что численный перевес сохраняют за собой местоимения с семантикой неодушевленности. Суммарно на них приходится 234 единицы: наиболее часто используется местоимение *ничто* (129 паремий), несколько реже в составе пословиц и поговорок встречается местоимение *нечего* (105). На местоимения с семантикой одушевленности приходится немногим более одной трети общего числа единиц: *никто* фигурирует в составе 116 паремий, *некого* – лишь в 23.

Из сделанных подсчетов видно, что приоритетное внимание отдается отсутствию чего-то в отдельных предметных сферах. В меньшей мере народный взгляд направлен на отсутствие хотя бы одного человека, отвечающего определенным требованиям или параметрам, формулируемым паремией. Атрибутивное местоимение *никакой* почти не участвует в паремийной деривации: в сборнике пословиц В. И. Даля обнаружилось всего пять пословиц с ним. Думается, такое распределение лексических маркеров местоименной негации вполне отвечает принципу антропоцентризма. Поскольку пословицы и поговорки в совокупности своей призваны служить «сводом народной опытной премудрости» [8, т. 1, с. 13] (правда, стоит заметить, что В. И. Даль не все эти изречения считает безоговорочно заслуживающими восприятия как руководства к действию, поскольку к *премудрости* добавляет: *и суемудрия*), постольку можно представить себе, что этим *сводом* должен оперировать некий усредненный носитель русской лингвокультуры, который оценивает условия и обстоятельства своего существования в природном и культурном мире, а также особенности взаимодействия с другими такими же людьми или иными существами и соответственно осмысляет оптимальный выбор линии поведения. Имеет смысл выявить, какие именно сущности, маркируемые отрицательными местоимениями, рассматриваются в пословицах и поговорках и какую семантико-синтаксическую позицию

занимают данные местоимения в структуре паремии. Это позволит понять, что в русских паремиях предстает как набор пустых множеств, обнаруживаемых в значимых для народа ситуациях и отношениях.

В соответствии с особенностями морфемного состава исследуемые местоимения включаются в предложения двух типов.

Местоимения с приставкой *ни* (*никто, ничто, никакой*), как правило, обнаруживаются в составе грамматических конструкций (простых предложений или предикативных частей сложных предложений), передающих мысль о полном отрицании (предикат выражен словом *нет* в бытийно-безличном значении, «в котором семантика “бытия”, сближается с семантикой “имения”, то есть обладания» [2, с. 8], или в составе конструкции есть частица *не* либо приставка *не-*), ср.: *Ни подо мной, ни надо мной* ***никого нет*** [8, т. 1, с. 168]; *Горе наше – ржаная / гречневая каша, а поел бы и такой, да* ***нет никакой*** [8, т. 1, с. 63]; ***Никто*** *того* ***не*** *ведает, как бедный обедает* [8, т. 1, с. 69]; *Солнышко садится, а в мошне* ***ничего не*** *шевелится* [8, т. 1, с. 63]; *Пьет пиво да мед,* ***ничто*** *его* ***не****ймет* [8, т. 1, с. 72]. Исключения единичны и обусловлены либо неполнотой предложения (ср.: *Бог по нас,* ***никто*** *же на нас* [8, т. 1, с. 23]; *В одной руке пусто, в другой* ***ничего*** [8, т. 1, с. 66]), либо наличием предиката, выраженного словом без эксплицированного отрицания, но синонимичным таковому (ср.: ***Ничто нипочем***: *был бы Ерофеич с калачом* [8, т. 2, с. 243], то есть *ничто* ***не пугает, не беспокоит***), либо сочетаемостью, которая не свойственна современному русскому языку, однако была известна и древне-, и старорусскому языку: *Упрямый умрет –* ***никто*** *его* ***уймет*** [8, т. 1, с. 161]; *Богатый врет –* ***никто*** *его* ***уймет*** [8, т. 1, с. 59], ср. примеры аналогичных конструкций в текстах из исторических корпусов «Национального корпуса русского языка» [15]: *И тии еще стыдящеся от своего воеводы акы при плъку и срамляющеся,* ***никтоже възложи рукы*** *на него* (История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв.); ***Никто*** *же* ***может видети****, ни, не оперивъ стрелы, прямо не стрелити, ни лѣностию чести добыти* (Моление Даниила Заточника (XII–XIII вв.); *А о сем, чаю, и вы не не весте, еже от Бога* ***никто, никамо укрытися может*** (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему..., 1718–1725); *Воистину, царю, впадеши в раскаяние, и* ***никто*** *тебѣ* ***помощник будетъ*** (Повесть о королевиче Валтасаре, конец XVII – начало XVIII в.) и др.

Местоимения с приставкой *не-* (*нечего, некого*) в составе паремий сами по себе выступают основными носителями семантики негации. Такие пословицы и поговорки имеют структуру инфинитивно-безличных предложений [12, с. 20], в которых, по наблюдениям Н. Ю. Шведовой (к которым и апеллирует П. А. Лекант), выступает как «главный член – инфинитив в обязательном сочетании с отрицательным местоимением или наречием» [22, с. 72], причем П. А. Лекант подчеркивает, что данная разновидность односоставных предложений в целом тяготеет к тому, чтобы главный член в них указывал на настоящее время – «с оттенками обобщённости, постоянства, с усилением категоричности модального значения» [12, с. 20]. Естественно, это способствует использованию конструкции для передачи паремийных смыслов, ср.: *Все ну, да ну, а тпрукнуть-то и* ***некому*** [8, т. 1, с. 177]; *Брюхо-то есть, да* ***нечего*** *есть* [8, т. 1, с. 46] и др.

То, что пословицы и поговорки с такими местоимениями, подобно изречениям с местоимениями *никто, ничто, никакой*, отсылают к мысли о пустом множестве, обнаруживаемом там, где желательно или даже необходимо его заполнение, подтверждается и существованием зафиксированных В. И. Далем вариантов одной и той же паремии с разными местоимениями (*И рад бы женился, да* ***некого*** *взять – И рад бы женился, да* ***никто не****йдет* [8, т. 1, с. 283]) или аналогичным варьированием, выявленным в художественной речи, ср. включенную в сборник пословиц

В. И. Даля паремию *Журить, бранить есть кому, а жаловать* ***некому*** и ее контекстный вариант: *Только не смейся надо мной, а ты мне всех родней стал… Ты меня жалеешь… Журить-бранить есть кому, а пожалеть* ***никто не*** *пожалеет…* (Ф. Д. Крюков. Казачка, 1896). В этих единицах контраст ожидаемого и не соответствующего ему реального проявляется за счет противительных союзов *да*, *а*, связывающих предикативные части сложных предложений; противопоставления ирреального и реального (*рад бы женился – нейдет*); использования контекстуальной антонимии (*журить-бранить – жаловать, пожалеть*); наконец, главное: антитеза наличия – отсутствия, создаваемая именно за счет отрицательных местоимений.

Кажется рациональным подчинить ход подобного исследования лексическому основанию, то есть рассмотреть каждое местоимение отдельно, предваряя характеристику его паремийного функционала собственно лексикографической справкой. Однако скромные рамки статьи не дают возможности подобного описания, поэтому, имея в виду его необходимость и возможность обращения к таким аналитическим этюдах в пределах других частных штудий, ограничимся здесь обращением всего к одному местоимению – *никто*.

Местоимение *никто* в составе русских пословиц и поговорок

Несмотря на то, что местоимение *никто* занимает лишь второе, а не первое место по частоте обнаружения в составе паремий, кажется логичным начать анализ именно с него, ибо человек – существо социальное и эволюционирующее именно как член общества. В современной философии известны два видения сути социального: 1) узкое – как «совокупности связей и отношений в обществе» и 2) широкое – как «всех явлений, свойств и отношений, присущих общественной форме движения, включая социальные моменты организации отдельных человеческих индивидов» [13, с. 101]. В настоящей статье социальное понимается именно во втором смысле.

«Новейший большой толковый словарь русского языка» наряду с значением ‘ни один (человек), ни одно (существо)’ [10, с. 651] отмечает и иную семантику, снабжаемую пометой *Разг.* ‘Ничтожный человек, не имеющий никаких достоинств; ничтожество’ и ‘ О человеке постороннем, абсолютно чуждом кому-л.’ (там же). В паремийном материале у местоимения обнаруживается только основное значение, причем под *никем* подразумевается именно ‘ни один (человек)’, никакое иное существо в виду не имеется.

Представляется важным учесть смысловую организацию предложений, определяя те роли, которые отводятся денотатам рассматриваемого отрицательного местоимения в кругу паремий, – роли семантического субъекта и семантического объекта. Однако стоит сделать оговорку: независимо от того, является ли местоимение *никто* маркером семантического субъекта или семантического объекта, в паремиях с его участием просматриваются две разновидности положения индивида по отношению к другим лицам: 1) ни один индивид не является исключением из общего правила, то есть условия превращения пустого множества в непустое отсутствуют в принципе; 2) антипод пустого множества находится в оппозиции к индивиду.

В структуре предложения *никто* в 75 паремиях занимает позицию семантического субъекта, а в 40 – оказывается маркирующим семантический объект.

В силу того, что пословицы и поговорки как разновидности вторичных языковых знаков маркируют типовые ситуации или отношения между вещами, они в большей мере реализуются в предложениях с событийной пропозицией и в намного меньшей – с логической пропозицией. В использовании данных понятий автор ориентируется на их разграничение Т. В. Шмелевой: «С-пропозиции “портретируют” действительность – происходящие в них события с их участниками. Л-пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [23, с. 10].

44 % паремий с местоимением *никто* в позиции семантического субъекта (33 изречения из 75) отвечают первой из двух групп паремий с семантическим субъектом *никто*: ни один человек не является исключением из общего правила. В каждой из этих пословиц и поговорок проводится мысль о том, что в описываемой ситуации или отношении индивид лишен определенной возможности потому, что ее нет вообще ни для кого, ср.: ***Никто*** *не увидит, как душа выйдет* [8, т. 1, с. 223]; ***Никому*** *не мило, когда дело хило / гнило* [8, т. 1, с. 364]; *В своей земле* ***никто*** *пророком не бывает / не бывал* [8, т. 1, с. 257]; ***Никто,*** *как Бог да государь* [8, т. 1, с. 189] и др.

28 из 33 паремий реализуют событийную пропозицию.

На первом месте по количеству в этой группе оказываются паремии, в которых *никто* в форме именительного падежа маркирует активный субъект – субъект действия (их 14). Смыслы этих изречений связаны в основном с общими закономерностями человеческого бытия. Они учат философскому отношению к жизненным трудностям и невзгодам, указывая, что людей, не имеющих проблем, не бывает: ***Никто*** *беды* ***не перебудет****: одна сбудет – десять будет* [8, т. 1, с. 119]. Даже если кажется, что в настоящее время все в порядке, это не означает, что благоденствие вечно: *От тюрьмы да от сумы* (*От сумы да от тюрьмы*) ***никто не отрекайся****!* [8, т. 1, с. 72]. Но даже такая – сложная, ненадежная, зыбкая – жизнь имеет свои преимущества, она лучше смерти: *Крепка могила, да* ***никто*** *в нее* ***не хочет*** [8, т. 2, с. 171]. Просто надо помнить, что жизнь человека в руках Всевышнего (*Чего бог не даст, того* ***никто не возьмет*** [8, т. 1, с. 24]) или судьбы (***Никто*** *от своего року* ***не уйдет*** [8, т. 1, с. 40]). Повседневность показывает, что тем или иным образом обиходные ситуации получают свое разрешение, ежедневные заботы приводят к удовлетворительному результату, поэтому не следует проявлять излишнего беспокойства по мелочам: ***Никто*** *обеда с собой* ***не носит*** (*а наедается*) [8, т. 2, с. 259], *Без хлеба, без соли* ***никто*** *не обедает* [8, т. 2, с. 255], ***Никто*** *с собою ночлега* ***не возит*** [8, т. 2, с. 238]. Конечно, это не означает, что паремии предлагают предпочесть действиям бездействие. Активность адресата паремии приветствуется, поскольку без нее ему не прожить: желающих заполучить легкую добычу хватает (*На пусто* ***никто не пришлет****, а с пуста всяк волочет* [8, т. 1, с. 127]), как хватает и желающих заставить других работать на себя. Этот тезис подтверждает пословица, зафиксированная В. И. Далем в двух вариантах: *Всяк хочет к скопцу, а* ***никто*** *к весельцу* (скоп – запас) / *Всяк к скопцу, а* ***никто*** *к веслу* [8, т. 2, с. 13]. Комментарий «скоп – запас» принадлежит В. И. Далю, но внутренней формы изречений он не проясняет. Если *скопец* – тот, кто создал некий *скоп* ‘запас’, то ему должен быть противопоставлен некий *веселец* ‘мот, транжира, гуляка, человек, жаждущий веселья’. Однако, во-первых, слова *веселец* в исторических и диалектных словарях обнаружить не удалось, зато в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» имеется слово *весельцо,* выступающее как диминутив к существительному *весло* [4, вып. 2, с. 113]. Не случайно во втором варианте вместо этого слова лексикограф зафиксировал именно слово *весло*. Противопоставление весла скопцу очевидной логики не имеет. Разгадку дает предположение, что В. И. Даль ошибся, написав слово *скопец,* в то время как гораздо вероятнее было бы сопоставить с веслом копец – руль судна. Данное слово есть и в словаре В. И. Даля, ср.: «КОПЕЦЪ м. арх. Руль, кормило, стерно, правило. *Кто копцом правитъ? Садись въ копецъ, на копецъ*» [9, т. 2, с. 158]. Такая реконструкция позволяет выявить смысл пословицы: никто не хочет выполнять тяжелую физическую работу, зато каждый хочет руководить, управлять другими.

Возвращаясь к анализу паремийного материала, отметим, что пословица, будучи формально констатирующей, тем не менее советует субъекту действия самому проявлять рациональную заботу о себе, о чем свидетельствует пояснение лексико-

графа: *Чужую похоронку* ***никто не найдет*** (*т. е. сам ищи* – комментарий В. И. Даля – *Л. С.*) [8, т. 2, с. 73].

Три паремии этой группы сосредоточивают внимание на речедействии. Причем все они призывают субъекта к объективной оценке своего поведения, то есть фактически характеризуют действие как результат восприятия. Одна подчеркивает, что любому индивиду свойственно не замечать своих недостатков: ***Никто*** *про себя худа* ***не скажет*** [8, т. 2, с. 160]. Вторая косвенно предостерегает от любых действий, которые осуждаются социумом, указывая на то, что есть общие для всех законы, и оправдываться неведением нельзя: *Незнанием закона* ***никто не отговаривайся!*** [8, т. 1, с. 192]. Третья провозглашает несомненное превосходство общественного мнения над личным: *Мир* ***никем не судится****, одним Богом* [8, т. 1, с. 315]. В качестве комментария стоит процитировать высказывание Т. В. Шмелевой, отмечающей, что одно и то же речедействие может оказаться значимым в разных сферах – социальной, ментальной, физической, психической: «В предикатах, описывающих речевые действия, тот или иной аспект может выходить на первый план, вытесняя из внимания, но не ликвидируя другие» [23, с. 17]. В паремиологическом пространстве это становится особенно заметным, так как оценка (включая и самооценку) в обиходных ситуациях, как правило, субъективна, а следовательно, не может быть свободна от эмоций, хотя должна быть подчинена рациональному началу и опираться на учет мнения социума.

Вторая по численности подгруппа изречений в данной группе – восемь паремий, осмысляющих восприятие индивидом себя и окружающего мира. Здесь в центре внимания субъект чувствующий, мыслящий и оценивающий. Почти все единицы подгруппы нацеливают индивида на осознание себя как существа несамостоятельного, зависимого от высших сил. Эта зависимость проявляется уже в том, что ни один человек не знает своего будущего в земном существовании, ср.: ***Никто*** *живой предела своего* ***не изведал*** [8, т. 1, с. 222], ***Никто не увидит****, как душа выйдет* [8, т. 1, с. 223]. Тем более неизвестно ему, когда наступит время отвечать за свои поступки перед Господом: ***Никому неведом*** *час Страшного суда* [8, т. 1, с. 222]. Более того, наблюдая за другими со стороны, люди не могут проникнуть в их внутренний мир, не способны познать ни их истинных побуждений, ни их состояния, ср.: ***Никто*** *же* ***весть*** *от человек, яже в человеце* [8, т. 1, с. 239], *Каково кому на дому – неведомо* ***никому*** [8, т. 2, с. 97]. Кроме того, чем больше у индивида жизненного опыта (особенно опыта негативного), тем меньше у него склонности воспринимать информацию, транслируемую собеседниками, как правдивую: *Ныне и правде-то* ***никто не верит*** [8, т. 1, с. 1546]. Любопытно в этой подгруппе одно изречение, которое, на первый взгляд, выбивается из общего ряда, если воспринимать его как поговорку: *Имя свое всяк знает, а в лицо себя* ***никто не помнит*** [8, т. 1, с. 242]. Именно как обобщающая фраза, лишенная переносного смысла, оно, вероятно, и возникло: простые люди в древности не имели в своем распоряжении зеркал и вряд ли могли составить точное представление о своей внешности. Однако, зная, насколько мало народное сознание придавало внимания внешности человека по сравнению с внутренними качествами (такой ценности, как красота, в сборнике В. И. Даля посвящено лишь немногим более одного процента всех пословиц и поговорок, см. данные в таблице 4 «Представление о ценностях в русских паремиях» в [18, с. 138–139]), резоннее предположить возможность оперирования паремией в метафорическом смысле: ‘никто не способен увидеть себя со стороны, а значит, и адекватно оценить совершенные поступки’. Справедливости ради надо признать, что доказательства бытования данного изречения ни в первом, ни во втором значении у автора исследования нет, во всяком случае обращение к авторитетным сборникам паремий не выявляет

интерпретирующих комментариев, «Национальный корпус русского языка» его использования не фиксирует.

Конечно, факт, что местоимение *никто* маркирует субъект восприятия, сочетаясь с соответствующим глаголом в роли предиката, не гарантирует того, что сама паремия также обязательно фокусируется на оценке восприятия. Скажем, в отличие от только что рассмотренной паремии с двумя глаголами восприятия (*знать, помнить*), изречение ***Никто*** *беса* ***не видит****, а всяк его ругает* [8, т. 1, с. 30] создано для описания речевого поведения индивида. В нем можно увидеть иронию по отношению к людям, привычно ищущим оправдания своим неблаговидным действиям или неумению рационально решить какую-то задачу, справиться с ситуацией, добиться результата и т. д. – не в себе самих, а вовне. Удобнее же всего в таких случаях сослаться на козни беса как представителя нечистой силы.

Близки к только что описанной подгруппе паремий четыре изречения из подгруппы характеризующих субъект состояния. Это состояние психическое, но обусловлено оно каждый раз – непосредственно или опосредованно – взаимодействием с социумом. Два из них сообщают о состоянии, в которое приводит людей контакт с эгоистом, хотя рассматривают ситуацию с разных сторон. Поговорка *Самолюб* ***никому не люб*** [8, т. 2, с. 104] прямо предупреждает, что ни одному индивиду не симпатичен тот, кто любит только себя. Второе изречение – *Сам на себя* ***никто не нарадуется*** [8, т. 2, с. 230] – намекает на невозможность жить только для себя. К такому заключению приводит наличие второго варианта той же паремии, в которой налицо уже другой, бытийный предикат, а указание на эмоцию перемещается в круг сирконстантов: *Сам себе* ***на радость никто*** *не* ***живет*** [8, т. 2, с. 230].

Двоякую интерпретацию допускает паремия ***Никому не мило****, когда дело хило (гнило)* [8, т. 1, с. 364]. Здесь *никто* может указывать как на любого отдельно взятого индивида, которому что-то не удается, так и на общество в целом, недовольное развитием событий, складывающейся ситуацией либо достигнутым результатом. В любом случае исключений для субъектов состояния здесь нет.

Было бы неверным категоричное утверждение, что паремии всегда безапелляционно заявляют об отсутствии исключений в кругу субъектов, маркируемых местоимением *никто*. Скорее, это характерно для тех единиц, которые затрагивают аспекты общечеловеческого бытия. Если же внимание сосредоточивается на социальной сфере, в высказывании можно обнаружить некое эхо ограничения пустого множества. Так, пословица ***В своей сермяжке никому не тяжко*** [8, т. 2, с. 96] косвенно отсылает к жизни не всех вообще, а всех простых людей, поскольку *сермягу* – «кафтан грубого, некрашеного крестьянского сукна» [9, т. 4, с. 178] не носили состоятельные люди. Смысл же паремии прозрачен: любой, кто способен самостоятельно обеспечить себе существование, пусть и небогатое (*сермяжка своя*), не испытывает душевного дискомфорта, поскольку осознает себя независимым.

Подобное эхо можно уловить и в паремиях ***На Руси никто*** *с голоду* ***не помирал / не умирал / не умирывал*** [8, т. 1, с. 68] и ***Никто*** *с поста* ***не умирает*** [8, т. 2, с. 251]. Частичное совпадение их лексического состава, конечно, не позволяет считать эти изречения вариантами одной и той же паремии. Семантика их нетождественна, хотя обе относятся к описанию изменения состояния (от живого к мертвому).

Первая способна выражать по крайней мере три разных, хотя и перекликающихся смысла, о которых можно судить по наличию близкозначных изречений (правда, без местоимения *никто*): 1) *Досыта не наедаемся, а с голоду не умираем* [8, т. 1, с. 76] – простые люди квалифицируют свое существование как сносное, терпимое; 2) *Досыта не накормим, а с голоду не уморим* [8, т. 1, с. 76] – некое сообщество (хозяева, принимающие странника, люди, готовые приютить нуждающегося на

долгий срок, семья, нанимающая работника и т. п.) обещает обеспечить тому минимальный комфорт; 3) *На ниве потей, в клети молись, с голоду не помрешь* [8, т. 2, с. 12] – поддержать терпимый уровень жизни можно всегда, если не лениться и быть честным христианином. Как можно видеть, *никто не умирал* означает ‘никто из нуждающихся не умирал’, поскольку всегда из сложных ситуаций можно найти выход либо самому либо благодаря поддержке других.

Вторая пословица ограничивает круг субъектов состояния верующими, православными. Судя по всему, она адресуется тем, кто сетует на трудность соблюдения постов и их вред для здоровья. В. И. Даль приводит и другую, синонимичную фразу: *С поста не мрут, а с обжорства мрут* [8, т. 2, с. 251]. В ней обобщение выражено не местоимением, а самой структурой односоставного (неопределенно-личного со значением обобщения) предложения с предикатами в третьем лице множественного числа.

Наряду с предложениями, опирающимися на событийные пропозиции, в рассмотренной подгруппе есть пять единиц, реализующих пропозиции логические. Все они сосредоточивают внимание на качественной характеристике людей. Две из них касаются невозможности исполнения кем бы то ни было называемой в паремии функции: ***В своей земле никто пророком*** *не бывает* [8, т. 1, с. 257] (невозможность пророчества, вероятно, мотивируется тем, что, по мнению людей, пророк – это «озаренный Богом провозвестник» [9, т. 3, с. 505], следовательно, это личность необыкновенная, а человек, живущий рядом с остальными привычной жизнью, *в своей земле* в разряд необыкновенных не вписывается); ***Никто сам в своем деле судью*** *быть не может* [8, т. 1, с. 131] (человек по своей сути субъективен, а значит, не способен реально оценить ситуацию). Третья паремия, по существу, указывает не на само по себе пустое множество, а лишь на его желательность, то есть на то, чтобы не возникало потребности в реализации социально востребованной, но противоестественной в нравственном аспекте функции: *Не дай бог* ***никому в палачах*** *быть, а нельзя и без него* [8, т. 1, с. 364]. Фактически исполнение роли палача, с христианской позиции, противоречит общему постулату той же религии, поскольку только Бог вправе наделять человека жизнью или отнимать ее.

Две последних паремии в рамках первой группы изречений с семантическим субъектом *никто* восходят к отношению подобия. Обе они подчеркивают невозможность сопоставления Бога и человека и на этом основании включаются здесь в упомянутую группу. Однако обе занимают в ней периферийное положение. Первая паремия – *Всяк по-своему, да* ***никто*** *по-божьему* – равным образом может быть отнесена к изречениям как с логической, так и с событийной пропозицией, поскольку рассуждает не только о качествах людей, а и об их деятельности: неполнота предложения позволяет восполнить лакуну глаголами типа *понимает, воспринимает, рассуждает, делает, действует* и др., что отсылает к разнообразным ситуациям. Вторая паремия – ***Никто*** *как* ***Бог*** (хотя в таком виде В. И. Даль изречение не фиксирует, но в Основном корпусе «Национального корпуса русского языка» зафиксировано 93 употребления именно такого варианта [15]) – как будто отчетливо отделяет людское от божественного, подчеркивая невозможность исключений из правила. Однако в сборнике пословиц В. И. Даля отмечаются иные варианты: ***Никто*** *против* ***бога*** *да против* ***царя***; ***Никто****, как* ***бог*** *да* ***государь*** [8, т. 1, с. 189]. Таким образом, монарх, один из людей, оказывается не включенным в антипод пустого множества. Возникает противоречие: никто из смертных не сопоставим с Богом, однако государь как помазанник Божий также не сопоставим с остальными людьми.

Паремии, входящие во вторую группу с семантическим субъектом *никто*, указывают, что *никто* – это маркер пустого множества, антипод которого в каком-то отношении противопоставлен индивиду, стоящему в центре паремийной ситуации.

Количество таких паремий 42. При этом все они опираются на событийные пропозиции.

В девяти паремиях семантический субъект *никто* сочетается с глагольным предикатом восприятия: *видеть / видать* (3), *слушать / слышать* (2), *знать / ведать* (3), *поверить* (1), а еще в двух – с неглагольным, *обидно / в обиде* (2), используемым с частицей *не*. В этих паремиях звучит мотив отделенности человека от прочего мира. Причем изредка такая отделенность ему выгодна: *Бог напитал,* ***никто не видал*** (прибавка: *а кто и видел, тот не обидел*) [8, т. 1, с. 23], *Молчок: разбил батька горшок; а мать хоть два, да* ***никто не зна*** [8, т. 1, с. 292]. Иногда индивид прибегает к ней добровольно, скорее всего, стремясь сохранить достоинство: *Все видят, как веселюсь, а* ***никто не видит****, как плачу* [8, т. 1, с. 116]; но чаще – он от нее страдает: *Жаловался всем, да* ***никто не слушает*** [8, т. 1, с. 435] (здесь восприятие совмещается с действием); *Не божись, и без божбы* ***никто не поверит*** [8, т. 2, с. 132].

В 26 единицах семантический субъект *никто* сочетается с предикатом с семантикой действия. В подавляющем большинстве предикат выражен глаголом с отрицанием, транслирующим общее отрицание (*На живого человека* ***никто не угодит*** [8, т. 2, с. 295]). В этом случае местоимение выступает как средство обобщения и усиления негации. В двух единицах отрицание при глаголе отсутствует (*Упрямый умрет –* ***никто*** *его* ***уймет*** [8, т. 1, с. 161]), тогда функцию общего отрицания выполняет именно местоимение *никто*. Встречаются и предложения неполной структуры: *По горбу-то всяк, а под губу* (или: *по сердцу*) ***никто*** [8, т. 1, с. 178]).

Наиболее обычны среди типовых ситуаций в этом кругу паремий такие, которые можно было бы назвать регулирующими, то есть ситуации, которые должны изменить положение индивида, находящегося в фокусе внимания паремии, к лучшему, однако пустота множества возможных субъектов действия такому улучшению препятствует, ср.: *Идти было в гости, да* ***никто не зовет*** [8, т. 2, с. 272]. Конечно, незаполненность множества имеет свою причину, которая в ряде случаев эксплицируется, ср.: *Хмель в компанию принимает, а непьющего* ***никто*** *не знает* [8, т. 2, с. 244] (того, кто чурается компании, не уважают); *Худая слава пройдет – никто замуж не возьмет* [8, т. 2, с. 160] (информация о безнравственном поведении девушки лишает ее шанса стать женой).

Порой урегулированию препятствует само качество субъекта, погруженного в ситуацию. К примеру, сердитый или упрямый не изменят своего характера до самого конца жизни: ***Сердитый*** *умрет –* ***никто*** *его н****е уймет*** [8, т. 1, с. 97]; ***Упрямый*** *умрет –* ***никто*** *его уймет* [8, т. 1, с. 161].

В любом случае при противопоставлении индивида и остального сообщества, не способного либо не желающего ему помочь, единственной действенной силой выступает Бог, распоряжающийся земной жизнью каждого: ***Никто*** *не может, так* ***Бог*** *поможет* [8, т. 1, с. 23]; ***Бог*** *накажет,* ***никто*** *не укажет* [8, т. 1, с. 25]; *Утром Бог и вечером Бог, а в полдень да в полночь никто же, кроме Его* [8, т. 1, с. 26].

Правда, обнаруживается и паремия, которая подсказывает индивиду, что ему не всегда надо искать помощи со стороны, в некоторых случаях следует либо изменить собственное поведение (***Кабы*** *на дятла да* ***не свой носок****,* ***никто бы не нашел*** [8, т. 1, с. 181]), либо воспользоваться нужными средствами, ср.: ***Кабы не клин да не мох****, так* ***никто бы*** *плотнику* ***не помог*** [8, т. 2, с. 26].

Есть в данной подгруппе изречений и такие, которые указывают на нереальность пустого множества: ***Никто*** *не бывал, а у девки увя* (*т. е. дитя* – комментарий В. И. Даля) [8, т. 1, с. 142]; ***Никто*** *не курил, не кадил, а ладаном запахло* [8, т. 1, с. 153].

В меньшей части паремий местоимение *никто*, как уже говорилось, маркирует пустое множество как семантический объект (таких единиц немногим более трети общего количества с местоимением *никто*). Здесь распределение объемов частных групп еще более неравномерно. Группа, которая указывает, что ни один человек не является исключением в описываемых ситуациях, состоит всего из шести паремий, в то время как пословиц и поговорок, противопоставляющих одного человека всем остальным, – 35.

В основном паремии первой группы формулируют некие общие закономерности или правила, ср.: *Красное лето* ***никому не надокучило*** [8, т. 2, с. 332]; *Нам добро,* ***никому (не) зло*** *– то* ***законное житье*** [8, т. 1, с. 93]; *Без суда* ***никто да не накажется*** [8, т. 1, с. 130].

Во второй группе рассматриваются отношения одного индивида с остальными, при этом 24 изречения носят характер констатации факта (ср.: *Кто зла отлучится, тот* ***никого*** *не боится* [8, т. 1, с. 92]; *Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит* ***никого*** [8, т. 2, с. 204] и всего 11 носят рекомендательный характер: *За болячку* ***никого*** *не хватай!* [8, т. 1, с. 117]; *Плачь, молода жена, да про свое горе* ***никому*** *не сказывай* [8, т. 1, с. 290]. Стоит отметить, что потенциальная дидактичность пословиц и поговорок в ряде случаев позволяет сосуществовать изречениям, которые, не различаясь (или мало различаясь) лексически и транслируя фактически одну и ту же семантику, все же должны быть признаны самостоятельными единицами, а не вариантами одной паремии, поскольку обладают разной прагматикой, воплощенной в нетождественных грамматических структурах, ср.: ***Никому*** *не верь, только счету верь!* [8, т. 2, с. 32] – рекомендация и ***Никому*** *не верит, а сам мерит* [8, т. 2, с. 76] – констатация факта; аналогичные отношения проявляются в паремиях ***Никого*** *не бойся, только бога бойся!* ***Никого*** *не боюсь: только бога боюсь* [8, т. 1, с. 210].

Значительная часть этих изречений соединяет местоимение *никто* в формах винительного или дательного падежа с предикатом, который связан с эмоциональной или нравственной сферой взаимоотношений людей. Предикат может быть выражен глаголом: *бояться* (7)*, обидеть* (2), *удивить, досадить, любить*; именем с отрицанием: *не злодей, не ворог, не мил, не пригодлив*, ср.: *Хоть надорвись, так* ***никого не удивишь*** [8, т. 1, с. 101]; *Люблю того, кто* ***не обидит никого*** [8, т. 1, с. 93]; *Всем угодлив, так* ***никому не пригодлив*** [8, т. 2, с. 136]. Второй пласт заключает в себе информацию о волеизъявлении, указывая на демонстрацию стремления индивида к самостоятельности, независимости, неподчиненности, ср.: *Рассердился –* ***никого не спросился*** [8, т. 1, с. 97]; *Живем, не тужим,* ***никому не служим*** [8, т. 2, с. 278] и т. п. Есть и иные паремии, сообщающие о разнообразных действиях, позволяющих находить оптимальные варианты взаимоотношений с окружающими, ни одного из которых изречения с местоимением *никто* в роли семантического объекта не считают равнозначным индивиду, который должен руководствоваться паремийной мудростью в своих интересах: *Всем подноси,* ***никого*** *не обноси; доброму для добра, худому для худа* [8, т. 2, с. 236], *Слава тебе, господи: и сыт, и пьян, и* ***никому*** *не должен* [8, т. 2, с. 39] и др.

Заключение

Исследование русских пословиц и поговорок, включающих в состав отрицательные местоимения, позволяет осмыслить потенциал прономинальной негации в аспекте формирования обобщающей семантики.

Первые шаги, предпринятые в выполненном исследовании, позволили увидеть, что в образовании русских пословиц и поговорок достаточно активно участвуют местоимения-существительные. При этом в совокупности количественно лидируют местоимения с семантикой неодушевленности (*ничто* и *нечего*), однако

местоимение *никто* почти так же интенсивно включается в паремии, как и местоимение *ничто*. Что касается отрицательных местоимений атрибутивной семантики, они не востребованы паремиями (*никакой* обнаружено всего в пяти единицах, *ничей* выявлено не было). Это позволяет заключить, что для паремиологического пространства важными объектами оказываются пустые множества, связанные с маркировкой отсутствия неких важных для существования людей предметов или совокупностей лиц, с которыми мог бы или должен был бы взаимодействовать индивид, руководствующийся сводом паремий.

Рассмотрение той части паремийного материала, в которой обнаруживается местоимение *никто*, убеждает, что оно используется только для передачи значения ‘ни один человек’. При этом в 65,2 % изречений оно выступает в роли семантического субъекта и в 34,8 % – в роли семантического объекта. Независимо от характера семантико-синтаксической роли, местоимение *никто* может подчеркнуть как единство индивида со всеми остальными людьми, объединяя его с ними по неспособности к чему-либо или по недостижимости чего-либо (33,9 % единиц), так и отделенность индивида от всех остальных людей или от остальных членов какой-то группы (66,1 % единиц), подчеркивая, что ни один из прогнозируемого возможного множества не соответствует интересам, потребностям, целям деятельности и т. п. упомянутого индивида.

В соответствии с тем, что большая часть пословиц и поговорок как специфической части языковых знаков сосредоточивает внимание на типовых ситуациях и выработке у адресата паремий способности находить верный стиль поведения в них или хотя бы их оценки, в выборке единиц с местоимением *никто* преобладают такие, в которых местоимение в связке с предикатом опирается на событийную пропозицию. Общие рекомендации, которые выявляются в паремиях с местоимением *никто*, можно лаконично изложить в следующих обобщениях: существование любого человека определяется высшими силами, поэтому надо уметь смириться со своим уделом; проживать свою жизнь надо по правилам, общим для всех; важно стремиться к объективности и самокритичности, не быть эгоистичным; неподвластность человеку его собственного бытия не означает, что он должен быть пассивным; всегда есть возможность обеспечить себе терпимое существование; в пределах человеческого сообщества индивид должен сам обустраивать свои взаимоотношения с остальными членами социума или малой социальной группы: пословицы с местоимением *никто* в роли семантического объекта обращают внимание на ситуации, требующие урегулирования и преобладающее значение придают анализу эмоционального, нравственного и волевого аспектов поведения в них.

Перспективы исследования

Дальнейшие шаги выявления потенциала местоименной негации в русских паремиях могут быть направлены на решение следующих вопросов: 1) совпадают ли предметные сферы пустых множеств, маркируемых местоимениями *ничто* и *нечего* и каково разнообразие этих сфер (чего *нет*, н*е хватает* человеку или чего в его жизни *не должно быть*?), 2) почему при почти одинаковой активности местоимений *ничто* (129 единиц) и *нечего* (105 единиц) пословицы и поговорки значительно реже используют местоимение *некого* (23 единицы), 3) каковы семантико-синтаксические роли отрицательных местоимений с семантикой неодушевленности и как это влияет на общую семантику паремий, включающих их в состав потенциально дидактичных изречений.

Список источников и литературы

1. *Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н.* Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85, № 6-2. С. 169–180.
2. *Арутюнова Н. Д.* Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания *Другого* // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2009. С. 5–10.
3. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. Москва: Знак, 2008. 656 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 : (В–ВОЛОГА). Москва: Наука, 1975. 320 с.
5. *Бочина Т. Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бочина Татьяна Геннадьевна. Казань, 2003. 449 с.
6. *Буслаев Ф. И.* Русский быт и пословицы // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. Санкт-Петербург: Д. Е. Кожанчиков, 1861. С. 78–136.
7. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва: Высшая школа, 1972. 614 с.
8. *Даль В. И.* Пословицы русского народа: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1984.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва: ГИС, 1955.
10. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2008. 1536 с.
11. *Лазуткина Е. М.* Объект; Субъект // Русский язык : энциклопедия. Москва: Словари XXI в., 2020. С. ?–?.
12. *Лекант П. А.* Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 18–25.
13. *Мамзин А. С.* Взаимосвязь биологического и социального в природе человека // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 1. С. 97–103.
14. *Мокиенко В. М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
15. Национальный корпус русского языка : электронный онлайн-корпус русскоязычных текстов. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/search-paper.html (дата обращения: 05.09.2023).
16. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990. С. 98–111.
17. *Савенкова Л. Б.* Поговорка // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / Сибирский федеральный университет; под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2014. С. 444–445. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24549083 (дата обращения: 05.09.2023).
18. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2002. 240 с.
19. *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. Санкт-Петербург: Мирс, 2009. 270 с.
20. Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград: Наука, 1965– .
21. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи. Москва: Русская книга, 1995. 527 с.
22. *Червоный А. М.* Семантический субъект в обобщающих высказываниях русского и французского языков // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака : сборник статей по итогам IV междунар. конф., Москва, 13–15 марта 2019. Москва: Спутник+, 2019. Т. 4. С. 432–440.
23. *Шведова Н. Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Избранные работы. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 55–115.

24. *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис : текст лекций. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1994. 47 с.

References

1. Alefirenko, NF & Semenenko, NN 2010, 'Znacheniye i smysl russkikh paremiy v svete kognitivnoy pragmatiki' (Meaning and sense of Russian parables in the aspect of cognitive pragmatics), *Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, vol. 85, no. 6–2, pp. 169–180. (In Russ.)
2. Arutyunova, ND 2009, 'Kommunikativnaya reaktsiya na istinnostnoye znacheniye vyskazyvaniya Drugogo' (Communicative reaction to the truth value of words of the Other), *Logicheskiy analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya* (A logical analysis of language. Assertion and negation), Indrik publ, Moscow, pp. 5–10. (In Russ.)
3. Baranov, AN & Dobrovolskiy, DO 2008, *Aspekty teorii frazeologii* (Aspects of the phraseology theory), Znak publ, Moscow. (In Russ.)
4. Barkhudarov, SG (ed.) 1975, *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries), no. 2, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bochina, TG 2003, Kontrast kak lingvokognitivnyy printsip russkoy poslovitsy (Contrast as a linguocognitive principle of the Russian saying), doctoral thesis, Kazan Federal University, Kazan. (In Russ.)
6. Buslayev, FI 1861, 'Russkiy byt i poslovitsy' (Russian everyday life and proverbs), *Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva. Russkaya narodnaya poeziya*, vol. 1, D.E. Kozhanchikov publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Vinogradov, VV 1972, *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)* (Russian language (grammatical teaching about the word)), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
8. Dal, VI 1984, *Poslovitsy russkogo naroda* (Proverbs of the Russian people), vol. 1–2. Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
9. Dal, VI 1955, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language), vol. 1–4, GIS publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kuznetsov, SA (ed.) 2008, *Noveyshiy bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* (The newest large explanatory dictionary of the Russian language) Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Lazutkina, YeM 2020, *Obyekt; Subyekt, Russkiy yazyk. Entsiklopediya* (Russian language. Encyclopedia), AST-PRESS SHKOLA publ, Moscow, pp. 411–412; 752–754. (In Russ.)
12. Lekant, PA 2017, 'Bezlichno-infinitivnyye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke' (Impersonal-infinitive sentences in modern Russian), *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, no. 4, pp. 18–25. (In Russ.)
13. Mamzin, AS 2012, Vzaimosvyaz biologicheskogo i sotsialnogo v prirode cheloveka (Interdependence of biological and social in the human nature) // *Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 2, no. 1, pp. 97–103. (In Russ.)
14. Mokiyenko, VM 2010, 'Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskiye aspekty)' (Modern paremiology (linguistic aspects)), *The World of Russian Word*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.)
15. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (The Russian National Corpus), viewed 05.09.2023, http://www.ruscorpora.ru/new/search-paper.html. (In Russ.)
16. Potebnya, AA 1990, *Teoreticheskaya poetika* (Theoretical Poetics), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
17. Savenkova, LB 2014, 'Pogovorka' (Saying), *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii). Slovar-spravochnik* (Effective Speech Communication (Basic Competencies). Glossary), Sibirskiy federalnyy universitet publ, Krasnoyarsk, viewed 10 July 2023, https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24549083 (In Russ.)
18. Savenkova, LB 2002, *Russkaya paremiologiya: semanticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* (Russian Paremiology: semantic and linguoculturological aspects), Rostovskiy universitet publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
19. Seliverstova, YeI 2009, *Prostranstvo russkoy poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost* (The space of the Russian proverb: constancy and variability), Mirs publ, St. Petersburg. (In Russ.)

20. *Slovar russkikh narodnykh govorov* (The Dictionary of Russian national dialects) 1965, Nauka publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
21. 21. Snegirev, IM 1995, Russkiye narodnyye poslovitsy i pritchi (Russian national proverbs and parables), Russkaya kniga publ, Moscow. (In Russ.)
22. Chervonyy, AM 2019, 'Cemanticheskiy subyekt v obobshchayushchikh vyskazyvaniyakh russkogo i frantsuzskogo yazykov' (Semantic subject in the generalized utterance in Russian and French), *Yazyk i deystvitelnost. Nauchnyye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V.G. Gaka*, vol. 4, 13-15 March, Moscow, OOO Sputnik+ publ, Moscow, pp. 432–440. (In Russ.)
23. Shvedova, NYu 2005, *Russkiy yazyk. Izbrannyye raboty* (Russian language. Selected works), Yazyki slavyanskoy kultury publ, Moscow, pp. 55–115. (In Russ.)
24. Shmelyova, TV 1994, *Semanticheskiy sintaksis. Tekst lektsiy* (Semantic syntax. Text of lectures), Krasnoyarskiy gosudarstvennyy universitet publ, Krasnoyarsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 05.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 195–205.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 195–205.

Научная статья
УДК 81`374
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-195-205

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Елена Андреевна Юрина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия, yourina2007@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-1552-1488

Аннотация. В статье рассматриваются возможности лексикографического метода для системной параметризации слов и выражений, обладающих иносказательным (метафорическим, символическим, ассоциативно-образным, фигуральным и т. п.) типом семантики. Освещаются словари начала XXI века, макро- и микроструктура которых позволяет отразить результаты метафорического отображения представлений человека о мире в языке. Обобщаются принципы словарного описания вторичных образных номинативных единиц, предполагающие развернутые толкования понятийной семантики, экспликацию мотивирующего и прагматического компонентов значения, эмоционально-оценочной семантики, изъяснения культурного фона и др. Подробно характеризуется созданная под научным руководством автора статьи серия словарей пищевой метафоры, демонстрирующая разные лексикографические модели одного концептуального фрагмента образной системы языка. В ряду работ указанной серии рассматриваются гнездовой и идеографический словари русской пищевой метафоры, созданные в традиционном книжном формате. Макроструктура гнездового словаря ориентирована на тематическую классификацию и системное отображение образов исходной сферы «Еда», через призму которых характеризуется внутренний мир человека и окружающая действительность. Идеографический словарь представляет систематизацию материала в соответствии с синоптической схемой, классифицирующей целевые понятийные области, обозначенные посредством пищевой метафоры. Более полно лексикографическую модель образной системы языка показывает цифровой полиязычный словарь метафор, включающий в себя словарные статьи в виде электронных баз данных русского, английского, итальянского и казахского языков, благодаря компьютерной разметке и возможности быстрого многоканального поиска. Рассмотренные в статье словари русской пищевой метафоры демонстрируют стоящие за образным словом и фразеологизмом глубинные концептуальные структуры, определяющие мышление языковой личности; отражают широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обусловливающих языковую семантику и погружающих её в более широкий семиотический контекст культуры.

Ключевые слова: образный язык, метафора, фразеология, словарь, лексикографический метод, лингвистическая модель.

Благодарности: автор выражает благодарность своим коллегам-соавторам А. В. Балдовой, М. В. Герасимовой, Н. А. Живаго, О. В. Авраменко, модератору портала «Полиязычный словарь метафор» С. В. Лесникову, а также научным фондам РГНФ, РНФ, оказавшим в разные годы финансовую поддержку для реализации проектов по созданию рассматриваемых в статье словарей.

Для цитирования: Юрина Е. А. Лексикографическое моделирование образной системы языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 195–205. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-195-205.

Сведения об авторе: *Е. А. Юрина* – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6.

© Юрина Е. А., 2023

Scientific Article
UDC 81`374
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-195-205

LEXICOGRAPHIC MODELING OF THE FIGURATIVE SYSTEM OF LANGUAGE

Elena A. Yurina

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia, yourina2007@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-1552-1488

Abstract. The article discusses the possibilities of lexicographic method for the systematic parameterization of words and expressions that have an allegorical (metaphorical, symbolic, associative-figural, figurative, etc.) type of semantics. The article highlights dictionaries of the beginning of the 21st century, the macro- and microstructure of which make it possible to reflect the results of the metaphorical reflection of a person's ideas about the world in language. In addition, the article summarizes the principles of dictionary description of secondary figurative nominative units, which involve detailed interpretations of conceptual semantics, explication of the motivating and pragmatic components of meaning, emotional-evaluative semantics, explanation of the cultural background, etc. A series of food metaphor dictionaries created under the scientific guidance of the author of the article is characterized in detail, demonstrating different lexicographic models of one conceptual fragment of the figurative system of language. A number of works in this series examine nested and ideographic dictionaries of Russian food metaphors, created in a traditional book format. The macrostructure of the nested dictionary is focused on the thematic classification and systematic display of images from the initial sphere "Food" through the prism of which the inner world of a person and the surrounding reality are characterized. The ideographic dictionary presents the data systematization in accordance with a synoptic sketch that classifies the target conceptual areas indicated through the food metaphor. The digital polylingual dictionary of metaphors shows more fully the lexicographic model of the figurative system of the language. This dictionary includes dictionary entries in the form of electronic databases of Russian, English, Italian and Kazakh languages, thanks to computer markup and the possibility of fast multichannel search. The dictionaries of Russian food metaphors discussed in the article demonstrate the deep conceptual structures under the figurative word and phraseology that determine a linguistic personality thinking; reflect a wide range of encyclopedic knowledge and information defining linguistic semantics and immersing it in the broader semiotic context of culture.

Keywords: figurative language, metaphor, phraseology, dictionary, lexicographic method, linguistic model.

Acknowledgement: the author thanks fellow co-authors A. V. Baldova, M. V. Gerasimova, N. A. Zhivago, O. V. Avramenko, a moderator of the portal "Multilingual Dictionary of Metaphors" S. V. Lesnikov, as well as the scientific funds of the Russian Humanitarian Foundation and the Russian Science Foundation, which in different years provided financial support for the implementation of projects to create the dictionaries discussed in the article.

For citation: Yurina, EA 2023, 'Lexicographic Modeling of the Figurative System of Language', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 195–205, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-195-205 (in Russ.)

Information about the Author: *Elena A. Yurina* – Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, 6 Ac. Volgin Str., Moscow, 117485, Russia.

© Yurina E. A., 2023

Введение

Информационная эпоха предоставила новые технологические возможности для ускорения и оптимизации обработки информации, что, несомненно, усилило значимость словарей в процессах межъязыковой и межкультурной коммуникации, в сохранении национальных языков как носителей культурной традиции, в решении дидактических, исследовательских, переводческих задач. Существенно изменяется в XXI веке и сам словарь, становясь наукоёмким продуктом системной лингвистической параметризации, полученным в результате исследования семантики языковых единиц и их дискурсивного функционирования [14].

Процесс создания словарных статей в работе лексикографа сегодня сопрягается с многопараметровым анализом толкуемых единиц и поиском новых форм композиционного построения словарных статей, их расположения, грамматической и семантической разметки. В этой связи обосновывается понятие лексикографического метода лингвистического анализа [4, с. 110–117; 7, с. 12–15], результатом реализации которого становится словарь как лексикографическая модель определенного языкового или межъязыкового пространства. Появляются разнообразные словари нового типа, макро- и микроструктура которых моделируется авторами-лексикографами с учетом определенных исследовательских и пользовательских задач. Одной из таких задач является описание слов и выражений с иносказательным (ассоциативно-образным, метафорическим, метонимическим, символическим, образно-ироническим и т. п.) типом семантики.

За последние двадцать лет вышло в свет более 80 разнообразных словарей, описывающих различные фрагменты общеязыковой образной системы и демонстрирующих новые подходы к лексикографической параметризации образных единиц языка и речи (лексем и лексико-семантических вариантов с метафорическим значением, образных сравнений, идиом, перифраз, паремий). Данное направление словарного дела может быть обозначено термином **фигуративная лексикография** [8, с. 18; 18, с. 3], коррелирующим с английским обозначением понятия *figurativeness* ‘образность’, русскими выражениями *фигуральный* ‘образный, иносказательный’, *фигура речи* ‘иносказательное выражение, в котором используются слова в переносных значениях’.

Словарный корпус фигуративной лексикографии составляют разнообразные по целям и структуре словари, объединённые образным характером толкуемых единиц – слов и выражений с метафорической внутренней формой, реализующих иносказательный (фигуральный) способ представления мысли или идеи. Объектом лексикографирования в рамках данного направления выступает образный язык (***figurative language***), понимаемый как закрепленная в узусе культурно обусловленная система образов, метафорически реализованная в семантике лексических и фразеологических единиц языка и регулярно, но вариативно, воспроизводимая в дискурсивных практиках.

В современных словарях получают описание вербальные единицы образного строя языка – образная лексика [5, 13], устойчивые образные сравнения [17], идиоматика [1, 6], паремика / «крылатика» [3, 10]; невербальные его элементы – образы, символы, метафорические модели, культурные концепты [9]; дискурсивные репрезентации метафорических моделей [2], система образов поэтической речи [11, 12]; парадигматически организованные фрагменты образной системы языка (образные лексико-фразеологические поля), отражающие определенную концептуальную метафору [15, 18–20].

В процессе создания словаря вторичных образных номинаций лексикографу-исследователю приходится искать способы преодоления явного противоречия между традиционным подходом к словарному описанию, базирующимся на структурной

модели языка, – и антропоцентрическим подходом, нацеленным на отражение в словаре различных аспектов проявления личности говорящего, в том числе – устойчивой системы образных представлений о мире, выраженных в языке. Если при традиционном подходе в толковых словарях метафорическая семантика отражается предельно редуцированно, образная лексика и фразеология описываются разрозненно, алфавитное расположение материала не отражает системный характер метафорической концептуализации объектов через призму исходных образов, то в антропоориентированных фигуративных словарях вырабатываются новые способы и приемы подачи и изъяснения материала, а именно:

1) дается развернутая словарная презентация вторичных образных значений; 2) эксплицируется мотивирующий компонент семантики образной единицы при толковании; 3) отражается прагматический потенциал толкуемых единиц и закрепленных за ними экспрессивных и эмотивно-оценочных коннотаций; 4) словарное изъяснение получает культурный фон и культурные коннотации в форме лингвокультурологических комментариев; 5) словарные статьи создаются с привлечением обширного текстового материала благодаря применению корпусных технологий; 6) в словарях фиксируются тематические, парадигматические, эпидигматические (мотивационные) и синтагматические отношения толкуемых языковых единиц; 7) моделирование макроструктуры словаря осуществляется с учетом системности описываемого фрагмента образного строя языка, поэтому материал систематизируется по идеографическому, тематическому, фреймовому принципам; 8) компьютеризируется процесс создания и формат представления словарного продукта: широко применяются корпусные технологии при сборе материала, создаются обширные электронные базы словарных данных, создаются цифровые версии словарей, снабженные гиперссылками и поисковыми системами. Более подробно принципы фигуративной лексикографии охарактеризованы в [22, с. 89–91].

В полной степени вышеизложенные принципы были задействованы при разработке концепции и реализации словарного проекта, посвященного лексикографической параметризации языковых единиц, отражающих концептуальную гастрономическую метафору. Рассмотрим на примере серии словарей, описывающих образные слова и выражения, мотивированные наименованиями явлений пищевой сферы, возможности лексикографического представления целостного фрагмента общеязыковой образной системы.

Материал и методы

Работа по созданию «Словаря русской пищевой метафоры» (СРПМ) была начата в 2011 г. Эмпирическую базу исследования составили около 3 600 образных слов и выражений русского языка, отражающих метафору еды: языковые метафоры (ЯМ) ***вкусный*** ‘интересный, увлекательный, интригующий (о содержании речевых и художественных произведений)’, ***баранка*** ‘цифра ноль, означающая нулевой результат’; словообразовательные производные с метафорической внутренней формой (СО): ***буквоед*** ‘формалист, педант, придающий значение внешней стороне дела, мелочам в ущерб смыслу’, ***упечь*** ‘отправить куда-л. против воли’; устойчивые образные сравнения (В сравн.): ***красный, как помидор*** ‘о покрасневшем от гнева, злости, смущения или других эмоций человеке’ и фразеологизмы (ФЕ) различной структуры: ***оставить на сладкое*** ‘отложить самое приятное, лучшее на потом’; пословицы (Посл.), поговорки (Погов.), крылатые слова (Прец.): ***вашими устами да мёд пить*** ‘хорошо, если бы случилось так, как вы говорите’; авторские метафорические выражения (АМ): *Но этот* ***хлеб насущный*** *для миллионов – «****скромное» кушанье*** *на нашей либеральной политической* ***кухне*** («Завтра»).

Источниками материала послужили опубликованные толковые и фразеологические словари современного русского языка, словари образных сравнений, посло-

виц и поговорок, крылатых слов. Контекстный материал собирался преимущественно по данным электронного интернет-ресурса «Национальный корпус русского языка», обращение к текстовым базам и поисковой системе которого позволило в оптимально короткие сроки собрать значительный в количественном отношении и богатый в содержательном плане иллюстративный материал (более 25 000 контекстов).

При отборе и систематизации языкового и словарного материала применялись общенаучные методы наблюдения, классификации, количественных подсчетов, анализа и обобщающего синтеза. Методы метафорического моделирования, концептуального анализа и интроспекции использовались при реконструкции фрагментов языковой картины мира, выявлении и описании типовых образных представлений, отраженных в семантике образных языковых единиц. Лексикографический метод был реализован при разработке макроструктуры словаря и составлении словарных статей.

Обсуждение результатов

Макроструктура словаря моделировалась в двух проекциях, изоморфных структуре когнитивной метафорической модели (сфера-источник – сфера-мишень) и двуплановому характеру образной семантики языковой единицы (образно-мотивирующее основание – денотативное содержание). Первый формат предполагает макроструктуру, которая отражает классификацию явлений исходной гастрономической сферы и реконструирует систему пищевых образов, задействованных в метафорической номинации явлений действительности. В этом случае словник систематизируется по тематике мотивирующих единиц. Эта модель реализована в трехтомном «Словаре русской пищевой метафоры» (СРПМ) [18–20], построенном по гнездовому принципу. В общей сложности тома гнездового словаря включают 3 942 словарных статьи, из которых 335 отражают прямые наименования гастрономических реалий и 3 607 статей описывают переносно-образные значения лексических и фразеологических единиц.

В первом томе собраны образные номинации, метафорически характеризующие широкий круг явлений по аналогии с блюдами и продуктами питания. Например, ***репа*** ‘голова’, ***как перец*** ‘о метком, остроумном, разоблачающем замечании, речевом произведении’, ***каша во рту*** ‘о нечленораздельной, невнятной речи’, ***бесплатный сыр бывает только в мышеловке*** ‘очень выгодное и заманчивое, на первый взгляд, предложение чаще всего бывает обманом’. Словарный материал распределен по тематическим рубрикам, соответствующим характеру исходного образа: 1. Продукты растительного происхождения: 1.1. Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия, 1.2. Фрукты, 1.3. Овощи, 1.4. Ягоды, 1.5. Грибы, 1.6. Орехи; 2. Продукты жизнедеятельности животных: 2.1. Молочные продукты, 2.2. Яйцо; 3. Мясные и рыбные продукты и блюда: 3.1. Мясные продукты и блюда, 3.2. Рыбные продукты и блюда и т.д.

Второй том имеет подзаголовок «Гастрономическая деятельность». В нем собраны образные средства русского языка, метафорически называющие и характеризующие явления окружающего мира по аналогии с процессами приготовления и поглощения пищи. Например, ***смаковать*** ‘получать удовольствие от какого-л. процесса, состояния, восприятия чего-л. приятного, красивого, интересного’, ***запахло жареным*** ‘о крайне напряженной, неблагоприятной для кого-л. ситуации’, ***кто кого сможет, то того и гложет*** ‘кто сильнее, тот подчиняет и использует других в своих целях’. Материал распределен по двум большим тематическим группам, включающим частные подгруппы: 1. Процессы приготовления пищи: 1.1 Тепловая обработка продуктов, 1.2 Механическая обработка продуктов, 1.3 Консервация и ферментная обработка продуктов, 1.4 Приготовление составов и формиро-

вание кулинарных изделий; 2. Процессы поглощения пищи: 2.1. Поглощение пищи, 2.2. Поглощение жидкости, 2.3. Этапы и способы поглощения пищи, 2.4 Кормление, 2.5 Физиологические процессы, связанные с поглощением пищи.

Третий том включает в себя образные слова и выражения, отражающие аналогии с субъектами гастрономической деятельности, качествами пищи, помещениями и инструментами, предназначенными для еды и кулинарии. Например, ***гурман*** ‘ценитель искусства, поклонник всего изящного, красивого’, ***сладкоречивый*** ‘умеющий говорить красиво, интересно, увлекательно’, ***семеро с ложкой, а один с сошкой*** ‘о ситуации, в которой работает один, а результатами труда пользуются многие’. Словарный материал сгруппирован в три раздела, каждый из которых соответствует тематической сфере исходных образов: 1. Свойства пищи: 1.1. Вкусовые свойства продуктов, 1.2. Качества, связанные с составом продуктов, 1.3. Высокая и низкая степень качества продуктов; 2. Субъект гастрономической деятельности: 2.1. Субъект поглощения пищи, 2.2 Субъект кормления и приготовления пищи, 2.3. Состояния субъекта поглощения пищи; 3. Кухня и кухонный инвентарь: 3.1. Место приготовления и поглощения пищи, 3.2. Посуда и прочий кухонный инвентарь.

Презентация лексико-фразеологического гнезда (или мотивационно-образной парадигмы) открывается наименованием его вершины. Затем следуют 4 зоны словарного описания гнезда. I. Исходное значение. Включает в себя толкование исходного мотивирующего значения вершины гнезда и контекст, иллюстрирующий его типовое словоупотребление. Например,

ВАРИТЬ, несов. – **СВАРИТЬ**, сов. Готовить / приготовить пищу, питье путем кипячения в воде или другой жидкости (молоке, бульоне). – *В те дни у меня была мечта – вот кончится война и я* ***сварю*** *целое ведро картошки и накормлю досыта всю семью* (И. Архипова. Музыка жизни) [19, с. 15]

Зона II. Образные значения. Включает словарные статьи, описывающие мотивированные исходным значением образные слова и выражения. Например,

ВАРИТЬ, несов., ***что***. **ЯМ.** *Разг.* Тщательно обдумывать что-л., размышлять над решением какого-л. вопроса. *Экспр. – Денег. Ты же видел, я ему дала. Пауза. Что-то* ***варит*** *внутри себя. Потом: – Неужели он один? Никто его не кормит?* (И. Грекова. Перелом).

ГОЛОВА / КОТЕЛОК / БАШКА (НЕ) ВАРИТ *у кого*. ФЕ. *Разг. / Прост.* О человеке, способном (не способном) хорошо соображать, быстро принимать правильные решения. *Экспр. Одобр. / Неодобр. – После недолгой отсидки за драку в баре Майк поссорился с начальством и потерял работу. И тем не менее* ***голова*** *у него* ***варила*** *неплохо. Был в армии компьютерщиком, но принципиально не захотел работать на войну. Пацифист!* (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес) [19, с. 15–16].

Зона III. Типовые образные представления. Включает формулировки типовых образных представлений, выраженных значениями образных слов гнезда и отражающих характер уподобления определенного концепта из гастрономической сферы концептам из других понятийных сфер. Например: «Процесс приготовления блюда в кипящей жидкости метафорически проецируется на процесс обдумывания, интенсивную мыслительную деятельность, в результате которой возникают готовые идеи, концепции, решения» [19, с. 26].

Лингвокультурологический комментарий в первом томе СРПМ включатся в структуру гнезда (Зона IV) и представляет собой относительно короткий текст справочно-изъяснительного характера, который содержит информацию культурологического характера о бытовании продукта или блюда в современной кухне, истории его происхождения, символическом переосмыслении, обрядовом функционировании и т. п. Во втором и третьем томах лингвокультурологические комментарии открывают

тематические разделы словаря и не включаются в словарные презентации лексико-фразеологических гнёзд.

Каждое образное лексико-фразеологическое гнездо снабжено фотоиллюстрацией, демонстрирующей визуальный облик исходного метафоризируемого концепта или фрейма (блюда, процесса его приготовления и т. д.).

Второй формат организации макроструктуры основан на собственно идеографической синоптической схеме, которая моделирует систему явлений из сфер-мишеней, подлежащих метафорической номинации посредством различных гастрономических образов. Этот способ систематизации реализуется в идеографическом словаре «Мир в зеркале пищевой метафоры» (МЗПМ) [15]. Его синоптическая схема разработана индуктивным путем и включает следующие тематические области: I. Человек: 1.1. Внешность. 1.2. Самочувствие и настроение. 1.3. Речемыслительные способности. 1.4. Характер и поведение. II. Социум: 2.1. Политика. 2.2. Экономика. 2.3. Культура. 2.4. Общественная жизнь. III. Натурфакты (объекты природного мира). IV. Артефакты (предметы материального мира). V. Пространство. VI. Объекты чувственного восприятия (Запах, Звук, Вкус). VII. Мера.

В рамках тематических рубрик каждого раздела словарный материал подается в алфавитном порядке. Например, тематическая рубрика «Человек» (раздел «Внешность»):

БАКЛАЖАННЫЙ. ЯМ. Об удлиненном мясистом крупном носе. *Экспр. – Лицо характерно-арабского типа венчал внушительный* ***баклажанный*** *нос, нависающий зрелым плодом, набравшим необходимую кондицию – в смысле величины* (В. Зангиев. Чужбина не встречает коврижками. История русского эмигранта).

БАРАНКОЙ. Твор. сравн. *Разг.* В форме кольца (о положении тела человека). *Экспр. – На узенькой скамеечке возле остановки, кое-как свернувшись* ***баранкой****, спал единственный официальный бомж нашего городка – Коля-дурачок* («Xurma.ru») [15, с. 23].

Предложенный способ словарного описания метафоризации одной концептуальной сферы показывает, что образная система языка может моделироваться в словаре, во-первых, через систему исходных мотивирующих образов: «пищевая метафора», «зооморфная метафора», «фитоморфная метафора», «костюмная метафора» и т. д. Во-вторых, лексикографическая параметризация образной системы языка может осуществляться через репрезентацию серии образных номинаций определенных концептов из сфер «Человек», «Природа», «Политика», «Пространство», «Мера» и т. п. в пределах определенного кода культуры. «Двойной» способ организации материалов словаря моделирует образную систему языка как совокупность закрепленных в семантике языковых знаков исходных образов, которые составляют типовые для лингвокультуры модели метафорического отображения, с одной стороны и демонстрирует категориальные классы явлений внеязыковой действительности, которые получили обозначение через определенную систему образов – с другой. Уникальность такого словаря состоит в полном словарном изъяснении (толковании семантики, контекстном иллюстрировании, лингвистическом маркировании, лингвокультурологическом комментировании) всех заглавных единиц словника – метафор, идиом, паремий – в их мотивационных (для гнездового словаря), тематических и семантических (для идеографического словаря) связях. Данная словарная концепция была реализована на практике как в формате традиционного книжного словаря, так и в формате электронного (цифрового) «Полиязычного словаря метафор» на материале образных средств русского, английского, итальянского и казахского языков [21].

Полиязычный лингвокультурологический словарь метафор (ПСМ) начал создаваться в период 2018–2020 гг. при финансовой поддержке Российского научного

фонда (грант № 18-18-00194). Разработчики – Е. А. Юрина (руководитель проекта), С. В. Лесников, М. В. Герасимова, О. В. Авраменко. Цифровая версия словаря представлена на портале https://metdict.ru в режиме ограниченного авторизованного доступа. Обширные словарные базы ПСМ по четырем языкам (русскому, английскому, итальянскому и казахскому) включают образные лексические, фразеологические и паремиологические единицы с метафорическим типом семантики. Представленный на текущий момент объем материала ограничен рамками гастрономической метафоры как системы воплощенных в семантике языковых единиц исходных метафорических образов, транслирующих пищевой код культуры (рус. ***вареники*** ‘оттопыренные уши’, англ. ***muffin belly*** букв. «живот-маффин» ‘о толстом свисающем животе’, итал. ***gnocco*** букв. «галушка» ‘увалень, неуклюжий или глуповатый человек’, каз. ***май шелпек*** букв. «жирная лепешка» ‘легкая прибыль, удача в каком-л. деле’ и т. п.). Структура цифрового словаря является открытой и пополняемой, что предполагает в перспективе включение материалов по другим языкам и другим концептуальным метафорам.

Инновационный по форме, содержанию и техническому воплощению «Полиязычный словарь метафор» может в перспективе стать платформой, интегрирующей метафорический лексико-фразеологический фонд образных средств разных языков и демонстрирующей метафоризацию разных исходных образов и культурных кодов. Его применение в переводческой и дидактической сферах решает задачу трансляции культурных смыслов, заложенных в системе метафорических образов разных языков, что оказывается возможным благодаря полной лексикографической презентации образных значений и их текстовых реализаций, словарному изъяснению культурного фона и типовых образных представлений, визуализации исходных прототипических образов, а также поисковой программе, позволяющей систематизировать материал на разных основаниях: как по семантическим группам исходных образов (сфера-источник), так и по денотативным классам метафорического означивания (сфера-мишень). Всё это делает словарь незаменимым источником для сопоставительных исследований и ценным ресурсом для лингводидактики, теории и практики перевода.

Заключение

В заключение отметим, что компьютерные технологии позволили в относительно короткие сроки реализовать представленный в статье лексикографический проект, соответствующий духу антропоцентризма и культурной детерминированности современной лингвистической парадигмы. Гнездовой и идеографический словари русской пищевой метафоры демонстрируют стоящие за образным словом и фразеологизмом глубинные концептуальные структуры, определяющие мышление языковой личности; отражают широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обусловливающих языковую семантику и погружающих её в более широкий семиотический контекст культуры. Полиязычный словарь метафор, работа над пополнением и усовершенствованием которого продолжается, являет собой модель образной системы языка в формате цифрового словаря.

Список сокращений

МЗПМ – Мир в зеркале пищевой метафоры: Идеографический словарь.
ПСМ – Полиязычный словарь метафор
Разг. – разговорное
СО – собственно образное слово
СРПМ – Словарь русской пищевой метафоры
Твор. сравн. – творительный сравнения
ФЕ – фразеологическая единица

Экспр. – экспрессивное
ЯМ – языковая метафора

Список источников и литературы

1. *Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г.* Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М.: ЭЛПИС, 2008. 472 с.
2. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М.: Поморский и партнеры, 1994. 330 с.
3. *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари, 2005.
4. *Блинова О. И.* Лексикографический метод и сферы его применения в диалектологических исследованиях // Язык и культура в евразийском пространстве. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 110–117.
5. *Блинова О. И., Юрина Е. А.* Словарь образных слов русского языка. Томск: UFO-Plus, 2007. 364 с.
6. *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2009. 784 с.
7. *Гавар М. Э.* Лексикографический метод и его применение в исследовании диалектной синонимии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 11–17.
8. *Грекова М. В.* Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 18–40.
9. *Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
10. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского языка: Большой объяснительный словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 544 с.
11. *Иванова Н. Н., Иванова О. Е.* Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. М.: АСТ, 2004. 667 с.
12. *Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. М. : Яз. рус. культуры, 2010. 511 с.
13. *Козинец С. Б.* Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов: Саратовский источник, 2011. 274 с.
14. *Лексикография цифровой эпохи* : сб. материалов Международного симпозиума (24-25 сентября 2021 г.) / отв. ред. Е. А. Юрина, С. С. Земичева. Томск : Изд-во ТГУ, 2021. 420 с.
15. *Балдова А. В., Герасимова М. В., Юрина Е. А.* Мир в зеркале пищевой метафоры : идеографический словарь. Т. 1. Томск : Изд-во ТГУ, 2020. 514 с.
16. *Национальный корпус русского языка* : электронное собрание текстов. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 17.09.2023)
17. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. 800 с.
18. *Словарь русской пищевой метафоры*. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова [и др.]; ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во ТГУ, 2015. 428 с.
19. *Словарь русской пищевой метафоры*. Т. 2: Гастрономическая деятельность / А. В. Балдова [и др.]; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. 546 с.
20. *Словарь русской пищевой метафоры*. Т. 3: Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности / А. В. Балдова [и др.]; под ред. Е. А. Юриной под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во ТГУ, 2019. 454 с.
21. *Юрина Е. А.* Принципы систематизации лингвистических баз данных в электронном «Полиязычном словаре метафор» // Русский язык в поликультурном мире. Симферополь: ИД КФУ, 2019. С. 135–140.

22. *Юрина Е. А.* Принципы и способы лексикографической параметризации образной системы языка // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. М.: Гнозис, 2020. С. 86–102.

References

1. Alefirenko, NF & Zolotykh, LG 2008, *Frazeologicheskiy slovar': Kul'turno-poznavatel'noye prostranstvo russkoy idiomatiki* (Phraseological dictionary: Cultural and cognitive space of Russian idioms), Elpis publ, Moscow. (In Russ.)
2. Baranov, AN & Karaulov, YuN 1994, *Slovar' russkikh politicheskikh metaphor* (Dictionary of Russian political metaphors), Pomorskiy i partnery publ, Moscow. (In Russ.)
3. Berkov, VP, Mokiyenko, VM & Shulezhkova, SG 2005, *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* (Large dictionary of catchy phrases of the Russian language), Russkiye slovari publ, Moscow. (In Russ.)
4. Blinova, OI 2003, 'Leksikograficheskiy metod i sfery yego primeneniya v dialektologicheskikh issledovaniyakh' (Lexicographic method and spheres of its application in dialectological studies), *Language and culture*, Izd-vo TGU publ, Tomsk, pp. 110–117. (In Russ.)
5. Blinova, OI & Yurina, EA 2007, *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* (Dictionary of figurative words of the Russian language), UFO-Plus publ, Tomsk. (In Russ.)
6. Teliya, VN (ed.) 2009, *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Znacheniye. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy* (Large phraseological dictionary of the Russian language: Meaning. Use. Cultural commentary), AST-Press kniga publ, Moscow. (In Russ.)
7. Gavar, ME 2014, 'Leksikograficheskiy metod i yego primeneniye v issledovanii dialektnoy sinonimii' (Lexicographic method and its application in the study of dialect synonymy), *Tomsk State University Journal*, no 384, pp.11–17. (In Russ.)
8. Grekova, MV 2016, 'Figurativnaya leksikografiya i yeye mesto v sovremennoy rusistike' (Figurative lexicography and its place in modern Russian studies), *Russian Journal of Lexicography*, no 2 (10), pp. 18–40. (In Russ.)
9. Gudkov, DB & Kovshova, ML 2007, *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* (The bodily code of Russian culture: materials for the dictionary), Gnozis publ, Moscow. (In Russ.)
10. Zimin, VI & Spirin, AS 2006, *Poslovitsy i pogovorki russkogo yazyka: Bol'shoy ob"yasnitel'nyy slovar'* (Proverbs and sayings of the Russian language: Large explanatory dictionary), Feniks publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
11. Ivanova, NN & Ivanova, OE 2004, *Slovar' yazyka poezii (obraznyy arsenal russkoy liriki kontsa XVIII – nachala XX v.)* (Dictionary of the language of poetry (figurative arsenal of Russian lyrics of the late 18th – early 20th centuries)), AST publ, Moscow. (In Russ.)
12. Kozhevnikova, NA (ed.) 2010, *Materialy k slovaryu metafor i sravneniy russkoy literatury XIX-XX vv. Zveri, nasekomyye, ryby, zmei* (Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th-20th centuries. Animals, insects, fish, snakes), no. 2, Yaz. rus. kul'tury publ., Moscow. (In Russ.)
13. Kozinets, SB 2011, *Slovar' slovoobrazovatel'nykh metafor russkogo yazyka* (Dictionary of word-formation metaphors of the Russian language), Saratovskiy istochnik publ, Saratov. (In Russ.)
14. Yurina, EA & Zemicheva, SS (ed.) 2021, *Leksikografiya tsifrovoy epokhi: sbornik materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma (24-25 sentyabrya 2021 g)* (Lexicography of the digital era: collection of materials from the International Symposium (24-25 September 2021), Izdatel'stvo TGU publ, Tomsk. (In Russ.)
15. Baldova, AV, Gerasimova, MV & Yurina, EA 2020, *Mir v zerkale pishchevoy metafory. Ideograficheskiy slovar* (The world in the mirror of food metaphor. Ideographic Dictionary), vol. 1, Izdatel'stvo TGU publ, Tomsk. (In Russ.)
16. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* (National Corpus of the Russian Language), viewed 10 September 2023, http://www.ruscorpora.ru.

17. Ogol'tsev, VM 2001, *Slovar' ustoychivykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiy)* (Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonymous-antonymic), Russkiye slovari publ, Astrel publ, AST publ, Moscow. (In Russ.)
18. Yurina, EA (ed.) 2015, *Slovar' russkoy pishchevoy metafory. Blyuda i produkty pitaniya* (Dictionary of Russian food metaphor. Dishes and food products), vol. 1, Izdatel'stvo TGU publ, Tomsk. (In Russ.)
19. Yurina, EA (ed.) 2017, *Slovar' russkoy pishchevoy metafory. Gastronomicheskaya deyatel'nost'* (Dictionary of Russian food metaphor. Gastronomic activities), vol. 2, Izdatel'stvo TGU publ, Tomsk. (In Russ.)
20. Yurina, EA (ed.) 2019, *Slovar' russkoy pishchevoy metafory. Subyekt, obyekt, instrumenty gastronomicheskoy deyatel'nosti* (Dictionary of Russian food metaphor. Subject, object, tools of gastronomic activity), vol. 3, Izdatel'stvo TGU publ, Tomsk. (In Russ.)
21. Yurina, EA 2019, 'Printsipy sistematizatsii lingvisticheskikh baz dannykh v elektronnom «Poliyazychnom slovare metafor»' (Principles of systematization of linguistic databases in the electronic "Multilingual Dictionary of Metaphors"), *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire*, Izdatel'skiy dom KFU publ, Simferopol, pp. 135–140. (In Russ.)
22. Yurina, EA 2020, 'Printsipy i sposoby leksikograficheskoy parametrizatsii obraznoy sistemy yazyka' (Principles and methods of lexicographic parameterization of the figurative system of language), *Yazyk, kul'tura, tvorchestvo: Mirovyye praktiki izucheniya* (Language, culture, creativity: World learning practices), Gnozis publ, Moscow, pp. 86–102. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 17.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 206–214.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 206–214.

Научная статья
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-206-214

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ (АНТРОПОНИМЫ) В РАССКАЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН»

Дмитрий Анатольевич Романов

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, kafrus@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-9650-3408

Аннотация. В статье рассматривается система личных имен, разработанная Л. Н. Толстым для одного из ключевых рассказов «позднего» творчества. Онимы исследуются на стыке внутреннего и внешнего (так называемого «вертикального») контекстов произведения. Учитывается непосредственное лексическое (антропонимическое) оформление композиции, эволюция творческого замысла писателя, его параллельная работа над другими текстами. К исследованию семантики антропонимических лексем привлекаются данные актуальной для первой четверти XXI века и современной Толстому лексикографии. Трактовка имен собственных дается с опорой на мировоззрение автора, нашедшее отражение в его публицистике, дневниках, эпистолярном наследии, записанных современниками высказываниях, воспоминаниях родственников и т.д.

Ассоциативные связи антропонимов с явлениями действительности, историческими событиями, поступками и судьбами политических, церковных, легендарных личностей и т.п. мотивируются достоверными сведениями из творческой истории произведения и других работ автора позднего периода (1890-х – 1900-х гг.). Отмечаются семантические связи антропонимов рассказа «Фальшивый купон» с прецедентными именами собственными, а также с апеллятивами иноязычного, диалектного и просторечного характера.

Семантика антропонимов толстовского текста и аллюзии, выстраивающиеся на их основе, получают объяснение на базе классических трактовок отечественной школы изучения онимов (В. А. Никонов), а также подходов текстологической школы В. П. Григорьева, разработанных в Отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова, Н. А. Фатеева).

Выводы носят гипотетический, а не абсолютный характер. Они могут быть полезны для современного лингвистического и литературоведческого толстоведения, имеющего достаточно дифференцированную, но широкую научную плоскость.

Ключевые слова: текст, имя собственное, антропоним, семантика, этимология, аллюзии, контекст.

Для цитирования: Романов Д. А. Имена собственные (антропонимы) в рассказе Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 206–214. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-206-214

Сведения об авторе: *Д. А. Романов* – профессор, доктор филологических наук, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Романов Д. А., 2023

Scientific Article
UDC 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-206-214

PROPER NAMES (ANTHROPONYMS) IN LEO TOLSTOY'S STORY «THE FORGED COUPON»

Dmitry A. Romanov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, kafrus@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-9650-3408

Abstract. The article deals with the system of personal names created by Leo Tolstoy for one of his key stories of the "late" period. The study of onyms takes place at the intersection of the internal and external ("vertical") contexts of the work. The direct lexical (anthroponymic) design of the composition, the evolution of the writer's creative idea, and his parallel work on other texts are considered. The study of the semantics of anthroponymic lexemes involves the use of data from lexicography relevant to the first quarter of the 21st century and contemporary to Tolstoy. The interpretation of proper names is based on the author's worldview, reflected in his publicism, diaries, epistolary heritage, statements written by contemporaries, etc.

Associative connections of anthroponyms with phenomena of reality, historical events, actions and destinies of political, church, legendary personalities, etc. motivated by reliable information from the creative history of the work and other works of the author of the late period (1890s – 1900s). The semantic connections of anthroponyms in the story "The Forged Coupon" with precedent proper names, as well as with appellatives of a foreign language, dialect and vernacular nature are noted.

The semantics of anthroponyms in Tolstoy's text and the allusions built on their basis are explained on the basis of classical interpretations of the Russian school of onym studies (V. A. Nikonov), as well as approaches of V. P. Grigoriev's textological school, developed in the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics of the Federal State Budgetary Scientific Institution V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (L. I. Kolodyazhnaya, L. L. Shestakova, N. A. Fateeva).

The conclusions are hypothetical, not absolute. They can be useful for modern linguistic and literary Tolstoy studies, which have a rather differentiated but broad scientific area.

Keywords: text, proper name, anthroponym, semantics, etymology, allusions, context.

For citation: Romanov, DA 2023, 'Proper Names (Anthroponyms) in Leo Tolstoy's Story «The Forged Coupon»', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 206–214, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-206-214 (in Russ.)

Information about the Author: *Dmitry A. Romanov* – Professor, Doctor of Science (Philology), Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Romanov D. A., 2023

Введение

В большинстве художественных произведений имена собственные составляют своеобразный, как правило, небольшой по объему, но весьма значимый для понимания идей и авторского замысла пласт лексики. Разумеется, избирая для своих героев имена и фамилии, авторы руководствуются определенными принципами и ориентируются на общую содержательную структуру задуманного художественного целого. Происходит это в то время, когда произведение только задумывается, осмысливается писателем в общих контурах. Можно предположить, что на этапе развернутого художественного замысла намечаются и основные антропонимы (об этом свидетельствуют дошедшие до нас письма, дневниковые записи, заметки различных писателей, предшествующие непосредственной работе над литературным текстом). Как показывают подобные материалы, антропонимы затем могут существенно измениться или видоизмениться. Вспомним, например, как долго выкристаллизовывались у Л. Н. Толстого фамилии действующих лиц «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Сама антропонимическая система (как сущность с многочисленными внутренними связями и зависимостями) возникает только в процессе создания текста и, отталкиваясь от первоначального замысла, начинает формироваться уже в ходе регулярной поступательной работы над литературным произведением. Так происходит почти с каждым крупным художественным творением.

Разумеется, в литературном тексте могут быть не только антропонимические онимы, но и другие имена собственные. Подчас они не менее важны, чем имена персонажей (вспомним, например, роль топонимов в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» или в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», значение названий музыкальных произведений для маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» или повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет»).

Материалы и методы

Рассказ, который лег в основу настоящего исследования, интересен в первую очередь именами своих героев. На это с той или иной степенью подробности уже указывалось: [9; 10; 12].

Л. Н. Толстой создавал «Фальшивый купон» на протяжении длительного времени (с 1880-х гг. до 1904 г.) с большими перерывами и не успел окончательно отредактировать [1, с. 498]. Едва ли писатель изначально «видел» каждое имя, в полном объеме прогнозировал его смысловую нагрузку, ориентированную на то, чтобы «вмонтировать» оним в художественное целое. Но всякий раз, добавляя что-либо к своему первоначальному замыслу, развивая его, писатель включал в текст и какие-либо новые «задумки», связанные с антропонимами. О важности для Толстого выбора антропонима и художественной нагруженности именования действующих лиц «Фальшивого купона» свидетельствуют отдельные разночтения в назывании одного и того же героя в первой и во второй частях повествования, не устраненные по причине того, что автор окончательно не отредактировал текст. За каждым таким разночтением можно увидеть след авторской трактовки характера, попытки воплотить определенный человеческий тип (или выделить типичную деталь поведения представителя определенного социального сословия, группы людей и т.д.). Так, гимназического законоучителя Толстой именует сначала отцом *Михаилом*, затем указывает, что при постриге герой выбирает себе новое имя – более звучное и церковно-исторически «нагруженное», претенциозное – *Мисаил*, а ближе к финалу вновь именует его *Михаилом* в должности настоятеля и коменданта Суздальского монастыря, куда для «исправления» сослан праведный отец Исидор [5, с. 380].

Результаты и их обсуждение

Нужно заметить, что оценка имен собственных читателями художественных произведений подчас не совпадает с их пониманием автором. Причина этого в том,

что данный класс слов литературного текста – поле самых широких ассоциаций, которые могут сильно отличаться у автора и читателей. К тому же у читателей любого нового поколения такое ассоциативное поле способно существенно трансформироваться. Именно поэтому имена собственные в литературных произведениях как бы живут еще одной, дополнительной жизнью по сравнению с основным текстом, причем жизнь эта приобретает новые и теряет былые черты с течением времени. О «подвижности смысловых границ» имени собственного в художественном тексте специалисты говорят достаточно давно (см., например: [4, с. 5]). Структуральные и постмодернистские концепции текста предполагают существование за именами собственными (в том числе антропонимами) наиболее обширных аллюзивных полей [7; 3].

Обрамлением композиции «Фальшивого купона» является история отца и сына *Смоковниковых*. Разумеется, фамилия совершенно не случайна для Толстого и для данного художественного произведения. В первую очередь здесь интересны ассоциативные связи с другими текстами писателя. В частности, в «Исповеди», когда иллюстрируя возможности выбора жизненного пути человеком, Л. Н. Толстой воспроизводит индийскую притчу о путнике, упавшем в яму, на дне которой шипит клубок змей. В последний момент путник хватается за ветку смоковницы, растущей на краю ямы, и, находясь в подвешенном состоянии, видит, что корни деревца подрывают мыши. Дальнейший сюжет притчи изображает три вероятных выхода из этой ситуации, которые метафорически воплощают три типа человеческой жизни: разжать кулаки и упасть, погибнуть (самоубийство); изо всей силы пытаться карабкаться вверх (борьба) или же, позабыв обо всем, открыть рот и глотать нектар, падающий со смоковных ягод (наслаждение). Известно, что эта притча долгое время была для Л. Н. Толстого источником непростых размышлений и многие его герои своей судьбой иллюстрируют обозначенные пути. Так, Стива Облонский из «Анны Карениной» – типичный представитель человека наслаждающегося, а Константин Левин – человек борьбы и долга. Само слово *смоковница* для Л. Н. Толстого ассоциировалось с сибаритством, забвением трудов и мирских забот.

Вполне очевидно, что герои «Фальшивого купона» Смоковниковы в определенном смысле тоже избирают путь наслаждения, только для отца – это наслаждение своим высоким чиновным положением, авторитетом и блеском развитого интеллекта. А для сына – наслаждение рангом пониже: в детстве – материальными возможностями отпрыска обеспеченных родителей, а в зрелые годы – бытовым комфортом и сытой, спокойной жизнью. Правда, следует обратить внимание, что путь наслаждения в «Фальшивом купоне» прерывается естественным образом, поскольку Митя Смоковников под влиянием проповедей Степана переосмысливает свое существование, изменяет отношение к жизни и, следовательно, по-иному начинает общаться со своим отцом. То есть в развитии данной линии рассказа Л. Н. Толстой идет дальше, чем это было в его предшествующих произведениях. Идея раскаяния, обретения подлинного смысла жизни для «позднего» Толстого была особенно дорога.

Видимо, неслучайно старшего Смоковникова зовут *Федор Михайлович*. Это показательное имя-отчество ассоциируется у многих с русским писателем Достоевским, который был, как известно, во многих идеях противником Л. Н. Толстого. В частности, Достоевский довольно много в «Дневнике писателя» (июль – август 1877 г.) оспаривал мысли, высказанные Л. Н. Толстым в «Анне Карениной», в том числе и идеи о выборе определенного жизненного пути. Не исключено, что Л. Н. Толстой называет Смоковникова-старшего именем-отчеством Достоевского потому, что его умозрительно рассчитанный жизненный путь и принципиально интеллектуальное отноше-

ние к общественному устройству, религии, месту человека в мире и проч. ассоциативно связывались у Л. Н. Толстого с размышлениями Достоевского (в том числе и теми, которые были изложены в «Дневнике писателя»).

Многие имена собственные и фамилии, что вполне естественно для образованного человека XIX в., ассоциировались у Толстого с древней и церковной историей. Некоторые имели отчетливые диалектные и просторечные языковые связи (как правило, окрашенные экспрессией). Отдельные истолковывались личными авторскими ассоциациями, так или иначе проявленными и в других произведениях писателя. Разумеется, то, о чем мы будем говорить дальше, носит предположительный характер, но вполне допустимо и по кругу интересов Толстого, и по высочайшему уровню его начитанности, и по отдельным смысловым векторам, намеченным в его эпистолярном наследии и дневниках.

Вполне вероятно, что фамилия возлюбленного Кати Турчаниновой молодого помещика и студента *Тюрина*, выбравшего себе революционное поприще, употреблена Толстым исходя из двух зафиксированных в русских диалектах значениях этого корня. По первому значению *тюря* – ‘размазня’, а соответственно, человек, обладающий этой фамилией, может характеризоваться как вялый, безвольный, никчемный [8, с. 142]. Во втором значении, приведенном в словаре В.И. Даля, *тюрить* – ‘врать, лгать, путать, молоть’ [6, т. 3, с. 452]. Вполне вероятно, что особенности безвольной личности героя и его народнические, революционно-демократические взгляды, которым Толстой не симпатизировал и считал ложными, вводящими народ в заблуждение, соотносятся с семантикой корня, присутствующего в его фамилии.

Фамилия друга Мити Смоковникова *Махин* ассоциативно связана со значением корня, встречаемого в глаголе *махать*. Равнодушное и необдуманное отношение к жизни (*махать на все рукой, отмахиваться от проблем*) характерно герою. Вторая явно отглагольная фамилия рассказа – это фамилия крестьянина, ставшего сектантом, Ивана *Чуева*. Этот герой, поздний аналог Платона Каратаева в толстовском творчестве, интуитивно наделен способностью отличать правду от лжи, т. е. *чуять истину*. Это чутье, по замыслу Толстого, помогло обрести подлинный смысл жизни не только самому герою, но и людям, оказавшимся в «поле его притяжения», – в первую очередь Степану и Прокофию.

Чуев своей фамилией воплощает одну из главных идей мировоззрения Толстого: любой грех можно искупить раскаянием и самоисправлением. *Чуять* необходимо «не затем, чтобы осуждать жизнь других людей и свою, не исправляя ее, а затем, чтобы стараться с каждым днем и часом становиться хоть немного лучше, исправлять себя» [13, с. 27].

Достаточно сложные ассоциации связаны с именем и фамилией наиболее важного для Толстого героя рассказа – Степана Пелагеюшкина, воплощающего своей судьбой идею раскаяния и обретения Бога в самом себе.

Во-первых, имя *Степан*, или в общеславянской огласовке *Стефан*, восходит к греческому аналогу и буквально переводится как ‘венок, корона, венец, диадема’. Сильный, волевой характер этого героя, потенциал богоискательства, безусловно, проявляется в его «говорящем» имени. В письме В. Ф. Булгакову о воспитании 25 мая 1909 г. Толстой говорил: «Помните всегда, что в каждом человеке живет тот же Бог, какой живет и в вас, и потому, когда сходитесь с человеком, кто бы он ни был, не забывайте, что выше и важнее того, что есть в этом человеке, ничего нет на свете. И потому … самого человека, кто бы он ни был, надо почитать как Бога и любить как самого себя, и потому делать для него то, чего сам себе желал бы, если бы был на его месте» [13, с. 36]. К пониманию этого не просто трудной, а страшной, трагической дорогой приходит и Степан.

С другой стороны, вполне возможна ассоциация со Стефаном Первомучеником, одним из «апостолов от семидесяти», т. е. тем человеком, который первым пожертвовал жизнью во имя Христа. Не исключено, что мученический венец Стефана Толстой перенес на судьбу своего героя. При этом фамилия *Пелагеюшкин* как бы удваивает семантику мученичества, потому что имя *Пелагея (Пелагия)*, лежащее в основе фамилии, принадлежало многим христианским мученицам (Пелагия Антиохийская, Пелагия Тарсийская, Пелагия Дивеевская и др.). Вполне вероятно, что усиление семантики жертвенного венца в имени собственном *Степана Пелагеюшкина* совсем не случайно.

Имя *Прокофия*, героя дерзкого, самолюбивого, разрушающего свою жизнь по причине недооцененности другими людьми, вполне вероятно, ассоциативно связано с греческим значением слова *Прокофий (Прокопий)*, переводимого на русский как ‘успех, преуспеяние’. Именно отсутствие вроде бы наметившегося в начале жизни успеха и приводит героя к полному краху и гибели. Гипертрофированное, но не оцененное другими людьми *Я* героя довлеет над его судьбой. В последние годы жизни Толстой много размышлял о гордыне [2, с. 250], которая очень опасна для человека и противостоять которой не могут иногда даже люди духовного сословия (эта идейная линия присутствует и в «Фальшивом купоне», и в «Отце Сергии»).

Греческие корни и у многих имен церковных служителей – героев рассказа. Так, образ праведного отца *Исидора*, безусловно, создан по типичному монашескому чину. Руководствуясь этим же принципом, Толстой подбирает и антропоним. Греческое имя *Исидор* использовалось только в специальных церковных обрядах и торжественных актах, в то время как в бытовом поле функционировал народный аналог этого имени – *Сидор*.

Таким же образом – по типичному обозначению лиц духовного звания – смоделированы имя и судьба гимназического преподавателя закона Божия *Михаила Введенского*.

Введенский – традиционная фамилия церковных служителей, восходящая к семинарскому обычаю именования в честь церковного праздника (*Воздвиженский, Рождественский, Вознесенский* и др.). При монашеском постриге Михаил Введенский избирает себе имя *Мисаил*, которое, вероятно, ассоциируется у Толстого с именами целой группой видных христианских деятелей западной Руси XIV–XVI вв. Наиболее известным из них был Мисаил Пеструч, знаменитый киевский и галицкий митрополит униатской эпохи конца XV века, сторонник объединения церквей, переписывавшийся с римскими папами и демонстративно противостоявший московским иерархам. Вполне вероятно, что западное православное имя *Мисаил* дано Введенскому по его двойственной (и даже двурушнической) позиции в отношении сначала Мити Смоковникова, потом – сектантов. Ни в роли гимназического преподавателя, ни в роли митрополичьего посланника герой не способен понять той истины, которую ненавязчиво проповедует Толстой в тексте своего рассказа: «Во всех верах учение о том, как надо жить людям, одно и то же. Обряды разные, а вера одна. Разумный человек видит то, что едино во всех верах, глупый же видит только то, что в них разное» [13, с. 27].

За именем *Мисаил*, безусловно, скрывается негативное отношение автора к жизненным принципам героя. Необходимо указать, что есть и иная точка зрения на трактовку роли данного антропонима в тексте толстовского рассказа: [4]. Заметим также, что имя *Михаил* не наделено для Толстого отрицательной коннотацией, поэтому, видимо, писатель возвращается к нему, когда рассказывает о раскаянии и уходе от дел Введенского после бесед с отцом Исидором. Толстой, скорее всего, просто не успел проработать эту повествовательную линию до конца, вследствие чего «сюжет»

с трансформацией *Михаил – Мисаил* так и не обрел в рассказе абсолютно четких очертаний.

Фамилия Петра Николаевича *Свентицкого*, воплощающего, по мнению Толстого, ложные представления о формах успешного хозяйствования, вне всякого сомнения, связана с «польским следом» в русской истории и мировоззрении Толстого. В позднем творчестве писатель довольно часто использовал польские фамилии: *Косицкий* – в «Отце Сергии», *Бжезовский* – в «Хаджи-Мурате». Всякий раз герои, носящие такую фамилию, имеют в произведении крайне нелепую, «бестолковую» судьбу и выступают жертвами обстоятельств, которые они не могут правильно истолковать.

Толстого сильно волновал польский вопрос, но воспринимал он его не в политическом ракурсе, как это делали многие современники, а в ракурсе морально-этическом. Несчастный Бжезовский, обреченный Николаем I на мучительную смерть, – пример безвинной жертвы государственной самодержавной машины, не знающей пощады и не видящей в своих подданных человеческих качеств. Этот студент, не способный хорошо учиться, становится псевдотеррористом и гибнет из-за собственного легкомыслия, недальновидности, неспособности просчитать последствий своих поступков.

С польскими по происхождению героями и, что естественно, с польскими фамилиями у Толстого связано представление о непонимании истинных законов жизни, о какой-то изначальной «никчемности» и неразвитости личности. Подобную линию воплощает в «Фальшивом купоне» Петр Николаевич Свентицкий, который много трудится, обладает большим количеством личных достоинств, но не понимает каких-то существенных основ бытия; его упорство граничит с упрямством, он незаметно переходит нравственную грань в отношениях с мужиками, из-за чего и становится жертвой крестьянской расправы (о воплощении Толстым своих ключевых идей через композицию рассказа и ракурсы представления героев подробно см.: [11]).

Женские имена в толстовском рассказе носят преимущественно фоново-иллюстративный характер. Жену неудачливого торговца дровами крестьянина Ивана Миронова зовут *Афимья*, жену мещанина, владельца постоялого двора, зовут *Матрена*. Оба эти имени содержат налет архаики и призваны создать фон народной жизни, на котором развиваются события толстовского рассказа.

Фамилии Кати *Турчаниновой* и помещиков *Ливенцовых* – это типичные фамильные антропонимы российского дворянства. Входящая в придворный круг княгиня *Софья Владимировна* в звучности своего именования задумана воплощать нелюбимые Толстым великосветские черты. Высокомерие этого круга мастерски показано Толстым в оценке Софьей Владимировной письма вдовы Свентицкого царю: *C'est tres gentil de sa parte (Как это мило)* [14, с. 204].

Мещанские имена избираются Толстым по принципу типизации представителей социальных групп. Это имена, воздействующие на читателя своей обычностью, привычностью для описываемого общественного слоя. Таковы *Евгений Михайлович* и *Марья Васильевна* – владельцы лавки фотографических принадлежностей, а также *Марья Семеновна*, содержащая на свою скудную пенсию всю семью. Заметим, фамилии этих героев в рассказе не называются, потому что для определенной им в тексте роли это вовсе не обязательно.

Встречаются в рассказе однократно упоминаемые фамилии, нужные Толстому как некие символические «сигналы жизни». Этот прием во многом предвосхищает произведения Чехова, где подобные детали являются чертами лингвопоэтики. В частности, когда Степан сознается в совершенных им преступлениях, он упоминает фамилию неких *Добротворовых*, в доме которых герой совершил убийство. Мы точно не знаем, кто из жертв Степана носил такую фамилию. Это и не важно. Фамилия *Добро-*

творовы нужна в тексте как символ того, что убийство разрушает добро в мире (*сотворенное кем-то добро*), которое, по Толстому, так ценно и которое одно может остановить цепь развития зла.

Заключение

Достаточно часто в своем рассказе Толстой заменяет имена собственные обозначением социального статуса, степени родства, профессии и т. д. Это создает специфические взаимоотношения онимов и апеллятивов в тексте [9, с. 145]. В частности, мы не получаем сведений об именах ни одного представителя погубленного Степаном семейства Марьи Семеновны. Мы знаем только, что у нее был отец, сестра, зять и племянники. Мы не знаем имен и других жертв Степана; указывается их общественное положение: извозчик, его жена, дети и т. д. Даже героев, «ведущих» свои собственные повествовательные линии в рассказе, Толстой часто именует нарицательными словами: *плотник* Василий, *законоучитель* Введенский, *палач* Махоркин и т. д. Это далеко не случайно. В подобном случае Толстой, конечно, хочет показать определенную растворенность конкретной личности в социальном типе. Его интересует не столько частная судьба, сколько судьба группы людей, объединенных многими сходствами.

Наконец, следует отметить, что Толстой очень часто использует уменьшительные или просторечные формы имен наряду с обычными. В частности, Прокофия он регулярно называет *Прошкой*, Смоковникова-младшего почти всегда – *Митей*, дочь Еропкиных – *Лизой*, Турчанинову – *Катей* и т. д. В этом отношении Толстой продолжал стиль своих ранних и зрелых произведений, где именование героев всегда было обусловлено обычаями и установлениями социальной среды, к которой принадлежат персонажи. У крестьян и мещан имена носили простонародный характер. В дворянском сословии были распространены уменьшительно-ласкательные, шутливо-ироничные формы имен, а также домашние прозвища. То, что уже сложилось в романах и пьесах Толстого, продолжается, таким образом, и в его позднем рассказе «Фальшивый купон».

Список источников и литературы

1. *Бойко М. Н.* Комментарии: Л. Н. Толстой. Фальшивый купон // Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 498–499.
2. *Булгаков В. Ф.* Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. 465 с.
3. *Васильева Н. В.* Собственное имя в мире текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
4. *Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л.* Собственное имя в русской поэзии века. М.: Азбуковник, 2005. 346 с.
5. *Гудзий Н. К.* Примечания. Комментарии // Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. М.-Л.: ГИХЛ, 1936. Т. 36. С. 365–405.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Репринт. изд. 1882 г. М.: Русский язык, 1980.
7. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
8. *Никонов В. А.* Словарь русских фамилий. М.: Школа-пресс, 1993. 180 с.
9. *Печурова Е. А.* О роли антропонимов и апеллятивов в повести Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Л. Н. Толстой: идеи, образы, язык : колл. монография. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 144–161.
10. *Роговер Е. С.* Художественное своеобразие повести Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах : материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2016. С. 105–116.
11. *Романов Д. А.* Особенности повествовательной структуры рассказа Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 5. С. 46-59.

12. *Стоянова С. И.* Повести «позднего» Л. Н. Толстого в контексте его творчества 1880-х – 1900-х гг. : дис. … канд. филол. наук : 10.01.01 / Стоянова Светлана Иванова. М., 1994. 167 с.
13. *Толстой Л. Н.* Об образовании. Письмо первое. О воспитании. Письмо второе // Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого / под ред. П. И. Бирюкова. Т. 14. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1913. С. 27–36.
14. *Толстой Л. Н.* Фальшивый купон // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14. М.: Худож. лит., 1964. С. 149–212.

References

1. Boyko, MN 1983, 'Kommentarii. L.N. Tolstoy. Fal'shivyy kupon' (Comments. L.N. Tolstoy. The Forged Coupon), Tolstoy, LN *Sobraniye sochineniy v 22 t.* (Collected works in 22 vols.), vol. 14, Khudozh. lit publ, Moscow, pp. 498-499. (In Russ.).
2. Bulgakov, VF 1989, *L.N. Tolstoy v posledniy god yego zhizni* (L.N. Tolstoy in the last year of his life), Pravda publ, Moscow. (In Russ.).
3. Vasilyeva, NV 2009, *Sobstvennoye imya v mire teksta* (Proper name in the world of text), LIBROKOM publ, Moscow. (In Russ.).
4. Grigoryev, VP, Kolodyazhnaya, LI & Shestakova, LL 2005, *Sobstvennoye imya v russkoy poezii veka* (Proper name in Russian poetry of the century). Azbukovnik publ, Moscow. (In Russ.).
5. Gudziy, NK 1936, 'Primechaniya. Kommentarii' (Notes. Comments), *Polnoye sobraniye sochineniy v 90 t.* (Complete collection of works in 90 vols.), vol. 36, GIKHL publ, Moscow, Leningrad, pp. 365-405. (In Russ.).
6. Dal', VI 1980, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 tt.* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.).
7. Zholkovskiy, AK & Shcheglov, YuK 1996, *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priyemy – Tekst* (Works on the poetics of expressiveness: Invariants - Theme – Techniques – Text), Progress publ, Moscow. (In Russ.).
8. Nikonov, VA 1993, *Slovar' russkikh familiy* (Dictionary of Russian surnames), Shkola-press publ, Moscow. (In Russ.).
9. Pechurova, YeA 2015 'O roli antroponimov i apellyativov v povesti L. N. Tolstogo «Fal'shivyy kupon»' (On the role of anthroponyms and appellatives in L. N. Tolstoy "The Forged Coupon"), *L. N. Tolstoy: idei, obrazy, yazyk* (L.N. Tolstoy: ideas, images, language), Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo publ, Tula, pp. 144–161. (In Russ.).
10. Rogover, ES 2016, 'Khudozhestvennoye svoyeobraziye povesti L. N. Tolstogo «Fal'shivyy kupon»' (The artistic originality "The Forged Coupon" by L. N. Tolstoy), *Dukhovnoye naslediye L. N. Tolstogo v sovremennykh kul'turnykh diskursakh* Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo publ, Tula, pp. 105-116. (In Russ.).
11. Romanov, DA 2023, 'Osobennosti povestvovatel'noy struktury rasskaza L. N. Tolstogo «Fal'shivyy kupon»' (Features of the narrative structure of L.N. Tolstoy "The Forged Coupon "), *Russian language at school*, vol. 84, no. 5, pp. 46–59. (In Russ.).
12. Stoyanova, SI 1994, *Povesti «pozdnego» L.N. Tolstogo v kontekste yego tvorchestva 1880-kh – 1900-kh gg.* (The stories of the "late" L.N. Tolstoy in the context of his work in the 1880s – 1900s), PhD thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow. (In Russ.).
13. Tolstoy, LN 1913, 'Ob obrazovanii. Pis'mo pervoye. O vospitanii. Pis'mo vtoroye' (About formation. Letter 1. About education. Letter 2), *Polnoye sobraniye sochineniy L. N. Tolstogo* (Complete Works of L.N. Tolstoy), P.I. Biryukov (ed.), vol. 14, Tip. I. D. Sytina publ, Moscow, pp. 27–36. (In Russ.).
14. Tolstoy, LN 1964, 'Fal'shivyy kupon' (The Forged Coupon), *Sobraniye sochineniy: v 20 t.* (Collected works. In 20 vols.), vol. 14, Khudozh. lit. publ, Moscow, pp. 149–212. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 23.08.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 23.08.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 215–224.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 215–224.

Научная статья
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-215-224

О РОЛИ АНТИТЕЗЫ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ХОЛСТОМЕР»

Наталия Михайловна Старцева

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nstarceva@bk.ru
https://orcid.org/0000-0002-9225-1821

Аннотация. Статья посвящена повести Л. Н. Толстого «Холстомер», художественному произведению, имеющему непростую историю создания, тексту многослойному и сложному для читательского восприятия в силу того, что в нем подняты наиболее важные вопросы существования человека и мира, осмысленные через призму толстовского миропонимания. В данной статье на примере текста повести рассмотрено использование антитезы как основного идейно-композиционного принципа. Многие исследователи отмечают, что в художественном пространстве романов, повестей и рассказов Льва Николаевича Толстого антитеза становится ведущим средством построения текста, затрагивая при этом все его уровни: проблематику и идейное содержание, систему персонажей, приемы изображения, психологические характеристики, детали и т.д. Противопоставление позволяет писателю раскрыть заложенные в произведении смыслы максимально объективно, продемонстрировать читателю разнонаправленные векторы движения жизни, чтобы привести его к единственно верным, по мнению автора, выводам. Антитеза в повести, как и в других художественных произведениях, относящихся к зрелому периоду, многослойная и многоуровневая. Л. Н. Толстой включает в систему противопоставлений отдельные эпизоды произведения, описания природы, образы героев, соединяя их попарно несколько раз, или противопоставляя героя самому себе на разных этапах жизни. Причем противопоставление в «Холстомере» причудливо переплетается с сопоставлением, параллелями, показывая сложность поднимаемых вопросов и одновременно естественную очевидность их решения.

Ключевые слова: художественный текст, повесть, антитеза, система персонажей, антонимия, синтаксические отношения.

Для цитирования: Старцева Н. М. О роли антитезы в повести Л. Н. Толстого «Холстомер» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 215–224. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-215-224

Сведения об авторе: *Н. М. Старцева* – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Старцева Н. М., 2023

Scientific Article
UDC 811.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-215-224

THE ROLE OF THE ANTITHESIS IN "STRIDER: THE STORY OF A HORSE" BY LEO TOLSTOY

Natalia M. Startseva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, nstarceva@bk.ru
https://orcid.org/0000-0002-9225-1821

Abstract. The article is devoted to the "Strider: The Story of a Horse" by L. N. Tolstoy. This work of fiction has a complicated history of creation; the text is multi-layered and difficult for the reader's perception due to the fact that it raises the most important issues of human existence and the world, conceptualized through the prism of Tolstoy's worldview. The article considers the use of the antithesis as the main ideological and compositional principle on the example of the text of the story. Many researchers note that in the artistic space of Leo Tolstoy's novels, novellas and short stories, the antithesis is the leading means of text construction, affecting all its levels: the problematic and ideological content, the system of characters, image techniques, psychological characteristics, details, etc. The antithesis allows the writer to reveal the meanings of the work as objectively as possible, to show the readers the different vectors of the movement of life in order to lead them to the only correct conclusions, in author's opinion. The antithesis in the story, as in other works of fiction related to the mature period, is multi-layered and multilevel. L. N. Tolstoy includes in the system of oppositions individual episodes of the work, descriptions of nature, heroes, connecting them in pairs several times, or contrasting the hero to himself at different stages of life. Moreover, the opposition in the "Strider: The Story of a Horse" is intricately intertwined with comparison, parallels, showing the complexity of the issues raised and at the same time the natural evidence of their solution.

Keywords: literary text, story, antithesis, character system, antonymy, syntactic relations.

For citation: Startseva, NM 2023, 'The Role of the Antithesis in "Strider: The Story of a Horse" by Leo Tolstoy', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 215–224, http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-215-224 (in Russ.)

Information about the Author: *Natalia M. Startseva* – Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of the Russian language and literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Startseva N. M., 2023

Введение

Когда говорят об антитезе в творчестве Л. Н. Толстого, то в первую очередь обычно вспоминают о романе «Война и мир», где идея противопоставления намечена уже в названии произведения. В романе-эпопее антитеза используется и как средство изображения общественного и исторического пространства, и как ведущий композиционный прием, а также как один из способов характеристики персонажей. Об этом много писали литературоведы, обращая внимание на разные аспекты реализации антитезы в романе-эпопее. Если одни исследователи, например, С. Г. Бочаров в своей работе «Роман Толстого "Война и мир"» [1], говорят о различных противопоставлениях в тексте произведения, не занимаясь специально проблемой антитезы, то другие авторы, напротив, посвящают свои работы отдельным противопоставлениям, содержащимся в романе (Г. С. Миронова «Болконские и Курагины: «мир» и «антимир» в романе-эпопее Л. Н. Толстого» [6], М. Ю. Каменева «Молчание и слово в эстетической концепции Л. Н. Толстого (на примере романа-эпопеи «Война и мир»)» [3] и др.). Не менее сложная структура антитезы у Л. Н. Толстого присутствует в рассказах и повестях, в частности в «Холстомере», произведении, имеющем непростую историю создания и читательскую судьбу [7].

Л. Н. Толстой работал над повестью долго и с большими перерывами. Он начал создавать «историю лошади» в мае 1856 года, о чем свидетельствует записи в его дневнике: «Хочется писать историю лошади» [9, с. 78]. Затем черновики были оставлены на время, и вернулся к ним Л. Н. Толстой в 1863 году: весной этого года в письме к А. А. Фету он говорит о том, что стремится закончить произведение к осени и тогда же опубликовать его [10, с. 17], на что Афанасий Афанасьевич ответил шутливо: «Пишите мерина, и Ваш мерин, я уверен, будет, будет беспримерен» [11, с. 366]. Однако, видимо, автор остался недоволен результатом, поэтому до публикации в тот период дело не дошло.

Только через двадцать лет писатель вернулся к «Холстомеру». Он переработал рукопись, завершил историю лошади ее гибелью, добавил к тексту повести посвящение М. А. Стаховичу.

Михаил Александрович Стахович был известен как фольклорист, талантливый писатель и драматург, автор пьес «Ночное» и «Наездники» [5]. Он был неплохим музыкантом, собирал народные песни, клал их на собственную музыку, писал посвященные народу стихотворения. Его считали демократом и типичным народником: многих собственных крестьян он освободил от крепостной зависимости, всегда заступался за простых людей. Его популярность была настолько велика, что его единодушно избрали предводителем елецкого уездного дворянства, хотя он был еще очень молод для такой должности, да и его демократические взгляды были всем известны.

Михаил – брат Александра Александровича Стаховича, одного из крупных коннозаводчиков России, тайного советника, бывшего другом Льва Николаевича Толстого и его семьи более пятидесяти лет. А. А. Стахович интересовался лошадьми, в том числе и скакунами знаменитой орловской породы. Он слышал от стариков Хреновского конезавода историю необычной лошади, отличавшейся небывалой резвостью, которую помнили как Холстомера. Рассказывали, будто лошадь показывала удивительную прыть в Москве на бегах, устроенных графом Орловым-Чесменским. А. А. Стахович заинтересовался историей необычной лошади и выяснил, что в документах Хреновского завода скакуна с такой кличкой не было. Вероятно, речь шла о коне по кличке Мужик 1-ый, а Холстомером его называл граф Орлов за то, что лошадь имела особый ход – длинный и свободный, как будто животное ногами отмеряло расстеленные холсты. Возможно, вся эта история не более чем одна из легенд, однако удивительная лошадь и ее судьба очень заинтересовали А. А. Стаховича. Историю Холстомера он поведал брату, тот решил написать небольшую повесть «Похождения

пегого мерина», где думал рассказать о приключениях, выпавших на долю коня. Однако этим планам не суждено было сбыться: жизнь Михаила Стаховича трагически оборвалась на тридцать девятом году. Он был убит лихими людьми, позарившимися на деньги, вырученные Михаилом от продажи пшеницы.

Наброски истории похождений Холстомера М. Стахович, вероятно, сделал, о чем свидетельствуют замечания его брата. Могла получиться авантюрная повесть – описание жизни лошади, полное приключений и неожиданных поворотов сюжета.

Л. Н. Толстой, слышавший о Холстомере, попросил А. А. Стаховича «передать» ему все подробности истории лошади. Он создал совершенно другое произведение, изменил акценты, убрал приключенческую составляющую как двигатель сюжета, написав трагическую историю пегого мерина, которому суждено было родиться не таким, как все, и прожить многотрудную рабочую жизнь.

Сам Л. Н. Толстой очень любил лошадей и много о них знал. Он часто бывал у своего брата С. Н. Толстого в селе Пирогове, где у последнего был собственный конезавод. Именно там, кстати, писатель приметил кобылу Жолдобу, которую позже под кличкой Жулдыба описал в повести «Холстомер».

Читая произведение, мы видим, как хорошо писатель знал тот предмет, о котором говорил. Об этом свидетельствуют мелкие детали жизни конезавода и табуна, детальные описания повадок лошадей, особенностей их поведения. Например, очень точно охарактеризованы привычки и повадки старых маток и молодых кобыл, со знанием дела описано, как по-разному ведут себя взрослые лошади и жеребята, внимательно переданы нюансы смены настроений старого мерина Холстомера.

Исследование

Повесть Л. Н. Толстого «Холстомер» – произведение сложное, где писатель ставит многие важные вопросы, для чего рассматривает противопоставленные вещи: это жизнь и смерть, молодость и старость, внутренняя глубина и пустота, жизнь-служение и бессмысленное существование. Противопоставление в тексте повести многослойно, причем оно причудливо переплетается с параллелями и сопоставлениями. По мнению Г. Россош, «Параллелизм – самое, пожалуй, общее выражение композиционного формата повести; это целый комплекс – либо противовесов (контраст, антитеза), либо соответствий (подобие, тождество), а нередко и причудливых совмещений, гибридов антитезы и тождества» [8]. На уровне персонажей антитетичны пары: Холстомер – князь Серпуховской, Холстомер – табунщик Нестер, князь Серпуховской – молодой хозяин конезавода, князь Серпуховской в молодости – князь Серпуховской в зрелом возрасте, Холстомер глазами самой лошади (в рассказе о жизни, который ведет Холстомер для других лошадей) – Холстомер глазами автора, Холстомер – табун, мать Холстомер – мать-волчица, молодые кобылы – старые лошади. Таким образом, все персонажи, в том числе и коллективные, входят в систему противопоставлений в тексте повести. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Холстомер – князь Серпуховской. Старый мерин по прозвищу Холстомер, безусловно, главный герой повести, что подтверждает ее название. С момента рождения он был обречен на необычную судьбу. Будучи ребенком знаменитых родителей, он не оправдал ожиданий окружающих, так как родился пегим. Чистокровные лошади не могли быть такой масти; по мнению конюшего, пришедшего посмотреть на малыша, жеребенок нехорош, ему не место на конезаводе: *«И в какого черта он уродился, точно мужик…»* [12, с.17]. Причем прекрасные ходовые качества у Холстомера отмечали тоже с первых дней его жизни. Но это никак не изменило отношения людей: окрас лошади делал ее второсортной, «неправильной», предопределял будущие беды. Холстомер не понимал, почему он не нравится людям, выбиравшим в качестве критерия ценности исключительно внешний вид.

Именно противопоставление внешнего и внутреннего является принципиальным для пары Холстомер – князь Серпуховской. В молодости последний был красив, его любили женщины, он был богат и удачлив. В то же время Холстомер замечает: *«…он ничего и никого никогда не любил…»* [12, с. 29]. Князь купил пегую лошадь потому, что таких ни у кого не было: в этом поступке проявляется стремление князя к эффектным жестам, позерству, игре на публику.

Ни лошадь, ни князь не имеют имен на первых страницах повести, мерин называет себя сам, когда рассказывает табуну о прошлом, а князя называет автор в последней части повествования, когда Никита Серпуховской приезжает на завод к опять-таки безымянному молодому хозяину. Имя лошади важно для повествования, имени князя могло и не быть, так как его судьба типична и банальна, а оценка его личности в системе ценностей автора близка к нулю. Когда князь второй раз появляется на страницах повести, он уже немолод и небогат: *«Приезжий, Никита Серпуховской, был человек лет за сорок, высокий, толстый, плешивый, с большими усами и бакенбардами. Он должен был быть очень красив. Теперь он опустился, видимо, физически, и морально, и денежно»* [12, с. 38].

Серпуховскому всего-то около сорока лет, но Л. Н. Толстой называет его стариком, многократно подчеркивает это различными однокоренными словами «старый», «старик». Князь неприятен читателю: герой – обрюзгший, плохо пахнущий человек, он много пьет. Холстомер тоже не стал с годами красивее, однако его склонность к самоанализу, степенность, гуманность делают его существом, которое вызывает уважение.

Важно, что старый мерин узнал в *«обрюзгшем старике своего любимого хозяина, бывшего блестящего богача-красавца Серпуховского»* [12, с. 36]. Он помнил об этом человеке всю жизнь, любил его когда-то. А человек не узнал лошадь, только заметил, что пегий мерин был похож на самого быстроногого коня, которого он когда-то бездумно загубил.

Князь Серпуховской человек только внешне, живет он по законам физиологическим, удовлетворяя свои потребности и запросы – и больше ничего. Нет семьи, нет любви, нет цели, нет никакой внутренней жизни; он не обладает способностью к рефлексии, не делает выводов, даже не умеет наблюдать. Холстомер, напротив, обладает всеми теми качествами и умениями, которых нет у князя: он склонен к анализу, наблюдениям, умеет понимать и прощать.

Холстомер с точки зрения естественных законов природы прожил свою жизнь зря: он не оставил потомства. Конь не был в этом виноват, его сделали мерином насильно, в наказание за его непохожесть на других. Князь тоже живет в холостую, без семьи и детей, однако это выбор самого Серпуховского, чья жизнь абсолютно бесплодна и бессмысленна, поэтому в финальном абзаце автор называет его *«евшее и пившее мертвое тело»* [12, с. 47].

Усиливает антитезу в паре Холстомер – князь Серпуховской то, что Л. Н. Толстой противопоставляет сцены смерти лошади и князя. Старый мерин был безжалостно зарезан по приказу коновала. Но конь даже после смерти оказался полезен другим: волчица накормила его мясом своих детенышей, а кости и череп унес и пустил в дело проходивший мужик. Серпуховской и живой не был никому нужен: *«А как уже двадцать лет всем в великую тягость было его ходившее по свету мертвое тело, так и уборка этого тела в землю было только лишним затруднением для людей. Никому уж он давно был не нужен, всем уж давно он был в тягость…»* [12, с. 47]. Автор посвящает финалу его жизни один небольшой абзац и называет Серпуховского ходившим по свету, евшим и пившим мертвым телом, делая тем самым акцент на физической стороне существования. Конь и здесь более человек, чем человек. Вся жизнь князя – бессмысленное «хождение» по свету, и его смерть не становится трагедией,

не вызывает никаких чувств, кроме брезгливости. Его хоронят *«в новом мундире и вычищенных сапогах»*, создавая видимость богатства и благополучия, скрывая *«гниющее, кишащее червями тело»*. Притворство и ложь, желание за красивым фасадом спрятать пустоту и эгоизм сопровождают Серпуховского всю жизнь и остаются с ним даже после смерти. В итоге князь и старый конь «с этической точки зрения меняются местами [4, с. 97].

Князь Серпуховской – молодой коннозаводчик. Интерес к жизни, склонность к размышлениям старого коня противопоставлены равнодушию к окружающему и бездуховности не только Никиты Серпуховского, но и молодого хозяина, у которого гостит князь.

Князь Серпуховской противопоставлен молодому хозяину и одновременно сопоставлен и ним, ибо коннозаводчик изображен как своеобразный двойник князя: они представители разных поколений, но «близнецы» на уровне мировидения и жизненных ценностей.

Портрет молодого хозяина и Серпуховского в юности почти повторяют друг друга: оба красавцы и щеголи. Более детальный портрет молодого хозяина изображает его не как человека, а, скорее, как животное: *«Хозяин был рысистый охотник, крепыш-сангвиник, один из тех, которые никогда не переводятся, ездят в собольих шубах, бросают дорогие букеты актрисам, пьют вино самое дорогое, с самой новой маркой, в самой дорогой гостинице, дают призы своего имени и содержат самую дорогую»* [12, с. 38]. В отличие от разорившегося, одинокого и бездетного Серпуховского, молодой коннозаводчик не одинок, а его любовница беременна, но на этом, пожалуй, различия заканчиваются. Оба героя пусты и эгоистичны, стремятся к внешним эффектам, жизнь их подчиняется инстинктам, удовлетворению физиологических потребностей.

Не случайно ни один из них во время совместных бесед не собирается слушать другого, а хочет только говорить сам, причем Л. Н. Толстой многократно повторяет слово «хвастать», относя его к обоим героям: *«Хозяину было скучно слушать Серпуховского. Ему хотелось говорить про себя – хвастаться. А Серпуховскому хотелось говорить про себя – про свое блестящее прошедшее»* [12, с. 42]. Так и ведут они свои однонаправленные диалоги: один с удовольствием говорит о себе и сам с не меньшим удовольствием это слушает, а другой в это время ждет своей очереди начать говорить о себе и придумывает *«чем бы похвастаться»* [12, с. 42].

Молодой хозяин не интересуется былыми заслугами и победами Серпуховского, а князь, постаревший и разорившийся, завидует богатству и свежести собеседника. Оба они играют в вежливость, радушие, интерес друг к другу, а искренние чувства проявляют только наедине с собой: «*Серпуховской начал было улыбаться, глядя на них и для них, ненатуральной улыбкой, но когда хозяин встал и, обняв ее, вышел с ней до портьеры – лицо Никиты вдруг изменилось, он тяжело вздохнул, и на обрюзгшем лице его вдруг выразилось отчаяние. Даже злоба была видна на нем»* [12, с. 38].

Если бы они были хоть немного внимательнее к людям, то каждый из них мог бы увидеть в другом собственное отражение. Но героям не свойственна рефлексия, они не способны задумываться о чем-то, кроме материального. Это Л. Н. Толстой подчеркивает всего одной значимой подробностью, когда описывает обстановку в доме молодого хозяина: *«От всего веяло новизной, роскошью и редкостностью. Все было очень хорошо, но на всем был особенный отпечаток излишка, богатства и отсутствия умственных интересов»* [12, с. 38]. Толстой отказывает этим людям в жизни умственной и духовной.

Князь Серпуховской противопоставлен сам себе – в молодые годы (ему тогда было примерно 25 лет; об этом времени рассказывает табуну Холстомер, искренне любивший этого непутевого и эгоистичного человека) и в зрелом возрасте. Он не только не стал лучше, мудрее, человечнее, но и растерял то, что было дано ему природой в юности – удаль, красоту, богатство. В его портрете есть важная, на наш взгляд, подробность. В молодые годы он был чернобровым красавцем с белозубой улыбкой. Белые зубы молодого князя Серпуховского – значимая деталь у Толстого: постаревший бывший красавец стесняется улыбаться, так как у него во рту не хватает двух зубов. Улыбка является традиционным для Толстого показателем внутренней красоты человека: она украшает лицо любимых героев писателя, делает привлекательной Наташу Ростову, еще более лучистыми глаза княжны Марьи Болконской и т.д. Серпуховскому вообще отказано в улыбке, а значит, его внутренний мир пуст и сер, а старость делает князя уязвимым и жалким.

Молодой Серпуховской обладал твердой поступью, гордым взглядом, а у постаревшего князя нетвердая походка, бегающие глаза, что обычно свидетельствует о неискренности и неуверенности человека. В годы молодости князь считал себя хозяином жизни, был красив, богат, и поэтому смел и уверен в себе. Теперь же, когда он «прогорел», в душе его поселился страх, что все догадаются, как он стал беден, а потому его не следует уважать. Причем князь понимал: всем известно о его незавидном положении, но и он сам, и окружающие делали вид, будто ничего не изменилось, будто «падения» не произошло. Данный эпизод демонстрирует проявление той самой ложной жизни, которой живут герои-люди в повести «Холстомер».

Противопоставление животного и человека, который гораздо примитивнее лошади, реализуется еще с помощью пары *Холстомер – табунщик Нестер*. Табунщик, который, казалось бы, должен лучше других знать свою лошадь, понимать ее желания, движения, на это не способен. Уже на первых страницах повести Толстой показывает внутреннюю черствость Нестера: *«Нестер положил на него потник и седло, причем мерин приложил уши, выражая, должно быть, свое неудовольствие, но его только выбранили за это дрянью и стали стягивать подпруги. При этом мерин надулся, но ему всунули палец в рот и ударили коленом в живот, так что он должен был выпустить дух»* [12, с. 4]. Напротив, Холстомер внимательно присматривается к человеку, прощает ему невнимательное отношение и грубость, он гораздо умнее и гуманнее своего табунщика: *«Сняв уздечку с пегого мерина, Нестер почесал его под шеей, в ответ на что мерин, в знак благодарности и удовольствия, закрыл глаза. «Любит, старый пес!» – проговорил Нестер. Мерин же нисколько не любил этого чесанья и только из деликатности притворялся, что оно ему приятно, он помотал головой в знак согласия»* [12, с. 7]. Толстой, прекрасно знавший лошадей, неоднократно в тексте повести показывает те или иные лошадиные привычки, «жесты», которые должны быть понятны профессионалам. Это становится очевидным, если сравнить описания «жестов» старого коня с их толкованиями, данными Ч. Дарвином, выдающимся ученым-современником Л. Н. Толстого. Ученый писал, например, что у многих животных знаковыми являются движения ушей: «Когда лошади разъярены, они плотно прижимают уши назад…» [7, с. 119]. Однако Нестер или не знает того, что должен бы знать табунщик, или не обращает внимания на желания лошадей. Он вообще человек не слишком чувствительный и добрый, с лошадьми он жесток и нетерпим. Холстомер же, напротив, жалеет старого человека: *«…досадно только, что с трубочкой в зубах старик всегда раскуражится, что-то вообразит о себе и сядет боком, непременно боком; а мне больно с этой стороны. Впрочем, бог с ним, мне не в новости страдать для удовольствия других. Я даже стал уже находить какое-то лошадиное удовольствие в этом. Пускай его хорохорится, бедняк. Ведь только и храбриться ему одному, пока его никто не видит, пускай сидит боком…»* [12, с. 6].

Холстомер – другие лошади. Холстомер среди лошадей всегда располагается несколько в стороне, он наблюдает за жизнью табуна. Это Л. Н. Толстой объясняет опять-таки с помощью антитезы: *«Он был стар, они были молоды; он был худ, они были сыты; он был скучен, они были веселы. Стало быть, он был совсем чужой, посторонний, совсем другое существо…»* [12, с. 14]. Старый пегий мерин – философ-созерцатель, он давно живет на свете, многое повидал, сумел принять свою судьбу и нашел в служении «хозяину» свое предназначение. Он не все понимает в мироустройстве, ему чужды многие идеи мира людей. Очень показательно в этой связи рассуждение Холстомера о собственности: «*Слова: моя лошадь, относимые ко мне, живой лошади, казались мне так же странны, как слова: моя земля, мой воздух, моя вода»* [12, с. 24]. Много размышляя об этом, Холстомер пришел к выводу о том, что для людей слова важнее дел, что они любят «условности», противные настоящей, живой жизни, а потому лошади *«в лестнице живых существ выше, чем люди»*, ведь для лошадей дело и служение составляют существо жизни.

Хотя старый мерин в начале повести противопоставлен табуну, где над ним посмеиваются, даже издеваются, потому что лошади молоды и веселы, а он стар и скучен, отношение к нему меняется, когда в табуне становится известна история старого мерина. Получается, лошади способны к уважению, сочувствию. Они гораздо лучше людей, встречающихся в «Холстомере». И жизнь табуна, подробно описанная в первых четырех главах, более насыщенная, живая, интересная, чем жизнь людей. Автор любуется лошадьми, в мельчайших подробностях описывает их привычки, игры. Жизнь табуна не лишена черт человеческого сообщества, причем чаще хороших. В табуне, например, с уважением относятся к кобылам, которые должны ожеребиться. В этой связи показательна сцена, когда лошади оставили Холстомера, рассказывавшего свою историю, чтобы помочь рожающей кобыле.

Противопоставлена жизнь табуна днем и ночью. Днем она веселая, шумная, наполненная смехом и играми, а ночью все лошади спокойно и тихо слушают рассказы Холстомера о его многотрудной жизни. И природа днем живая, красочная, голосистая, а ночами светит только едва народившийся месяц или вокруг разливается тьма.

В отношениях противопоставления и одновременно сопоставления находятся в повести *рассказчики* – собственно автор в начальных и финальных главах и Холстомер, в течение пяти ночей рассказывающий лошадям свою непростую историю жизни и получивший право на внутреннюю речь в других главах повествования. Старый конь, видимо, много думал о прошлом, оценивал пережитое: одни события он считает для себя поворотными, другие – трагическими. Он прекрасный рассказчик, его слушают лошади (в отличие от людей, князя и молодого хозяина, которые не способны к полноценному диалогу). После откровений Холстомера другие лошади стали относиться к нему с уважением: они увидели, что пегого мерина другими глазами. Когда жеребенок только появился на свет, его сочли существом второго сорта, люди относились к нему с некоторым пренебрежением, а вот лошади, узнав его историю, прониклись к Холстомеру уважением, даже почтением. Автор не на стороне людей, он говорит о них скупо, как о Нестере, или дает нелицеприятные характеристики, как Серпуховскому или молодому коннозаводчику, а лошадей описывает подробно, с любовью, наделяет характером, яркой индивидуальностью.

Традиционными средствами выражения антитезы являются антонимы: *молодой – старый, скучный – веселый, красивый – уродливый, счастье – горе, беда, почтительно – грубо, старый – новый*, в том числе и контекстуальные *(величественный – гадкий)*, лексический повтор, ограничительные частицы, а также различные синтаксические конструкции с противительными или уступительными отношениями. Но есть в повести и более «тонкие» средства создания противопоставления. Так,

с этой целью уже первое предложение текста построено на внутреннем синтаксическом противопоставлении: «*Все выше и выше поднималось небо, шире расплывалась заря, белее становилось матовое серебро росы, безжизненнее становился серп месяца, звучнее – лес, люди начинали подниматься, и на барском конном дворе чаще и чаще слышалось фырканье, возня по соломе и даже сердитое визгливое ржанье столпившихся и повздоривших за что-то лошадей*» [12, с. 3]. В тех простых частях, где речь идет о природе или о лошадях, автор использует инверсию подлежащего, а в части, посвященной людям, прямой порядок слов. Для текста «Холстомера» характерны симметричные построения предложений, параллелизм конструкций или их частей. Эти средства позволяют сделать антитезу более сложной и многоярусной.

Выводы

В повести «Холстомер» Л. Н. Толстого затрагивает много сложных вопросов, волновавших его на протяжении всей жизни. Он противопоставляет живую и деятельную жизнь лошадей пустоте и лживости людского существования. Для автора очевидно, что старый пегий мерин достоин большего внимания и уважения, чем любой из людей, с кем столкнула его судьба. История лошади рассказана подробно, Холстомеру позволено говорить о себе самому, позволено рассуждать о смысле жизни, о ее задачах и правилах. Герои-люди такой возможности лишены, потому что сказать им нечего, так как вся их жизнь сведена к физиологическому существованию и удовлетворению собственного тщеславия. Главные антитезы – это пустое слово против настоящего дела, служения, равнодушие ко всему, кроме собственного сытого благополучия, против искренней любови и интереса к миру. На всех уровнях построения текста в повести «Холстомер» реализуется противопоставление людей, уподобившихся животным, и животных, достойных стоять на ступени выше людей.

Список источников и литературы

1. *Бочаров С. Г.* Роман Л. Толстого «Война и мир». М.: Худож. лит., 1978. 108 с.
2. *Дарвин Ч.* О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001. 384 с.
3. *Каменева М. Ю.* Молчание и слово в эстетической концепции Л.Н. Толстого (на примере романа-эпопеи «Война и мир»)// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. Вып. 3 (7). С. 33–39.
4. *Кондаков Б. В.* Этическое пространство» русской литературы 1880-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. Вып. 4 (1). С. 95–103.
5. *Краснова С. В.* Пальна-Михайловка – редкий оазис культуры // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж: Изд-во Воронежско-Липецкой епархии, 2001. С. 242–258.
6. *Миронова Г. С.* Болконские и Курагины: «мир» и «антимир» в романе-эпопее Л.Н. Толстого // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. Вып. 3 (11). С. 54–62. URL: https://tsput.ru/fb/hum/3(11)2014/54/index.html#zoom=z .
7. *Нагина К. А.* Образно-смысловая оппозиция «жизнь» – «смерть» в произведениях Л. Н. Толстого 1880-х годов : дис. ... канд. филол/ наук : 10.01.01 / Нагина Ксения Алексеевна.. Воронеж, 1998. 213 с.
8. *Россош Г.* Пегий мерин и Красногривый жеребенок. Вокруг да около // Континент. 2006. № 127. Электрон. копия публ. Доступна на сайте лит. интернет-проета Журнальный зал. URL: https://magazines.gorky.media/continent/2006/127 (дата обращения: 20.07.2023).
9. *Толстой Л. Н.* Дневники и записные книжки, 1854-1857 // Полное собрание сочинений : в 90 т. М.: Худож. лит., 1937. Т. 47. 618 с.
10. *Толстой Л. Н.* Дневники и записные книжки 1858-1880 // Полное собрание сочинений : в 90 т. М.: Художественная литература, 1952. Т. 48. 539 с.
11. *Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями : в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 495 с.
12. *Толстой Л. Н.* Холстомер. Тула: Приок. кн. изд-во, 1979. 48 с.

References

1. Bocharov, SG 1978, *Roman L. Tolstogo «Voyna i mir»* (L. Tolstoy's novel "War and Peace"), Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
2. Darwin, Ch 2001, *O vyrazhenii emotsiy u cheloveka i zhivotnykh* (The expression of the emotions in man and animals), Piter publ, St. Peterburg. (In Russ.)
3. Kameneva, MYu 2009, 'Molchaniye i slovo v esteticheskoy kontseptsii L. N. Tolstogo (na primere romana-epopei «Voyna i mir»)' (Silence and word in L. N. Tolstoy's aesthetic concept (on the example of novel-epopee "War and Peace")), *Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East*, no. 3 (7), pp. 33–39. (In Russ.)
4. Kondakov, BV 2010, 'Eticheskoye prostranstvo» russkoy literatury 1880-kh gg.' (Ethic space of Russian literature in 1880-s), *Herald of Vyatka State University*, no. 4(1), pp. 95–103. (In Russ.)
5. Krasnova, SV 2001, 'Palna-Mikhaylovka – redkiy oazis kul'tury' (Palna-Mikhailovka – a rare oasis of culture), *Russkie provintsial'nyye usad'by XVIII – nachala XX veka* (Russian provincial estates of the 18th-early 20th century), Izd-vo Voronezhsko-Lipetskoy yeparkhii publ, Voronezh, pp. 242–258. (In Russ.)
6. Mironova, GS 2014, 'Bolkonskiye i Kuraginy: «mir» i «antimir» v romane-epopeye L. N. Tolstogo' (Bolkonsky and Kuragina: "peace" AND "anti-world" in the novel-epopee L. N. Tolstoy), *Gumanitarnye Vedomosty of TSPU*, no. 3 (11), pp.54–62. (In Russ.)
7. Nagina, KA 1998, Obrazno-smyslovaya oppozitsiya «zhizn'» – «smert'» v proizvedeniyakh L.N. Tolstogo 1880-kh godov (The figurative and semantic opposition "life" - "death" in the works of L.N. Tolstoy of the 1880s), PhD thesis, Voronezh. (In Russ.)
8. Rossosh, G 2006, 'Pegiy merin i Krasnogrivyy zherebenok. Vokrug da okolo' (Piebald gelding and red-maned foal. Roundabout), *Kontinent*, no.127, viewed 20 July 2023, https://magazines.gorky.media/continent/2006/ (In Russ.)
9. Tolstoy, LN 1937, 'Dnevniki i zapisnyye knizhki, 1854-1857' (Diaries and notebooks, 1854 – 1857), *Complete works: in 90 volumes*, vol. 47, Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
10. 10.Tolstoy, LN 1952, 'Dnevniki i zapisnyye knizhki, 1858-1880' (Diaries and notebooks, 1858 – 1880), *Complete works: in 90 volumes*, vol. 48, Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
11. Tolstoy, LN 1978, *Perepiska s russkimi pisatelyami: v 2 t.* (Correspondence with Russian writers: in 2 volumes), vol.1, Khudozhestvennaya literatura publ, Mooscow. (In Russ.)
12. Tolstoy, LN 1979, *Kholstomer* (Strider: The Story of a Horse), Priokskoye kn.izd-vo publ, Tula. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 15.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023